

Министерство образования и науки РФ
Российское общество социологов
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

**Актуальные проблемы
социологии молодежи**

Екатеринбург – 2010

УДК 316.346.32-053.6(062)
ББК 60.542.15я4
А43

Актуальные проблемы социологии молодежи / под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010. 679 с.

ISBN

Редакторы-составители:

д.ф.н., проф. Ю.Р. Вишневский, д.экон.н., проф. А.П. Багирова, д.с.н., проф. Л.Н. Банникова, к.ф.н., доц. Л.Н. Боронина, к.с.н., доц. М.В. Певная

Книга является продолжением монографии «Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки» (Екатеринбург 2009) и посвящена памяти известного социолога и замечательного человека Валерия Трофимовича Шапко (1940-2009). В книге собраны статьи по социологии молодежи, обобщающие теоретические и эмпирические исследования, осуществленные при участии и руководством В.Т. Шапко, многие годы работавшего в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, а затем в Уральском государственном техническом университете-УПИ. В книгу включены статьи социологов этих вузов, а так же материалы коллег-социологов Белгорода, Благовещенска на-Амуре, Даугавпилса (Латвия), Екатеринбурга, Ижевска, Иркутска, Костромы, Красноярска, Курска, Магнитогорска, Москвы, Мурманск, Н. Тагила, Новосибирска, Одессы (Украина), Пензы, Перми, Саранска, Саратова, С.-Петербурга, Сыктывкара, Томска, Тулы, Тольятти, Тюмени, Улан-Батора (Монголия), Улан-Удэ, Ульяновска, Харькова (Украина), Челябинска. В книге рассматриваются актуальные проблемы и перспективы отечественной социологии молодежи, исследуются жизненные планы и стратегии ценностные ориентации и установки молодёжи, развитие молодежных субкультур. Публикуемые в книге материалы могут быть полезны организаторам и управленцам работы с молодежью, преподавателям и учителям школ, колледжей и вузов, всем изучающим или интересующимися актуальными проблемами молодёжи, всем кому не безразлично будущее российской молодёжи.

Научное издание вышло в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг» (ГК-865) и включает результаты исследований, проведенных по руководством Ю.Р. Вишневого.

УДК 316.346.32-053.6(062)
ББК 60.542.15я4

ISBN

© Ю.Р. Вишневский, А.П. Багирова,
Л.Н. Банникова, Л.Н. Боронина,
М.В. Певная. Составление, 2010
© Авторы, 2010
© Российское общество социологов.
Уральское отделение. 2010

Кокшаров В.А., ректор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ, Екатеринбург)

Формирование и развитие конкурентоспособного человеческого капитала на основе создания и реализации инновационных услуг и разработок – миссия федеральных университетов (Вместо предисловия).

Ваша коллективная монография – одна из первых научных работ, выходящих в Уральском федеральном университете. Социологический анализ социальных проблем молодежи и студенчества в полной мере соответствует миссии нашего университета, как и других ведущих университетов России – обеспечение реиндустриализации и формирования человеческого и научно-технического потенциала сбалансированного обновления традиционных и развития постиндустриальных отраслей экономики.

Обеспечивая поддержку социально-экономического развития региона, ведущие университеты должны реализовывать *социальную функцию и стать*:

- информационными центрами регионального сообщества (Веб-портал, университетские средства массовой информации и пр.);
- образовательными центрами региона в широком смысле (life-long learning, программы поддержки талантливых детей, специальные программы обучения различных групп населения);
- центрами интернационализации жизни региона (университет как центр привлечения зарубежных инвестиций, как нейтральная переговорная площадка и пр.);
- узлами развития гражданского общества (сотрудничество с НКО, университет как нейтральный форум политических дискуссий и т.д.);
- культурными центрами региона (университетские музеи, галереи, культурные проекты);
- экспертными центрами анализа социальных процессов (участие в разработке стратегических планов развития, в мониторинге социальных процессов в регионе и пр.).

Сформировавшийся дисбаланс подготовки технических и экономических специалистов, проблемы качества подготовки и соответствия образовательных профилей потребностям экономики региона в настоящее время являются значимыми ограничениями для развития модернизации и реиндустриализации экономики региона. Дальнейшее развитие системы профессионального образования и повышения качества кадрового потенциала ограничивают три системные проблемы:

1. Снижение мотивации выпускников школ к обучению по техническим направлениям.
2. Несоответствие образовательных программ требованиям работодателей.
3. Отсутствие притока квалифицированного профессорско-преподавательского состава.

Сегодня средний возраст ППС по техническим специальностям приблизился к пенсионному. В ближайшем будущем будет перейден рубеж, за которым – резкое падение качества образования по инженерным специальностям.

Модернизация образовательного процесса должна осуществляться, прежде всего, в следующих направлениях:

- *жесткая ориентация на потребности работодателей* – совершенствование структуры, содержания образовательных программ, условий реализации и мониторинга качества образовательного процесса при активном участии региональных работодателей;
- *современный уровень технологичности* – внедрение современных образовательных технологий и активных методов обучения;
- *новое качество профессорско-преподавательского состава* – подготовка и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава для создания и реализации образовательных программ нового поколения;

- *восприимчивость лучших практик* – обеспечение академической мобильности студентов и преподавателей;
- *полный образовательный цикл* – поиск, подготовка и сопровождение образовательной траектории молодежи (школа-вуз-аспирантура);
- создание системы подготовки элитных инженерных и управленческих кадров высшей квалификации.

Решение данных проблем на уровне отдельных образовательных учреждений малоэффективно. Успешная реализация задач в области развития системы профессионального образования, обозначенных на заседании Государственного совета и комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, включая формирование образовательных цепочек: лицей-колледж-вуз, требует формирования системы партнерских отношений между образовательными учреждениями разного уровня в масштабах Уральского региона.

Сегодня актуальной является разработка и реализация трехуровневой модели партнерских отношений образовательных учреждений в масштабах уральского региона:

1. Формирование системы партнерских отношений между ведущими университетами Урала, ориентированной на:

- налаживание внутрирегиональной мобильности студентов между университетами;
- разработку основных образовательных программ, отвечающих потребностям экономики Уральского региона;
- обмен профессорско-преподавательским составом;
- консолидацию научно-исследовательских и инновационных работ;
- развитие молодежной культуры и творчества студентов.

Для создания системы партнерских отношений Уральский федеральный университет готов обеспечить:

- подготовку преподавательского состава высших образовательных учреждений;
- интернационализацию профессорско-преподавательского состава – привлечение в региональную систему образования преподавателей международного уровня;
- привлечение инорегиональных и иностранных студентов;
- координацию научно-исследовательских и инновационных работ, в том числе в рамках федеральных программ;
- выступить в роли площадки по отработке взаимодействия с проектом «Сколково».

2. Интеграция ведущих университетов с начальными и средними образовательными учреждениями Урала на основе создания ресурсных центров, обеспечивающих:

- повышение квалификации работников системы среднего и начального профессионального образования с учетом особенностей социально-экономического развития региона;
- инновационный инкубатор поддержки лучших преподавательских практик, в т.ч. профильному и предпрофильному обучению;
- развитие программ прикладного бакалавриата по профилю;
- создание центра сертификации профессиональной квалификации;
- создание образовательных цепочек: «школа-колледж-вуз».

Уральский федеральный университет готов обеспечить:

- формирование ресурсного центра с присоединением ряда СПО к университету;
- предоставить ресурсы филиалов университета для формирования подразделений ресурсного центра в управленческих округах и моногородах;
- предоставить дистанционные образовательные ресурсы и технологии;
- обеспечить методическую поддержку разработки образовательных программ и квалификационных требований.

3. Включение ведущих университетов в работу по повышению качества работы общеобразовательных школ. Повышение качества выпускников общеобразовательных школ является необходимым условием роста качества среднего и высшего профессионального образования и усиления кадрового потенциала региона. В рамках реализации данного направления

Уральский федеральный университет готов выступить в роли интегратора по следующим направлениям:

- дополнительное образование и повышение квалификации преподавательского состава общеобразовательных школ;
- организация и проведение олимпиад;
- разработка и реализация программа вовлечения школьников в техническое творчество;
- создание на базе университета лицея для обучения наиболее одаренных детей;
- создание центра дистанционного образования для учащихся старшей ступени общеобразовательных школ уральского региона;
- создание виртуальной политехнической школы.

Реализация этих задач должна стать важным шагом в достижении ожидаемых результатов создания федеральных университетов:

- адекватное кадровое и научное обеспечение социально-экономического развития стратегически важных территорий России;
- создание дополнительных предпосылок для развития экономики территорий, регионов в составе федеральных округов и деятельности федеральных университетов;
- более высокая доступность качественного профессионального образования и возможность занятий высокой наукой в федеральных округах;
- отработанные механизмы обеспечения экономической устойчивости учреждений высшего профессионального образования на основе актуализации их деятельности и более тесного и ответственного участия в социально-экономическом развитии территорий, регионов в составе федеральных округов;
- реальное формирование группы учреждений высшего профессионального образования качественно нового вида.

Процесс формирования системы федеральных университетов только начат - на примере Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина уже можно говорить о первых результатах.

• объединение ведущих двух вузов уральского региона (УрФУ + УрГУ) обеспечивает *рост конкурентоспособности и объединение лучшего профессорско-преподавательского состава*. По данным исследований журнала «Эксперт-Урал» объединенный университет вошел в пятерку лучших вузов России по среднему баллу ЕГЭ по 8-ми из 16 направлений (причем по 6 направлениям из 8 УрФУ и УрГУ не пересекаются). Кроме того, УрФУ является лидером по показателю количество студентов на 1 преподавателя (13 студентов) – лишь в 4 вузах Урала на одного преподавателя приходится менее 20 студентов, для других ведущих вузов нормой часто является 30 и более студентов на преподавателя;

• *усиление научного потенциала: в УрФУ работает наибольшее в регионе сотрудников, имеющих более 100 ссылок на свои публикации, по данным Web of science – 11 человек*. При этом университет ощутимо опережает прочие вузы региона – как по индексу цитирования, так и по количеству статей на одного ППС;

• *концентрация инновационной активности: по оценкам журнала «Эксперт-Урал» УрФУ является бесспорным лидером среди вузов Уральского региона по количеству защищенных патентов, объему НИОКР и количеству созданных в 2010 г. на основе разработок вуза малых инновационных предприятий.*

Конечно, у нас нет никаких иллюзий по поводу этих показателей – они чрезвычайно низки в сравнении даже с не самыми лучшими международными университетами, но это реально сохранившийся потенциал, от которого можно отталкиваться в будущем развитии.

Сегодня можно обозначить три стратегических вызова, которые предстоит решать системе федеральных университетов

- *расширение конкурентного пространства – от регионального до федерального масштаба.* Введение ЕГЭ и присоединение России к Болонскому процессу резко расширяет возможности абитуриентов по выбору альтернативных образовательных стратегий. На фоне демографического спада это способствует резкому обострению конкуренции между вузами и перераспределению поступающих из «слабых» вузов в лучшие университеты, а также перераспределению с платного приема на бюджет;

- *отсутствие воспроизводства профессорско-преподавательского состава:* сегодня средний возраст ППС по техническим специальностям приблизился к пенсионному; в ближайшем будущем будет перейден рубеж, за которым – резкое падение качества образования по инженерным специальностям;

- *модернизационный вызов:* необходимость осуществления масштабной модернизации экономики России требует от университетов развития новых функций, несвойственных им ранее.

Ныне необходимо говорить о четырех ключевых функциях федерального университета: *образовательной, научно-исследовательской, инновационной и социальной.* И если образовательная и, в какой-то мере, научно-исследовательская функции выполнялись вузами постсоветской системы образования, то функция внедрения инноваций и социальная функция для университетов ранее были несвойственны. Качественная реализация всех четырех функций в настоящее время требует выхода на новый уровень информационного и культурного пространства через позиционирование федеральных университетов в международном научно-образовательном сообществе;

- *и это четвертый стратегический вызов – для решения задач социально-экономического развития регионов федеральные университеты должны стать международными.*

В ближайшие 5 лет образовательный процесс университетов должен претерпеть амбициозные структурные преобразования. Так согласно опубликованным программам развития ряда федеральных университетов по целевым показателям эффективности образовательного процесса в ближайшие 5 лет запланирован рост в 2-5 раз.

Следующая задача, поставленная перед университетами, не менее амбициозна – обеспечение прорыва в приоритетных направлениях научно-исследовательской деятельности. По опубликованным программам развития ряда федеральных университетов в ближайшие 5 лет запланирован рост научно-исследовательской деятельности в 2-3 раза.

Третья функция университета – инновационная. Реализация этой функции означает создание инновационного бизнеса как направления деятельности университета практически «с нуля». О сложности и амбициозности реализации инновационной функции в университетах можно судить по запланированному росту целевых показателей в 5-10 и более раз.

- Формирование инновационного направления предполагает что федеральный университет должен обеспечить решение несвойственных ему ранее задач по активизации инновационной деятельности региона: создание пояса малых инновационных предприятий на основе разработок вузов и институтов РАН; целенаправленный поиск и реализация инновационных

проектов, выпуск инновационной продукции и услуг вузами; прогнозирование научно-технологического развития базовых и новых отраслей экономики региона; трансфер и применение результатов научных разработок и современных технологий на предприятиях региона, формирование технологических платформ регионального уровня; привлечение в регион международного и российского венчурного капитала, создание представительств венчурных фондов на базе вуза; развитие инфраструктуры поддержки инновационной деятельности (бизнес-инкубатор, технопарк, консалтинговые и сервисные услуги) регионального уровня; реализация образовательных программ в инновационной сфере; планирование и мониторинг инновационной активности в учреждениях образования и науки региона.

Четвертой функцией университета, требующей, на наш взгляд, отдельного внимания является *социальная функция в регионах*. Ускоренная модернизация экономики России, региона, города невозможна без активизации социальных изменений. Одними из проводников «социальных инноваций» при содействии властей всех уровней должны стать ведущие университеты. Трудность реализации социальной функции заключается в том, что при необходимости большого объема инвестиций прямой экономический эффект неочевиден. Одним из основных инструментов реализации социальной функции Уральского федерального университета должен стать новый университетский комплекс (оз. Шарташ), начальные инвестиции в реализацию которого уже осуществлены региональными властями. Для завершения проекта по созданию новой университетской инфраструктуры необходима адресная финансовая и административная поддержка федеральных органов власти. Представляется необходимым финансирование развития социальной инфраструктуры университетов дополнительно к средствам, выделенным в рамках программ развития. Важно осуществить разработку *Программы содействия университетов научно-техническому и социально-экономическому развитию России до 2050 г.* Наконец, изменение режима налогообложения позволило бы создать в ведущих университетах России «эндаумент» фонды.

Как видим, задачи ведущих университетов страны масштабны. От их реализации во многом будут зависеть и успехи, и темпы модернизации и перехода к «инновационной экономике». И тут *социологическая информация* о ценностных установках и ориентациях учащейся, студенческой и работающей молодежи, об их профессиональном выборе и профессиональном самоопределении, о мотивации ими своей учебной и трудовой деятельности, об инновационной культуре молодежи, её жизненных планах и перспективах – и о многих других аспектах социологии молодежи, исследованию которых посвящена ваша монография, важна и для разработки кардинальной реформы российского высшего профессионального образования, и для оценки достигаемых результатов, и – в случае необходимости – для корректировки избранного курса. Ведь – в конечном счете – основной гуманистический смысл реформы – не только повысить конкурентоспособность системы высшего профессионального образования, но и сформировать компетентного конкурентоспособного специалиста, которому предстоит жить и работать в XXI веке.

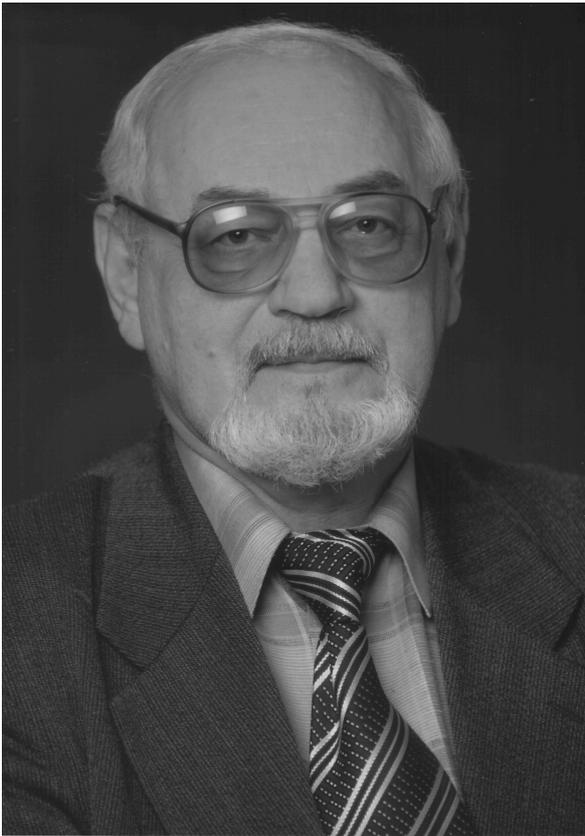
Мансуров В.А. (Президент РОС, ИС РАН, Москва)

Достижения РОС прирастают исследованиями уральских социологов.

Ваша коллективная монография – еще один достойный вклад в деятельность российского общества социологов. Она продолжает ваши усилия по дальнейшему развитию отечественной социологии, о которых недавно говорилось на традиционных (XVIII !) Уральских социологических чтениях (Челябинск, октябрь 2010 г.), и юбилейных X Файнбургских социологических чтениях (Пермь, октябрь 2010 г.).

Важен уже ее мемориальный характер – книга посвящена памяти одного из известных уральских социологов – Валерия Трофимовича Шапко. Это – вторая из запланированного трехтомника его памяти. Привлекает ориентация монографии на исследование проблематики одной из наиболее важных отраслевых социологий – социологии молодежи. Особую значимость вашей монографии придает широкий в территориальном плане охват социологическими исследованиями различных субъектов Российской Федерации – от Амурской области до центральных областей России, от Мурманской области и Пермского края до Краснодарского и Ставропольского краев. Столь же масштабным издание является и по числу привлекаемых авторов – от маститых известных юнологов, «классиков» социологии молодежи до аспирантов, студентов, делающих первые шаги в науке, изучающих своих сверстников и ровесников. Это позволило подготовить очень серьезный труд, безусловно вносящий весомый вклад в развитие социологии молодежи. Использование авторами разнообразных методических приемов и технологий анализа полученных результатов позволяет выделить основные тренды, проблемы и противоречия в развитии современной российской молодежи, первого поколения, чья юность и социализация происходили уже в условиях новой России. Интересен и представленный в монографии историко-социологический материал, рассказывающий с одной стороны о путях и перепутьях развития социологии молодежи в СССР и современной России, а с другой – представляющий материалы исследований прошлых лет.

Надеюсь, что, как и предыдущие Ваши работы, монография будет представлена на сайте РОС и станет доступной для широкой социологической общественности.

Памяти Валерия Трофимовича Шапка.

Кто мудр, тот и добр.

Сократ.

Прошел год, как нет с нами Валерия Трофимовича. Жизнь продолжается – читаются лекции, принимаются экзамены, проходят конференции, выпускаются сборники, развиваются дискуссии – а Его уже нет. И сейчас острее понимаешь правильность абстрактного утверждения об уникальности личности.

Чем дольше живешь, тем очевиднее становишься фаталистом, верующим в неслучайные встречи на жизненном пути. Ведь для чего-то судьба сводит нас со «знаковыми» личностями, чей пример, совет, напутствие меняют вектор устремлений, шкалу ценностей нашей жизни. Менее всего хотелось бы идеализировать образ «реального» человека, тем более что Валерий Трофимович никогда не был уличен в патологии самовосхваления, относясь к признанию своих заслуг иронично и даже извинительно.

Попытаюсь сформулировать наиболее значимые для меня черты характера Валерия Трофимовича.

Память сохраняет множество самых разнообразных юмористических и критических ситуаций, связанных с неожиданными реакциями с его стороны.

Любой человек, более или менее хорошо знавший Шапка, отмечает его демократизм, доступность к общению и личному участию. Он не был простым человеком, в смысле пресловутой простоватости, скорее – демократичным, свободным от субординатной зашоренности.

Уважать личность любого – от ректора вуза до конкретного студента, не заискивать, взыскуя примитивной популярности, – было нравственным кредо этого человека.

В жизненном пространстве небольшой кафедры он сумел привить ростки добропорядочности, комфортности существования каждому, независимо от жизненного и возрастного опыта. Мы действительно любили приходить на работу, быть на работе, общаться по поводу работы. На кафедре философских наук благодаря Валерию Трофимовичу никогда не было давящего формализма тотального социального единения, подминающего индивидуальные особенности и персональные реакции. Мы всегда были интересны и небезразличны друг другу и профессиональными, и личными качествами. Помню, как легко заполнялись перемены между парами – общались на самые разнообразные темы от научных до бытовых; от споров по

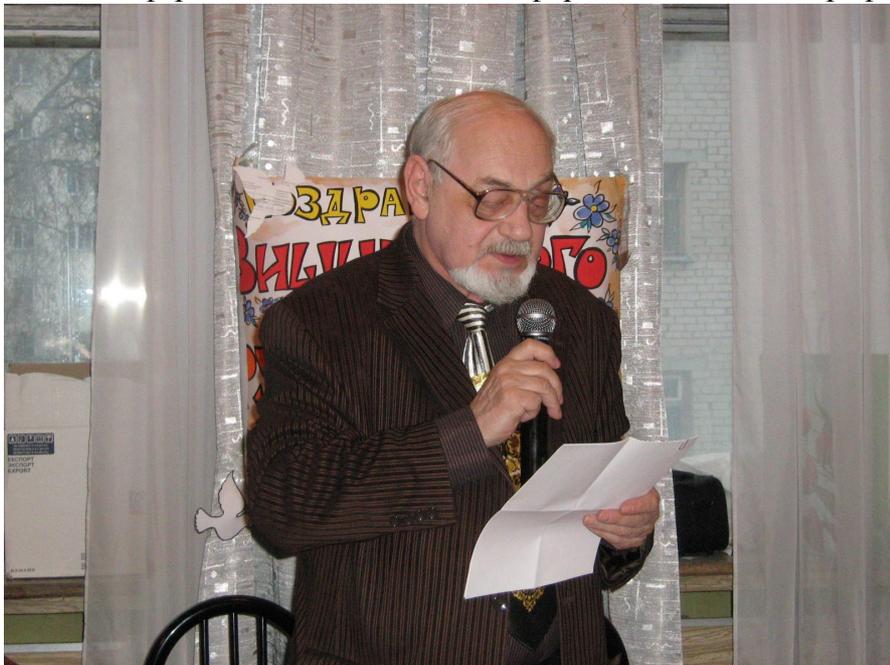

актуальным социальным и политическим проблемам до обсуждения футбольного матча или очередной весенней «посевной».

Он умел простыми остроумными фразами разрядить обстановку, снять излишнюю напряженность, охладить неуместный пафос. Наследие кафедрального фольклора пополнилось благодаря Валерию Трофимовичу классическими сентенциями: призыв на занятие – «Пора

сеять», в конце рабочего дня - «Сделал дело – пошел вон»; «Ни одна сволочь не хочет работать», «Количество дураков равно представлено в различных референтных группах», его многолико-снисходительное «соотечественники». ... Очень многие личные психологические и простые житейские, но не менее болезненные, проблемы были деликатно «решены» коллективным разумом. Валерий Трофимович действительно был «практическим психологом» кафедры (как он сам себя называл), да и просто практичным человеком. Починить сломавшийся телефон, привинтить шуруп, прибить гвоздь – все делалось им легко и как-то незаметно, и никому из нас это не казалось нелепым. Простой мужской поступок.

Атмосфера психологического комфорта подстегивала профессиональный рост и обязывала

интеллектуальному соответствию. Сейчас, будучи заведующей, я понимаю, что это особое умение вести кадровую политику, чтобы каждый новый привходящий человек был бы не случайным, а «своим», единомышленником. Мы все «поднахватались» от него и как от Лектора, и как от Человека. Не только личное участие, но даже простое присутствие рядом Валерия Трофимовича заставляло нас изменять свои оценки, мнения, поступки, и это при том, что он никогда не позволял себе намеренной резкости и язвительного осуждения. Внутренняя деликатность, тонкость и личная уязвимость «выдавали» в нем человека ранимого, лишенного статусного высокомерия, и потому - способного «почувствовать» другого.

Но, тем не менее, Валерий Трофимович умел твердо сказать «нет» на любом уровне, если был уверен в своей правоте. Здравый смысл, независимая жизненная позиция, убедительность, нонконформизм Валерия Трофимовича позволили избежать принятия неверных «горячечных» решений разного уровня. Его знакомое «не горячитесь» отрезвляло многих. Трудно представить Валерия Трофимовича гневно кричащим или грозно молчащим, ему удавалось «сохранять

лицо» даже в самых провокационных ситуациях. Помните, как у М. Монтеня: «Упрямство и чрезмерный пыл в споре – вернейший признак глупости».

Кто-то из преподавателей нашей кафедры обязан Валерию Трофимовичу началом научной деятельности, кто-то - нахождением «своей» темы исследований, кто-то - решением своих карьерных проблем. Традиции проведения методологических семинаров кафедры, введенные при Шапко, позволяя, обнаруживая высокий научный потенциал кафедралов, раскрыть перспективные направления научной деятельности каждого, апробировать неясные для себя моменты собственных исследований, не безнадежно надеясь на серьезное заинтересованное обсуждение. Скучных протокольных заседаний я не помню, зато память сохранила удивленно-обиженную реакцию «сторонних» исследователей-соискателей, рассчитывающих, видимо, на традиционный формализм обсуждения. И эта высоко поднятая планка научной деятельности обязывает нас соответствовать заявленному уровню.

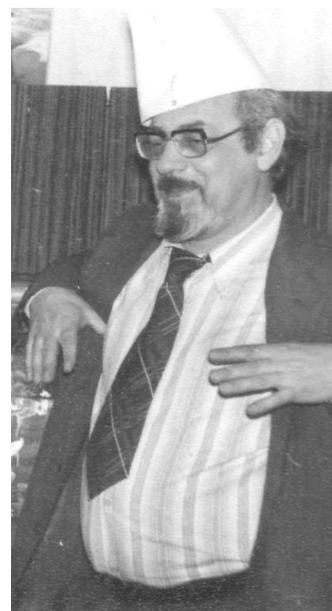
Мы все понимаем, как нам повезло с руководителем, таким не ретивым, не карьерным, а либеральным и толковым, под обаяние личности которого трудно было не попасть. Именно личное обаяние формирует стиль такого руководства и воспитывает много действеннее всех нарочитых декларативных дидактик. Как удивительно естественно совпадали в этом человеке образ мыслей и образ жизни!

Мы прочно уверовали - и это стало императивом кафедры - что единственным критерием оценки коллег является профессионализм и личная порядочность. Уберите одну из этих составляющих - и нет педагога, нет ученого.

Где бы сегодня ни трудились наши «бывшие» коллеги, нас всегда будет объединять память о годах работы в НТГПИ-НТГСПА с В.Т. Шапко, и я не поверю, что новое место службы не вызывает у них ностальгии о прежней работе.

Мы все будем помнить Валерия Трофимовича как блестящего лектора, одаренного ученого, азартного спорщика и болельщика, как интересного собеседника, мудрого советчика, тонкого практического психолога, любящего мужа, отца и дедушку, порядочного совестливого человека и будем гордиться тем, что у нас есть на это право.

К.ф.н., доц., зав. кафедрой философских наук НТГСПА (Н.Тагил), Н.Ю. Мочалова

Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.

Актуальные проблемы социологии молодежи

Социология молодежи... Уже сочетание двух понятий («социология» и «молодежь») во многом определяет направление анализа и предметную область проводимых исследований. Действительно, *социология молодежи* это:

- *социология молодежи* – специфический (*социологический*) подход к изучению молодежных проблем;
- *социология молодежи* – выявление характерных черт и особенностей *социального облика молодежи*, изучение её интересов, потребностей, ценностных ориентаций, ее социальной жизни.

Все авторы отечественных учебников по социологии молодежи сходятся в понимании её статуса специальной отраслевой социологической теории. Но в определении проблемного поля, объекта и предмета социологии молодежи есть определенные различия.

Одно из первых таких определений в отечественной социологии было дано В.Т. Лисовским: «Социология молодежи – отрасль социологической науки, изучающая молодежь как социальную общность, особенности социализации и воспитания вступающих в жизнь поколений, процесс социальной преемственности и унаследования молодежью знаний и опыта от старших поколений, особенности образа жизни молодежи, формирование её жизненных планов и ценностных ориентаций, в том числе профессиональных, социальную мобильность, выполнение социальных ролей различными группами молодежи»¹.

В определении известного отечественного социолога И.С. Кона акцентируется ориентация социологии молодежи на исследование проблем молодежи как социальной группы, её места и роли в социальной структуре, становления личности молодого человека, влияния социальных различий на выбор профессии и социальное продвижение молодежи, её ценностные ориентации².

Весьма значим и отмеченный Ж.Т. Тощенко аспект социологии молодежи: изучение «степени, уровня и формы новаторства молодежи при решении общественных проблем»³.

Еще шире характеризуется проблемное поле социологии молодежи Ю.Г. Волковым и соавторами. По их мнению, оно также включает роль и место молодежи в воспроизводстве общества, её потребности и способы деятельности, неформальные молодежные объединения и движения. Особый интерес представляет их идея о внимании социологии молодежи к общесоциологическим проблемам, которые в то же время затрагивают молодежь или находят своеобразное преломление в молодежной среде⁴.

Расширительный подход характерен и для М.М. Садриева (что выражается уже в используемом термине «*молодежеведение*»). Но привлекает его акцент на исторический анализ: «Российская социология молодежи в своем развитии прошла довольно сложный и трудный путь от упрощенного представления о молодежи как объекте социального контроля и воспитания до постепенного утверждения её концепции как особого социально-физиологического и психологического периода жизненного цикла с собственными интересами и своим, хотя и до конца не утвердившимся, социальным статусом и занимаемым местом и ролью в социуме»⁵.

Вряд ли стоит рассматривать эти и многие другие определения социологии молодежи как более или менее «правильные», «полные». Скорее – в духе «принципа дополнительности» Н.Бора – нужно выходить на комплексное, интегративное понимание проблемного поля социологии молодежи. И тут исходным является представление о *многомерности молодежи*, тем более что оно отражается в разнообразии социологических подходов к проблемам молодежи:

- *стратификационный подход*: молодежь – общность, определенная социально-демографическая, возрастная группа, выступающая компонентом социальной структуры общества и характеризующаяся специфическим социальным статусом. Серьезным развитием данного подхода с акцентом на динамику социального развития является *воспроизводствен-*

¹ Лисовский В.Т. Социология молодежи // Социологический словарь. 2 изд. Минск, 1991. С. 407-408.

² См. Социология молодежи: учебник / под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996. С. 5.

³ Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2000. С. 215.

⁴ См.: Волков Ю.Г., Добренков В.И. и др. Социология молодежи: учебное пособие / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2001. С. 8.

⁵ Садриев М.М. Социология молодежи: учебное пособие. Уфа, 2005. С. 3-4.

ный подход. В.И. Чупров, подчеркивая *социальное качество молодежи*, связывает его с ролью молодежи в процессе воспроизводства социальной структуры. Молодежь, по его справедливой оценке, выступает как «становящийся субъект общественного воспроизводства»¹. Плодотворно и исследование молодежи в ракурсе решения её социальных проблем²;

- *институционально-функциональный подход*: *молодежь – социальный институт*, молодежное движение (организация и функционирование молодого поколения, его отношения с другими поколениями; характер, формы и тенденции развития молодежного движения). В рамках этого подхода происходят серьезные изменения. Они отражают развитие институционального подхода в целом. Традиционно (шло от структурного функционализма) социальный институт определялся как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему»³. Современный институционализм четче разграничивает институты и организации⁴. Характерна позиция Д. Норта: «Если институты – это правила игры, то организации являются игроками». Сегодня появились работы, рассматривающие в данном ракурсе отдельные социальные институты (образование, профессии)⁵. Новые перспективы открываются и перед социологией молодежи. В центре внимания исследователей обычно были или проблемы *участия молодежи в функционировании того или иного социального института*, или *деятельность специфических «молодежных» институтов* – формальных и неформальных общественных объединений молодежи. Но сегодня все более настоятельной становится потребность в *изучении институционализации молодежи*. «Молодость (свойство возраста) институционализируется, приобретая социально-статусные и ролевые конфигурации, знаковую атрибуцию, специфику деятельности и организации»⁶. Примечательны в этом смысле и требуют серьезного научного обоснования попытки – с помощью культурных традиций, символов, ритуалов, обрядов, правовых, законодательных норм – закрепить возрастную сегментацию общества, уточнить границы тех или иных возрастных групп, переход от одной стадии жизненного цикла к другой;

- *культурологический, аксиологический (ценностный) подход*: *молодежь – специфический образ жизни*, система ценностей, установок; нормы поведения, стиль жизни, мироощущение, мировоззрение (субкультура). В рамках этого подхода чаще в поле внимания оказываются лишь отдельные, наиболее яркие (или шокирующие, эпатажирующие?) проявления молодежной субкультуры. Гораздо реже целостно анализируется молодежный образ жизни, хотя некоторые авторы связывают представление о молодежи именно с современным образом

¹ Молодежь России: социальное развитие / под ред. В.И. Чупрова. М., 1992. С.9.

² В этом плане правомерна реализация в социологии молодежи подхода наших казанских коллег, обосновывающих необходимость «социологии социальных проблем» (Социология: учебное пособие / под ред. С.А. Ерофеева и Л.Р. Низамовой. 2-е изд. Казань, 2001. гл. 15). Мы считаем плодотворным и обращение к работам, где даже ставится под вопрос основной для авторов – *проблемный* – подход к молодежи (молодежь – проблема; самое главное в социологии молодежи – изучение и решение социальных проблем молодежи). Так, в весьма содержательной работе Е.Л. Омельченко (Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск. 2004) третий раздел, посвященный основным ориентирам социологии молодежи в современных условиях, озаглавлен «От проблемного конструкта молодежного вопроса – к анализу молодежной повседневности». Не отвергая акцента автора на реализацию и в социологии молодежи качественных методов (вообще в споре «количественников» и «качественников» в нашей социологии нам ближе идея их взаимодополнительности, хотя наши собственные практики – в основном количественные, массовые опросы, изучение молодежного общественного мнения), уверены, что потенциал «проблемного конструкта» (особенно – в современной отечественной социологии молодежи) крайне далек от исчерпания.

³ Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 117.

⁴ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1999. №3, Ahrne G. Social Organizations. Interaction Inside, Outside and Between Organizations. Stockholm. 1994; Bates F., Harvy P. Social institutions. N.Y. 1973; Beardshow J., Palfreman D. The organization in its Environment. L. 1990; Bedeian A. Organizations: Theory and Analysis. Chicago, 1984; Blumberg R.L. Organizations in Contemporary Society. Prentice-Hall, 1987; e.a.

⁵ Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. Екатеринбург, 1999.

⁶ Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999. С. 148.

жизни¹: «Молодежь – это такая часть населения (в возрасте от 14 до 30 лет), которая связана с современным образом жизни, участвует, по крайней мере, в одном из видов жизнедеятельности и труда и является носителем и потребителем всех современных форм культуры»;

- *ресурсный подход: молодежь – серьезный потенциал социального развития.* Исходной является идея К. Манхейма о молодежи как скрытом ресурсе. Решая актуальные, сегодняшние проблемы молодежи, общество, тем самым, закладывает фундамент своего последующего развития – ведь сегодняшняя молодежь, проходящая первичную социализацию, уже завтра будет активным субъектом социальной жизни, основной производительной и творческой силой общества. Но данный подход получил дальнейшее развитие лишь сравнительно недавно². В связи с дискуссиями об «обществе знания», «информационном обществе», «инновационной экономике» особенно значима ориентация на анализ «инновационного потенциала» молодежи и социальных условий для его полного развития и реализации (что противоречит бытующей абсолютизации «инновационности» молодежи, которая проявляется сама собой);

- еще более «молод» *тезаурусный подход.* В русле этого подхода предпринята попытка социологической интерпретации понятия «тезаурус»: «оно маркирует ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их сообществ, но кроме этого предопределяющие самые различные отклонения от обыденности и оказывающие воздействие, возможно – решающее, на весь комплекс социальных структур, социальных институтов и процессов». При этом подчеркивается противоречивость состава тезауруса: «по определению, его характеризует полнота, но это свойство субъективировано, оно соединяет вместе, ставит в одну плоскость то, что в реальности разделено пространством и временем, оно захватывает не только реальность, но и предположение о реальности (не только *прошлое* и *настоящее*, но и *будущее*)». Тезаурус рассматривается «как *иерархическая система*, которая имеет целью ориентацию в окружающей среде», «как *часть действительности, освоенная субъектом (индивидом, группой)*». Соответственно делается вывод: «*Уникальность жизненных миров и составляет основу их связанности*, различающейся на разных этажах общественной организации, в том числе имеющей особые формы и способы реализации на уровне повседневности»³. Обогащение достижениями современной социальной мысли (в частности, идеями символического интеракционизма, постструктурализма, теорией «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана) открывает перед социологией молодежи новые методологические перспективы. Конкретной реализацией социального конструирования применительно к молодежи выступают попытки исследовать молодежь (молодежный вопрос) как особый социальный конструктор⁴;

- еще одним новым современным подходом в социологии молодежи является *рискологический подход.* На основе общесоциологического понимания растущей неопределенности современного общества (по определению У. Бека, – «общества риска») ряд отечественных социологов (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров и др.) рассматривают разнообразные риски, с которыми сталкивается молодежь в процессе социализации и жизненного самоопределения⁵. Важно подчеркнуть и то, что молодежь не только рассматривается как группа, система, которой риск присущ имманентно и может быть признан её своеобразным группообразующим фактором⁶. Существенен и акцент на *социальные риски*, если «воспроизводственный, инновационный потенциал» молодежи не сможет реализоваться как можно полнее. При этом подчерки-

¹ Маршак А.Л. Социология: учебное пособие. М., 2002. С. 182. Безусловно, и такой подход имеет право на существование, тем более что в нем акцентируется социокультурный ракурс анализа молодежи. Но представляется спорным соотнесение молодежи только с «современным» образом жизни и со «всеми современными формами культуры».

² См.: Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социс. 1998. №5.

³ Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М., 1999. С. 132-144.

⁴ Интересный анализ этапов конструирования молодежного вопроса в СССР (России) и на Западе см.: Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск. 2004.

⁵ Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социс. 2003. №4; Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М., 1998.

⁶ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003. С. 152-157.

вается не только значимость самореализации (самоактуализации, самоосуществления) для личности. Она рассматривается как важная социальная потребность, ограничивая которую общество рискует. Соответственно выделяется – как характерная черта общества риска – риск ограниченных возможностей самореализации: «Чем шире возможности, раскрываемые обществом перед молодым человеком в реализации его интересов и способностей, тем больше вероятность его восходящей мобильности. Способствуя самореализации молодежи в образовании, в профессиональной ориентации, в повышении квалификации и в других сферах, общество развивается, совершенствует собственную структуру. И наоборот, не участвуя в этих процессах, отдавая их на откуп самим молодым людям и их родителям, такое общество повышает риск нисходящей мобильности и социального исключения молодежи, обрекая себя на деградацию»¹. И так, не только молодежь рискует в современном социуме, но и социум рискует недооценить возможности и ресурсы молодого поколения. Это более соответствует классической постановке проблемы К. Мангеймом: «Задача исследователей состоит в том, чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что может ожидать общество от молодежи (скрытого ресурса)»².

Представляется, что *определение социологии молодежи должно охватывать все указанные аспекты*. Уже в середине 1960-х гг. были предприняты попытки комплексного определения ее предмета. Одна из них – характеристика ее как «особой социологической дисциплины, исследующей специфические черты, социальный статус, интересы, потребности и ориентации молодого поколения» (В.Т. Лисовский). Все более исследователи приходили к пониманию: социология молодежи не может быть сведена к изучению специфики молодежи как социально-демографической группы; не менее важно исследовать все многообразие процессов социодинамики поколений, социокультурных факторов институциональной целостности и самостоятельности молодежи.

Исходным и достаточно общим может быть следующее определение: *социология молодежи – это отраслевая социология, изучающая социальную жизнь молодежи во всем многообразии ее проявлений*³. Дальнейший анализ может наполнить это определение конкретным содержанием. *Основные аспекты такого анализа:*

- специфика молодежи как социально-демографической группы, ее возрастные границы и социальный статус;
- характер и факторы социализации молодежи;
- процесс самоидентификации молодежи, ее самооценки своей роли и взаимоотношений с другими поколениями;
- особенности молодежной культуры, стиля и образа жизни молодежи;
- молодежь как целостное поколение и особенности социальной жизни молодежи различных групп, регионов, стран;
- социодинамика поколений, механизмы преемственности поколений и их роль в социальном обновлении общества;
- формы, уровни, механизмы участия молодежи в различных сферах социальной жизни;
- включенность молодых людей в функционирование социальных институтов;
- динамика ценностных ориентаций и установок, интересов и мотивов молодежи;

¹ Чупров В.И. Проблемы образования молодежи в российском обществе риска // Образование и молодежная политика в современной России. СПб., 2002. С. 39.

² Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 451.

³ Такое понимание соответствует возрастающей роли «социальной жизни» как объекта социологического знания, что убедительно обосновано в ряде работ С.И. Григорьева и Ж.Т. Тощенко. Речь идет о «социологии жизни», оперирующей «показателями отношений и взаимодействий людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут» (См.: Григорьев С.И. Человек в современном мире. Сохранение жизненных сил, безопасность индивидуального и социального бытия // Социс. 2009. 311. С.14-20; Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950-2000-е годы) // Социс. 2009. №6. С.16-28; №7. С.3-16; и др.).

- возрастной символизм - образы молодежи в массовом общественном сознании; обряды, ритуалы и традиции, с которыми общество связывает переход человека из одной возрастной страты в другую, от одного возрастного этапа к другому
- степень развития и реализации молодежи как социального ресурса;
- социальное конструирование и проектирование реальности молодежью.

Другой исследовательский ориентир обусловлен выбором *парадигмы социологического познания*. Удачно определил социологию П.А. Сорокин, один из крупнейших социологов XX в.: «наука, изучающая поведение людей, живущих в среде себе подобных». Социолог изучает человека в его *социальном качестве* – как личность, во всем многообразии ее потребностей, интересов, мотивов, установок, ценностей. *Личность* интересует социологию *не в ее единичности, индивидуальности*, а во взаимодействии с другими людьми, в различных социальных связях и отношениях. Речь идет о *социальном типе* – в типичных ситуациях и отношениях. Уже тут проявляется серьезное противоречие социального познания: изучая социальный тип личности, обобщая и абстрагируясь от многих конкретных проявлений ее жизнедеятельности, важно *не упустить «живого человека»*. Предметом социологии и выступает *социальная жизнь* – реальное многообразие видимых и невидимых, прямых и опосредованных социальных связей и отношений¹.

Общесоциологическая парадигма «от человека» особенно важна в социологии молодежи. Она ориентирует на изучение *ценностно-мотивационного* компонента личности молодого человека, человека, вступившего в один из наиболее сложных, противоречивых и динамичных периодов его жизни – период социализации, взросления, достижения социальной зрелости. Акцент на стратегию «от человека...» тем более значим в обществе, преодолевающем авторитарные и тоталитарные традиции, *идеологию и психологию «маленького человека», «винтика»* государственной машины. Эта идеология накладывала отпечаток и на принципы воспитания молодежи. Молодые рассматривались в основном как *объект* воспитания – со стороны родителей, педагогов, взрослых, общества².

Подчеркивая сегодня продуктивность понимания молодого человека как *субъекта* социальной жизни, социологи отражают серьезные изменения в посттоталитарном обществе. Но нужно видеть и другое. Идеи свободы, самостоятельности, независимости и активности субъекта нельзя доводить до абсурда. Ведь их безграничность чревата *индивидуализмом*, асоциальным поведением, нарушением социальных норм, что порождает психологию вседозволенности, нигилистического отрицания социально значимых ценностей. Дело не только в разрушительных социально-нравственных последствиях вседозволенности. Ошибочно выводить поведение человека, его мотивы и установки, его ценностные ориентации и интересы только из субъективных устремлений. За рамками анализа по сути дела остается *социализирующее* воздействие социокультурной среды³. Человек искусственно вырывается из всей ткани реальной социальной жизни

Преобладание *социоцентризма* сказалось и на отечественной социологии молодежи. Дело даже не в том, что групповой портрет нашей молодежи рисовался приукрашенным. Сегодня трудно определить, что тут шло от «художника» (социолога), а что от «натуры» (респондентов, ориентировавшихся в своих ответах на «как надо»). Главное в другом: обобщаемые со-

¹ Направленность такого подхода удачно выражена в подзаголовке одного из американских учебников социологии «From man to society» («От человека к обществу») (Acuff F. e.a. From Man to Society. Ill., 1973).

² О распространенности такого подхода к молодежи и в американском обществе можно судить по оценкам П.Л. и Б. Бергер, которые отмечают, что молодых людей в современном обществе «часто призывают «вести себя по возрасту»; «молодой человек в этом обществе подвергается воздействию бюрократического образовательного истемблишмента и болезненным конкурентным давлению внутри него» (См.: Личностно-ориентированная социология / пер. с англ. М., 2004. С. 238).

³ «Опыт социального общения: ключ к нашей человечности», – подчеркивает Дж. Масионис. Социализацию он соотносит с социальным опытом, «охватывающим всю жизнь», благодаря ему индивиды развивают свой человеческий потенциал и усваивают культуру». «Личность создается благодаря интернализации – или усвоению – нашего окружения» (Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб., 2004. С. 170).

циологами *типичные черты* представлялись как *обязательная норма*, эталон поведения для каждого молодого человека. Это и питало установку «*быть как все*».

Парадигму социологии молодежи «от молодого человека» нельзя реализовать, изучая индивидуальные особенности каждого. Такая задача – не социологическая, а психологическая. Для социолога же указанная *антропоцентристская* парадигма означает: нужно изучать, насколько данная социокультурная среда, данный социальный институт *способствуют (или препятствуют)* саморазвитию, самореализации каждого молодого человека. Такой подход («способствуют – препятствуют») помогает преодолеть одностороннее понимание процессов адаптации, социализации молодых людей как обязательного усвоения каждым норм и стереотипов официальной культуры.

Уже отмеченное различие *социологического* и *психологического* подходов к изучению молодых людей ставит проблему самоопределения социологии молодежи как науки в иной плоскости. Речь идет об ее соотношении с другими науками, изучающими молодежь. Для обозначения всего комплекса этих наук утвердилось понятие «*ювенология*» («*ювенис*» в переводе с латыни – «молодой») или «*юнология*». Общий знаменатель ювенологических наук – *исследование разнообразных проблем молодежи*¹. Различия между ними идут от характера рассматриваемых проблем и своеобразного – *социологического, психологического, историко-этнографического, культурологического, педагогического, демографического, медико-физиологического и т.д.* – угла зрения. Интересна попытка В.В. Павловского² уточнить сущность ювенологии, ее соотношение с социологией молодежи. Суть его позиции: «Сумму научных подходов к подрастающим поколениям можно определить как ювенологические исследования. Ювенология изучает общие проблемы становления и развития подрастающих поколений, имеет свой предмет и объект исследования, имеет исследовательскую логику, методологию и т.д., выступает как теоретическая и методологическая основа изучения молодежи, основание для обобщения и систематизации совокупности знаний о подрастающих поколениях, формирования научного знания о них, соответствующих методов. Она позволяет определить и учитывать биообщественную природу новых поколений, возрастные стадии молодости, социальную структуру новой смены людей в конкретно-исторических условиях природы и общества, виды, ступени и закономерности ее вхождения в природные и общественные сферы, проблемы отчуждения и его преодоления, типы личностей индивидов молодежного возраста и др. Ювенология может служить базой междисциплинарных исследований проблем названной возрастной группы, рассматривая экообщественные явления, процессы, которые обеспечивают становление и развитие подрастающих поколений, а также регуляторы, воздействующие на молодежь».

Ювенология – наука о молодежи – сама молода и переживает сегодня этап становления. Отдельные ее отрасли достигли разной степени зрелости. Одни из них (социология молодежи, психология юношества как раздел возрастной психологии) уже сложились как самостоятельные научные дисциплины. Другие – развиваются в рамках конкретных наук (демографии, этнографии, культурологии и т.д.). Соответственно и целостность ювенологии еще достаточно относительна. Пока преимущественно понятия «ювенолог», «юнолог» применены к специалистам разных наук, объектом изучения которых выступает молодежь. Конечно, такой подход имеет право на существование. Возможно комплексное изучение молодежи как социокультурного явления с позиций разных наук о человеке и обществе. Но подобный характер ювенологии создает предпосылки для не совсем четкого определения *места социологии молодежи в ее структуре*.

¹ «Ювенология – комплексное междисциплинарное знание о взрослении, становлении и развитии молодого поколения в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал, базирующихся на общности процессов воспитания, образования и социализации молодежной популяции в целях стратегического развития на долгосрочную перспективу» (Ювенологический словарь: 300 терминов / под общей ред. Е.Г. Слуцкого, И.В. Скомарцевой. СПб., 2002. С. 110). Русскоязычная аналогия – «молодежеведение» – не получила широкого распространения.

² Павловский В.В. Ювенология: становление науки о молодежи. Красноярск. 1997; Павловский В.В. Социология молодежи и ювенология / Социс. 1999. №5. С.46-47

Чаще всего проявляются *две крайности*:

С одной стороны, *ставится знак равенства между социологией молодежи и ювенологией в целом*. В ряду подходов к разработке социологических теорий молодежи оказываются и психологический, и культурологический. Они действительно близки к социологии молодежи, но достаточно самостоятельны и относительно автономны.

С другой – *социологические исследования растворяются в других подходах к изучению проблем молодежи*, чаще всего – в социальной и возрастной психологии, что имеет предпосылки – размытость границ между социологией и социальной психологией. При анализе соотношения социологии молодежи и ювенологии важно учитывать проблему, на которую обратил внимание в начале XX в. М. Вебер: «*Всякий раз, когда исследователь вторгается в соседнюю область, как это порой у нас бывает, – у социологов такое вторжение происходит постоянно, притом по необходимости, – у исследователя возникает смиренное сознание, что его работа может разве предложить специалисту полезные постановки вопроса, которые тому при его специальной точки зрения не так легко придут на ум*».

Отметим и тенденцию разграничить различные виды ювенологических исследований. Для самоопределения отечественной социологии молодежи важное значение имело выделение С.Н. Иконниковой *трех уровней описания молодежи* как социального явления¹:

- *индивидуально-психологический уровень* – соотнесение с конкретным человеком;
- *социально-психологический уровень* – описание наиболее существенных свойств, качеств, черт, настроений, стремлений, интересов отдельных групп;
- *социологический уровень* – описание места молодежи в системе материального и духовного производства и потребления, в социальной структуре общества.

Ряд исследователей – по аналогии с общей социологией – выделяют и в социологии молодежи три уровня анализа: *общетеоретический уровень* (исследование места молодежи в обществе); *специально-теоретический уровень* (изучение молодежи как особой возрастной и социокультурной группы со своими социальными и психологическими особенностями, ценностями, установками и т.д.); *уровень эмпирических социологических исследований социальных проблем молодежи*². Такой подход правомерен. Но в рамках отраслевых социологий более продуктивен анализ, *интегрирующий и теоретический, и эмпирический уровни*.

Как и социологии в целом, социологии молодежи присущ ряд *функций*:

Исследовательская функция связана с изучением социальных отношений и социальных процессов. Эта функция должна быть определяющей – от нее в первую очередь зависит качество социологической информации.

Идеологическая и ценностно-ориентирующая функции взаимосвязаны. Идеологическая функция социологии выступает частным случаем взаимосвязи *науки и идеологии*. Идеологии отражают интересы различных слоев, социальных групп, общностей. Важен и их побуждающий аспект. Они влияют на иллюзии и надежды людей, их установки и ценностные ориентации, формы, способы и характер их деятельности. В рамках социологии важен идеологический плюрализм, чтобы социологи усиливали научность проводимых исследований, стремясь дать как можно более объективную картину социальных процессов в обществе.

Практическая, социально-инженерная функция связана с разработкой и внедрением в социальную практику – на основе эмпирических исследований – социальных технологий. реализацией системы стандартных методов и приемов, которые могли бы быть реализованы в массовом, серийном масштабе.

Прогностическая функция социологии призвана сформировать у людей ориентацию на перспективу.

¹ Иконникова С.Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. Л., 1973; Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973.

² См.: Волков Ю.Г., Добреньков В.И. и др. Социология молодежи: учебное пособие / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2001. С. 6.

Процесс реализации функций социологии молодежи весьма противоречив. Показательно соотношение исследовательской и прогностической функций. В истории социологии молодежи имеются своеобразные «провалы». Социальный портрет молодежи того или иного периода оказывался порой неадекватным. На основе данных предшествующих достаточно серьезных исследований оказалось невозможным предвидеть резкие перемены в поведении молодежи, в ее установках и ориентациях. Объяснительная и прогностическая возможности социологии молодежи оказывались нереализованными. Наиболее заметно такие сбои выявились в западной социологии на рубеже 1960-1970-х гг., в социологии социалистических стран – на рубеже 1980-1990-х гг.: всплеск молодежного протеста, развитие контркультуры, альтернативных стилей жизни, движения «неформалов» оказались *неожиданными* для социологов и потому – для общественного мнения.

Каковы же *причины этих провалов*? Характерна оценка П. Бергером «молодежного протеста» в Америке и Франции в конце 1960-х гг.: «Как случилось, что самые привилегированные люди в стране, а по существу и в мире, восстали против своего общества? В чем причины? Как социологи, мы не верим, что люди заразились большими идеями. Все, наверно, проще. Но теория не смогла дать ответ. Социологи были обескуражены и находятся в таком положении и сейчас, когда вспоминают о тех событиях... Потерпели поражение две теории: марксистская – с ее классовым подходом, который уже давно перестал работать, и буржуазная – с ее идеями стратификации, где люди по мере роста их благополучия занимают все более правые позиции. А в нашем случае влево двинулись состоятельные люди. Одним мешает идеология. Они хотят видеть лес революционного пролетариата за буржуазным кустарником. Другие грешат тривиальностью. Они бродят среди кустарника, исследуют различные социальные группы, и не видят леса в целом»¹.

Проще было бы списать «провалы» на недостаточный профессионализм исследователей. Но с этим нельзя согласиться: социология молодежи была одной из продвинутых отраслей социологического знания. Несомненный факт и наличие среди социологов молодежи серьезных профессионалов. Это заставляет осмыслить более глубокие факторы указанных провалов. Наиболее общая причина – *методологическая ограниченность традиционного общественного воззрения* (вне зависимости от идеологических, мировоззренческих позиций). Социологи следовали жесткому *детерминизму*. В центре их внимания оказывались причинно-следственные связи. Ведущим методом прогноза выступала экстраполяция (продление в будущее сегодняшних тенденций). Но взрывы молодежного протеста относились к вероятностным, флуктуационным (резко отклоняющимся) изменениям. Их объяснение возможно в рамках качественно иной – *синергетической* – парадигмы социального познания. Если исходить из нее, то молодежная революция 1968 г. и активность молодых в демократических движениях в СССР и в Восточной Европе были флуктуациями, отклонениями, моментами выбора нового пути. Анализ событий, неожиданных с точки зрения предыдущего развития, требует освоения синергетической методологии.

Нужно иметь в виду и *серьезные трудности любого предвидения*, прогнозирования, тем более, когда речь идет о столь подвижном явлении, как молодежь. Ведь даже исследования предыдущих лет порой рисуют картину *не сегодняшней* молодежи, *а вчерашней*, говорят об ориентациях людей, уже выходящих из молодежного возраста. Научное прогнозирование может быть эффективным именно тогда, когда оно обращается не к конкретным событиям, а к долгосрочным, устойчивым тенденциям. Между тем «неожиданные» явления молодежного протеста и означали «прерыв постепенности», переход от устойчивого, стабильного развития к неустойчивому, нестабильному. К тому же нужно учесть, что отклонения в поведении молодежи в период стабильности не выходили за «рамки системы». Более того – эти отклонения нередко становились основным объектом социологии молодежи, когда – по справедливой оценке немецкого социолога К. Хурельмана – исследования молодежи в основном сводились к «болевым точкам» поведения молодежи². Соотнесение «девиантного» и «делин-

¹ Цит. по: Социология / сост. И.П. Яковлев. СПб., 1993. С. 12.

² См.: Социология в России. М., 1998. С.130-131.

кветного» поведения исключительно с молодежью проявилось в зарубежной социологии даже в появлении неологизма «delinquent», объединивший слова «преступник» и подросток»¹. Поэтому рисуемый социологами социальный портрет молодежи, даже включавший черты *отклоняющегося поведения*, был ориентиром для выводов о необходимости совершенствования работы с молодежью, преодоления этих внутрисистемных отклонений. Примечательно совпадение рекомендаций западных социологов в начале 1960-х гг. и отечественных – на заре перестройки. И те, и другие говорили о необходимости «улучшить», «усилить», «углубить», «повысить эффективность системы социального контроля». Серьезные различия в адресатах, в конкретных социальных институтах, к которым обращены были эти предложения, не отменяют сходства подходов.

Сказываются и внутринаучные проблемы. Чем более развивалась социология молодежи в периоды относительной стабильности, тем более точным, обоснованным казался – в том числе и самим социологам – рисуемый ими социальный портрет молодежи. При всех различиях «в рисунках» западных социологов в начале 1960-х гг. преобладали черты сходства. Подтверждая выводы друг друга, социологи тем самым убеждали себя и других, что основной для предположений о грядущем взрыве нет.

Ряд исследователей (К. Аллерб, Р. Будон, А.И. Ковалева, В.А. Луков и др.) соотносят указанный разрыв с несовпадением установок и методов теоретического и эмпирического анализа. «Эмпирики», проводя многочисленные конкретно-социологические исследования, далеко не всегда поднимаются до теоретических обобщений. Поэтому в интерпретации полученного богатейшего фактического материала они ограничиваются частными, ситуативными выводами. У теоретиков проявляется другая слабость – игнорирование эмпирических данных. Они нередко оказываются в плену собственных теоретических конструкций.

Добавим к этому и *субъективные* факторы. Многие социологи молодежи или уже были немолодыми, или успевали постареть за годы исследований. Писать о молодежи людям старшего возраста трудно. Довлеют представления, навеянные воспоминаниями о своей молодости. Не менее важно избегать назидательности и морализаторства². И тут важно и в исследовании, и в работе с молодежью руководствоваться мнением классика социологии М. Вебера в отношении обучения в целом: «Настоящий учитель остережется навязывать слушателю с кафедры какую-либо позицию, будь то откровенно или путем внушения»; ему следует стремиться к тому, «чтобы слушатель был в состоянии найти пункт, исходя из которого он мог бы занять позицию в соответствии со своими высшими идеалами». Продолжая мысль М. Вебера, что «проповеди не место в аудитории», подчеркнем – и в исследовании проблем молодежи.

Понятно, что на выводы и позиции социологов (особенно – немолодых) вольно или невольно накладывается *отпечаток трудностей взаимопонимания между людьми разных поколений*. Любому взрослому человеку чрезвычайно трудно увидеть мир и проблемы молодых их глазами. На характере проводимых социологами молодежи исследований (от рабочих гипотез – до интерпретации полученных результатов) сказываются их *социально-нравственные позиции, отношение к молодежи*. А такие позиции и отношения могут быть разными. И дело не только в идеологических, мировоззренческих различиях, но именно в тональности – как относиться к молодежи?

Есть три основных подхода к оценке молодежи и ее места в обществе:

¹ Wilson B. The Youth Culture and Universities. L., 1970. P.159.

² Одна из причин этих трудностей – реальное существование у многих студентов представлений: «что ученые ничего про молодежь не понимают, что молодежью «занимаются», в основном, взрослые люди» (Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск. 2004. С. 134). Но мы склонны соотносить это не с «проблематизацией молодежи» во многих текстах по социологии молодежи (как автор указанной работы), а с недостаточной готовностью многих социологов-юнологов «опуститься» (или, скорее, «подняться»!) до молодежного видения своих проблем, преодолеть назидательность и морализаторство.

- *критически - осуждающий*¹, в рамках которого молодежь называют «рассеянным», «равнодушным», «взрывающим», «потерянным» и т.д. поколением. Расхожую формулу «не та нынче пошла молодежь» трактуют при этом однозначно: *не та = хуже*;
- прямо противоположный по своему значению – *восторженно-оптимистический*. Для него характерно мнение: *не та = лучше*²;
- третий подход – *объективистский* – предполагает учет и положительной роли молодежи, и негативных тенденций, которые реально существуют в молодежной среде. Для него присуща позиция: *не та = другая*.

Сказываются и определенные *идеологические, мировоззренческие пристрастия*. Это, в частности, помешало социологам из социалистических стран увидеть в антисистемном протесте западной молодежи конца 1960-х гг. более общий феномен, направленный не против капиталистической системы (что обычно и подчеркивалось), а против мира взрослых в целом, против индустриального общества. Сегодня – в условиях идейного плюрализма – нередки случаи обращения к социологии молодежи не в научных, а в идеологических целях. И задача социологии молодежи – как отрасли социологической науки – оставаться на позициях научного, объективного анализа.

Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т.

Системные качества молодежи: социализация и адаптация

Проблема социализации личности молодого человека является одной из основных в социологии молодежи. В рамках этой проблемы изучаются действующие в обществе механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению, соотношение процессов и институтов социализации. Социальная мысль всегда в тех или иных формах рефлексировала процессы взросления новых поколений, освоение ими норм, традиций, ценностей, поведенческих стратегий, их включение в систему социальных взаимодействий.

Примечательна идея русского социолога Н.К. Михайловского: человеку «нужны правила поведения. У него есть идеалы, стремления, желания, цели... В нем борются мысли и чувства, ища ответ на вопрос: «Что делать?» Этих ответов два: «приспособляйся к условиям окружающей тебя жизни»; «приспособляй к себе условия окружающей тебя жизни».

Социальный характер социализации подчеркивал и немецкий философ П.Н. Наторп: «Человек становится человеком благодаря человеческой общности, не вырастает в одиночестве, не вырастает и просто один рядом с другим, в приблизительно одинаковых условиях, но каждый – под многосторонними влияниями друг друга, непрерывно реагируя на эти влияния»³. А российский педагог С.И. Гессен отметил её противоречивую природу: «Давление внешней среды должно соответствовать внутренней силе сопротивления растущей личности ребенка. Центростремительная сила в человеке должна всегда превышать центробежные силы внешней культуры, но и непрерывно ощущать их возрастающий напор»⁴.

Учитывая роль и значение социализации в становлении молодого человека (а соответственно и в социологии молодежи), обратим внимание на методологические аспекты анализа этого сложного и противоречивого процесса. Истоки современных теорий социализации восходят к теоретическим дискуссиям периода становления социологии как самостоятельной научной дисциплины.

Большое влияние на развитие этих теорий имела концепция *К. Маркса*. «Сущность человека, – писал он, – не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль всех общественных отношений»⁵. Тем самым, по Марксу, формирую-

¹ Подобные представления традиционны (еще на клинописях древнего Вавилона обнаружены надписи типа: «худые настали времена, молодые не слушают старших, и всяк норовит сделать по-своему»).

² Помните: «на смену придут другие, моложе и лучше нас...». Особенно четко этот подход проявился в характеристиках молодежи как «барометра революции», нового «революционного класса», «носителя нового, революционного сознания».

³ Наторп П. Социальная педагогика. СПб., 1911. С. 76.

⁴ Гессен С.И. Основы педагогики. М., 1995.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.42. С. 265.

щая человека социальная среда одновременно выступает и условием, и результатом его деятельности. Люди в процессе своей деятельности и посредством нее изменяют и внешние обстоятельства, и самих себя. Такой подход позволил раскрыть противоречивую природу социализации, её социокультурный смысл.

В теории Э. Дюркгейма основная функция социализации – приобщение индивидов к «коллективному сознанию». По его мнению, «группа чувствует, мыслит, действует иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разделены». Ядром его концепции социализации стала теория морали как системы объективных правил поведения, отличительный признак которых – их императивность, обязательность: «Право и нравственность – это совокупность уз, привязывающих нас друг к другу и обществу, делающих из массы индивидов единый связанный агрегат». Общественные функции морали Дюркгейм связывал с воспитанием, цель которого – формирование социального существа, развитие в ребенке тех качеств и свойств личности, которые нужны обществу. При этом он не переоценивал роль воспитания, отводя определяющее значение воздействию общества как такового: воспитание «не больше, как образ и подобие общества. Оно подражает ему, воспроизводит его, но не создает его»¹.

Роль социализации как процесса подражания молодых взрослым была отмечена и даже абсолютизирована Г. Тардом. Он первым попытался описать процесс освоения молодым человеком норм через социальное взаимодействие, обращая особое внимание на его психологические механизмы. Отношение «учитель – ученик» рассматривалось им как типовое во всем многообразии социальных отношений. Это сказывалось на его трактовке сущности общества и перспектив его развития: «общество – это подражание»; «самой природе человека присуща потребность в однообразии. Общество движется к этикету, торжеству полного однообразия»².

В теории социального действия М. Вебера акцентируется внимание на двух аспектах социализации – субъективный смысл и направленность на другого: «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него». Особый интерес представляет идея Вебера об ориентации поведения на установленный порядок и возможных вариантах «неправильного» поведения, о реальном поведении индивида, которое может быть ориентировано на несколько систем установлений, противоречащих друг другу³.

Родоначальник психоанализа З. Фрейд выдвинул идею: на повседневное поведение индивида влияют и неосознаваемые мотивы, лежащие в глубинах психики. По его мнению, сфера психики человека сложна, включая бессознательное («Оно»), сознание индивида («Я») и проявления коллективного сознания («Сверх-Я»). Социализация – противоречивый и конфликтный процесс: личность изнутри раздирают две силы – инстинкты, влечения, стремление остаться самим собою, отдаться удовлетворению своих желаний, следуя «принципу удовольствия», а с другой стороны, – влияние общества, его требований, законов, запретов и табу, направленных на подавление его желаний, на подчинение социальным нормам, на следование «принципу реальности». Преодолевая чисто просветительский подход к культуре, Фрейд отметил, что развитие цивилизации навязывает индивидам ограничения: «всякая культура должна быть построена на принуждении и на отказе от влечений»⁴. Фрейд подчеркивал решающую роль раннего детского опыта в развитии личности и значение отношений с родителями, с помощью которых культурные ценности конституируются в личности. По Фрейду, основными в социализации личности являются стадии психосексуального развития, при котором происходит «развертывание» врожденных свойств человека, но в конфликте с требованиями общества. Фрейд считал: социализация ограничивается первыми 5-6 годами

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1998. С. 451.

² См.: Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.

³ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

⁴ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Тексты по истории социологии XIX-XX веков. Хрестоматия. М., 1994. С. 247-249.

жизни, что вместе с его отрицанием позитивной роли социального окружения критиковалось более поздними исследователями этой проблемы.

Широкое применение на Западе понятие «социализация» получило только с 1930-х гг. в связи с повышением интереса к отношениям «человек – культура», с началом систематического исследования противоречий между практикой воспитания детей, подростков, молодежи и требованиями общества. К нему стали обращаться в социальной философии, социологии, социальной психологии для объяснения поведения в тех или иных ситуациях не только детей и молодежи, но и взрослых представителей различных социальных групп.

Потребность в исследовании процессов социализации в первой половине XX в. связана с тем, что в этот период в науке и массовом сознании начинает утверждаться совершенно новый взгляд на место личности в обществе. Традиционное противопоставление автономной нравственной личности «Левиафану» теперь сосуществует с пониманием социума как сложно организованной системы, выполняющей в отношении личности роль «поддерживающей среды». Глубже осознается социальная природа человека. С социально-исторической точки зрения речь идет о глобальном процессе вовлечения в активное социальное творчество ранее исключенных из него социальных групп. Что касается науки, наивные представления о социальных институтах как плодах «общественного договора» или подавления одних классов другими сменяются основательным функциональным анализом их природы.

Теории и исследования социализации с самого начала их возникновения приобретали междисциплинарный статус. Большинство из них относилось к общей и социальной психологии. Особенно значимы концепции последователей З. Фрейда – Ж. Пиаже, Л. Колберга, Г. Олпорта, Э. Эриксона. Среди российских ученых обращают внимание работы Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, К.К. Платонова, С.Л. Рубинштейна. В рамках психологического и социально-психологического подхода процесс социализации человека исследуется, прежде всего, через изучение его «внутреннего мира», представленного совокупностью эмоций, чувств, познавательных и иных психических процессов, изменение индивидуальных и социально-психологических особенностей личности¹. Это ограничивало возможности науки в исследовании роли социальной среды, социальных механизмов развития индивида в процессе социализации.

В социологии эволюция теоретических взглядов на проблему социализации приобрела особую интенсивность в XX в. в трудах Д. Дьюи, Ф. Знанецкого, Ч. Кули, Д. Мида, Т. Парсонса, Б.Ф. Скиннера, У. Томаса, Ю. Хабермаса и др. Они выступали за новое понимание сущности социализации. Подчеркивалось, что процесс интеграции индивида в социальную систему осуществляется посредством интериоризации принятых норм. Принятие социально значимых и профессиональных норм даст возможность молодому человеку более легко интегрироваться в общество.

Дискуссии о проблемах социализации продолжаются. Не останавливаясь на всем многообразии высказанных в этих дискуссиях идей, выделим некоторые из них, на наш взгляд наиболее значимые для развития социологии молодежи:

- *идея: субъектом социализации человек становится объективно* (У. Томас и Ф. Знанецкий, социологи, США). Они выдвинули положение: социальные явления и процессы необходимо рассматривать как результат сознательной деятельности людей². Изучая те или иные социальные ситуации, необходимо учитывать не только социальные обстоятельства, но и точку зрения индивидов, включенных в эти ситуации, рассматривать их как субъектов социальной жизни. На протяжении всей жизни на каждом возрастном этапе перед человеком встают задачи, для решения которых он более или менее осознанно, а чаще неосознанно, ставит перед собой соответствующие цели, то есть проявляет свою субъектность (позицию) и субъективность (индивидуальное своеобразие).
- *идея детерминированности «социального поведения» существующими в обществе ценностями и нормами* (Т. Парсонс). Сущность социализации он видел в становлении людей

¹ См.: Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: социокультурный подход. М., 2003.

² Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1994.

членами общности, достижении ими определенного социального статуса¹. Содержательно процесс социализации рассматривается им как механизм передачи следующему поколению ценностных ориентаций и других компонентов культуры². Ценности и нормы составляют те стандарты, которые определяют желаемое направление действия каждого человека («актёра» – деятеля) – в виде целей и образцов его поведения: «Нормативная ориентация имеет такое же фундаментальное значение для схемы действия, как пространство для классической физики». «Главная функция процесса воспитания, – по Парсонсу, – всячески проповедовать и разъяснять адаптивную роль общества, необходимость адаптации индивидов к социальной среде, их изменения с точки зрения нормального функционирования». Основным результатом социализации соответственно понимался как достижение консенсуса, согласия, интеграции. В предложенной Парсонсом концепции социализации особое внимание уделяется обществу, которое обретает устойчивость благодаря саморегуляции, функциональной взаимообусловленности всех процессов, посредством интеграции мотивов социального поведения³. Основным механизмом такой интеграции Парсонс называет процесс усвоения социальных ролей через нормативные культурные стандарты. Гармонизация ролей осуществляется через систему социального контроля. По Парсонсу, социализация происходит путем интернализации (внутреннего принятия) общепринятых норм и социально признанных систем ценностей на основе идентификации индивида со значимыми фигурами (например, в детстве – с фигурой отца или матери, в подростковом возрасте – с фигурой лидера и т.д.). В процессе интернализации социальные нормы становятся внутренними для индивида, происходит замена внешних санкций (внешней регуляции) внутренним контролем, появляется потребность соответствовать социальным нормам. Именно на основе их усвоения большинством общества обеспечивается его стабильность, эффективное функционирование всех элементов социальной структуры. Именно культура выступает в качестве своеобразного посредника между личностью и социальной системой. Структурный функционализм Парсонса был воспринят и адаптирован в отечественной юнологии. Л.С. Выготский видел во включении в человеческую культуру главное содержание процесса социализации⁴. Б.Д. Парыгин подчеркивал значимость для социализации индивида освоения им определенных ролей и функций⁵. И.С. Кон трактовал создание личности как усвоение индивидом социального опыта⁶. И хотя даже употребление «западного» термина «социализация» наталкивалось в отечественной науке 1970-х гг. на серьезные трудности, поиск этих исследователей свидетельствует о более высокой (чем иногда принято считать) степени интегрированности советской социологии в мировую;

- *идея разнообразия способов приспособления людей к целям и нормам в процессе социализации* (Р. Мертон, социолог, США). В процессе социализации человек может принимать или отвергать ценности («культурные цели»), следовать или отклоняться от норм («институционализированные средства»). На этой основе он различал основные типы приспособления

¹ Глава 3 работы П.Л. и Б. Бергеров «Социология. Биографический подход», отразившая подход Парсонса, носит характерное название «Становление члена общества – социализация». Их основное положение: «Процесс, проходя через который индивид обучается быть членом общества, именуется социализацией»; «социализация есть наложение социальных паттернов (образцов) на поведение» (Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 76).

² Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 438-440.

³ Парсонс Т. Обучение социально-ролевым ожиданиям и механизмы социализации и мотивации// Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 303-359.

⁴ Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр.соч. В 6 т. Т. 3 М., 1983.

⁵ Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., 1967. С.123-124.

⁶ Кон И.С. Социология личности. М., 1967; Кон И.С. Открытие «Я». М., 1987.

Типы приспособления по Р. Мертону

Формы приспособления	Цели	Средства
1. <i>Конформность</i> (от лат. <i>conformis</i> - подобный)	+	+
2. <i>Инновация</i> (обновление), готовность рисковать	+	-
3. <i>Ритуализм</i> (от лат. <i>ritual</i> - обряд) - стремление неформально соблюдать «правила игры»,	-	+
4. <i>Ретритизм</i> (от англ. <i>retreat</i> - уходить, уединяться)	-	-
5. <i>Бунт, мятеж</i>	-+	-+

«+» - принятие культурных целей, общепризнанных средств;

«-» - их отвержение;

«-+» - отвержение господствующих целей, средств и замена их новыми.

- *идея значимости для социализации взаимодействия людей* (Ч. Кули, Дж. Мид, социальные психологи, США). Социолог должен изучать не отдельных индивидов, а индивидов в группе¹. Но что это значит? С одной стороны, – способность выделять себя из группы, создавать свое «Я», свою личность. С другой – посмотреть на себя со стороны. Это и отразилось в *теории «зеркального Я»*, под которым понимался образ Я, основанный на наших мыслях о том впечатлении, которое мы производим на других:

Я	Представление: «каким я кажусь другому человеку» Представление: «как другой оценивает мой образ» Испытываемые мною чувства (гордость, унижение)	ЗЕРКАЛЬНОЕ Я
---	---	-----------------

Особую значимость для человека приобретает «*первичная группа*» (для молодежи это чаще всего – группа сверстников). Это те, с кем мы непосредственно взаимодействуем, о ком можем сказать – «Мы» (отделяя их от «Они»). «Индивид, – писал Мид, – познает себя как такового не прямо, но лишь косвенно, с точки зрения других членов данной социальной группы или с обобщенной точки зрения всей группы». «Я» – часть личности индивида, складывающаяся из самосознания и образа «Я», рассматривается Дж. Мидом как продукт социального опыта. По мнению Мида, «Я» развивается лишь в процессе взаимодействия человека с другими людьми. Социальная интеракция предполагает, что мы смотрим на себя чужими глазами, – процесс, который Мид назвал «принятием роли другого»². Ключ к развитию «Я» – научение принимать роль другого. Маленькие дети, не имея собственного социального опыта, могут это делать только через имитацию, копирование поведения без понимания лежащих в его основе намерений. С овладением языком и другими символами, «Я» проявляется через игру, где принимаются роли значимых других (родителей). Таким образом, малыш представляет мир с точки зрения родителей. Постепенно дети научаются принимать сразу несколько ролей. Примерно к 7 годам приобретенный социальный опыт позволяет детям участвовать в командных видах спорта, играх. Последняя стадия в развитии «Я» связана с тем, что социальная жизнь требует взгляда на себя с точки зрения широко распространенных социальных, культурных норм (с позиции обобщенного другого, по выражению Дж. Мида), которые индивид использует в качестве системы координат для оценки себя³. «Высшая стадия социализации, – по Миду, – формирование социального рефлексивного «Я», отражающего совокупность межиндивидуальных взаимодействий и способного становиться объектом для самого себя. На этой стадии социальный контроль «вращается» в личность и приобретает форму внутреннего самоконтроля». Вне зависимости от числа воздействующих на нас событий и об-

¹ См.: Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. М., 1994; Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.

² Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 226.

³ Мид Дж. Азия // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 230.

стоятельств, мы остаемся творческими существами. Поэтому, по мнению Мида, индивид играет главную роль в своей собственной социализации;

- *«критическая теория социализации»* (Ю. Хабермас, социальный философ, ФРГ). Социализация охватывает не всего человека, а только «часть» его личности, представляющую общественную сущность человека и обеспечивающую ему функционирование в обществе. Другая же «часть» дает ему возможность «держаться некоторую дистанцию» по отношению к господствующей в обществе системе ролей, норм, ценностей, позволяет критически относиться к элементам социальной среды, мешающим человеку самоутвердиться. Взаимодействие личности с социальной средой, осознание личностью необходимости полного развития своих способностей и потенций делают возможной «ненасильственную социализацию»;
- *идея ресоциализации* (Н. Смелзер, социолог, США) – усвоение новых ценностей, ролей, навыков вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших¹;
- *идея успешной и неуспешной социализации* (Н. Смелзер): «Общество не может сохранить себя, если его ценности и нормы не усваиваются его новыми членами. Однако социализация никогда не может быть эффективной на сто процентов. Дети оказывают сопротивление усилиям взрослых и изменяют процесс социализации на многих этапах своего развития. Иногда социализация терпит полное фиаско... Однако такие неудачи могут послужить основой для социальных перемен в жизни грядущих поколений»².

Анализ сущности, направленности и содержания социализации – основа для её категориального определения. Многогранность этого социального процесса определяет разнообразие определений (и тут значимее, *что* сказано, а не *кто* сказал):

- Социализация «означает включение молодых людей в общество, освоение ими ролей, ценностей, стандартов и убеждений, распространенных в данном обществе» и одновременно – «процесс их второй индивидуации, скачок в их индивидуальном развитии»³;
- Социализация – «процесс становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной группе»⁴;
- Социализация [от лат. *socialis* – общественный] – а) процесс усвоения и овладения тем социальным опытом, который передается индивиду в ходе его взаимодействия и общения с социальным окружением; б) результат освоения индивидом того социального опыта, который передается ему в ходе совместной деятельности и общения с социальным окружением и реализуется субъектом социализации;⁵
- Социализация – «процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе»⁶;
- Социализация – «процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей общества, к которому он принадлежит»⁷
- Социализация – «процесс, в ходе которого люди обучаются соблюдению социальных норм, процесс, делающий возможным существование общества и передачу его культуры от поколения к поколению»⁸;
- Социализация – «процесс усвоения личностью образцов поведения, ценностей и норм, принятых в обществе, в конкретных социальных общностях»⁹;

¹ Смелзер Н. Социализация: основные проблемы и направления исследований // Социальная психология: хрестоматия. М., 2000. С. 332-333.

² Смелзер Н. Социология. М., 1993. С. 126.

³ Социальные отклонения. М., 1989. С. 70.

⁴ Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 328.

⁵ Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007.

⁶ Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 479.

⁷ Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 316.

⁸ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 1999. С. 293.

⁹ Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург, 1999. С. 508.

- Социализация – «процесс становления личности, обучение и усвоение индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе»¹;
- Социализация – «процесс, посредством которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного Я проявляется уникальность данного индивида как личности»²;
- Социализация – «процесс становления личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом»; «процесс постоянного познания, закрепления и творческого освоения человеком правил и норм поведения, диктуемых ему обществом»³;
- Социализация – «есть воспроизводство культуры, освоение соответствующих образцов поведения, обычаев, ценностей, установок, социальных ролей, надежд и ожиданий». «Личность характеризуется включенностью в социальные отношения, их освоением. В этом процессе социализации формируется индивидуальность человека, развиваются его социальные силы»⁴;
- Социализация – процесс, посредством которого индивид приобретает знания, ценности, социальные навыки и социальную чувствительность, которые позволяют ему интегрироваться в общество и вести себя там адаптивно. Строго говоря, это определение в равной степени применимо к людям всех возрастов и, в очень реальном смысле, социализация – это жизненный опыт. Однако чаще всего этот термин используется относительно процессов, посредством которых ребенку внушаются ценности общества и его собственные социальные роли⁵.
- Социализация – «процесс формирования умений и социальных установок индивидов, соответствующих их социальным ролям»⁶;
- Социализация – это освоение культуры (норм, ценностей, идей, правил поведения и стереотипов понимания) сообщества. Она не только связана с развитием личности, но и является своеобразным духовным кодированием человека, вырабатывая у него типовые (хорошо распознаваемые и прогнозируемые) социальные реакции и формы активности. Функциональное значение такого «нормативного» формирования способностей, навыков и знаний индивида состоит в том, чтобы подготовить людей к тесному сосуществованию, обеспечить их предстоящее взаимодействие и взаимопонимание⁷;
- «Социализация есть продукт пересечения действия трёх факторов: врожденных механизмов; социальных условий; сознательного, направленного образования, обучения и воспитания»⁸.
- «Социализация (от лат. socialis – общественный) – процесс усвоения человеческим индивидом определённой системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Социализация включает как социально-контролируемые процессы целенаправленного воздействия на личность (воспитание), так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на её формирование (И.С. Кон)»⁹;

В значительной степени проблемы и противоречия социологического анализа социализации личности определяются двойственностью объекта исследования «личность-общество», что с самого начала формирования социологических парадигм в этой области приводило к возникновению противоположных взглядов на природу и механизмы социализации, роль

¹ Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 318.

² Фролов С.С. Социология. М., 1998. С. 81.

³ Тощенко Ж.Т. Социология. М., 1994. С. 228.

⁴ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология. Курс лекций для технических вузов. Екатеринбург, 2000. С. 112.

⁵ Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М., 2002. С. 487.

⁶ Смелзер Н. Социология. М., 1993. С. 652.

⁷ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 1999. С. 188.

⁸ Волков Ю.Г., Добренёв В.И. и др. Социология молодежи. Ростов-на-Дону, 2001. С. 100.

⁹ <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Социализация/>

личности в ее успешности. Анализ многочисленных концепций социализации показывает, что они условно могут быть разделены на две группы в зависимости от понимания роли самого человека в процессе социализации.

К первой группе могут быть отнесены исследователи, отводящие человеку пассивную роль в процессе социализации и сводящие ее к процессу приспособления личности к обществу, которое само формирует требования к своим членам. Такой подход может быть определен как *субъект-объектный*. Еще О.Конт, решая проблемы развития личности, отдавал приоритет обществу и ставил задачу подчинения индивидуального общественному. Этот подход продолжили и развили Дюркгейм и Парсонс. Представители второго подхода, который можно назвать «*субъект-субъектным*», утверждают, что человек активен в процессе социализации, которая, наряду с адаптационными процессами, включает в себя и активную субъектную позицию самого человека, его влияние на общество, свои жизненные обстоятельства. Основоположниками этого подхода можно назвать Кули и Мида.

При всех фундаментальных расхождениях базовых концептуальных положений представителей первой и второй группы ученых, в их взглядах на социализацию много общего. Разумеется, содержательно механизм социализации через интеракции и освоение социальных ролей отличается, поскольку различен источник нормативных установок. Но, с точки зрения индивида, формы этого процесса сходны. И в том, и в другом случае подчеркиваются ценностно-нормативные основания процесса, роль культуры.

Многие социологи сосредоточили внимание на тех изменениях, которые произошли в социальном статусе и социализации молодежи в послевоенные годы и, особенно, с конца 1960-х гг. Такой интерес определялся рядом целевых установок:

- Важно было осмыслить изменения в положении молодежи под влиянием НТР, перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, информационному обществу, обществу знания.
- Необходимо было найти объяснение причин молодежного протеста, который для большинства социологов оказался неожиданным.
- Требовалось понять причины и факторы «бархатных» революций, краха социализма, постсоциалистических трансформаций и роль в этом молодежи.
- Актуализировалась и проблема глобализации – через призму анализа роли и места молодежи в этом противоречивом процессе, социальных последствий глобализации для молодежи, её социализации.

На формирование облика, стиля и образа жизни современной молодежи *оказывают влияние разнообразные факторы*. Трудно найти социологов, которые не касались бы этих проблем. Отсюда огромное многообразие высказываемых мнений, серьезные различия в понимании роли разных факторов, их влияния и иерархии. Специфика социологического анализа социализации состоит в выделении социально типического в многообразных процессах интеграции индивидов в общество. Поэтому наиболее плодотворен *интегративный подход*, в рамках которого обобщаются наиболее типичные позиции и оценки.

Чем же характеризуется социализация в современном обществе? Какие основные изменения она претерпевает? Это:

- *формализация социальных отношений: от «индивидов» – к «исполнителям ролей»;*
- *нарастание влияния групп сверстников, молодежной субкультуры;* превращение группы сверстников в доминантную референтную группу, на чьи нормы и образцы поведения ориентируется молодой человек;
- *НТР, информационная революция, ускорение социодинамики,* быстрое устаревание не только опыта старших поколений, но и инноваций; «футурошок» – молодежь не поспевает за быстрыми изменениями;
- *возрастание роли досуга в социальной жизни молодежи,* быстрая смена доминантных досуговых занятий (чтение – кино, TV – музыка – видео – компьютер);

- *рост технологичности, функциональности социальной жизни* (информатизация, компьютеризация и т.д.), появление у части молодых иллюзий о легком и быстром овладении социальными ролями и функциями взрослого;
- *рост потребности в личностной самореализационной форме социализации*, слабое обучение молодых методам самооценки, самопознания;
- *ослабление роли традиционных институтов социализации* (церковь, семья, школа) и влияния классической культуры;
- *усиление возрастной сегрегации*, нарастание обособленности различных возрастных групп, автономизация молодежи;
- *утверждение современного спортивного духа*, развитие спорта как особого социокультурного феномена, формирующего стиль жизни, образцы поведения, культ победителя, супермена;
- *рост масштабов высшего образования*, удельного веса и социальной роли студенчества, утверждение непрерывности образования;
- *превращение насилия (войны и локальные конфликты, терроризм, преступность) в привычный фон современной жизни*. Синдромы Вьетнама, Афганистана, Чечни, Югославии, Ирака...;
- *удлинение детства и продолжительности периода молодости*. Акселерация и растущий разрыв между ранним половым созреванием и более поздним достижением социальной зрелости;
- *превращение СМИ и массовой культуры в ведущий фактор социализации*. СМИ = развлечения и навязывание образцов и моделей поведения, культа звезд экрана, эстрады, поп-культуры, спорта;
- *рост материальной обеспеченности и уровня образования, растущие жизненные запросы и притязания молодых*;
- *возрастание роли молодежи в сфере потребления* – рост запросов и масштабов потребительских расходов, молодежь – «законодатель» моды;
- *растущая социальная мобильность молодежи и усиление ее маргинальности* (жизнь на стыке старой и новой социокультурной среды);
- *возрастание роли ВПК, армии, силовых структур в жизни общества* и их противоречивое влияние на социализацию молодежи.

Социализация многогранна, она не сводится к приспособлению, *адаптации* молодежи к обществу взрослых. Не менее важна и другая ее сторона – *индивидуализация*, мера проявления и развития каждым молодым человеком своих склонностей и способностей, реализация им своих потребностей и интересов. Во многом индивидуально уже понимание молодым человеком тех или иных взрослых ролей, которые ему предстоит освоить. Еще сильнее молодые люди различаются по готовности и желанию эти роли осваивать, по уровню и продолжительности их освоения. В социологии молодежи утверждается понимание: «*между возрастом и социальными возможностями индивида существует взаимозависимость. Хронологический возраст, а точнее – предполагаемый им уровень развития индивида – прямо или косвенно отражает его общественное положение, характер деятельности, диапазон социальных ролей. Половозрастное разделение труда во многом определяет социальное положение, самосознание и уровень притязаний членов соответствующей возрастной группы*»¹. Весьма неодинакова по продолжительности *реализация разных задач социализации* (выбор профессии и первичная профподготовка, получение общего и специального образования, создание молодой семьи, достижение относительной материальной и жилищно-бытовой самостоятельности, обретение статуса гражданина с его набором прав и обязанностей и т.д.). *Различно по времени и наступление зрелости* по разным параметрам:

<p>Отрочество – это беспокойство: «Вдруг я не такой, как все». И ужас: «Вдруг я такой, как все». Е. Винокуров</p>

¹ Социология молодежи / отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 82.

- индивидуальное развитие – физическая зрелость;
- становление личности – гражданская зрелость;
- формирование субъекта познания и труда – трудоспособность, умственная зрелость¹.

До 1960-х гг., говоря о социализации, почти все ученые имели в виду развитие человека в детстве, отрочестве и юности. Лишь в последние десятилетия XX в. детство и молодость перестали быть единственным фокусом интереса исследователей, а изучение социализации распространилось на взрослость и даже старость. Именно поэтому глубокие исследования социализации молодежи все более приобретают общесоциологическое значения. Так отраслевая социология обогащает общую социологию.

Важным ориентиром в трактовке социализации является положение отечественных социологов: «Сущностный смысл социализации раскрывается на пересечении таких её процессов, как адаптация, интеграция, саморазвитие и самореализация»². Сегодня в изучении социализации больший акцент делается на активную роль самой молодежи, осваивающей разнообразные взрослые социальные роли и функции. Соответственно на первый план выходят проблемы *самоопределения, самоидентификации молодежи*. Ее суть удачно выразил американский юнолог *Ф.Э. Фриденберг*: «Орудием самоопределения молодежи служит конфликт между молодым человеком и обществом. Самоопределение, индивидуализация, персонализация молодого человека будут плодотворны лишь тогда, когда он вписывается в общество, формируется по социальным стандартам»³. Имеет глубокий смысл и высказывание *И.С. Кона*: «Для одних людей взрослость означала расширение своего «Я», обогащение сферы деятельности, повышение уровня самоконтроля и ответственности, короче, самореализацию, другие же подчеркивают момент вынужденного приспособления к обстоятельствам, утрату свободы в выражении чувств и т.д. За этими оценками стоят два разных типа «Я»: воплощенное и овеществленное»⁴.

В социологии сложилось понимание идентификации как происходящего в ходе социализации процесса отождествления индивидом себя – с другим человеком, группой, образцом. В результате этого процесса приобретаются или усваиваются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать индивид⁵.

Особую роль в осмыслении самоопределения молодежи сыграла «теория идентичности» Э. Эриксона⁶. Идентичность в его понимании – субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самоидентичности и непрерывности (постоянства), соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность (постоянство) некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми. По мнению Эриксона, главная задача индивида заключается в том, чтобы, переходя с одного жизненного этапа на другой, обрести позитивную самоидентичность (хотя результат может быть и негативным). Им выделено восемь стадий, охватывающих всю жизнь человека как единое временное *пространство социа-*

¹ Справедливо мнение Л.С.Яковлева: «Мы исходим из признания рубежом между детством и молодостью возраста 14-16 лет. Целесообразно выделять далее юношеский подвозраст, до 18-19 лет. Оканчивается молодость вступлением в зрелый возраст, в 30-33 года. Фиксировать временные интервалы более точно было бы искусственно, поскольку индивидуальные, а также детерминированные принадлежностью к различным социопрофессиональным группам, темпы обретения социальной зрелости существенно различны».

² Волков Ю.Г., Добреньков В.И. и др. Социология молодежи. Ростов-на-Дону, 2001. С. 100.

³ «Проблема социальной самоидентификации молодежи, – по мнению Д.А. Шевченко, – раскрывается через обнаружение определенных мотивов и ценностных ориентаций. Совокупность всех этих элементов составляет общий механизм идентификации. Последняя проявляется через развитие их самосознания, саморефлексии относительно места, роли каждого, главного предназначения в жизни и осуществляется на многих уровнях: социально-профессиональном, семейном, национальном, идеологическом, родовом, половом, духовном и т.д., которые тесно связаны со структурой сознания» (Шевченко Д.А. Социальная самоидентификация лучших выпускников // Социс. 2004. №1. С. 134).

⁴ Кон И.С. Открытие «Я». М., 1976. С. 348.

⁵ Ковалева А.И. Социализация личности: нормы и отклонения. М., 1996; Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. №1.

⁶ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис М., 1996.

лизации. Каждой стадии соответствует свой психосоциальный кризис. По Эриксону, каждая следующая стадия и каждый следующий кризис имеют определенную связь с одним из базисных институциональных стремлений человека по той простой причине, что жизненный цикл человека и социальные институты развивались одновременно. Безусловным преимуществом и достоинством модели Э. Эриксона является то, что она позволяет осмыслить социализацию как процесс, «растянутый» на всю жизнь, и показывает влияние различных социальных институтов, «агентов» социализации на формирование личности.

«Кризис подросткового возраста» приходится, по Эриксону, на 12-18 лет. Возникающий в этот период параметр связи с окружающим колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Наряду с семьей важную роль начинает играть социальная микросреда, общение с другими подростками. В рамках этого этапа начинается выбор профессии, путей достижения карьеры, что является очень существенным для дальнейшей социализации. По оценкам Эриксона, юность – период «нормативного кризиса», для которого характерны колебания силы Я и вполне нормально усиление конфликтов. Обретая идентичность, подросток становится как бы жертвой этого процесса. Основная задача подростка – сформировать чувство идентичности и избежать ролевой и идентификационной диффузности. Для этого ему важно оценить свои сильные и слабые стороны и научиться использовать их, чтобы получить ясное представление о себе и о том, каким он хочет стать в будущем. К числу особенностей классификации Э. Эриксона (табл. 2), привлекающих к ней внимание социологов, следует отнести:

- распространение процесса социализации на весь период жизни человека;
- привлечение внимания ученых к влиянию различных социальных институтов (семья, образовательные учреждения, СМИ) на формирование личности;
- возложение ответственности за социализацию на каждом этапе развития личности не только на родителей и общество, но и на самого человека;
- возможность компенсации неудачи на одной стадии развития человека достижениями на других.

Таблица 2

Этапы жизни и самоидентификации по Э. Эриксону

Этапы жизни	Позитивные результаты	Негативные результаты
1. Младенчество	Достижение доверия к миру	Недоверие
2. Раннее детство	Достижение чувства автономности и личной ценности	Стыд, сомнение
3. Игровой возраст	Достижение чувства инициативы	Чувство вины
4. Школьный возраст	Достижение чувства способности	Чувство неполноценности
5. Юность	Достижение идентичности	Идентификационная диффузность
6. Молодость	Достижение интимных отношений с другими людьми	Чувство изоляции и одиночества
7. Взрослость	Достижение творческой деятельности и чувства продуктивности	Стагнация
8. Зрелый возраст	Достижение чувства удовлетворенности, полноты жизни, исполненного долга	Отчаяние и разочарование

Одну из попыток разрешить выявленное Эриксоном противоречие сделала В.П. Андреева еще 4 десятилетия назад, выделив следующие периоды: первичной социализации ребенка, маргинальной социализации подростка, устойчивой (концептуальной) социализации юности¹. Эта схема привлекает идеей социального возраста, интегрирующего показатели психи-

¹ Андреева В.П. Проблемы социализации личности // Социальные исследования. М., 1970. С. 19-21.

ческого и социального развития индивида, но для более детальной разработки проблемы она требует дальнейшего внутреннего структурирования, выделения критериев и показателей перехода личности в своем развитии от одного периода жизни к другому.

Социализация связана с *социальной адаптацией*. В понимании социальной адаптации современная социологическая и психологическая теория выделяет ряд существенных моментов, которые должны учитываться при анализе любых ее конкретных проявлений:

- адаптация (от лат. *adapto* – приспособляю, фр. *adaptation* – приспособление) – *приспособление* личности, социальной группы к условиям внешней среды;
- адаптация – *социальное взаимодействие* личности, социальной группы и социальной среды, в ходе которого происходит *взаимное приспособление* – и личности, социальной группы – к требованиям социальной среды, и социальной среды к запросам и установкам личности, социальной группы. Тем самым, выделяются как бы две взаимосвязанные стороны адаптации – *адаптивность* (приспосабливаемость) личности, социальной группы и *адаптируемость* (приспособление, изменение) социальной среды. Преодолевается акцент на преимущественно пассивный характер адаптации субъекта к социальной среде, что закрепляется в получающей все большее распространение теории личности как «актёра» (от англ. - to act - действовать), когда активность рассматривается как атрибутивное, неотъемлемое качество каждого человека (хотя степень развития этого качества и может быть различной у каждого субъекта социального действия);
- адаптация – *согласование* самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающее как *реальный* уровень, так и *потенциальные* тенденции развития среды и субъекта¹. В данном аспекте трактовки адаптации особую значимость приобретает акцент на согласование притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды. Это позволяет избежать гипертрофированного понимания активности личности (что вольно или невольно присутствовало в пропаганде в прошлые годы – «нам нет преград ни в море, ни на суше»; «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – и способствовало формированию у части молодежи психологии «чуда», «вседозволенности»). С другой стороны, взаимодействие и согласование установок и требований личности и социальной среды предстает не в статике, а в динамике, что позволяет выделить еще один очень важный аспект адаптации – *процессуальность*. Выход за рамки реального, нынешнего уровня взаимодействия к потенциальному (могущему развиваться в разных направлениях) превращает процесс социальной адаптации из стихийного в *управляемый* (в том числе, для организаторов работы с молодежью) и *самоуправляемый* (для конкретного молодого человека, для конкретных молодежных сообществ). Процессуальность предполагает разграничение между *процессом* (человек адаптируется) и *результатом* (человек адаптировался). Граница эта весьма подвижна и – во многом – индивидуальна, что определяет разный во временном интервале *темп адаптации*;
- важный момент, углубляющий трактовку адаптации как взаимодействия личности, социальной группы и социальной среды, – понимание самой *социальной среды*. И здесь в современной науке происходит определенная переориентация: от широкого понимания среды как того, что нас окружает, «среди» чего мы живем, – к более конкретному пониманию социальной среды, в котором подчеркивается *взаимодействие человека и внешних условий его жизнедеятельности*. В социальной среде – и это очень важно в конкретном анализе – выделяют *разные компоненты: материально-вещественный и личностный (люди, группы, коллективы)*. В зависимости от характера взаимодействия (опосредованное или непосредственное) разграничиваются *разные по масштабам* виды социальной среды: макросреда и микросреда (среда ближайшего окружения). Но границы между ними весьма подвижны. Разные социальные институты могут выступать (или не выступать) компонентом микросреды человека – все зависит от его деятельности. Тем самым важно подчеркнуть: диапазон социальной среды зависит

¹ См.: Современная западная социология: словарь. М., 1990. С. 9.

от человека. Такой подход (от человека) углубляет представление об адаптации как взаимодействии.

- *адаптация многогранна*. Уже потому, что разнообразны компоненты социальной среды и их составляющие. Применительно к студенчеству, например, первокурсник, живший в среднем и малом городе, селе, должен адаптироваться и к образу жизни в крупном городе. Для выпускников специализированных классов, гимназий, колледжей (где сегодня широко распространены многие вузовские формы организации учебного процесса) данный аспект адаптации в целом гораздо более облегчен. Для окончивших учреждения начального или среднего профессионального образования по профилю вуза адаптация к будущей профессии, специальности начинается до поступления в институт и потому, как правило, идет безболезненнее и быстрее. Многогранность адаптации связана и с неоднозначной социальной значимостью тех или иных компонентов социальной среды или протекающих в ней социальных процессов. Поэтому даже у конкретного первокурсника его адаптация к учебному процессу, к новым формам культурно-досуговой деятельности, к особенностям студенческой жизни (особенно – для проживающих в общежитии или на частной квартире), к новому коллективу (группы, специальности, факультета, института) идет разными темпами и завершается неодновременно¹.

Плодотворно осуществляемое исследователями социальных проблем молодежи выделение основных характеристик социальной адаптации²:

- *адаптационный комплекс* – система реальных и потенциальных адаптационных возможностей субъектов, находящихся в постоянно изменяющейся среде;
- *адаптационный потенциал* – совокупность нераскрытых и не проявленных в достаточной мере адаптационных способностей и возможностей субъекта;
- *адаптационный кризис* – противоречия, затрудняющие или препятствующие успешному осуществлению адаптации субъектов;
- *«адаптационный синдром»* – ситуация резкого ограничения или истощения адаптационных возможностей субъектов в силу их устойчивой приверженности устаревшим образцам поведения, стереотипам, отсутствия ресурсов для приспособления к новым условиям жизни;
- *«адаптационный барьер»* – предельный уровень адаптационной активности личности, определяемый причинами объективного и субъективного характера.

Сегодня важно разграничивать *разные типы социальной адаптации личности – социальное творчество и конформизм*. Типология моделей социальной адаптации Р. Мертон описывает возможные варианты взаимодействия индивида и социума через отношение личности к социальным ценностям и способам их достижения (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, бунт). Существующую типологию моделей социальной адаптации необходимо дополнить *парадигмой творческой адаптации*: индивид отвергает (не принимает) систему общественных ценностей, но при этом утверждает новую шкалу ценностей, применяет не только новые, но рационально использует имеющиеся признанные нормы поведения. Современные социально-психологические исследования свидетельствуют: девиантное поведение в своей основе все больше становится рациональным. В социальных новациях индивиды все больше опираются на знания и творческую интуицию. Социальное творчество – это новаторская деятельность, направленная на оптимизацию институциональных связей, формирование качественно новых форм социальных отношений. Отсюда вытекает важный для практики воспитания вывод: основным критерием успешности, оптимальности адаптации является не только освоение молодыми людьми институциональных норм и традиций, но и то, насколько

¹ Поэтому столь важна разработка адаптационной стратегии личности, группы, под которой понимается «поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами и специфическими обстоятельствами кризисно-аномийного состояния в обществе и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям» (Попова И.П., Седова Н.Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения// Социс. 2004. №2. С. 31).

² Социология молодежи: учебник / под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005. С. 45.

в процессе адаптации развивался, обогащался их творческий потенциал, насколько полно удалось его реализовать.

Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю., Шанко В.Т.

Социология молодежи в системе социологического образования.

Значимость преподавания социологии молодежи определяется уже характером данной отраслевой социологии. Освоение её – важная предпосылка профессиональной деятельности социологов, социальных антропологов, специалистов по работе с молодежью, социальных менеджеров и социальных педагогов, социальных работников и всех, кто работает с детьми, подростками, молодыми людьми.

«До недавнего времени... на молодежь смотрели как на какую-то заготовку будущих граждан. Надо во многом пересмотреть мировоззрение, идеологию молодежной социологии». **В.А. Ядов**

Но данный курс не может рассматриваться лишь как одна из отраслевых социологий. Тем более что при указанном подходе всегда возникает проблема выбора: какие из отраслевых социологий включить в учебный и рабочий план? Допускаем, что из-за ограниченности часов на аудиторные занятия, складывающейся в том или ином регионе конъюнктуры, наличия (или отсутствия) в вузе квалифицированных специалистов вопрос может быть решен и не в пользу социологии молодежи. Поэтому постараемся обосновать обязательность этого курса в профессиональной подготовке социологов (и специалистов в смежных сферах).

Прежде всего, в XXI в. изучение молодежи, которая всегда ассоциировалась с будущим, с перспективами социального развития, становится все актуальнее. В прошлом, как отмечал П.А. Сорокин, «отцы были копией дедов, дети – отцов», между ними устанавливалось большее или меньшее сходство; сходство языка, обычаев, верований, уклада, словом, сходство поведения». В новых условиях, когда динамика социальных изменений стремительно возрастает, «сегодняшние дети, – по оценке американской исследовательницы М. Мид, – вырастают в мире, которого не знали старшие», обостряется и проблема «отцы и дети», взаимоотношения поколений – конфликт или преемственность? В современном мире, в условиях растущей глобализации молодежные проблемы приобретают все более отчетливо выраженный общепокоренческий характер. Вместе с тем социокультурные особенности каждой страны накладывают существенный отпечаток на специфику проявления этих общих проблем. Российский опыт последних лет явственно показал: одна из главных предпосылок недостаточной эффективности реформ – узость социальной базы их проведения, в том числе – отторжение от их реализации значительной массы молодежи. Между тем, история свидетельствует: реформы могут быть успешными лишь при активном участии в них молодых.

Существенный момент – социология молодежи является одной из наиболее разработанных отраслей отечественной и зарубежной социологии. В ней представлены разнообразные теоретические трактовки социальных проблем молодежи и методические подходы к их изучению. Знакомство с ними позволяет полнее обеспечить объективность анализа, реализовать установку на понимание: молодежь сегодня – другая; у нее иные условия жизни, иные ценностные ориентации, установки; она становится все более дифференцированной и разнообразной. У студентов, благодаря этому, формируется более четкое представление о полипарадигмальности социологической науки, её несводимости к какой-либо монотеории. Примечательно, что в социологии молодежи получили отражение современные дискуссии о предмете социологии, соотношении количественных и качественных методов.

Социология молодежи (особенно – при доброжелательном и объективном отношении преподавателя к молодежным проблемам и к мнению студентов) позволяет преодолеть тот сложившийся в молодежной среде стереотип, «что ученые ничего про молодежь не понимают, что молодежью «занимаются», в основном, взрослые люди»¹. Но преподавателям данного курса (тем более – опытным) особенно важно преодолевать представления, навеянные воспоминаниями их молодости, избегать назидательности и морализаторства. Ориентиром

¹ См.: Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск. 2004. С.134. Мы склонны соотносить это с недостаточной готовностью многих социологов-юнологов «опуститься» (или, скорее, «подняться»!) до молодежного видения своих проблем, преодолеть назидательность и морализаторство.

тут могут быть слова М. Вебера: «Настоящий учитель остережется навязывать слушателю с кафедры какую-либо позицию, будь то откровенно или путем внушения»; ему следует стремиться, «чтобы слушатель был в состоянии найти пункт, исходя из которого он мог бы занять позицию в соответствии со своими высшими идеалами».

Социология молодежи помогает лучше уяснить *развивающийся* и *противоречивый* характер социологической науки. Социолог изучает человека в его *социальном качестве* – как личность, во всем многообразии ее потребностей, интересов, мотивов, установок, ценностей. *Личность* интересует социологию *не в ее единичности, индивидуальности*, а во взаимодействии с другими людьми, в различных социальных связях и отношениях. Речь идет о *социальном типе* – в типичных ситуациях и отношениях. Уже тут проявляется серьезное противоречие социального познания: изучая социальный тип личности, обобщая и абстрагируясь от многих конкретных проявлений ее жизнедеятельности, важно не упустить «живого человека». Предметом социологии и выступает *социальная жизнь* – реальное многообразие видимых и невидимых, прямых и опосредованных социальных связей и отношений¹. Общесоциологическая парадигма «от человека» особенно важна в социологии молодежи. Она ориентирует на изучение *ценностно-мотивационного* компонента личности молодого человека, человека, вступившего в один из наиболее сложных, противоречивых и динамичных периодов его жизни – *период социализации, взросления, достижения социальной зрелости*. Акцент на стратегию «от человека...» тем более значим в обществе, преодолевающем авторитарные и тоталитарные традиции, идеологию и психологию «маленького человека», «винтика» государственной машины. Эта идеология накладывала отпечаток и на принципы воспитания молодежи. Молодые рассматривались в основном как *объект* воспитания – со стороны родителей, педагогов, взрослых, общества². Подчеркивая сегодня продуктивность понимания молодого человека как субъекта социальной жизни, социологи отражают серьезные изменения в посттоталитарном обществе. Но нужно видеть и другое. Идеи свободы, самостоятельности, независимости и активности субъекта нельзя доводить до абсурда. Ведь их безграничность чревата индивидуализмом, асоциальным поведением, нарушением социальных норм, что порождает психологию вседозволенности, нигилистического отрицания социально значимых ценностей. Дело не только в разрушительных социально-нравственных последствиях вседозволенности. Ошибочно выводить поведение человека, его мотивы и установки, его ценностные ориентации и интересы только из субъективных устремлений. За рамками анализа по сути дела остается социализирующее воздействие социокультурной среды³. Человек искусственно вырывается из всей ткани реальной социальной жизни. Не случайно, в социологии наряду с *антропоцентристской парадигмой* (от человека к обществу) существует и противоположная – *социоцентристская парадигма* (от общества к человеку). В ее основе – анализ общества как социальной системы, различных сфер общественной жизни, их воздействия на поведение человека. В современной социологии утверждается *комплексный, интегративный подход*. В рамках его преодолевается противопоставление человека и общества, подчеркивается их *взаимодействие, взаимосвязь*. Особое внимание уделяется характеру и механизму такого взаимодействия. Общество реально – система взаимодействующих и взаимосвязанных социальных общностей и институтов. Личность проявляется через разнообразные социальные роли и позиции, которые выбирает или занимает в этих социальных общностях и инсти-

¹ Направленность такого подхода удачно выражена в подзаголовке одного из американских учебников социологии «from man to society» («от человека к обществу») (Acuff F. e.a. From Man to Society. Ill., 1973)

² О распространенности такого подхода к молодежи и в американском обществе можно судить по оценкам П.Л. и Б. Бергер, которые отмечают, что молодых людей в современном обществе «часто призывают «вести себя по возрасту»; «молодой человек в этом обществе подвергается воздействию бюрократического образовательного истеблишмента и болезненным конкурентным давлению внутри него» (См.: Личностно-ориентированная социология / пер. с англ. М., 2004. С. 238).

³ «Опыт социального общения: ключ к нашей человечности», – подчеркивает Дж. Масионис. Социализацию он соотносит с социальным опытом, «охватывающим всю жизнь», благодаря ему индивиды развивают свой человеческий потенциал и усваивают культуру». «Личность создается благодаря интернализации – или усвоению – нашего окружения» (Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб., 2004. С. 170).

тугах. И социология – не только наука о человеке или наука об обществе. Главное и специфичное для нее – анализ взаимодействия личности и общества через призму социальных общностей и институтов. Взаимообусловленность личности и общества наиболее отчетливо проявляется в *культуре*. Она выступает мерой освоения человеком социального опыта разных поколений и мерой самореализации личности, развития ее творческого потенциала. В ней реализуется единство социализации и индивидуализации личности, социальных традиций и инноваций. Содержательно культура – система ценностей, главная из которых – сам человек, во всем богатстве его проявлений. Функционально культура – система норм и регуляторов социального поведения.

Важно, чтобы сама социология молодежи предстала перед студентами не как нечто застывшее. Акцент на сегодняшний уровень той или иной науки без учета её решенных и нерешенных проблем лишает студентов возможности оценить свои профессиональные перспективы. Поэтому смещение акцента на исторический путь науки выполняет, кроме всего прочего, и важные функции в *профориентации будущего социолога*.

Понимание молодежи и социологии молодежи как многомерных явлений формирует у студентов важное профессиональное качество (компетенцию) – умение видеть и изучать современный социум во всей его противоречивости и сложности.

Развитие социологии молодежи отражает теоретический поиск в социологии в целом, который не может быть плодотворным вне общих изменений в методологии социального познания. Современная научная парадигма связана с отказом от универсалий науки классического периода. Рядом авторов она определяется как постмодернистская. В социальном познании эти процессы (особенно в нашей стране) идут с отставанием по сравнению с естествознанием. Но знамение времени – ток между естествознанием и обществоведением идет в обоих направлениях. Получили распространение интегративные теории. Главная цель их – преодолеть противопоставление объективного и субъективного в научном объяснении социальной жизни. Интересны попытки П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана развить такие теории. По оценке Бурдьё, «социология сегодня полна ложных оппозиций» (противопоставлений) – «между теоретиками и эмпириками, субъективистами и объективистами. Все эти оппозиции (а есть еще много других) кажутся мне совершенно фиктивными и совершенно опасными». Для Гидденса «проблема заключается в том, как должны быть определены концепции действия, значения и субъективности и как их можно соотнести с понятием структуры и принуждения». Целью своей теории «структуриации» он считает положить конец одностороннему субъективизму «объяснительной» социологии и объективизму функционализма. Решение поставленных ими задач потребовало и переосмысления ключевых понятий социологии: социальное действие, поведение, структура, система, социальное пространство, общество и т.д. Так, Луман предложил разграничить понятие «общество» как «совокупности всего социального, социальных отношений, процессов, действий и коммуникаций» и «интеракции» как взаимодействия присутствующих. Гидденс особенно подчеркивает неправомочность понимания социального поведения как жестко детерминированного: «Не существует «неизбежных тенденций» социального развития, которые либо ускоряются, либо замедляются конкретно-историческими процессами. Каждая модель социальной организации и изменений состоит из случайно связанных между собой предвиденных и непредвиденных результатов». «Поток действий производит последствия, которые являются ненамеренными, и эти непредвиденные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи...». И еще один важный момент – и это четко выразил Луман – они не претендуют на отражение в своих концепциях социальной реальности во всей ее полноте, на исключительное обладание истиной. На социологии молодежи не может не сказаться и присутствие всей социологии как науке стремление к самоопределению, чтобы достойно ответить на вызовы XXI в. «Перемены нашего времени по своему величию подобны тем, которые случились в период возникновения социологической классики», – отмечает Я. Сойсал¹.

¹ Цит по: Кравченко С.А., Романов В.Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики // Социс. 2004. №8. С. 3.

Эвристичным является изучение социологии молодежи и в плане понимания специфики отраслевых социологий, критериев их выделения. В качестве таковых выступают:

- конкретные социальные общности, слои, группы¹;
- различные социальные процессы (социальные конфликты, революции и реформы, адаптация, социализация, инновация, глобализация и т.д.);
- отдельные социальные институты;
- различные сферы социальной жизни (экономика, политика, быт и т.д.);
- конкретные общественные отношения, отражаемые в соответствующих формах сознания (социология права, науки, культуры, религии и др.).

Важно исходить из методологического принципа: «Будучи отраслью единой системы социологического знания, социология молодежи тесно связана с другими её отраслями, поскольку изучает молодежь не только как социальный феномен, взятый изолированно, но и в контексте её включенности в разнообразные формы конкретных социальных отношений»². Но тут и исследователи, и практики наталкиваются на сложность разграничения проблемного поля социологии молодежи с другими отраслевыми социологиями:

- идет ли такое разграничение лишь по одному из этих критериев?
- насколько жестки и переплетены сами эти критерии? (в рамках какой отраслевой социологии рассматривать проблемы студенческой семьи или процесс адаптации молодого специалиста в коллективе?);
- насколько применим к социологии молодежи «сферный» критерий выделения отраслевых социологий, когда акцентируются проблемы: «молодежь и экономика», «молодежь и политика», «молодежь и ...»? Ведь такой подход предусматривает два ракурса анализа: «от молодежи» или «от конкретной сферы». Специфика экономического или политического поведения молодежи, как и других социальных групп, может рассматриваться и в рамках социологии экономики, социологии политики;
- насколько учитывается многогранность молодежи как субъекта социальной жизнедеятельности, объекта социологического анализа? Можно ли свести многоплановость социологии молодежи к ее пониманию как определенной социально-демографической группы, поколения?
- как учесть то, что некоторые формы и особенности социального поведения и стиля жизни молодежи в той или иной сфере могут приобретать автономный, самостоятельный и даже контрастный характер? Это и отразилось в становлении своеобразной молодежной «субкультуры» и «контркультуры», что получило теоретическое осмысление в соответствующих социологических концепциях;
- как преодолеть серьезную проблемную ситуацию в применении «процессуального» критерия классификации отраслевых социологий? Ведь процесс социализации (особенно первичной) настолько «молодежный» – по целям, содержанию, характеру, что во многих современных западных учебниках по социологии молодежная проблематика рассматривается в разделе «Социализация»³. Да и в теориях молодежной революции при всей переоценке роли молодежи в революционном обновлении общества сама постановка проблем «молодежь и революция», «молодежь и инновации» имеет глубинный смысл. И не только в историческом

¹ В современных условиях акцент на молодежь как общность вновь выступает определяющим в подходе ряда авторов: «Вполне естественно, что столь многочисленная прослойка российского общества должна являться объектом пристального внимания со стороны социологической науки, выделившей социологию молодежи в самостоятельную отрасль социологического знания, исследующего на основе теоретических и эмпирических представлений современной социологии молодежь как социальную общность» (Социология молодежи: учебник / под ред. д-ра социологических наук, проф., чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова. М., 2005. С.7.). Авторы подчеркивают комплексный характер предмета социологии молодежи, охватывающий «широкий ряд социальных проблем, связанных с молодежью как возрастной категорией» (там же).

² Волков Ю.Г., Добренев В.И. и др. Социология молодежи: учебное пособие / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2001. С. 15.

³ См.: Гидденс Э. Социология: Учебник 90-х гг. / пер. с англ. Челябинск, 1991; Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М., 1993 и др. Мэсонис Дж. Социология. 9 –е изд. / пер. с англ. СПб., 2004.

плане – применительно к молодежной революции 1968 г. на Западе. Актуален анализ роли молодежи в обновлении современного российского общества. Важна теоретическая, содержательная сторона проблемы.

Проблема самоопределения социологии молодежи как науки предстает (должна быть представлена) перед студентами и в иной плоскости. Речь идет *об ее соотношении с другими науками, изучающими молодежь*. Для обозначения всего комплекса этих наук утвердилось понятие «ювенология» («ювенис» в переводе с латыни – «молодой») или «юнология». Общий знаменатель ювенологических наук – исследование разнообразных проблем молодежи¹. Различия между ними идут от характера рассматриваемых проблем и своеобразного – *социологического, психологического, историко-этнографического, культурологического, педагогического, демографического, медико-физиологического и т.д.* – угла зрения. Ювенология – наука о молодежи – сама молода и переживает сегодня этап становления. Отдельные ее отрасли достигли разной степени зрелости. Одни из них (социология молодежи, психология юношества как раздел возрастной психологии) уже сложились как самостоятельные научные дисциплины. Другие – развиваются в рамках конкретных наук (демографии, этнографии, культурологии и т.д.). Соответственно и целостность ювенологии еще достаточно относительна. Пока преимущественно понятия «ювенолог», «юнолог» применимы к специалистам разных наук, объектом изучения которых выступает молодежь. Конечно, такой подход имеет право на существование. Возможно комплексное изучение молодежи как социокультурного явления с позиций разных наук о человеке и обществе. Но подобный характер ювенологии создает предпосылки для не совсем четкого определения места социологии молодежи в ее структуре. Чаще всего проявляются две крайности. С одной стороны, ставится знак равенства между социологией молодежи и ювенологией в целом. В ряду подходов к разработке социологических теорий молодежи оказываются и психологический, и культурологический. Они действительно близки к социологии молодежи, но достаточно самостоятельны и относительно автономны. С другой, – социологические исследования растворяются в других подходах к изучению проблем молодежи, чаще всего – в социальной и возрастной психологии, что имеет предпосылки – размытость границ между социологией и социальной психологией. А это означает: осваивая социологию молодежи, студент сможет более четко понять и *специфику подхода к социуму* с позиций своей будущей социологической профессии.

Наконец, на примере социологии молодежи студенты глубже осмысливают *противоречивость реализации и соотношения функций социологии*. Показательно соотношения исследовательской и прогностической функций. В истории социологии молодежи имеются своеобразные «провалы». Социальный портрет молодежи того или иного периода оказывался порой неадекватным. На основе данных предшествующих достаточно серьезных исследований оказалось невозможным предвидеть резкие перемены в поведении молодежи, в ее установках и ориентациях. Объяснительная и прогностическая возможности социологии молодежи оказывались нереализованными. Наиболее заметно такие сбои выявились в западной социологии на рубеже 1960-1970-х гг., в социологии социалистических стран – на рубеже 1980-1990-х гг.: всплеск молодежного протеста, развитие контркультуры, альтернативных стилей жизни, движения «неформалов» оказались неожиданными для социологов и потому – для общественного мнения. Каковы же *причины этих провалов*? Проще было бы их списать на недостаточный профессионализм исследователей. Но с этим нельзя согласиться: социология молодежи была одной из продвинутых отраслей социологического знания. Несомненный факт и наличие среди социологов молодежи серьезных профессионалов. Это заставляет осмыслить более глубокие факторы указанных провалов. Наиболее общая причина – *методологическая ограниченность традиционного обществознания* (вне зависимости от идеологических,

¹ «Ювенология – комплексное междисциплинарное знание о взрослении, становлении и развитии молодого поколения в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал, базирующихся на общности процессов воспитания, образования и социализации молодежной популяции в целях стратегического развития на долгосрочную перспективу» (Ювенологический словарь: 300 терминов / под общей ред. Е.Г. Слуцкого, И.В. Скомарцевой. СПб., 2002. С. 110.)

мировоззренческих позиций). Социологи следовали жесткому детерминизму. В центре их внимания оказывались причинно-следственные связи. Ведущим методом прогноза выступала экстраполяция (продление в будущее сегодняшних тенденций). Но взрывы молодежного протеста относились к *вероятностным, флуктуационным* (резко отклоняющимся) изменениям. Их объяснение возможно в рамках качественно иной – синергетической – парадигмы социального познания. Если исходить из нее, то молодежная революция 1968 г.¹ и активность молодых в демократических движениях в СССР и в Восточной Европе были флуктуациями, отклонениями, моментами выбора нового пути. Анализ событий, неожиданных с точки зрения предыдущего развития, требует освоения синергетической методологии.

Нужно иметь в виду и серьезные трудности любого предвидения, прогнозирования, тем более, когда речь идет о столь подвижном явлении, как молодежь. Ведь даже исследования предыдущих лет порой рисуют картину не сегодняшней молодежи, а вчерашней, говорят об ориентациях людей уже выходящих из молодежного возраста. Научное прогнозирование может быть эффективным именно тогда, когда оно обращается не к конкретным событиям, а к долгосрочным, устойчивым тенденциям. Между тем «неожиданные» явления молодежного протеста и означали «прерыв постепенности», переход от устойчивого, стабильного развития к неустойчивому, нестабильному. К тому же нужно учесть, что отклонения в поведении молодежи в период стабильности не выходили за «рамки системы». Поэтому рисуемый социологами социальный портрет молодежи, даже включавший черты отклоняющегося поведения, был ориентиром для выводов о необходимости совершенствования работы с молодежью, преодоления этих внутрисистемных отклонений. Примечательно совпадение рекомендаций западных социологов в начале 1960-х гг. и отечественных – на заре перестройки. И те, и другие говорили о необходимости «улучшить», «усилить», «углубить», «повысить эффективность системы социального контроля». Серьезные различия в адресатах, в конкретных социальных институтах, к которым обращены были эти предложения, не отменяют сходства подходов. Сказываются и внутринаучные проблемы. Чем более развивалась социология молодежи в периоды относительной стабильности, тем более точным, обоснованным казался – в том числе и самим социологам – рисуемый ими социальный портрет молодежи. При всех различиях «в рисунках» западных социологов в начале 1960-х гг. преобладали черты сходства. Подтверждая выводы друг друга, социологи тем самым убеждали себя и других, что основной для предположений о грядущем взрыве нет.

Добавим к этому и субъективные факторы. Многие социологи молодежи или уже были немолодыми, или успевали постареть за годы исследований. Поэтому на их выводы и позиции вольно или невольно накладывается отпечаток трудностей взаимопонимания между людьми разных поколений. Любому взрослому человеку чрезвычайно трудно увидеть мир и проблемы молодых их глазами. На характере проводимых социологами молодежи исследований (от рабочих гипотез – до интерпретации полученных результатов) сказываются их социально-нравственные позиции, отношение к молодежи. А такие позиции и отношения могут быть разными. И дело не только в идеологических, мировоззренческих различиях, но именно в тональности – как относиться к молодежи?

Сказываются и определенные идеологические, мировоззренческие пристрастия. Это, в частности, помешало социологам из социалистических стран увидеть в антисистемном протесте западной молодежи конца 1960-х гг. более общий феномен, направленный не против

¹ Характерна оценка П. Бергером «молодежного протеста» в Америке и Франции в конце 1960-х гг.: «Как случилось, что самые привилегированные люди в стране, а по существу и в мире, восстали против своего общества? В чем причины? Как социологи, мы не верим, что люди заразились большими идеями. Все, наверно, проще. Но теория не смогла дать ответ. Социологи были обескуражены и находятся в таком положении и сейчас, когда вспоминают о тех событиях... Потерпели поражение две теории: марксистская - с ее классовым подходом, который уже давно перестал работать, и буржуазная - с ее идеями стратификации, где люди по мере роста их благополучия занимают все более правые позиции. А в нашем случае влево двинулись состоятельные люди. Одним мешают идеология. Они хотят видеть лес революционного пролетариата за буржуазным кустарником. Другие грешат тривиальностью. Они бродят среди кустарника, исследуют различные социальные группы, и не видят леса в целом» (Цит. по: Социология. / сост. И.П. Яковлев. СПб., 1993. С. 12.)

капиталистической системы (что обычно и подчеркивалось), а против мира взрослых в целом, против индустриального общества.

Абрамова М.А., Гончарова Г.С. (ИФП СО РАН, Новосибирск)

Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии¹

В условиях усиления межкультурных контактов в России и мире особую актуальность приобретает проблема аккультурационных стратегий индивида, выбор которых обуславливается как его этнической и гражданской самоидентификацией, так и социально-экономическим положением той этнической и социальной группы, членом которых он является. Изучением этой проблемы среди отечественных исследователей занимались В.Г. Бабаков, К.Д. Гарибян, Н.М. Лебедева, В.Н. Павленко, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец, О.Е. Хухлаев и др.² Мы использовали также разработки зарубежных ученых, в частности, концепцию Дж.В. Берри о четырех типах аккультурационной стратегии³. На основе указанной концепции, а также теорий Камиллери и Т. Парсонса авторами сделана попытка определения аккультурационных стратегий и их влияния на социокультурную адаптацию учащейся молодежи многонациональной Республики Саха (Якутия).

Культурная трансмиссия включает два процесса: *инкультурацию и социализацию*. Инкультурация происходит в результате «погружения» индивидов в культурную среду, что приводит к усвоению моделей поведения, присущих или «одобренных» данной средой. Социализация индивида осуществляется на базе образования и воспитания, в результате усвоения норм и ценностей, обуславливающих культурно-приемлемые типы поведения. Необходимо отметить, что процессы инкультурации и социализации индивида не проходят изолированно, результаты трансмиссии во многом определяются не только взаимодействием с родной культурной средой, но и контактами с другими культурами. Процесс социокультурной трансформации индивида под влиянием изменения первоначального культурного контекста или взаимодействия с иной культурной средой называют *аккультурацией*.

Одной из первых крупных работ по аккультурации было исследование М. Герсковица⁴. Позже Т. Грейвз⁵ обосновал разделение аккультурации на *групповую* (изменение социальной структуры, экономики, политики) и *личностную* (психологическую, включающую изменение идентичности, ценностей, установок). *Аккультурационные стратегии*, выбираемые индивидом или группой, подверженной влиянию условий трансформации окружающей среды, могут привести к состоянию *адаптированности* (психологической и социокультурной) или *аккультурационному стрессу* (например, к чувству неуверенности, беспокойству и даже психическим заболеваниям)⁶. Рассмотрим, на какие типы подразделяют эти стратегии.

¹ Работа выполнена по проекту «Социокультурная адаптация студенческой молодежи к условиям современных трансформаций» в рамках программы президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», а также по гранту Президента РФ для молодых докторов наук «Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера: репрезентация в графических образах (на примере Республики Саха (Якутия))».

² Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М., 1993; Гарибян К.М. Социокультурные факторы адаптации армянских мигрантов в Москве <http://dl.hse.ru/data/834/I43/1235/garibyan.doc>; Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций М., 1993; Павлов С., Мухина В. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера // Развитие личности. 2001. №3-4. С. 55-75; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунова О.В. Межкультурный диалог в школе. М., 2004; Хотинец В.Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 60-73; Хухлаев О.Е. Психология переживания в контексте культурно-исторической типологии // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 19-27.

³ Berry J. W. Acculturation and psychological adaptation: review // Journeys into cross-cultural psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium / Ed. by Bouvy A.M. et al. Lisse etc., 1994.: P. 139-140.

⁴ Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. № 1.

⁵ Graves T.O. Psychological acculturation in a tri-ethnic community. Southwestern Journal of Anthropology. 1967. №23.

⁶ Al-Issa I. & Toiisignant M. (Eds). Ethnicity, immigration and psychopathology. N.Y., 1997.

Стратегии межкультурного взаимодействия состоят из двух компонентов: *социокультурных установок и реальной модели поведения индивида в конкретных ситуациях*, которые, как подметил Дж.В. Берри, редко совпадают. Это несоответствие объясняется усвоением формализованных моделей поведения, зачастую расходящихся с мотивацией личности в принятии тех или иных поведенческих решений, а также социальными ограничениями поведения (нормы, возможности и т.д.). Дж.В. Берри проводил различия между стратегиями *ассимиляции* и *интеграции*, а также между стратегиями *сепарации* и *маргинализации* как различными способами осуществления аккультурации (как групп, так и отдельных людей)¹. В основе типологии лежат два критерия ориентации людей: 1) на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и 2) на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами).

С учетом указанных критериев можно выделить *четыре типа аккультурации*, как избираемой этнокультурными группами, так и реализуемой в обществе в целом, чаще всего доминантными группами. При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию *сепарации*. И напротив, когда люди придают значение сохранению собственной культуры, но в то же время не ограничивают взаимодействие с другими культурами, осуществляется стратегия *интеграции*, что в обществе (при выборе данной стратегии доминирующей группой) именуется политикой *мультикультурализма*. Если же у индивида мало возможностей или заинтересованности в сохранении своей культуры при наличии желания взаимодействия с другими культурными группами то, скорее всего, будет осуществляться *ассимиляционная* стратегия. Когда же данный тип аккультурационной стратегии избирается в качестве доминантного в обществе, то реализуется идея «*плавильного котла*» (унификации этнических характеристик). Стратегия *маргинализации* отличается слабой заинтересованностью во взаимосвязи с другими группами (возможно, по причине исключения или дискриминации).

Необходимо отметить, что при определении типа стратегии как недоминирующие группы, так и их отдельные представители обладают возможностью выбора. Для этого, естественно, необходимы определенные условия. Стратегия *интеграции*, например, может осуществляться в полной мере этнокультурной группой или индивидом только в *мультикультурном обществе*, в котором утверждены определенные психологические посылки². К ним относятся: 1) повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества; 2) относительно низкий уровень предубеждений (минимальный этноцентризм, расизм, дискриминация); 3) положительные взаимные отношения между этнокультурными группами; 4) ощущение принадлежности к обществу и идентификация с ним всех индивидов и групп; 5) стремление сохранить культурное наследие.

Для обоснования представленной в статье *методики определения аккультурационной стратегии* индивидов использовались теория Тайфеля о социальной идентичности и концепция Камиллери о стратегиях идентичности³. Как и понятие стратегии аккультурации, самоидентификация базируется на определении двух параметров: 1) идентификации себя с культурным наследием и этнокультурной группой (этническая самоидентификация); 2) идентификации с обществом (гражданская самоидентификация).

При понимании значимости как этнической, так и гражданской самоидентификации индивид избирает стратегию *интеграции*; при нивелировании обоих – *маргинализации*. Домини-

¹ См.: Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков, 2007. С. 381.

² Berry J.W., L'Kalin K. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1995. №3.

³ См. Tajfel H. (Ed) Differentiation between social groups. London: Academic Press. 1978; Brewer M. The social self. On being the same and different at the same time. Personality and Social Psychology Bulletin. 1991; Kalin R., Berry J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // Canadian Ethnic Studies. 1995. №27.

нирование этнической самоидентификации обуславливает выбор *сепарационной* стратегии, а при доминировании гражданской – *ассимиляционной*.

В социологическом исследовании, которое было проведено в 2006-2007 гг. в Республике Саха (Якутия) - РС(Я), изучались мнения молодых людей, на основе которых можно проектировать адаптационные стратегии поведения молодежи, представляющей различные территориальные и этносоциальные общности¹.

Актуальность проведения исследования в данном регионе усиливалась тем, что для него сегодня характерен один из самых интенсивных оттоков славянского населения и, как следствие, изменение этнической структуры республики. Численность жителей Якутии в 1991 г. составляла 1119 тыс. чел., а в 2006 г. - 949 тыс. чел., т.е. уменьшилась на 170 тыс. чел., или более чем на 15%². Миграция, обусловленная социально-экономическими и этнополитическими причинами, приняла такие масштабы, что получила широкий общественный резонанс как нежелательная с точки зрения государственных интересов. Доля славян в этнической структуре РС(Я) сократилась с 50,3% в 1989 г. до 41,2% в 2002 г., и данная тенденция продолжается. Так, в структуре внешней для региона миграции в 2005 г. доля славян составила 73,5% от миграционной убыли населения³. Мы предположили, что высокая миграционная подвижность славян может быть обусловлена усилением сепаратистских настроений как со стороны титульного этноса (саха), так и со стороны рассматриваемой группы, что может стать одной из причин выбора дезадаптивной модели поведения, в итоге приводящей к миграции как своеобразной форме отторжения.

Для анализа выбора аккультурационной стратегии мы предложили респондентам ответить на вопрос «Насколько важно для Вас осознавать себя: 1) представителем своего этноса (своей национальности); 2) гражданином России; 3) гражданином мира?»

Таблица 3

**Этническая и гражданская идентификация молодежи Республики Саха (Якутия)
(% от числа ответивших по группам)**

Этнические группы	Представитель этноса			Гражданин России			Гражданин мира		
	++	+	-	++	+	-	++	+	-
Якуты	40	47	13	46	45	9	30	40	30
Русские	36	39	25	70	24	6	40	31	29
Народы Севера	31	47	22	52	46	2	32	52	16
Прочие народы	20	40	40	59	37	4	46	33	21

«++» - очень важно; «+» - важно; «-» - не важно

Результаты опроса показали, что этническая идентификация в равной степени важна (ответы «очень важно» и «важно») для респондентов якутской, русской национальности и представителей КМНС. В меньшей степени – для представителей прочих этнических групп. Ощущение себя гражданами России также имеет важное значение для всех опрошенных групп. Полученные результаты позволили нам выявить доминантные виды аккультурационных стратегий на основе соотнесения на индивидуальном уровне ранжирования этнической и гражданской самоидентификаций. Так, при определении респондентом как «очень важной» или «важной» этнической и гражданской (российской) самоидентификации данный индивид был отнесен в группу «*мультикультуралистов*» (тип стратегии – *интеграция*). При доминировании значимости этнической идентификации над российской респондент причислен к

¹ В качестве объекта исследования была взята учащаяся молодежь - как живущая в г. Якутске, так и приехавшая на учебу из различных населенных пунктов городской и сельской местности. Опрошены 1600 респондентов, из которых 4% – школьники 14-17 лет и 96% – студенты 18-23 лет, обучающиеся в учебных заведениях г. Якутска. Часть респондентов совмещает работу с учебой (в том числе школьники, из которых каждый третий подрабатывает). В этническом плане выборка представлена так: 69% – саха, 21% – русские, 3% – коренные малочисленные народы Севера (КМНС), 7% – иные этнические группы.

² Демографический ежегодник РС (Я). Якутск, 2006. С. 9.

³ Миграция населения по РС (Я). 2005. Якутск, 2006. С. 40.

группе лиц, избравших стратегию *сепарации*. Нивелирование и этнической, и гражданской (российской) самоидентификации определялось нами как выбор стратегии «*маргинала*». Доминирование гражданской (российской) идентификации над этнической соответствует реализации индивидом *ассимиляционной* стратегии аккультурации.

Данная группировка результатов опроса позволила нам выявить декларируемые респондентами стратегии аккультурации:

Таблица 4

Тип выбора аккультурационной стратегии и этничность
(% от числа ответивших по группам)

Тип стратегии	Этнические группы			
	Саха	Русские	Народы Севера	Прочие народы
Интеграция	70	60	69	52
Сепарация	9	4	4	1
Ассимиляция	15	27	21	39
Маргинализация	3	4	2	4

Анализ аккультурационных стратегий по модели Камильери позволил выявить высокие показатели стратегии интеграции у саха и у представителей коренных малочисленных народов. Ниже данный показатель у русских (60%), еще ниже – у группы «прочие народы» (52%). Небольшая группа (9%) саха сориентирована на сепарацию. Самый низкий показатель по данной стратегии у группы «прочие народы» (1%). Правда, и самый высокий показатель по ассимиляции показала также данная группа – 39%. Маргинализация как стратегия аккультурации была одобрена крайне малым числом респондентов. Полученные данные свидетельствуют о довольно высоком уровне расположенности респондентов к межкультурному взаимодействию (интеграции и ассимиляции).

Однако необходимо отметить, что анализ избираемых стратегий был бы не полон, если бы мы остановились только на уровне декларирования выбора. Для более точной диагностики доминантной стратегии аккультурации у различных этнических групп необходимо соотнести предполагаемую идентификацию с *прожективным поведением индивида*.

В рамках данного исследования было решено рассмотреть распределение типов избираемых стратегий русской и якутской (саха) молодежью с учетом предпочтения национальности при выборе друзей, партнеров и руководителей по работе и т.д. Учитывая этническую структуру населения РС(Я), при анализе полученного материала основное внимание было уделено двум крупным этническим группам: саха и русским; в то же время по наиболее актуальным вопросам (например, о межнациональных отношениях) приведены данные двух других групп: КМНС и представителей «прочих этнических групп».

Анализ показал, что из числа респондентов, декларирующих себя как мультикультуралисты, на уровне межличностного взаимодействия (*выборе друга*) подтвердили определение своей стратегии интеграции 29% саха и 38% русских. В то же время при декларировании стратегии интеграции реализуют в межличностном взаимодействии сепарационную стратегию (т.е. ограничивают выбор друга своей этнической группой) 58% саха, 54% русских. И небольшое количество (8% саха, 3% русских) используют смешанную стратегию. Молодежь, выбравшая ассимиляционную стратегию, оказалась даже более «мультикультуралистичной» при выборе национальности друга, чем та, которая декларировала «мультикультурность». Так, 35% саха и 39% русских хотели бы, чтобы другом был человек их национальности. Самый высокий процент тех, кому не важна национальность друга, был в группе русских, выбравших стратегию маргинализации – 85%. И самый низкий (19%) – в группе саха, выбравшей стратегию сепарации.

Следующая дистанция, на которой мы проверили соотношение декларируемой идентификации с поведенческими установками аккультурации, стал выбор *партнера по работе*. Оказалось, что увеличение социальной дистанции сокращает численность тех респондентов, которые при декларировании стратегии *интеграции* все же в быту прибегают к сепарацион-

ной стратегии: 43% из числа саха и 47% русских респондентов при выборе коллеги по работе предпочли представителей своей национальности, в то время как при выборе друга – соответственно 58 и 54%. Ответы респондентов, избравших в качестве доминантной стратегии *ассимиляционную*, также свидетельствуют о том, что доля тех, кто был бы склонен выбирать партнера по этническому признаку, меньше, чем при выборе друга: 32% – саха, 32% – русские. И доля тех, кому не важна национальность партнера, значительно больше (саха 41% и русских – 56%). То есть выбор партнера по работе менее этноцентричен и, соответственно, более интегративен, чем выбор друга, и степень совпадения декларируемой и реальной стратегии поведения при выборе партнера выше.

При выборе руководителя по работе 53% молодежи саха и 62% русской молодежи, избравшей стратегию *интеграции*, предпочли бы работать под руководством человека своей национальности. Для молодежи саха, избравшей стратегию *сепарации*, этот процент уже несколько выше – 60%, в то время как у аналогичной группы русских респондентов он незначительно снизился – до 60%. Также представители данных групп (саха и русские), избравшие стратегии ассимиляции или маргинализации, продемонстрировали в целом более толерантное отношение к национальности предполагаемого руководителя.

Самым ярким противостоянием мнений стало представление респондентов о национальности руководителя Республики Саха (Якутия). Так, 75% саха, вошедших в группу «*сепаратистов*», указали на то, что главой республики должен быть саха: это же мнение высказали 68% из числа «*мультикультуралистов*» – саха; 51% – из числа избравших стратегию *ассимиляции*; 52% «*маргиналов*». Предпочли русского 67% респондентов из числа русских «*сепаратистов*»; 53% – из «*мультикультуралистов*», 34% – из «*ассимилирующихся*» и 23% – из «*маргиналов*». Достаточно высок процент тех, кто оказался безразличен к этнической принадлежности руководителя РС(Я): 31% русских «*мультикультуралистов*» и 46% русских, избравших стратегию «*ассимиляции*». Данные о предпочтениях в отношении рядовых сотрудников власти свидетельствуют о несколько более толерантном, чем при выборе руководителя РС(Я), отношении респондентов к их национальности. Так, 60% саха и 60% русских с доминантной стратегией «*сепарации*» выбрали сотрудников органов власти из своей этнической группы. Практически таким же был ответ русских «*мультикультуралистов*» – 56%.

Если высокие показатели этноцентризма в группах «сепаратистов» предсказуемы, то чрезвычайно высокие, по сравнению с саха, показатели «не важно» в группе русских «*маргиналов*» во всех выборах – друга, партнера, власти – озадачили. Является ли данный результат своеобразным отражением высокой степени интеграции индивидов, или же это защитная реакция, связанная с ощущением невозможности собственного влияния на те социокультурные процессы, которые идут в республике? Или возможно, что данная группа включает тех, кто уже собрался мигрировать из региона? Предположений много, но однозначные ответы на них дать пока затруднительно.

Мы включили в анкету вопрос о характере межнациональных отношений в РС(Я). Представляется, что ответ на него позволяет более четко провести грань между теми, кто прошел путь аккультурации и действительно интегрировался в поликультурное сообщество республики, и теми, кто, усвоив формально норму о ценности межкультурного взаимодействия, воспроизводит ее лишь в абстрактной ситуации и не реализует в конкретной.

Самый высокий процент желающих жить среди людей своей национальности (ответы «очень важно»), конечно же, показали респонденты, избравшие стратегию *сепарации*: 38% саха и 40% русских. Но и среди тех, кто причислил себя к мультикультуралистам («*интеграция*») достаточное количество предпочитающих общество своей этнической группы (почти каждый третий – среди русских, каждый четвертый – среди саха). Фактически это доля тех, кто в каких-то ситуациях предпочитает ограничивать круг своего межкультурного общения, возможно, в силу этностереотипов, а, возможно, руководствуясь нежеланием осваивать инокультурные модели поведения. С изменением доминантной стратегии аккультурации заметно сокращается доля «сепаратистов» – так, 61% респондентов из группы «прочие народы» выразили индифферентное отношение к этничности тех, с кем будет общаться.

Мы сочли необходимым выяснить, как оценивает молодежь состояние межнациональных отношений в пункте своего проживания.

Таблица 5

Оценки молодежью состояния межнациональных отношений

Мнения о межнациональных отношениях		Стратегии этнокультурных групп							
		Интеграция		Ассимиляция		Сепарация		Маргинализация	
		Саха	Рус.	Саха	Рус.	Саха	Рус.	Саха	Рус.
Желание жить среди людей своей национальности	++	23	31	11	11	38	40	0	0
	+	59	49	51	48	47	27	48	23
	-	18	18	38	41	14	33	52	77
Оценка межнациональных отношений	+	55	26	47	27	56	13	45	23
	+ -	38	53	45	53	38	47	45	62
	-	4	19	6	17	5	40	10	15
Характер межнациональных проблем	1	26	37	29	36	31	60	26	39
	2	13	59	22	49	12	47	26	62
	3	7	6	12	7	11	7	19	15
	4	51	41	7	36				

Желание жить среди людей своей национальности: «++» - очень важно; «+» - важно; «-» - неважно

Оценка межнациональных отношений: «+» - стабильные, без напряжения; «+ -» - скрытое напряжение;

«-» - чувствуется сильное напряжение

Характер межнациональных проблем: 1 – не очень хорошо относятся к якутам; 2 - не очень хорошо относятся к русским; 3 - не очень хорошо относятся к КМНС 4- проблем нет

Оказалось, что самая большая доля (40%) тех, кто ощущает *сильное напряжение* в межнациональных отношениях, - среди русских респондентов группы «сепарация» (выбравших стратегию сохранения своей культуры и ограничения межкультурного взаимодействия). В группе избравших стратегию интеграции 56% КМНС, 53% русских и 38% саха высказались о том, что присутствует *скрытое напряжение* в межнациональных взаимоотношениях, а 19% русских – даже *аильное напряжение*. В группе «ассимиляция» 53% русских, 45% саха, 37% «прочие народы» и 36% КМНС ощущают *скрытое напряжение*, а 47% саха, 46% КМНС, 37% «прочие народы» и 27% русских отметили, что межнациональные отношения *стабильные, без напряжения*.

Межнациональные отношения оценивают как стабильные 51% саха, избравших стратегию интеграции; остальные настроены не так радужно и у них этот показатель несколько ниже. Так, лишь 39% представителей народов Севера, 27% – прочих народов, 26% русских считают, что проблем нет. По мнению *половины русских* респондентов из групп со стратегиями интеграции и ассимиляции (59 и 49% соответственно) к ним «не очень хорошо относятся». Народы Севера с ассимиляционной стратегией считают, что в их местах проживания «не очень хорошо относятся к якутам» (55%). То же самое отметили и 60% респондентов русской национальности из числа декларировавших себя как «сепаратисты».

Наличие, по восприятию респондентов, проблем межнациональных отношений в регионах Якутии во многом зависит от типа этнической самоидентификации отвечавших. Так, 62% русских респондентов из числа «маргиналов» ощущают скрытое негативное отношение к своей этнической группе; этот же факт подчеркнули 59% русских «мультикультуралистов», 49% из числа русской ассимилирующейся молодежи и 47% русских из числа «сепаратистов». На существование проблем межнационального характера в отношении русского населения указала и молодежь из группы «прочие народы» (34% от числа выбравших стратегию интеграции, 28% – ассимиляции), а также 22% саха из группы молодежи, избравшей стратегию ассимиляции.

Таким образом, по оценке характера межнациональных отношений можно сделать вывод о том, что и *русской молодежью*, и *молодежью саха* ощущается *скрытое напряжение* в межнациональных отношениях. В большей степени – русскими респондентами, независимо

от типа выбираемой стратегии аккультурации. Но в целом данные опроса не показали существования острого противостояния между этническими группами, а в рейтинге проблем, которые тревожат молодежь, на первом месте оказались, как показало исследование, финансовые затруднения, вызванные отсутствием высокооплачиваемой работы, жилья.

Подводя итоги, отметим, что проведенный анализ позволил: 1) выявить доминирование в процессах социокультурной адаптации смешанного типа аккультурационной стратегии у молодежи, независимо от этнической принадлежности респондентов; 2) обнаружить тенденцию: с увеличением социальной дистанции происходит сокращение числа реализующих выбранную ими стратегию «интеграция»; 3) подтвердить доминирование у представителей коренных малочисленных народов Севера и группы «прочие народы» ассимиляционной стратегии аккультурации; 4) сделать вывод, что при существующем оттоке славянского населения, а также наличии значительной части (27%) русской молодежи, избравшей в качестве аккультурационной стратегии ассимиляцию, снижаются возможности данной этнической группы по сохранению своего положения в социуме Якутии. Дальнейшее исследование с привлечением более разносторонней информации, в том числе о характере миграционных потоков, позволит получить более углубленное представление о процессе социокультурной адаптации молодежи и построить прогноз осуществления межкультурного взаимодействия в данном регионе.

Агинская Т.И. (УрФУ, Екатеринбург)

Идеальные устремления и реальные ожидания в брачном поведении студенческой молодежи

В современной социологии фиксируется ограниченность возможностей количественных методов исследования и определенные преимущества качественных методов в диагностике тенденций социального развития¹. Так, к примеру, социолог И.Ф. Девятко, отмечая недостатки массового анкетного опроса, говорит о низкой чувствительности этого метода количественной стратегии к уникальным чертам исследуемой социальной ситуации, об относительно меньшем внимании к субъективным и индивидуальным характеристикам опыта исследуемых людей и групп, к их самоописаниям, интерпретациям и «обыденным теориям»². По мнению В.А. Ядова, если принять точку зрения качественной (или гуманистической) социологии, то каждая из таких особых человеческих ситуаций уникальна, содержит специфический социальный опыт, особые переживания и страдания, которые в совокупности складываются в их специфический «жизненный мир». Этот мир именно как «особое» может стать объектом исследования. *Общий фокус качественного исследования концентрирует внимание на частном, особенном в описании целостной картины социальных практик*³.

С точки зрения методологии качественная, или гуманистическая, социология является по своей сути микросоциологией. Исследователь концентрирует внимание на субъекте, агенте социального действия и обращается, прежде всего, к его личностному повседневному опыту и взаимодействиям с другими людьми. Свои наблюдения он обобщает и переводит их на язык научных терминов для теоретической интерпретации скрытого социального смысла или механизмов функционирования данного аспекта социальной реальности. На практике качественные методы оказываются более эвристичными в фиксации тенденций развития изучаемых социальных процессов. Их преимущество состоит в том, что они позволяют – как бы изнутри – увидеть реконструирование их складывания, распространение этих тенденций. Качественные методы, как лакмусовая бумага, помогают выявлять индикаторы и диагностировать проявление внутренних процессов изучаемых явлений, находясь на точке перелома и изживания классической парадигмы. Качественные исследования, утверждает социолог В.В. Семенова, позволяют также изучать новые явления или процессы, не имеющие массового

¹ См.: Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006. С. 36.

² См.: Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998. С. 9.

³ См.: Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2006.

распространения, особенно в условиях резких социальных изменений¹.

Эти тенденции особенно актуально изучать сегодня, в ситуации исторической смены индустриального общества обществом постиндустриальным, или информационным, как его часто называют исследователи. На пороге становления цивилизации Третьей волны (термин Э. Тоффлера) происходит трансформация существующих типов гендерных отношений, которым предшествовал фундаментальный сдвиг в смене парадигмы гендерного ролевого взаимодействия, гендерных статусов, социальной мобильности и т.д., особенно на протяжении всего XX в. На необходимость рассмотрения современной социальной реальности с точки зрения динамики социальных процессов обращает внимание авторитетный уральский философ В.В. Скоробогачкий. По его мнению, социокультурный подход, наиважнейшее положение которого – признание равноправности ценностей и фактов, – является решающим при выборе путей и направлений развития науки, и теоретической ее составляющей, и методологической². Таким образом, с точки зрения социокультурного подхода ценности и факты – это два элемента, соединение которых обуславливает характерные особенности социальной реальности, отличающие ее от природы.

Мы решили воспользоваться преимуществами метода фокус-группы, который трактуется исследователями как «групповое полуструктурированное и фокусированное интервью в форме, близкой к дискуссии»³. В литературе его называют: «фокус-группа», «фокусированное интервью в группе», «групповая дискуссия», «глубинное групповое интервью». Впервые метод фокус-группы был применен Р. Мертоном и П. Лазарсфельдом в 1941 г. в исследовании эффективности радио. Потом длительное время этот метод был предан забвению, но в 1970-1980-е гг. на Западе интерес к нему вновь обозначился, он стал широко применяться в различных социологических, социально-психологических и маркетинговых исследованиях. По существу, фокус-группа – это такое же интервью, только групповое, по своим параметрам напоминающее глубинное интервью. Здесь есть перечень тем или вопросов, есть исследователь, есть информанты (участники интервью), имеет место взаимодействие по поводу получения информации. Однако групповое интервью отличается не только количественными, но и качественными характеристиками.

Смысл фокус-группы заключается в том, что в ходе группового интервью создается особое социально-психологическое поле, формирующее атмосферу равноправного диспута и стимулирующее к размышлениям и высказыванию собственной позиции, в отличие от индивидуального интервью. В.И. Ильин сравнивает фокус-группу со спектаклем, в котором есть и режиссер, и актеры. По канонам «жанра», по своему социальному составу группа должна формироваться из людей, ведущих один образ жизни, находящихся в одном социокультурном поле, попадающем в объект исследования. Смысл группового интервью в том, что за короткое время можно получить информацию о спектре имеющихся типических ситуаций, вариантов, моделей поведения и т.д. Желательно, чтобы участники группы не были знакомы ни с модератором, ни друг с другом, что создает эффект атмосферы поезда, где случайные попутчики открыто обсуждают различные темы.

Ключевым моментом в подготовке группового интервью является определение содержания того, что предстоит обсуждать, т.е. краткий сценарий (план) предстоящего спектакля под названием «Фокус-группа». Важной частью сценария является вступительное слово, произносимое модератором (около 5 минут), в котором он объясняет собравшимся цель исследования, проясняет некоторые технические моменты и т.д. По своим некоторым характеристикам групповое интервью напоминает включенное наблюдение. Желательно вести видеозапись. Групповое интервью успешно, если модератору удалось сформировать группу с единым полем, в котором разворачивается дискуссия. Сценарий (план) состоит из нескольких крупных структурных вопросов, затем формулируется типизирующий вопрос, направленный

¹ См.: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2000. Гл. IV. С. 392.

² См.: Скоробогачкий В.В. Общество и власть в эпоху перемен. Статьи, доклады. Екатеринбург, 2007. С. 45-54.

³ См.: Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006. С. 36.

на выявление новых вариантов поведения в группе, а также адресный, уточняющие и другие вопросы. В заключительной части беседы подводятся итоги и основные выводы.

Вообще провести фокус-группу по всем правилам – задача довольно сложная и не всегда выполнимая. На это обстоятельство В.И. Ильин специально обращает внимание. С этой же проблемой столкнулись и мы, имея желание соблюсти все правила «жанра»¹. Даже небольшая по составу группа, по существу, – это проекция на определенную часть общества. Примечательно, что из наиболее значимых ценностей, наши информанты подавляющим большинством (7 из 8) выбрали семью, брак как ценность, затем – карьеру, любовь, достаток, духовность и т.д. То есть, молодые люди заранее конструируют свое будущее и «реальность повседневной жизни», имея определенные установки в гендерном поведении. Иными словами, «человек создает социальную реальность, а эта реальность создает человека»². И что бы ни говорили о кризисе семьи и брака, их видоизменениях и поливариативности, жизнь будет полноценной и счастливой, если союз двух людей окажется гармоничным. Сегодня представления о браке и семье существенно отличаются от тех, которые были еще, к примеру, в середине 1950-х гг. Патриархальная семья как доминирующая форма брака и идеал семьи с традиционным набором ролей (муж – добытчик, жена – домохозяйка), по мнению наших информантов, постепенно уступает свои позиции браку и семье с эгалитарными установками. Здесь уместно добавить, что эгалитарный брак, в отличие от патриархального, не имеет своей истории и традиций. Это, скорее, психологическая и идеальная ценностная установка в зависимости от воспитания (социализации), уровня культуры и среды обитания индивида.

Оживленная дискуссия в группе разгорелась по поводу вопросов: «Каков Ваш идеал брака, семьи?» и «Согласны ли Вы, что в браке, семье должен быть глава?». Что касается первого вопроса, наши информанты проявили солидарность: по их мнению, брак должен строиться на основе любви, равноправия, уважения партнеров, доверия друг к другу и т.д. По поводу второго вопроса мнения разделились. Роман (35 лет): по его мнению, ответственные решения должен принимать муж как глава семьи. Но это доминирование, считает он, не должно ущемлять интересы жены, с которой он обсуждает и согласовывает важные дела. Такой тип отношений с полным правом можно отнести к современному полноправному патриархальному партнерству. Вячеслав (22 года) считает идеальной семью, где оба супруга работают, интересно вместе проводят досуг, делят между собой обязанности по воспитанию детей. Что касается ролевого поведения, по его мнению, домом и детьми больше должна заниматься жена, а муж больше работать и обеспечивать семью. Хотя, «он не против и посуду помыть, и сделать уборку – не считает, что это «не мужское дело». Олег (19 лет) нацелен на карьеру, семью будет создавать после достижения определенного положения в обществе и достатка. Будущая жена, по его мнению, должна посвятить себя семье и детям. Сходную позицию высказали Кристина (20 лет) и Вероника (20 лет): муж должен зарабатывать деньги и обеспечивать семью, а жена – сидеть дома, готовить еду, воспитывать детей. По нашему мнению, такую модель семьи можно назвать *неопатриархальным браком*. Кирилл (19 лет) в целом за равноправные отношения в семье, но при главенстве мужа. Важным качеством он считает умение партнеров находить компромиссные решения, грамотно улаживать конфликты. Ольга (25 лет) считает: «каждый член семьи должен заниматься тем, что у него лучше получается. Была замужем, но брак оказался неудачным: по существу, главой семьи была я, а муж был только помехой: стремился лидировать в семье, а необходимыми качествами не обладал. От него не было ни моральной, ни материальной поддержки. Пришлось расстаться. Я все могу сама: неплохо зарабатываю, учусь, воспитываю ребенка, состою в гражданском браке, но

¹ Мы решили провести групповое интервью в техническом университете. Участвовать в беседе согласились студенты специальности «менеджмент», или, как они сами определили свой статус, «управленцы». В нашей группе собралось 8 человек: Ольга (25 лет), Светлана (35 лет), Кристина (20 лет), Роман (35 лет), Вячеслав (22 года), Вероника (20 лет) – из г. Екатеринбурга, Кирилл (19 лет) из г. В. Пышма, Олег (19 лет) из г. Серова (трое студентов все же не решились участвовать в подобном интервью и в последний момент отказались).

² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 3 -19.

официально скреплять отношения не тороплюсь. Считаю, что не печать укрепляет отношения. Мой бывший муж думал, что я никуда не денусь, всегда буду при нем. Я хотела бы, чтобы в моей семье главой был муж, пока так не получается». Светлана (35 лет) продолжила: «первый брак распался по моей инициативе, так как с мужем не сложились партнерские отношения. 10 лет состою в незарегистрированном браке, с партнером у нас паритетные отношения. Он значительно старше меня, но во всем прислушивается ко мне, советуется, помогает. Так получилось, что в нашей семье глава я, но это обстоятельство мужа несколько не смущает, у нас полное взаимопонимание. Ведь дети смотрят на отношения родителей и потом воспроизводят их в своей жизни. Нужно и об этом думать».

В двух последних монологах прослеживается типичная современная тенденция: раньше мужчина не стремился регистрировать брак, это был сознательный выбор ухода от ответственности за семью. Сейчас другая тенденция: не все женщины торопятся оформлять официально отношения. Это, прежде всего, самодостаточные, образованные, профессионально ориентированные, настроенные на партнерские отношения в браке женщины, предъявляющие достаточно высокие требования к своему партнеру (тут уместно вспомнить об изменении социального статуса и социальной мобильности женщин в современную эпоху). И есть женщины, имеющие высшее образование, готовые при этом отказаться от своих собственных планов ради благополучия семьи. Утратив профессиональные навыки и не имея опыта работы, такая женщина на рынке труда имеет мало шансов найти хорошую работу, адаптироваться в новых условиях.

Как показали исследования, современный брак стал ареной конструирования модернизированного гендерного партнерства. Идея гендерного партнерства родилась в определенных кругах общества, благодаря феминистам она приобрела публичность и дискуссионность. Наиболее полно она описана в известной книге С. де Бовуар «Второй пол». Постепенно люди пришли к необходимости разделить идею гендерного партнерства, признав ее плодотворность и прогрессивность или, как утверждает Г. Блумер, «социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются, прежде всего, результатами процесса коллективного определения»¹. Так, например, проблема неравенства женского статуса, решительно заявляющая о себе в научных кругах сегодня, еще несколько лет назад для социологов имела периферийное значение.

Таким образом, мы можем обозначить тенденции, зафиксированные в количественных исследованиях с помощью анкеты-опроса и подтвержденные в фокус-группе, выявившей противоречия, или «нерв» этой тенденции:

1. Идеальные устремления ориентированы прежде всего на гармоничность отношений между полами, в реальных ожиданиях делается поправка на реальные отношения.
2. Чаще всего у мужчин наблюдается двойственность: теоретически они признают эгалитарные партнерские отношения, но, как показывает практика, психологически они не всегда готовы следовать этой установке в силу сложившихся традиций и стереотипов поведения.
3. Интересную тенденцию в развитии гендерного партнерства в современной России помогли выявить участницы фокус группы:
 - с одной стороны, часть из них настроены на конструирование неопатриархального брака, основанного на полной ответственности мужчины за материальное благополучие семьи;
 - с другой стороны, другая часть наших информанток ориентированы на гендерную автономию, т.е. автономное развитие в самореализации в карьере и освобождение себя от конструирования партнерства.
4. Что касается мужчин – информантов, то их видение партнерского брака чрезвычайно противоречиво, т.к. в нем соединяются патриархальные и эгалитарные представления.

Таким образом, главным аналитическим результатом осмысления материалов фокус – группы стал вывод о невозможности репрезентации идеального типа эгалитарного гендерного партнерства в современных российских условиях. Тенденция к признанию ценности эга-

¹ См.: Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 11 - 25.

литарности присутствует, но она конструируется в соединении с ценностью патриархальных устоев.

Айвазян А.А., Ольховиков К.М. (УрФУ, Екатеринбург)

Политическая социализация современной российской молодежи и западные представления о гражданственности и экстремизме

Принципиальные основы представлений о гражданственности и экстремизме переплетаются в проблемном поле взаимности – невзаимности западных и российских политических акцентов. Россия попадает в «мертвую зону» западного политического понимания, в силу избыточной близости и раздражающе неустранимой конкурентности. Сюжеты гражданственности и экстремизма позволяют переоценить основные перспективы и риски политической социализации российской молодежи.

Мы хотим обратиться не к буквальным схождениям и расхождениям отечественной и западной политической мысли, но к принципиальным смысловым контекстам их соотнесения. Иначе говоря, рассмотреть возможности критической переоценки западных смысловых конструкций внутри российских политических представлений. Сюжеты гражданственности и экстремизма достаточно разноплановы, но тесно взаимосвязаны по своей злободневности. По своей сути, гражданственность идеологически «центрична», репрезентирует умеренность, соотнесенность и относительность сознания и поведения, а экстремизм идеологически «эксцентричен», радикален и репрезентирует абсолютность, догматичность и крайность сознания и поведения. Стилистически, гражданственность укоренена в историко-культурном контексте, а экстремизм – в актуально-нормативном. К тому же, экстремизм отмечен зловещими связями с политической социализацией молодежи. Но принципиальные основы представлений о гражданственности и экстремизме переплетаются в проблемном поле взаимности-невзаимности западных и российских политических акцентов.

Политический лексикон и исходные критерии цивилизованности, доминирующие в глобальном формате публичности, принадлежат западной традиции. Уникальные черты целого ряда социальных и культурных комплексов зачастую выглядят более чем странно в свете этих базисных представлений. При этом случай России имеет наиболее выраженную непредсказуемость, которая во многом обусловлена переплетением судеб Европы и России. При сопоставлении Запада с несомненным Востоком (Китай, Индия или даже мусульманский Восток) заведомо очевидны базисные контрасты; обнаруживаемые совпадения непредсказуемых нюансов воспринимаются как чудесный симптом сближения и творческого союзничества (формула «Запад есть Запад, Восток есть Восток», принадлежащая Р. Киплингу). Таким образом, Россия попадает в «мертвую зону» западного политического понимания, в силу избыточной близости и раздражающе неустранимой конкурентности, обосновываемой всякий раз достаточно непредсказуемыми резонами.

Традиция западного интеллектуализма основана на социальном статусно-ролевом наборе гражданина. Тяжеловесная восточная сословность, иудейская теократическая идентичность, духовный радикализм ислама, а более всего – «грех» русской интеллигенции (примем эту нарицательную формулу «Вех») качественно несовместимы по своим смысловым установкам с установками западного политического понимания. При этом опять-таки именно русская конфигурация идейных расхождений с Западом наиболее болезненна, поскольку сочетает детальность взаимных претензий с тотальностью географических, конфессиональных, психологических соседств и различий. Иначе говоря, именно отношение Запада к России позволяет выдающимся западным интеллектуалам проговаривать собственное политическое бессознательное. В таком сценарии Россия не имеет никаких шансов оправдания средствами западной политической гражданственности в глазах западной элиты.

Однако несовпадение реалий и их оценок составляет не только проблему западного интеллектуализма, но в не меньшей степени порождает проблему современного российского политического самосознания. Европейский лексикон, помноженный на разницу дискурсивных практик, порождает болезненную рефлексивность суждений о судьбах России в современном мире. Будучи исторически и культурно взаимосвязанной с Западом, Россия не может

решать собственные проблемы, не преодолевая всякий раз этой культурной пропасти внутри себя. Едкая несправедливость западных нападков на Россию нужна нам не для самобичевания, но для эффективного ответа на общечеловеческие вызовы, порожденные западной цивилизацией. Эти вызовы не нашли адекватного ответа в инструментах западной цивилизованности и культуры. Очевидно, разные способы, а также потенциальные ресурсы реагирования на эти проблемы непосредственно связаны с иным статусом культуры в российских цивилизационных процессах. Провалы и прорывы России лишь подчеркивают ее статус великой державы, великой культуры. Но культурное лидерство не так очевидно, не так массово и объективировано, как лидерство цивилизационное, принадлежащее до наших дней Западу.

Наибольшей отчетливостью в современных политических оценках обладают темы гражданина (свобода человека, его права, институционально гарантированные способы публичного действия) и экстремизма (бунт, сепаратизм, механизмы достижения публичной справедливости). На наш взгляд, между этими смысловыми сюжетами существует глубинная связь, которая не сводится лишь к генетическим обстоятельствам, но в значительной степени генерируется и поддерживается способами актуализации иногда совершенно конкретных событий, их оценок, взаимности-невзаимности ожиданий и контекстов. Индикатором проблем гражданского самосознания и его рисков в России стали процессы политической социализации молодежи.

Гражданин – ключевой смыслообраз европейской (в широком смысле) рациональной политической мифологии. Этот сюжет тематически наполняет базисные историсофские и философские проблемы российской государственности, по преимуществу в преломлении широких интересов русской интеллигенции во все времена ее существования. Вопросы о русской ментальности, о версиях происхождения государства, о поисках виновных в разные периоды истории (кто виноват?), о путях развития России, и тому подобные – возникали всегда. Отвечали на них, обосновывали различные версии не только философы, но и писатели, художники, ученые. В этом тоже просматривается иной способ позиционирования российской интеллигентности на фоне западного интеллектуализма. Попытаемся раскрыть основные факторы, детерминирующие ход развития истории и специфику российской цивилизации, через их наполнение темой гражданственности.

Остановимся на геополитическом факторе (евроазиатская сущность государства), структурном факторе (специфика российского общества), религиозном факторе (сущность православия).

Геополитический фактор. Со времен Киевской Руси (IX в.) до формирования российской цивилизации (по мнению Л. Гумилева – XIX в.) российское государство постепенно и экстенсивно расширялось в территориальных размерах и в этническом составе. Философ Филофей (ему принадлежит концепция «Москва – третий Рим») одним из первых отмечал эту особенность в качестве «мессианской роли русского народа». И, очевидно, что в отличие от Римской империи, которая сформировалась в результате завоевательных походов, Россия расширялась за счет других геоэтнических территорий в результате освобождения их от других завоевателей. Полиэтничность России – ключевая составляющая геополитического фактора. Способствует или тормозит формирование гражданственности, гражданского общества множественность этносов в одном государстве?

У каждого этноса свои традиции, свой менталитет, свой язык, своя культура. Но потребность сосуществования в одном государстве создает потребность надэтнической идеи. Именно таковыми можно считать в политической истории России государственно-гражданские конструкты «Москва – третий Рим», «Евразийство», «Славянофильство» и т.д. Это – объединяющие все народы России (во главе с русским) национальные идеи, надэтнические, по своей сути, политические идеи. Россия представляет собой нацию, которая в разные периоды политической истории мобилизовалась именно под такие идеи.

Таким образом, геополитический фактор Восток-Запад, многонациональность, огромные географические размеры отражают уникальность российской цивилизации. Поэтому, изначально, Россия тяготеет к *государственной гражданственности*.

«Антигражданственностью» (с позиций геополитического фактора) можно считать доминирующие в российской истории радикальные политические процессы – крайность, напряженность политического поля: бунты, смуты, революции, которые сменялись тотальными режимами в разных формах. Эти моменты и определяют крайности, исторически проявляющиеся в политической культуре общества, ее поведенческий аспект – подданнически-патриархальный тип сменялся активистски-революционным типом.

У нас есть основания утверждать, что в российском обществе созрели «гражданские» слои, которые с определенного времени (примерно с XIX в.) начали давать «плоды». С этой целью займемся анализом *социоструктурного фактора*. Основой «гражданского общества» (в западном смысловом контексте) является средний класс, появление которого в российском обществе современные ученые относят к XVIII в. Зачастую упоминают о заслугах Петра I как «создателя среднего класса нового типа», подразумевая интеллигенцию, офицерство, чиновничество, купеческо-предпринимательское сословие. Или такое утверждение: «В России XVIII в. сложилось гражданское общество, членами которого были помещики, получившие право частной собственности на землю и прикрепленных к ней крестьян...»¹. Далее речь идет о дворянской революции, которая длилась весь XVIII в. и «завершилась Указом о вольности дворянской Петра III и Жалованной грамотой Екатерины II, согласно которым дворянское гражданское общество получило независимость от государства и институционально закрепленные формы организации»².

Полагаем, что вышеназванные утверждения о формировании среднего класса в России с XVIII в. весьма сомнительны. Во-первых, «дворянское гражданское общество» не могло быть полностью независимым от государства – абсолютной монархии. Во-вторых, нельзя говорить о гражданском обществе (как «части» всего общества) при крепостном праве в аграрной стране, где большую часть общества (около 80 %) составляло крестьянство. В этом плане уместна аналогия российского общества с древнегреческим обществом. В социальной структуре полиса необходимо видеть не только гражданское общество (граждан), но и оставшееся большинство общества – рабов. Последними в российском обществе можно считать крепостных крестьян, хотя положение свободных крестьян было не лучше. То есть нельзя говорить о «цивильности» (от «civil» – гражданский) всего общества, если «цивильной» оказывается меньшая его часть. И хотя есть основание полагать, что с XVIII в. в России формируется средний слой, но говорить о «среднем классе», тем более о «гражданском обществе» (средний класс – еще не гражданское общество) в тот период, не совсем убедительно.

Предвосхищая возможную критику относительно дифференциации общества на «большинство» и «меньшинство», необходимо отметить, что «цивильность» – гражданственность как феномен Запада не есть абсолютная ценностная характеристика, а представляет собой онтологическое измерение российского общества с позиций общезападного «гражданского пространства». Здесь уместно говорить о «неодновременности» как «несовременности» отдельных обществ, переживающих процессы модернизации. В российском варианте процессу модернизации подвергалось не все общество, а сообщество – средний слой, который, в свою очередь, дифференцируется. Средний слой представляли не только и не столько помещики, «третье сословие», – то есть те слои, которые обладали имущественным цензом. Средний слой в России представляла и интеллигенция. Ключевский писал: «Когда среди нас стало водворяться искусство чтения и письма, с ним вместе появились и книги, и вместе с книгами пришла к нам книжная мудрость... Тогда русский ум припал гладко к книгам... С тех пор разумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек «книжный», т.е. обладающий научно-литературным образованием, и самую глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента».³

¹ Ленинизм и Россия / Под. ред. А.В. Гайды. Екатеринбург, 1995. С.9.

² Там же. С.9-10.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С.300-301.

Именно *интеллигенция* (в более широком понимании этого слова) стала носителем «гражданственности» российского общества. Это была независимая (образовательный ценз) от государства прозападно ориентированная часть общества. Это был слой-гарант «гражданственности», который обеспечил окончательный поворот от традиционного – к политическому обществу как к парадигме «гражданственности государства». Но вместе с тем интеллигенция принесла с собой и многое из русского традиционного общества. К примеру, *духовность* – исконно российская черта, которая предположительно является одной из детерминант российской гражданственности.

Здесь мы подходим к третьему фактору – *религиозному*. «Правая вера» долгое время сдерживала формирование политического гражданского общества, если под одним из главных критериев последнего понимать процесс секуляризации. Католицизм, а позднее и протестантизм «растворились» в политическом поле Запада с Нового времени. Этому способствовали «жизненность», «практицизм» христианства, организационно укорененного в каноническом праве. Более того, религия на Западе становится социальным институтом, доминирующим в гражданском обществе, но не навязывающимся в конкуренты государству. Догматы православия, напротив, несли в себе духовно-аскетические черты. Общество оставалось традиционным. «Соборность» блокировала проявления индивидуализма. И хотя провиденциализм русского православия, Византийского наследия вносил в сознание интеллигенции потребность в рефлексии модернизационных процессов Запада, тем не менее до XVIII в. Россия оставалась теократическим государством. Можно согласиться с одним из современных политологов, который полагает, что «чем заметнее, активнее и даже агрессивнее западный секуляризм, тем более замаскированным (до определенного момента) становится обмирщение русского общества и, одновременно, реакция на этот секуляризм. Нечто подобное происходит и в других восточнохристианских культурах»¹.

Здесь хотелось бы вернуться к *духовности*, корни которой находятся в православии. Первоначальная, «аутентичная» духовность имела практический религиозный смысл. «Духовность» православного человека выражается в отречении от мирской жизни: верность Богу, религиозным обрядам, православному аскетизму; сострадание и соболезнование ближнему, покорность царю, посланнику Бога, доминирование Веры над Разумом. «Духовность» в светском понимании, где дух становится синонимом сознания, означает интеллектуальное совершенствование, развитие самосознания человека, многостороннюю образованность, т.е. доминирование разума над верой. В чем же проявляется духовность: в религиозной или светской сущности человека? Эмоциональную или рациональную составляющую она привносит во внутренний мир человека? Полагаем, что духовность, по своей сути, ориентирует на пренебрежение внешними условиями, материальным богатством, предполагает соучастие, содействие, общность. И если религиозная духовность – это общинность, коллективность, то светская духовность – это сообщество независимых (интеллектуально) личностей.

«Духовность» русского человека в XVI–XIX вв. не могла быть не связана с ее «гражданственностью». Надо полагать, что секуляризация (долгая и поздняя по сравнению с Западом) российского общества, его «гражданизация» (равно как и социализация, политизация) человека происходили с сохранением элементов православной духовности. Последняя причудливыми способами трансформировалась в светскую «духовность». Однако рационализация духовности, формирование светского русского человека не преодолели своей «первородной связи», сохранили черты (быть может, бессознательно архетипически) православной духовности. Поэтому гражданственность русского человека, гражданственность российской интеллигенции, аристократии, меньшинства российского общества имела свои *особенности* в виде неприятия частной собственности, со-общности (вместо независимых личностей), равенства и вольности (в русском понимании свободы), доминирования морально-этических ценностей.

¹ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. М., 1997. С.214.

Итак, вышеназванные эмпирические факторы Российской цивилизации позволили выявить принципиальные по сравнению с Западом особенности и границы российской гражданственности. Эти факторы позволяют говорить о России как о самобытной, но общечивилизационной политической системе, где гражданственность человека определялась, наряду с западными ценностями, также и традиционно-архетипическими российскими императивами. Это двойственное онтологическое измерение человека в политическом пространстве отразилось в теоретических изысках российских мыслителей, вплоть до всеединства В.С. Соловьева как самого известного на Западе русского философа.

Экстремизм – нарицательный способ исключения субъекта из числа носителей рациональной политической цивилизованности. Тема экстремизма дает повод наиболее резким взаимным упрекам России и Запада, отравляет внутреннюю среду возможного диалогического понимания современной российской политической жизни. Эта «печальная актуальность», к сожалению, не обнаруживает признаков угасания. Проводятся многочисленные исследования, конференции, семинары, дискуссии, касающиеся экстремизма в целом или различных его аспектов, в частности. Но, несмотря на публичный интерес к данной теме, целенаправленную политику государственных и муниципальных органов власти, усилия социальных институтов по профилактике и предотвращению данной социальной патологии, она не демонстрирует признаков угасания. Проблема усугубляется вопросами политической социализации молодежи в обществе, переживающем социетальную трансформацию. И именно молодежь максимально восприимчива к экстремистским настроениям и действиям.

Понятие *extremism* (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность крайним взглядам и, в особенности, мерам. Понятию «экстремизм» ПАСЕ дала определение в 2003 г. Согласно этому определению, «экстремизм – это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии». Из данного определения видно, что, во-первых, на международном уровне экстремизм понимается только в рамках политической деятельности (или действий), во-вторых, экстремизм – все то, что противоречит парламентской демократии. Если исходить только из политической природы экстремистской деятельности, то, соответственно речь идет либо об ультраправых экстремистских проявлениях – фашистских или национал-социалистических, либо о леворадикальных действиях (или деятельности), что характеризуется классически анархистскими *абсентеистическими* проявлениями. Подобное понимание экстремизма редуцирует его сущность к юридическому рассмотрению этого разнопланового феномена. То есть экстремистскими называются те политические действия (или деятельность), которые находятся вне международного правового поля (западных политических представлений) и, соответственно, вне правового поля цивилизованных государств:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Тем самым экстремизм как политическое явление (хотя в своей сущности может быть и религиозным, и этническим, и социальным явлением) и в России регламентирован юридически. Т.е. «крайность» акта определяется его незаконностью. А носит ли этот акт политический, религиозный или социальный характер – это уже второй вопрос. Но если мы говорим об основаниях данного явления, следует указать на его неразрывную связь с политической социализацией гражданина, с гражданской социализацией человека. А значит – необходимо исследовать истоки и основания экстремистских настроений, коренящихся в человеческой природе, понимая всю *многоликость экстремизма* как психологического феномена, который потенциально может привести к деструктивным действиям (или деятельности). Экстремизм – антропологическая изнанка гражданственности.

В этой связи можно предположить, что экстремистские настроения в сознании человека основаны на противопоставлении себя и другого (других) как своего и чужого, друга и врага. То есть любое противопоставление в сознании потенциально может формировать «крайнее» настроение (пока еще не действие или деятельность). На наш взгляд, превенция эффективна именно в отношении экстремистских настроений. Рассмотрим основные причины (факторы) вышеуказанных дихотомических противопоставлений в сознании молодого человека.

Возрастные особенности молодежи. Проблема «отцов и детей» – проблема на все времена. Возрастающая актуальность этой проблемы связана с нашей новейшей историей, как и с нашим советским прошлым. Воспитание «отцов» (родителей нынешней молодежи) происходило в СССР, а воспитание и социализация современной молодежи – «детей» – пришлось на время «новой» России. Тем самым, противоречие между общественным сознанием «отцов» и общественным сознанием «детей» проявляется в ценностных ориентациях – в исходных мотивациях мировоззрения в целом. Мировоззренческие ориентации советского человека исходили из приоритета коллективных идеологически ангажированных ценностей. «Экономического человека» как такового не было, был «идеологический человек». Современная молодежь ориентирована на ценности «экономического человека», на принципы рыночной экономики, в которой молодежь «живет» – социализируется. Тем самым формируется противоречие между социализацией молодого человека в обществе и его воспитанием родителями, перестроившимися осознанно в новую реальность, но пребывающими, архетипически и стереотипически, в советском прошлом. Разновозрастные поколения выражают разные способы соотнесенности с западными политическими представлениями о гражданственности. И одним из отражений этой ситуации является постоянная «ценностно-ориентированная двойственность» в сознании молодого человека.

Сегодня по-иному действует и *этнический фактор*. Л.Н. Гумилев определял этнос как

«коллектив, противопоставляющий себя другому коллективу». Именно противопоставление является основной сущностью этнического самосознания. Любой этнос формирует и культивирует различные ценности (мировоззренческие, стереотипические, культурные, поведения). Вся этническая культура формируется под знаменами *противопоставления*. Представитель этноса идентифицирует себя с этой культурой и противопоставляет себя представителю другой культуры. Основанием для противопоставления являются стереотипы, которые носят, в основном, негативный характер. Каждый этнос позиционирован в общественном сознании посредством определенных стереотипов. Это – самая «болевая точка» в полиэтничной стране. Перед представителями этнических меньшинств (в особенности в национальных республиках – субъектах РФ) возникает выбор – либо оставаться бикультурным, либо ассимилироваться в титульный – русский этнос, чтобы быть в среде представителей титульного этноса «своим». А в сознании этнически русского молодого человека также возникает вопрос по отношению к представителям других этносов: «Почему в моей стране разговаривают на другом языке, демонстративно ведут другой образ жизни и, самое главное, идентифицируют себя с моей страной или еще хуже – чувствуют себя «хозяевами жизни»? Идея понимания России как «политической нации» (где этнический фактор – не приоритетный), которой в 1990-е гг. придерживались российские либералы, не прижилась и не приживется в нашей стране. На наш взгляд, генезис формирования российской государственности, процесс становления России как полиэтничного государства показывает другое «решение» этнического вопроса: несмотря на гетерогенный состав, в России приоритетным является русский этнос со своей мессианской ролью, где русская культура и русский язык сосуществуют с культурными мирами других этнических групп. Что, в свою очередь, возможно лишь при достаточно развитой государственной гражданственности – в противном случае мы имеем ситуацию, аналогичную постколониальной конфликтности этнических сознаний.

В не меньшей степени *трансформировался и религиозный фактор*, в ходе процессов клерикального ренессанса. Этот фактор является глубинным, исконным основанием для противопоставления своих и чужих ценностей. Любая религиозная конфессия – догматична и бескомпромиссна по своей сути. Любая конфессия предлагает свой вариант «единственно правильного мировоззрения» со своими ценностными установками, что не спасает религиозное сознание от внутренней напряженной борьбы за чистоту и аутентичность. Даже в рамках одной религии различные направления трактуют базисные ценностные установки по-своему. Например, сунниты и шииты в исламе, православие, католичество, протестантизм в христианстве и, наконец, старообрядцы и никониане, РПЦ в России и за рубежом. А последствием трансформации религии в этику поведения является формирование различных норм и ценностей, доминирующих в том или ином обществе, явно или скрыто, в виде архетипов сознания. Например, протестантская этика (которую достаточно подробно анализировал М. Вебер) со своей капиталистической ориентацией (одобрением частной собственности, благоприятной духу предпринимательства) резко отличается от православной этики – наиболее ортодоксальной в христианстве, содержащей в себе приоритет духовных ценностей и общинного существования. Носитель любой религиозной этики, так или иначе, противопоставляет себя (в основном бессознательно) носителю другой этики. При этом ситуация, описанная Вебером, касается четко очерченного религиозного образа жизни, а современная российская религиозность имеет явный диффузный характер, что сообщает ей нормативную непредсказуемость и статус потенциального ресурса острой конфликтности. Религиозные различия стали в современной России средством маскировки не-религиозной борьбы социальных групп. А отсутствие традиционных, узнаваемых демаркаций, включая иерархии, упрощает мобилизационное применение религиозных аргументов в обосновании экстремизма. Но экстремизм как таковой чаще основан не на подлинном религиозном фундаментализме, а на фундаментальных претензиях на религиозность, которая как никогда проблематична.

Даже *географический фактор* обретает новые смысловые конфигурации в современной России. «Географическая» природа противопоставлений основана на геополитических и административно-территориальных размерах малой Родины, места происхождения человека:

мегаполис, маленький город, село. В рамках методологии различных научных теорий (Ф. Теннис, К. Юнг, О. Шпенглер) – в так называемом культуркритическом направлении, возникла идея о том, что географический размер и тип населенного пункта места рождения и проживания в детско-подростковом возрасте определяет особенности восприятия жизнедеятельности и ценностные установки. В этом смысле, *элементы несовместимости между ценностными установками молодых людей, родившихся в мегаполисе и в маленьком городе, между подростками из деревни и маленького города неизбежны*. Это достаточно серьезная проблема, требующая междисциплинарных исследований. В сознании молодого человека очерчиваются «рамки» жизнедеятельности со своими установками, ценностями, нормами поведения, образом жизни. В мегаполисе сосуществуют молодые люди с различными «географическими рамками» сознания, что создает устойчивую взаимную потребность выражения этих противопоставлений «своего» и «чужого» любыми возможными средствами. В этой «неодновременности» (термин Э. Блоха), в этих различных «мирах» сознания могут рождаться проблемы непонимания, психологические комплексы, которые могут перерасти в агрессивные, «крайние» настроения. Российская провинциальность, российские столичные комплексы, включая конкуренцию «вторых» и «третьих» «столиц», дают богатую пищу конкурентным позиционированиям социальных групп, включая группы молодежи.

Противопоставления могут иметь и физиологические основания. Именно в подростковый период начинаются сравнения: кто лучше, кто красивее. Наиболее остро переживаются физиологические недостатки, что также может являться темой агрессивности и проявления «крайнего» поведения. Инструментальный характер подобных различий взаимосвязан с их непредсказуемой ситуативностью. «Физиологический» экстремизм прозрачен в качестве инструмента, остается в сфере неосознаваемого агента иных эксцентричных смыслов, работает как катализатор среды социальных предпочтений. В целом, у нас отсутствует расовая дифференциация по образцам западного постколониализма. Зато процветает стихийное хулиганство, основанное на стереотипах внешности представителей «неместного» населения. Очевидно, лишь наличие развитых комплексов внутренних авто- и гетеро-стереотипов может компенсировать подобное «нелицеприятие» в некоторых группах российской молодежи. Их беда в том, что они не вполне граждане России и не вполне носители русской культуры, или иной этнической культуры. И не стоит приписывать пороки, связанные с отсутствием гражданственности и культурности, российскому политическому самосознанию как таковому.

Наиболее остро противопоставления проявляются на почве социального статуса родителей. Здесь играют роль и экономический, и профессиональный факторы. Молодые люди сравнивают себя и других, ранжируют престижность профессии родителей, появляется элемент подражания, элемент противопоставления. Очевидная нестабильность институциональной среды в современной России не позволяет вполне артикулировать *стратификационные стереотипы*, характерные как для Запада, так и для Востока. В целом более понятны стилевые инструменты, маркирующие ранги социального престижа по «советской инерции», однако эта уходящая реальность чудовищно трансформировалась в представлениях постсоветской молодежи и носит откровенно случайный характер. Тем больше напоминают черный юмор западнические выпады против дефицита юридической справедливости в России, скроенные по антисоветским образцам и слабо подправленные «притянутыми за уши» фантастическими карикатурами «царской империи». Но фундаментальное непризнание специфических черт российской молодежи не дает нам повода абсолютизировать тотальную идентичность молодежи в современных обществах. Главный позитивный признак российской молодежи связан с возможностью формирования государственной гражданственности, не имеющей аналогов на Западе.

Природа противопоставлений, безусловно, различна. С одной стороны, это интересно – все люди разные. Но, с другой стороны, эта *«инаковость»* наиболее остро, иногда драматично переживается именно в подростковом и молодежном возрасте. Формируются мировоззрение, ценностные установки, происходит сравнение с другими и противопоставление себя другим. Именно эти противопоставления могут являться основанием для экстремистских –

«крайних» настроений. При этом проблема толерантности в России, а в особенности – в среде молодежи, отмечена печатью замаскированных различий, где наиболее проблематичным оказывается статус гражданственности. Поэтому «внешние» социальные призывы к толерантности совершенно не эффективны. Необходимо понимать и работать с «внутренней» природой – развивать психологическую способность человека уважать все чужое, не теряя своего. Ключевой фактор развития толерантности – баланс ценностных ориентаций человека и цивилизованности, культурной почвы и образованности, эмоциональности и рациональности, этничности и гражданственности. Именно этот баланс может быть препятствием для экстремистских настроений в сознании молодого человека. Такой баланс дает почву гражданскому самосознанию. Только человек, способный осознать свои чувства, настроения (взглянуть на себя со стороны), может их контролировать, может толерантно относиться ко всему чужому, не теряя себя. «Иное» и «чужое» можно и не понимать, но необходимо уважать и принимать как то, что сосуществует со «своим».

Таковы объективные факторы, способствующие избеганию рисков несформированной гражданственности в молодежной среде. Разумеется, этим не исчерпывается среда, вакантная для конструктивных политических представлений. Однако гражданственность как осознанная идея, отражающая смысловую среду политического становления личности, дает уникальный шанс и перспективу переоценки навязанных представлений о ресурсах российской политической культуры и цивилизованности. Соответственно, изначальным контрагентом выступает чувственная идея экстремизма, отражающая политическую среду антропологического разрушения личности.

Современная Россия в очередной раз несет в себе уникальную возможность выражения ключевых политических смыслов гражданственности, составляющих шанс инструментального преодоления антропологических установок экстремизма. Эта задача затрагивает весь комплекс оснований политической социализации молодежи. Таковы фактические прагматические рамки категориального диалога России и Запада, интеллигентности и интеллектуализма. Интрига в том, что большинство сюжетов политического самосознания преодолимы не во внешнем диалоге, а в рефлексивной переоценке сталкивающихся установок. Понять другого можно, лишь поняв себя в отношении к этому другому и к самому себе. Российская гражданственность – это уникальная цивилизационная задача, разрешимая средствами российского культурного самосознания, это надежный антипод экстремизма. А экстремизм не уничтожим тотально, но управляем в качестве цивилизационной опасности, будучи смертелен в качестве нерешенной культурной проблемы.

Акулич М.М., Батырева М.В. (ТюмГУ, Тюмень)

Особенности профессионального самоопределения выпускников школ в условиях экономического кризиса

Современная молодежь живет в условиях динамичного развития общества, оказывающего многозначное воздействие на все стороны ее социальной жизни. Трансформация российского общества привела к изменениям в механизме включения молодого поколения в существующую систему социальных отношений. Это в настоящее время во многом определяет направленность профессиональных намерений выпускников школ.

Переход к рыночным отношениям привел к разрушению существовавшей ранее системы воздействия на социализацию молодежи, государство отказалось от принципа патернализма в отношении профессионального самоопределения. Кроме того, и самой профориентационной работе, которой в советской системе образования отводилось свое, четко определенное и важное место, в 1990-х гг., в условиях социально-экономического кризиса, стало уделяться все меньше внимания. Согласованная система воздействия на социально-профессиональное самоопределение молодежи канула в лету, образовательные структуры фактически перестали выполнять свои социальные функции по профориентации, в результате чего молодое поколение было вынуждено само приспособляться к сложным условиям социальной действительности, самостоятельно самоопределяться, оценивая свои профессиональные устремления

и способности. В результате в этот период профессиональные учебные заведения стали открывать набор на специальности, которые пользовались спросом у молодежи, причем процесс этот приобрел массовый характер. Данный процесс не опирался на информацию о реальной и перспективной потребности в кадрах, но являлся фактическим откликом на социальный заказ. Благодаря этому был смягчен существующий годами конфликт между ожиданиями молодежи и структурой системы образования, но одновременно обострились противоречия с трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования, возникло несоответствие рынка труда и рынка молодых специалистов. Указанная ситуация еще более обострилась в последние годы, в условиях нового экономического кризиса, породившего новые проблемы в сфере трудоустройства молодых специалистов.

В новых экономических условиях как никогда возрастает значение личности, готовой к самостоятельной жизни и осознанному выбору. Текущая социально-экономическая ситуация предъявляет жесткие требования к личности будущего молодого специалиста – умение выбирать самостоятельно, готовность к непредсказуемым ситуациям, высокая социальная мобильность. Именно поэтому решение проблемы подготовки выпускника школы к осознанному профессиональному самоопределению становится жизненно необходимым. Проблема профессионального самоопределения, как правило, рассматривается авторами в связи с исследованиями жизненного пути индивида, интеграцией молодого поколения в социальную жизнь, включением в систему социальных отношений. Социальное самоопределение молодежи непосредственно связано с поиском своего пути, выбором будущей профессии.

Профессия играет важную роль в жизни любого человека, поскольку она помогает ему раскрыть себя, свои возможности развития и творческие способности, склонности и другие свойства личности. Выбор профессии и профессиональное самоопределение – основа самодетерминации человека в жизни, так они определяют многое в его жизни – социальный статус, круг общения и коллег, социальную группу, к которой он будет принадлежать.

По сути своей выбор профессии – первый шаг школьника в самостоятельную жизнь. Его можно определить как «выбор индивидом определенного вида трудовой деятельности в рамках структуры потребностей народного хозяйства в кадрах, сложившейся на основе существующего разделения труда»¹. При этом понятия «выбор профессии» и «профессиональное самоопределение» тесно связаны и нередко употребляются как синонимы, в связи с чем необходимо четко разграничить данные понятия.

Самоопределение, в том числе профессиональное, – процесс длительный, о его завершении можно заявлять только тогда, когда у индивида формируется представление о себе как субъекте определенной профессиональной деятельности. В то время как профессиональный выбор можно рассматривать как одномоментный акт, выражающийся в поступлении в определенное учебное заведение или начале определенной профессиональной деятельности. Поэтому выбор профессии – всего лишь показатель того, что профессиональное самоопределение индивида перешло в очередную свою фазу.

В научной литературе можно встретить разные подходы к пониманию термина «профессиональное самоопределение». Так, С.Н. Чистякова и Н.Н. Захаров понимают под профессиональным самоопределением «развитие личности в качестве субъекта познавательной, общественно-полезной, производительной и коммуникативной деятельности»². В.И. Журавлев определяет понятие жизненного самоопределения как «переход юношей и девушек, оканчивающих среднюю школу, от социально однозначной роли (все учащиеся) к социально дифференцированным ролям под влиянием объективных и субъективных факторов»³. Л.И. Божович рассматривает самоопределение как «выбор школьником жизненного пути»⁴. А.А. Дмитриев, С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский обозначают термином «профессиональное са-

¹ Шубкин В.Н. Начало пути: Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М., 1979. С.26.

² Чистякова С.Н., Захаров Н.Н. Профессиональная ориентация школьников. Организация и управление. М., 1987. С.28.

³ Журавлев В.И. Вопросы жизненного самоопределения выпускников средней школы. Ростов-н/Д, 1972. С.7.

⁴ Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М., Воронеж, 1997. С. 165.

моопределение» процесс вхождения подрастающего поколения в систему трудовых общественных отношений¹. Я.В. Дидковская рассматривает профессиональное самоопределение молодежи как «процесс ее интеграции в социально-профессиональную структуру общества, который реализуется на личностном уровне через выбор студентами вариантов профессионального развития»². Таким образом, термином «профессиональное самоопределение» оперируют представители разных наук – педагоги, психологи, социологи, но ими вкладывается в данное словосочетание разный смысл. Обилие и некоторая неопределенность определений одного и того же социального явления свидетельствуют о его многомерности и сложности, а также недостаточной изученности. Обобщив существующие подходы, в контексте данной работы считаем необходимым определить профессиональное самоопределение как процесс интеграции индивида (субъекта выбора профессии) в социально-профессиональную структуру общества, осуществляемый в результате анализа им своих внутренних ресурсов и соотношения их с требованиями профессии.

Наибольший интерес исследователей профессионального самоопределения вызывает та его стадия, которая непосредственно связана с выбором профессии, на которой формируются профессиональные интересы, предпочтения и намерения учащихся. Эта стадия, безусловно, с позиции самого субъекта выбора является наиболее сложной, поскольку ему при этом приходится соотнести по меньшей мере три элемента: свои потребности и интересы; свои возможности (склонности и способности к определенным видам деятельности), а также потребности общества в кадрах определенных профессий. С точки зрения общества идеальной является ситуация, при которой совпадают потребности индивида, его способности, а также потребности региона в кадрах. Однако в реальности ситуация нередко складывается иным образом, так как большинство учащихся, выбирая профессию, не учитывают всех трех элементов. Многие современные выпускники подходят к ситуации выбора без определенной мотивации, знаний о мире профессий, имея весьма смутное представление о своей будущей специальности. Результатом нередко становится ошибочный выбор будущей профессии.

Выбор профессии современными выпускниками крайне сложен еще и в силу многообразия профессионального мира, а также динамичности рынка профессий. По подсчетам специалистов, в мире насчитывается более 50 тысяч профессий, причем ежегодно появляется более 500 новых³. Кроме того, интенсивные изменения происходят и внутри них самих, по многим из них качественно меняется содержание труда, что приводит к постановке новых требований к системе профессиональной подготовки, а также к самим будущим специалистам. Работник сегодня должен не столько обладать профессиональной квалификацией, сколько иметь высокий уровень общего образования, позволяющий выполнять быстро меняющиеся профессиональные функции.

Отсутствие работы, нацеленной на профессиональное просвещение учащихся школ, в таких условиях приводит к тому, что представления выпускников школ о профессиях остаются поверхностными, отчасти неопределенными. Эта неопределенность смещает ориентиры с выбора профессии на выбор предпочтительного образа жизни с помощью определенной профессии. Данный факт подтверждается результатами социологического исследования, проведенного Центром профориентации и довузовской подготовки ТюмГУ при участии авторов статьи в январе-феврале 2010 г.⁴

В результате данного исследования были определены ориентации выпускников в отношении выбора вуза, специальности, формы обучения; выявлена мотивация образовательного и профессионального выбора абитуриентов; проанализировано мнение абитуриентов об ос-

¹ См. например: Иконникова С.Н., Лисовский В.Т. Молодежь о себе, своих сверстниках (Социологическое исследование). Л., 1969; Лисовский В.Т., Дмитриев А.А. Личность студента. Л., 1974.

² Дидковская Я.В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социс. 2001. №7. С.132.

³ Психологическое сопровождение выбора профессии / под ред. Л.М. Митиной. – М.: Московский психолого-социальный институт; «Флинта», 1998. – С. 5.

⁴ В ходе данного исследования был осуществлен анкетный опрос выпускников школ Тюменской области, а также школ г. Шадринска Курганской области. Общий объем выборки составил 1060 человек.

новых критериях их оценки качества высшего профессионального образования; изучено мнение абитуриентов об эффективности профориентационной работы вузов, а также о том, насколько приемлемой является оплата за получение высшего образования. Некоторые итоги данного исследования и приведены в статье.

Исследование показало, что подавляющее большинство выпускников (88% от общего числа опрошенных) после окончания школы планируют поступать в вузы:

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы планируете делать после окончания школы?» в зависимости от их пола, % от общего числа опрошенных

Варианты	Пол респондентов		Всего
	мужской	женский	
поступить в вуз	86	89	88
поступить в техникум, колледж	5	7	6
поступить в профессиональное техническое училище	1	1	1
Работать	2	1	2
еще не определился	8	4	5

* Сумма по столбцам таблицы не равна 100%, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Только 6% опрошенных изначально ориентированы на поступление в учреждения среднего профессионального образования (техникумы, колледжи). Доли же тех, кто собирается после окончания школы поступать в учреждения начального профессионального образования или работать, вообще незначительны. Также можно отметить, что 5% опрошенных, уже обучаясь в выпускном классе школы, еще не определились, что именно они предпримут по ее окончании. Причем, доля юношей среди таких респондентов в 2 раза больше аналогичной доли девушек.

Была выявлена определенная зависимость планов выпускников после окончания школы и от места их постоянного проживания. Так, самые высокие доли выпускников, планирующих поступить в вузы, выявлены среди респондентов, проживающих в г. Шадринске (96%), Ямало-Ненецком автономном округе (93%) и г. Тюмени (92%). Данный факт объясняется близостью учреждений высшего профессионального образования (или их филиалов) в указанных городах, а также более высоким уровнем жизни населения в них. Самая низкая доля респондентов с аналогичными планами – в городах на юге Тюменской области (80%) и сельской местности (82%). В то же время доля респондентов, ориентированных на поступление в учреждения среднего профессионального образования, заметно выше среди тех, кто проживает в сельской местности (12%), а также в городах на юге Тюменской области (9%).

В ходе исследования было также выявлено, образование по каким именно специальностям (направлениям) планируют получить выпускники. Наиболее популярными среди выпускников школ Тюменской области оказались такие специальности (направления), как: право, государственное и муниципальное управление (отметили 19% опрошенных); экономика и финансы (17%); строительство и транспорт (12%); медицина (9%); менеджмент (9%); педагогика и психология; информатика, средства коммуникации и связи (по 8%); промышленность (7%); геология (4%); сельское хозяйство; иностранные языки (по 3%); филология, журналистика (3%); экология (2%). Кроме того, исследование показало, что лишь 4% выпускников свою будущую профессию еще не выбрали. В целом же, можно отметить, что перечень выбранных выпускниками 2010 г. специальностей скорее соответствует их личным предпочтениям, нежели потребностям региона в кадрах. В действительности экономика региона нуждается в кадрах по рабочим профессиям, особенно кадрах квалифицированных рабочих.

Необходимо отметить также, что изучение профессионального самоопределения может быть плодотворным только в том случае, когда данный процесс рассматривается в широком социальном контексте, в сложной сети социальных факторов и условий. В качестве факторов, формирующих профессиональное самоопределение современной молодежи, выступают различные социальные институты, референтные группы, средства массовой коммуникации,

отдельные люди, чье мнение значимо для конкретного молодого человека, его личные устремления и многие другие косвенные факторы. В ходе исследования при ответе на вопрос о том, кто повлиял на их решение о поступлении в вуз, большинство респондентов (57% от общего числа опрошенных) отметили собственную самостоятельность, указав, что сами принимали указанное решение, однако довольно значимым оказалось и влияние на выбор других агентов. В частности, на выбор выпускников оказывают значимое влияние родители и друзья: на их влияние указали 27% и 8% опрошенных соответственно. 6% опрошенных указали, что на выбор ими будущей специальности повлияли взрослые знакомые; 3% опрошенных отметили влияние старших родственников; 3% - учителей. 6% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о том, кто именно повлиял на их выбор.

Для изучения профессионального самоопределения молодежи очень важна мотивация профессионально-образовательного выбора. На основе обобщения существующих концепций мотивации профессионального выбора¹, мотивы, которыми руководствуются выпускники, выбирая образовательное учреждение, можно разделить на семь групп:

- *мотивы содержательного характера* (интерес к профессии, соответствие выбранного направления подготовки склонностям и способностям);
- *мотивы полезности профессии* (стремление приносить пользу людям);
- *мотивы самосовершенствования* (желание развить свои способности, расширить кругозор, получить качественную профессиональную подготовку);
- *статусные мотивы* (возможность занять высокую социальную позицию, престижность профессии, желание добиться уважения окружающих);
- *мотивы материального достатка* (желание добиться определенного уровня материальной обеспеченности, получать высокую заработную плату);
- *мотивы стабильности существования* (гарантия занятости, желание продлить беззаботный период жизни, получение отсрочки от армии);
- *социальные мотивы* (стремление приобрести определенный круг общения, знакомств, желание быть включенным в студенчество как особую социальную среду).

Таблица 7

«Почему Вы выбрали именно этот вуз?»,

Варианты ответа	%
Престижный	35
мне рекомендовали этот вуз	24
в других вузах нет специальности, которую желаю	23
хорошая материальная база	11
много бюджетных мест	9
оплата за обучение приемлема	5
есть общежитие	5
близость к дому	2
нравится, интересна профессия	1
высокий уровень обучения, качественное образование	1
затрудняюсь ответить	0.4
другое: гарантия трудоустройства, больше шансов устроиться на работу; мечта; перспектива жилья и работы; поступаю как спортсмен и т.д.	2
нет ответа	11

* Сумма не равна 100%, так как респондентам было разрешено выбирать по несколько вариантов ответа

В ходе описываемого в статье исследования были изучены мотивы, которыми руководствуются выпускники при выборе учебного заведения, а также направления подготовки.

¹ См. например: Генин Л.В., Вишневецкий Ю.Р., Кораблева Г.Б. Кадровый потенциал работы с молодежью // Социс. 1997. №10. С.87-92; Руткевич М.Н., Потапов В.П. После школы: социально-профессиональные ориентации молодежи. М., 1995; Саруханов В.Ф., Сотникова С.И. Проблемы управления профессиональной ориентацией молодежи на профессии высшей квалификации. Л., 1991; и др.

Заметно, что большинство респондентов, объясняя сделанный выбор, указали на престижность выбранного вуза; каждый четвертый – на рекомендации; столько же объяснили свой выбор отсутствием в других вузах желаемой специальности. Каждый десятый респондент указал, что выбирает вуз, исходя из его хорошей материально-технической базы. Значимые доли респондентов привлекают наличие в вузе большого числа бюджетных мест; приемлемая оплата за обучение; наличие общежития. Доли респондентов, указавших другие варианты ответа, незначительны. Тем не менее, можно отметить, что большинство написавших свои ответы респондентов обосновывает свой выбор, главным образом, качеством образования в вузе или интересом к той профессии, которую они собираются получить. Тем самым, можно заключить, что выбор вуза выпускниками в основном определяется мотивами, связанными с содержанием труда и стремлением к самосовершенствованию. Кроме того (что вполне понятно в условиях экономического кризиса), нередко выбор вуза обусловлен мотивами, связанными со стабильностью существования.

Мотивы выбора вуза и выбора специальности у выпускников во многом перекликаются

Таблица 8

«Почему Вы выбрали эту специальность (направление)?», % от общего числа опрошенных

Варианты ответа	%
мне интересна данная специальность	70
она гарантирует мне в будущем хорошую работу	31
она является престижной	14
специалисты данного профиля получают высокую зарплату	9
учебное заведение расположено близко к месту моего проживания	2
приемлемая оплата за обучение	2
другие ответы	1
нет ответа	3

* Сумма не равна 100%, так как респондентам было разрешено выбирать несколько вариантов ответа на данный вопрос.

Заметно, что главным мотивом выбора специальности у выпускников является интерес к профессии, на который они также указывали, выбирая определенный вуз. Почти треть опрошенных старается выбрать специальность, которая в будущем гарантирует им трудоустройство, занятость. 1 из каждых 7 опрошенных ориентируются при выборе специальности на ее престиж. Почти каждый десятый респондент, выбирая специальность, предпочитает ту, которая обеспечит ему в будущем высокий уровень оплаты труда. Влияние других факторов на выбор выпускниками специальности незначительно. Тем самым, в мотивации выбора профессии (как в мотивации выбора вуза) также преобладают мотивы содержательного характера, а также мотивы, связанные со стабильностью существования. Тем не менее, представления значимой части выпускников (каждого четвертого) о профессиях и рынке труда оторваны от действительности, процесс выбора профессии у них продиктован приоритетом внешних статусных ценностей, стремлением выбрать выгодную с экономической точки зрения профессию. Эта часть молодежи ориентируется на профессии, которые закрепились в общественном сознании как «современные», «престижные», «выгодные». Выбор же в пользу популярности и престижности того или иного вида труда свидетельствует о недостаточной сформированности у современных выпускников профессионального самоопределения.

Профессиональный выбор не может быть сиюминутным актом, как это нередко происходит в настоящее время, он должен быть результатом длительного систематического и планомерного развития личности. Это возможно только в случае осуществления целенаправленной профориентационной работы с молодежью. В связи с этим необходимо возобновление разработки научных основ профессиональной ориентации в соответствии с требованиями современного рынка труда, а также перспективами развития экономики, социально-демографической и профессионально-квалификационной структуры российского общества.

Медицинское обслуживание в оценках молодежи

Одной из острых проблем современного российского общества выступает проблема качества и доступности медицинской помощи населению. Современная система здравоохранения представляет собой бюджетно-страховую модель, в которой государство гарантирует своим гражданам доступное бесплатное медицинское обслуживание в соответствии с Программой государственных гарантий. Становление и развитие практики обязательного медицинского страхования в России становится инструментом социальной защиты и снижения социальной напряженности.

В поле нашего исследовательского внимания оказались поликлинические учреждения г. Екатеринбурга, включенные в обязательное медицинское страхования, т.е. в функции которых входит оказание медицинской помощи по программе государственных гарантий. Поликлиника – это специализированное учреждение, в котором оказывается медицинская помощь приходящим больным, а также больным на дому, осуществляется комплекс лечебно-профилактических мероприятий по лечению и предупреждению заболеваний и их осложнений. Городская поликлиника строит свою работу по участково–территориальному принципу. К каждому участку прикрепляются врачи и медсестры, которые оказывают медицинскую помощь населению участка. В поликлинических учреждениях также ведут прием и узкие специалисты, которые осуществляют прием пациентов, проживающих на определенной территории. Опрос пациентов поликлиник был проведен в 2008 г. Объектом исследования выступило население г. Екатеринбурга¹.

Участкового терапевта можно отнести к числу главных «игроков» в сфере медицинского обслуживания, поскольку в случае заболевания пациент обращается за медицинской помощью в первую очередь именно к нему. Участковый терапевт «дирижирует» потоками пациентов-больных, не только определяя их дальнейшее лечение, но направляя к профильным (узким) специалистам. Мы предложили опрошенным охарактеризовать спектр проблем, связанных с приемом участкового врача.

Таблица 9

Проблемы, с которыми сталкиваются пациенты на приеме участкового терапевта (в % от числа ответивших)

Проблемы	Молодежь	Все население
Медленно ведется прием	52	56
Невнимательность к пациенту	18	23
Постоянная смена участкового терапевта	10	18
Затрудняюсь ответить	10	13
Трудности с записью на прием к терапевту/узкому специалисту	21	12
Режим работы участкового терапевта	14	10
Терапевт не справляется с количеством пациентов на участке	15	9
Терапевт выписывает ограниченное число препаратов	12	9
Использование нецензурных слов при общении с пациентом	4	6

Сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов

Результаты показывают что лидирующее положение в структуре проблем занимает медленный прием терапевтом пациентов. Ситуация с приемом врача в поликлинике практически всегда ставит вопрос о его длительности. Зачастую пациенты рассматривают медицинского работника в роли «целителя души», «отдушины» и прием воспринимают как возможность

¹ Общий объем выборочной совокупности составил 500 человек, доля молодежи составила третью часть от числа всех опрошенных. Опрос был проведен в поликлинических учреждениях, включенных в систему ОМС. При выборе районных поликлинических учреждений мы опирались на результаты экспертных интервью. Нами были отобраны 5 типичных поликлиник в разных районах города, в каждом медицинском учреждении было опрошено 100 человек.

поговорить о себе, своем состоянии и своих болезнях. Наиболее часто подобная модель встречается у пациентов старших возрастных групп и женщин. Невнимательность врача к проблемам пациента отмечает практически каждый второй опрошенный, для молодежи более значимой становится проблема организации, а именно трудности с записью на прием. Актуальным для пациентов Екатеринбурга оказался вопрос постоянства кадрового состава участковых терапевтов. 18% опрошенных екатеринбуржцев в ходе опроса отметили, что участковый терапевт – «фигура непостоянная». Пациенту необходим врач, знающий историю его болезни, его индивидуальные особенности; он должен быть исследователем состояния здоровья населения своего участка и тех факторов, которые его определяют. В условиях постоянной смены участкового врача доступность медицинской помощи снижается. Вместе с тем, только каждый десятый из числа молодых отметил эту проблему, что связано скорее с возрастом опрошенных и пока еще нечастыми посещениями поликлинических учреждений. Для них более значимыми становятся проблемы режима работы врача и большая доля пациентов, приходящихся на одного участкового терапевта.

Пациенты не всегда обращаются и получают медицинскую помощь в поликлинике, к которой прикреплены территориально. Каковы причины обращения в другие медучреждения?

Таблица 10

**Причины обращения пациентов в медучреждения (не по месту жительства)
(в % к числу ответивших)**

Причины	Молодежь	Все население
Отсутствие необходимого специалиста	17	23
Направление врача	12	23
Отсутствие диагностической аппаратуры	23	18
Плохое качество медицинского обслуживания	11	10
Трудности, очереди на диагностическое обследование	14	9
Низкая культура медицинского обслуживания	10	9
Низкая степень доверия врачам	5	6

Лидирующее положение в структуре причин обращения населения в другие медучреждения занимает отсутствие необходимых специалистов. Однако для молодежи основной причиной становится отсутствие диагностической аппаратуры. Возможно, такая позиция молодежи связана с более высокими требованиями к использованию современных технологий в области диагностики. Но она вступает в противоречие с декларируемыми целями приоритетного национального проекта «Здоровье», реализуемого на территории России с 2006 г. В рамках проекта одной из основных задач выступает удовлетворение потребности населения в высокотехнологичных видах медицинской помощи. Что касается уровня информированности о населения о национальном проекте, то лишь каждый четвертый опрошенный заявил о высоком уровне своей осведомленности. Проблема, как нам кажется, заключается не только и не столько в отсутствии информации о проекте, сколько в нежелании самих жителей обладать знаниями в этой области. Тем не менее, оценивая себя как информированных, опрошенные смогли лишь сформулировать общее направление реализации проекта: «улучшение здоровья нации».

Посещение других медучреждений по направлению врача – традиционный подход, который используется поликлиниками в условиях невозможности решения проблемы пациента силами собственного учреждения. Для молодежи, обладающей более мобильным потенциалом по сравнению со старшими возрастными группами, направление врача не является непременным атрибутом обращения в иное медицинское учреждение. Их готовность к обращению в негосударственные поликлиники и оплате медицинских услуг выше, чем, например, у групп населения пожилого и старого возраста.

Совсем небольшая доля опрошенных выразила недоверие врачам «местной» поликлиники, что, несомненно, является высоким показателем уровня доверия «рядовым» терапевтам, работающим в системе амбулаторно-поликлинического обслуживания населения.

В ходе исследования мы попросили пациентов охарактеризовать положительные и отрицательные стороны в работе поликлинического учреждения в целом. Результаты исследования показали, что наиболее высоко пациентами, в том числе и молодежью, оцениваются такие показатели как наличие специалистов (40%), качество диагностики заболеваний (19%), оперативная работа медперсонала (13%). Что касается негативных сторон в работе поликлиники, то к числу таких показателей жители мегаполиса отнесли длинные очереди на прием (33%), высокую стоимость процедур, анализов (26%) и сложности с получением талона на прием в регистратуре (12%).

Особого внимания заслуживает вопрос материальных затрат пациентов на медицинскую помощь, оказываемую в поликлинических учреждениях. «Проведенные в последние годы обследования личных расходов населения на медицинскую помощь показывают, что объем этих расходов составляет 40-45% совокупных затрат на медицинскую помощь. Более 50% пациентов платят за лечение в стационарах, 65% – за стоматологические услуги, 30% – за амбулаторно-поликлиническую помощь»¹.

Анализ результатов нашего исследования начнем с уровня осведомленности пациентов о медицинских услугах, оказываемых в рамках программы государственных гарантий. Уровень информированности населения о медицинских услугах, оказываемых на бесплатной для пациента основе, невысокий – 55% опрошенных отметили, что не обладают информацией подобного рода, причем 70% приходится на долю молодежи. Многообразие каналов информации, которые использует молодежь в повседневных практиках, к сожалению, либо неэффективна в данном случае, либо удовлетворяет иные информационные потребности.

Более половины пациентов Екатеринбурга оплатили медицинские услуги (72%), причем каждому третьему медицинское обслуживание обошлось в сумму от 1000 рублей до 1500 руб. Оценивая свое материальное состояние, екатеринбуржцы охарактеризовали стоимость медицинских услуг как высокую. Отметим тот факт, что лишь 4% респондентов высказали неудовольствие оказанными услугами, считая, что их цена не соответствовала качеству.

Одной из сложившихся практик в медицинском обслуживании населения выступают неформальные платежи. По мнению экспертов – руководителей поликлинических учреждений и специалистов страховых медицинских организаций – неформальные платежи осуществляются пациентами с целью получения медицинской помощи лучшего качества, иного, более дружественного отношения с врачом и медицинским работником. Исследовательские материалы показали, что лишь 4% опрошенных заплатили лично медработнику за медицинскую услугу, причем ни один из них не является представителем молодежной группы. Однако более половины пациентов (58%) выступили инициаторами благодарности медицинскому работнику, которая выразилась в форме подарка. Доля молодежи среди благодарных – невысока, только 10% выразили признательность медперсоналу в предметно-материальной форме.

В ходе исследования мы выявили прямую зависимость обращений за платной медицинской помощью и уровнем дохода респондентов: чем ниже доход, тем реже население пользуется платным медицинским обслуживанием. Дополнительная нагрузка на бюджет респондентов выступает фактором, снижающим доступность медицинского обслуживания, и низкодоходные группы населения становятся наиболее уязвимыми в получении медицинской помощи. Это связано с представлениями населения о том, что качество платных услуг значительно выше в сравнении с бесплатными (75%). В эту группу опрошенных вошли в основном молодые респонденты.

В целом, исследовательские материалы позволили прийти к следующим выводам. По мнению опрошенной молодежи наиболее острыми проблемами в системе медицинского обслуживания в поликлиниках выступают длинные очереди и сложности с получением талона на прием, высокая стоимость медицинских услуг. Частично заявленные проблемы можно разрешить на управленческо-преобразовательном уровне силами и средствами администра-

¹ Российское здравоохранение: как выйти из кризиса: доклад VII Международной научной конференции «Модернизация экономики и государство», 4-6 апр. 2006 г. / А.Г. Вишнеvский, Я.И. Кузьминов, В.И. Шевский и др. М., 2006. С.7.

ции медицинских учреждений. Во-первых, для повышения доступности медицинского обслуживания необходима оптимизация системы предварительной записи пациентов на прием, на исследования (по телефону, по журналу самозаписи к тому или иному специалисту). Во-вторых, в медицинских учреждениях возможна организация системы видеонаблюдения для регулирования текущих потоков пациентов, перераспределение сил и средств поликлиники. В-третьих, опираясь на существующую нормативную базу, необходимо разработать информационно-справочные материалы для пациентов применительно к каждому медицинскому учреждению с указанием условий предоставления бесплатной медицинской помощи и видов бесплатных медицинских услуг; данные материалы должны предоставляться каждому пациенту в момент обращения в поликлинику.

Доступность и качество медицинской помощи – одна из насущных проблем современной системы здравоохранения. Переход системы на бюджетно-страховую модель в начале 1990-х гг. привел к тому, что сегодня она несовершенна, можно утверждать, что находится в кризисном состоянии. Население, в том числе и молодежь, не удовлетворено в полной мере медицинской помощью, в системе имеются институциональные, социальные и организационные противоречия. Несмотря на то, что с 2006 г. в России реализуется приоритетный национальный проект «Здоровье», направленный на повышение доступности первичной медико-социальной помощи, поддержку кадрового потенциала системы, улучшение ситуации с диагностическими возможностями медицинских учреждений и др., вопросы по-прежнему остаются открытыми. Думается, что все-таки дальнейшая реализация национального проекта позволит снять часть вопросов, а администрации амбулаторно-поликлинических учреждений своими силами попытаются решить часть проблем, находящихся в их непосредственной компетенции.

Бабинцев В.П., Реутов Е.В. (БелГУ, Белгород)

Актуальные формы социокультурной рефлексии молодежи: самоорганизация и «атомизация»¹

Проведенные нами в 1990-2000-х гг. на региональном уровне социологические исследования по молодежной проблематике фиксируют противоречивое состояние сознания молодежи. В структуре его, с одной стороны, отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам. Но, с другой стороны, молодые люди демонстрируют крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации. Для большого числа их общение на уровне компаний друзей или в формальных группах типа студенческих зачастую является единственным видом коллективного действия. Эта тенденция, которую можно определить как *тенденцию к «атомизации»*, проявляется в течение почти двадцати лет и, как нам представляется, связана с качественными изменениями в ценностно-смысловых установках молодых людей и российского социума в целом. В частности, еще исследования, осуществленные Информационно-социологической группой отдела, а затем и управления по делам молодежи Белгородской области в первой половине 1990-х годов², выявили выдвигание в сознании молодого поколения на первый план ценностей индивидуалистического характера, связанных с практическим успехом и достижением личного благополучия.

Обобщение полученных данных позволило сделать вывод о том, что в молодежной среде стали доминировать престижно-потребительские установки и ориентации. Их преобладание во многих отношениях стало естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных (и квазирыночных) принципов в экономику. В результате в 1990-е гг. в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант №07-03-00367а) и Правительства Белгородской области (№08-03-55309 а/Ц)

² В их числе исследования: «Проблемы организации социальных служб для молодежи Белгородской области» (N = 800 человек) – 1994 г.; «Молодежь и власть» (N = 1000 человек) – 1994 г.; «Перспективы развития социальных служб для молодежи Белгородской области» (N = 4010 человек) – 1994 г.; «Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение» (N = 1000 человек) - 1994 г.; «Социальные и психологические факторы правонарушений в молодежной среде» (N = 2000 человек) - 1995 г.; «Молодежь России» (N = 500 человек) - 1999 и 2001 гг.

сознании значительной части молодежи стал утверждаться когнитивно-ценностный *диссонанс*, который проявился в противоречии между личными смысложизненными ориентациями и установками, предлагаемыми нестабильным обществом в качестве универсальных норм поведения. Формирование подобного диссонанса является одним из наглядных проявлений «рождения уникального явления – парадоксального человека» – процесса, который наиболее полно описан Ж.Т. Тощенко¹.

В принципе, как и любое противоречие, данный диссонанс может выступать потенциальным источником саморазвития личности. Однако подобная возможность, к сожалению, довольно редко реализуется на практике, поскольку необходимым условием конструктивного разрешения противоречия является наличие у личности воли к самосовершенствованию и хотя бы минимальной способности к саморегуляции. В реальной жизни воли и способности к саморегуляции обычно не хватает, и естественным результатом диссонанса являются различные формы социальной дезадаптации. Это особенно присуще, как показывают исследования, «обществу риска»².

Когнитивно-ценностный диссонанс на уровне общности может быть преодолен путем выстраивания новых форм самоорганизации с поиском современных моделей коллективизма. Частично этот процесс начал набирать обороты и нашел более или менее адекватное выражение в возникновении сетевых самоорганизующихся структур. Но данная тенденция к коллективизму предполагает также высокий уровень самосознания и самооценки (рефлексивности), которым не обладает большая часть российской молодежи. В результате процесс ее самоорганизации *не получает сколько-нибудь явного институционального оформления*. Даже субкультурные, неформальные объединения молодежи приобретают в современных условиях сугубо узконаправленную ориентацию, связанную с каким-либо специфическим видом досуговой деятельности. Развитие виртуальных способов межличностной коммуникации, неся в себе огромный потенциал самоорганизации, тем не менее, в значительной степени сводит общение к сравнительно примитивным формам.

В выборе стратегии адаптации к социальной среде молодые люди, как правило, следуют индивидуализированным, внеинституциональным практикам. Проведенное Центром социальных технологий в 2008 г. в Белгородской области исследование «*Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии*»³ показало, что главными факторами реализации своих жизненных целей большинство молодежи считает преимущественно личные качества – целеустремленность, работоспособность и т.п., не задумываясь о необходимости сотрудничества и объединения. Большинство молодых людей на ценностном уровне демонстрирует «веру в самого себя» (58% респондентов), в удачу и отсутствие веры во все остальное (7% участников опроса). Государственные и, в меньшей степени, общественные институты не находят поддержки у молодежи. Следствием низкого уровня межличностного и институционального доверия в молодежной среде является «*атомизация*» социальных практик и неготовность к солидаризации на позитивной основе ради реализации собственных интересов. Низкая готовность к долговременному сотрудничеству и коллективным действиям выражается в низкой оценке роли политических партий и общественных организаций, в слабой вовлеченности в их деятельность. Для установок значительной

¹ Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социс. 2004. № 12. С. 4.

² Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильяме К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

³ Сбор информации осуществлялся методом анкетирования (N = 700). Отбор респондентов производился по квотной выборке. Квотирующими признаками выступали пол, возраст, место проживания. Для сбалансированности долей городской и сельской молодежи в выборочной совокупности отбор производился в двух городах (Белгород и Старый Оскол) и четырех районах с преимущественно сельским населением (Грайворонский, Краснояружский, Старооскольский и Шебекинский). Выборка репрезентативна по отношению к генеральной совокупности. Кроме того, проведен опрос экспертов-специалистов в области молодежной политики, ученых (N = 31) о доминирующих в молодежной среде практиках адаптации к социальной среде, о наиболее существенных компонентах общественного сознания современной молодежи.

части молодежи характерен нормативный релятивизм – готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления.

Анализ деятельности молодежных организаций показал: участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности (политических, волонтерских, профсоюзах и др.) носит преимущественно мобилизованный характер, то есть инициируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами, «взрослыми» общественными организациями, либо же основано на сугубо карьерных соображениях – рассматривается исключительно как социальный лифт. Большое количество действующих молодежных организаций (в 2008 г. в России действовало более 400 тыс. молодежных и детских общественных объединений) не должно вводить в заблуждение, ибо многие из них носят формальный характер. Рекрутирование же участников в организации и сообщества с негативной программой (националистические организации, криминальные сообщества) протекает гораздо более автономно. Наблюдается эффект «негативной консолидации» молодежи. И хотя круг участников данных групп во много раз уже, чем организаций «позитивной» направленности, их деятельность зачастую получает гораздо больший резонанс вследствие внимания СМИ к проблемным и болезненным точкам общества.

Наши эмпирические исследования¹, дают основание утверждать, что самоорганизацию и «атомизацию» молодежи в настоящее время целесообразно рассматривать, прежде всего, как специфические формы саморефлексии, связанные с более или менее осознанными и успешными попытками уяснить свое место в обществе некалькулируемого риска. Этот вид рефлексии мы называем *социокультурной рефлексией* и определяем ее как совокупность способов оценки окружающей действительности и самооценки молодежи, базирующуюся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощенную в комплекс взглядов, образов, мифов и символов, которые используются для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или для его модификации.

В литературе отмечается, что в современных обществах потребность в рефлексивности становится универсальной, распространяется на принципиально новые реалии; жизненно важные структуры обретают транснациональное расположение, а культурная система расширяет рефлексивные возможности. Рефлексия принимает разнообразные формы, которые сочетают в себе элементы традиционных культурных форм с довольно причудливыми образованиями, нередко отражающими болезненные состояния человеческой психики. Причем, современная рефлексивность все чаще институционализируется в альтернативных формах, которые сосуществуют и взаимодействуют, несмотря на порой взаимоисключающие целевые установки, принципы организации и ожидания участников². Саморефлексия в обществе с многочисленными рисками, на наш взгляд, является вполне естественной защитной реакцией на социальную нестабильность, попыткой в меру имеющихся возможностей сконструировать собственную модель социокультурного пространства путем приватизации его отдельных составляющих. Это могут быть символы, мифы, территория, средства модификации физического и духовного состояния человека (наркотики, некоторые виды музыкальной культуры, какие-либо специфические практики), сверстники.

Рефлексия, выраженная в форме «атомизации», предполагает построение индивидуальной модели социокультурного пространства путем его своеобразного «свертывания». Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации. Но во многих случаях «атомизация» является

¹ См.: Бабинцев В.П., Реутов ЕВ, Бояринова И.В, Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. Белгород, 2007; Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии / Под ред. В.П. Бабинцева. Белгород, 2007.

² См. об этом: Кравченко С.А. К итогам VII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. 2008. №2. С.4-9.

результатом завышенной самооценки собственных возможностей, не сопровождаясь при этом негативным отношением к окружающим. Особым случаем построения уникальной рефлексивной модели социокультурной среды является *создание или воспроизводство формализованных структур, которые обычно выступают в форме молодежных организаций* (самостоятельных или движущихся в фарватере «взрослых» объединений), молодежных движений. Культурная рефлексия в данном случае укладывается в рамки заранее определенной схемы, предложенной извне и обычно подкрепленной значительными ресурсами. Тем не менее, как свидетельствует наше исследование, для части молодежи такой вариант рефлексивного поведения оказывается наиболее приемлемым, поскольку разрешает довольно сложную проблему поиска адекватного образа и стиля жизни. Таким образом, снимается необходимость инновационного действия и решения, которые, по-видимому, для подавляющего большинства молодежи не являются значимыми как в ценностном, так и в дескриптивном плане. Сложность проблемы рефлексии определяется тем, что, испытывая некую потребность к самооценке и самоанализу, многие молодые люди не способны самостоятельно и рационально реализовать ее в силу низкого уровня образования и общего развития. Общественно-политизированные модели рефлексии в данном случае оказываются незаменимыми для представителей данной категории молодежи. В основе таких моделей обычно лежат вера в лидера, нивелирование индивидуальной ответственности, идеологизация и прагматический расчет.

Примечательно, что во всех перечисленных формах молодежной саморефлексии присутствует ясно выраженный элемент игры. Игра все чаще становится для молодежи наиболее притягательным видом пространства саморефлексии. При этом существенно изменяется игровое поведение, что максимально упрощает процесс взаимной адаптации игровой деятельности и рефлексивного поведения. Развивается *играизация* – удобный и признаваемый референтной средой стиль повседневного рефлексирования. Ее предпочтение определяется тем, что «играизация есть деятельность, лишенная прямой практической целесообразности, в ней все осуществляется «понарошку». Игра, напротив, прагматична, что проявляется в следовании узко прагматическим интересам, соображениям выигрыша, выгоды, пользы»¹.

Играизация позволяет молодым людям имитировать рефлексивность, одновременно удовлетворяя потребность в самооценке, не выходя за рамки социально одобряемых форм поведения. Компенсирующая функция играизации, вероятно, не до конца осознаваемая большинством молодежи, учитывается представителями различных общественно-политических сил, стимулирующих создание квазиигровых молодежных формирований. О значимости «фишек» ярких, запоминающихся элементов деятельности и имиджа молодежных движений как о факторе своего вовлечения в них говорили их активисты в ходе онлайн-дискуссий проекта Фонда «Общественное мнение» «Поколение-XXI». Внешний эффект и «своя тусовка» имеют зачастую намного большую значимость, особенно для самых молодых участников, чем какие-то неясные долгосрочные перспективы и идеи². Соответственно, для различных целевых групп в молодежной среде предлагаются свои специфические «игры». В зависимости от специфики личностных диспозиций объекта воздействия они могут принимать более или менее жесткий характер. Но во всех случаях они реализуются в условиях контроля за участниками, превращающего формальные молодежные структуры в так называемые «рыбные садки» – места фильтрации будущей элиты (или контрэлиты).

Саморефлексия как способ приватизации социокультурного пространства связана с тем, что практикующие ее молодые люди конструируют особый мир ценностей и смыслов, который обычно возводится к какой-либо матрице. В неформальных структурах она чаще всего представлена феноменами массовой культуры (шоу-бизнес, литература, социальная мифология). В формальных организациях – идеологией, репрезентируемой политическим лидером. В автономных моделях поведения – мифами, ориентированными на мистику, религию, пара-

¹ Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 139.

² См.: Лебедев П. «Вместе веселее», или «Один в поле не воин» // Социальная реальность. 2008. № 6 / Режим доступа к изд.: <http://socrcal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=S29>. Систем, требования IBM PC; Internet Explorer.

науку. Общим для этих матриц является то, что они являются «праксеоориентированными», максимально упрощенными (примитивизированными) и приспособленными для утилитарного использования. Все это делает подобные матрицы временными, подчиняющимися закономерностям формирования и эволюции моды. В их временности кроется одна из причин относительной недолговечности молодежных организаций, сравнительной легкости изменения молодыми людьми своих жизненных траекторий.

Наше исследование показало, что в жизненных планах молодых людей доминируют семейное счастье, карьера, богатство. Так, семейного счастья хотят 65% опрошенных. Две пятых (41%) настроены на карьеру. Третья часть (33%) респондентов жаждет богатства. Значительное количество (27%) считают одним из основных приоритетов реализацию таланта и способностей. Почти столько же полагают для себя важным достижение свободы и независимости в решениях и поступках. Обращает на себя внимание, что карьерные устремления лишь отчасти связываются со стремлением стать профессионалом в своем деле. Если сделать карьеру хотят 41%, то стать квалифицированным специалистом – 18%. Возможно, карьера в глазах значительной части молодежи – это уже терминальная ценность, тогда как профессионализм – инструментальная. Десятая часть опрошенных стремится к власти; столько же хотят принести пользу «человечеству и своей стране»; примерно столько же желают прославиться. Незначительная доля респондентов (6%), к которым, пожалуй, следует прибавить тех, кто не смог дать определенный ответ (3%), т.е. в целом таких молодых людей может быть много, не определили какие-либо позитивные цели и хотят лишь того, чтобы их оставили в покое.

Таким образом, семейное счастье в ценностных диспозициях молодежи обладаем безусловным приоритетом. Это позитивная ценность, но ценность, объективно обладающая «атомизационным» потенциалом. Настроенность исключительно на семейное счастье, не сочетающаяся с иными жизненными планами, не способствует формированию и развитию долгосрочных коммуникативных стратегий, без которых невозможна восходящая социальная мобильность в профессиональной, общественно-политической и др. сферах.

Значительный интерес представляют суждения молодежи о том, что нужно в наше время для *достижения успеха* и от чего зависит достижение конкретно ими своих жизненных целей. Ответы респондентов на вопрос о факторах жизненного успеха выявили наиболее приоритетные из них в сознании молодежи: 1) практически ориентированные знания, 2) целеустремленность, 3) связи. Интересно, что в исследовании Левада-Центра, проведенном в 2006 г. среди молодежи России, «наличие знакомств и связей» заняло первое место в перечне факторов, которые, по мнению молодежи, позволяют добиться успеха в современном мире. Его отметили 49% респондентов – на 1% больше, чем те, кто выбрал «упорную работу», и на 6% больше, чем – «хорошее образование»¹.

Все остальные характеристики (в том числе, ум, деньги, общественная активность, положение родителей), с точки зрения молодых, вторичны. Так, общая культура, ум не могут сравниться со знаниями, образованием (их противопоставление можно, на наш взгляд, интерпретировать так, что имеется в виду именно прикладное образование, практические знания). Причем, образование не рассматривается исключительно как сугубо формальное – тех, кто считает, что нужен только диплом, «корочка», относительно немного – 13%. Молодые люди не согласны, что для достижения успеха нужно постоянно подчиняться требованиям окружения (противоположное мнение высказали менее процента респондентов), но и нестандартность мышления и поступков (склонность к инновациям) также имеет небольшую ценность (9%). Таким образом, понимание средств и факторов жизненного успеха молодежью достаточно реалистично и неоригинально – в том смысле, что вполне соответствует шаблону, сформировавшемуся в последние 10-15 лет. Общественная активность, как отмечалось, не рассматривается подавляющим большинством респондентов в числе первостепенных факторов жизненного успеха. Между тем, этот канал мобильности может быть при определенных

¹ См.: Зоркая Н. Поколение живущих как надо // Независимая газета. 2008. 16 сентября.

условиях очень эффективен – хотя бы для приобретения связей и знакомств, на которые так уповают респонденты.

Рассчитывая осуществить свои планы, подавляющее большинство респондентов (77%) надеется, прежде всего, на собственные силы. Треть респондентов (34%) рассчитывает на помощь родителей, родственников; четвертая часть – на удачу. Довольно многие, видимо, тех, кто не совсем уверен в том, что реализует свои планы, надеются на случай, стечение обстоятельств (16%) и божью помощь (13%). На помощь государства, местной власти как на значимый фактор указывают 11% респондентов.

Нормативное представление о значимости личной активности, целеустремленности, волевых качеств корректируется в сознании молодых людей дескриптивной значимостью факторов иного порядка. Видимо, отвечая на вопросы, респонденты предпочитают оперировать понятиями и оценками, близкими к их представлению об «идеальном» социальном поведении, но вынуждены при этом давать и более реалистические ответы, дающие более адекватную картинку их жизненных ценностей и ориентации. То, что они практически не рассчитывают на помощь институтов публичной власти, с одной стороны, защищает их от возможного разочарования. С другой стороны, то, что государственные и муниципальные институты оказываются на периферии ожиданий молодежи, может иметь негативные последствия. Не чувствуя себя зависимыми от государства или обязанными ему, молодые люди, соответственно, не задумываются над тем, что должны делать какой-то вклад в функционирование публичных институтов. Представление о том, что человек в реализации жизненных целей обязан только самому себе, является, возможно, эффективной установкой для достижения индивидуальных целей. Однако в контексте социальной интеграции, солидарности такая идея представляется достаточно деструктивной.

Обращает внимание на себя противоречие между успешной адаптацией молодежи в социуме и критическим к нему отношением. 45% опрошенных удовлетворены состоянием социума, но более четверти (29%) не удовлетворяет общество, в котором они живут. Казалось бы, выявленная неудовлетворенность представляет собой необходимую предпосылку для социального действия и связанной с ним самоорганизации. Но эта предпосылка обычно не переходит в плоскость не только реальных действий, но даже осознания необходимости и ответственности интеграции, солидаризации и самоорганизации в преодолении индивидуальных и общих проблем молодежи.

Самоорганизация, формирование молодежных организаций, движений не рассматриваются молодыми респондентами как эффективный способ защиты своих прав, реализации интересов. Из перечня предложенных вариантов оценки значимости различных способов гражданского участия его выбрали лишь 13% опрошенных. Правда, традиционные пользуются еще меньшей поддержкой: участие в политических партиях – 5%, обращение в органы государственной власти – 6%, обращение в средства массовой информации – 7%. 15% респондентов вообще ответили, что не видят таких способов. Но большая часть (40%) выбрала в качестве наиболее эффективного способа *индивидуальную активность*, использование личных и семейных ресурсов.

Следовательно, имеются веские основания утверждать, что *саморефлексия современной молодежи носит в большинстве случаев неполный, «одномерный» характер.* Ее неполнота, как отмечено, проявляется, прежде всего, в гиперболизации индивидуальных практик. С нею тесно связана преимущественная интернализация индивидуалистских ценностей и довольно ярко выраженное преуменьшение значения ценностей коллективистских. Логическими следствиями подобного дисбаланса является *ограниченность внутригрупповой и межгрупповой солидарности молодых людей*, а также крайне противоречивое восприятие ими общества. При всем критическом восприятии его молодые люди *не предпринимают сознательных усилий по изменению социума.* В тех же случаях, когда протест «прорывается наружу», он носит спонтанный характер и выражается в приобщении к деструктивным объединениям. Впрочем, и они характеризуются нестабильностью и сравнительной малочисленностью.

На основе полученных результатов мы считаем возможным сделать важный для организации практической работы с молодежью вывод. Он заключается в том, что любые усилия, направленные на стимулирование самоорганизационных процессов в молодежной среде, не будут эффективными, если они не учитывают социокультурный аспект проблемы. *Успешная самоорганизация молодежи возможна лишь в том случае, если молодым людям будет свойствен иной, нежели в настоящее время, тип рефлексивности.*

В идеале это должна быть рефлексивность, основанная на ясном представлении о состоянии общества и своем месте в этом обществе и, что крайне важно, своей роли в культурно-историческом пространстве России. При этом рефлексия должна исходить из представления о поликультурности современной реальности, о необходимости взаимодействия и достижения баланса интересов граждан и их объединений, продолжающих и развивающих различные традиции. *Рефлексия должна стать более рациональной, опирающейся на понятийное осмысление действительности и предполагающей готовность к выбору из многих возможных вариантов социального поведения.*

Означает ли это, что самоорганизационные процессы в среде российской молодежи будут оставаться скорее маргинальным и периферийным явлением, а сама молодежь обречена на роль «ведомого»? И да, и нет. Да – поскольку в короткие сроки посредством любых технологий переломить современный тренд социокультурного развития не представляется возможным. Процессы самоорганизации в среде молодежи, как правило, либо имитируются, либо навязываются извне. В результате фактически консервируется актуальная социокультурная среда. Нет, потому что заканчивается период эйфории от стабилизации российского общества и государства в 2000-е гг. Все более сказывается влияние глобального и внутреннего кризиса. Нерешенность ряда ключевых проблем общества (экстремальная социальная поляризация, существенные масштабы депривации, структурная слабость экономики, коррупция и др.) являются значимыми предпосылками как для позитивной, так и для негативной консолидации молодежи.

Багирова А.П., Багирова Т.Б. (УрФУ, Екатеринбург)

Осознанное родительство: возможности формирования в системе высшего образования.

Проблема взаимоотношений родителей и детей проходит через все жизненные циклы индивидуального развития личности. В процессе этих взаимоотношений возникают разные состояния: зависимости от родителей, постепенного отхода от нее, обретение противоположного статуса отношения родителей и детей – статуса родителя. «Всякое общество, – по мнению Э. Эриксона, – состоит из людей в процессе их перехода из разряда детей в разряд родителей. Чтобы обеспечить непрерывность традиций, общество должно заблаговременно готовить детей к функции родителей, а также заботиться и о неизбежных остатках инфантильности у взрослых»¹.

Традиционно считается, что формирование родительства является основной функцией семьи. Однако, по нашему мнению, в семье формируется не вся сложная система родительства, а только одна – бессознательная – его составляющая. Эти процессы протекают, как правило, на неосознанном уровне, несистемно и нецеленаправленно. Другая же сторона родительства – сознательная – формируется в более позднем возрасте, под воздействием разных агентов социализации. Это – скорее «социальный» элемент родительства, во многом определяемый социальными отношениями в обществе. Формирование родительства в первую очередь и предполагает целенаправленные воздействия именно на эту его составляющую, идентифицируемую в качестве сознательного (осознанного) родительства.

Актуализация проблемы формирования сознательного родительства обусловлена многими причинами, среди которых можно выделить следующие:

1. Родительство представляет собой *исходный, универсальный тип социальных отношений*, который лежит в основе всех других их типов: межпоколенческих (родители – дети), производственных (начальник – подчиненный), социализирующих (учитель – ученик), межлично-

¹ Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 1966. С. 561.

стных и т.д. На универсальность родительско-детских отношений указывал Э. Берн в своей теории транзактного анализа: родитель и ребенок рассмотрены им как базовые позиции человека во взаимодействии с другими людьми.

2. Феноменологические проявления *семьи и родительства* в сегодняшнем мире. Принято считать, что родительство в качестве относительно самостоятельного образования входит в более крупную систему, каковой является система семьи. Вместе с тем, следует отметить, что именно родительство является исходным, фундаментальным понятием для рассмотрения семьи. Исторически родительство появилось раньше семьи, являясь проявлением родовой сущности человека и реализующей его инстинктивные свойства, связанные с потребностью в воспроизводстве, заботе, защите и воспитании детей. Именно желание закрепить в общественной и правовой форме родительские отношения родства, главным образом установления и закрепления отцовства стало причиной появления социальных институтов семьи и брака. Родительство зачастую существует вне рамок семьи. Об этом, в частности, свидетельствует существование таких форм семьи, как неполные семьи, отказные дети, семьи с приемными детьми; сегодня социальным фактом является бытие родительства вне семьи («родители воскресного дня»). Кроме того, из поля современной семьи выпал целый пласт родительских отношений – престарелые родители и взрослые дети, т.к. наиболее распространенной формой сегодняшней семьи во всем мире является не предполагающая эти отношения нуклеарная семья. Поэтому рассматривать родительство только в рамках семьи означает ограничивать это сложное явление.

3. Родительство, которое может быть рассмотрено как *система аккумуляции и передачи социального опыта от поколения к поколению*, исторически формируясь в рамках семьи, всегда извне поддерживалось обществом, которое всегда брало на себя эту функцию, диктуя разные стили родительства в различные исторические эпохи. Человеческое общество в ходе многовекового развития создавало вокруг и по поводу отношений родительства сложные системы норм и правил поведения, традиций, ценностей, установок, механизмов социального контроля. С другой стороны, характер родительского влияния на детей во многом связан со стилем общественных отношений вообще, родители бессознательно проецируют на свои отношения с детьми проблемы общества, привнося неопределенность, конфликтность, противоречивость в свое взаимодействие с детьми.

4. В условиях *устойчивого сокращения численности российского населения репродуктивная сторона родительства* приобретает особое значение. Именно от молодежи как будущих родителей в первую очередь зависит репродуктивная активность населения. В то же время, социологические опросы сегодня показывают *изменение отношения молодых людей к родительству*. Традиционно фиксируется значительная доля молодых людей, которые отказываются от выполнения родительских ролей или ограничивают желаемое количество детей в создаваемых семьях. Материалы социологических исследований констатируют: «Все больше молодых семей предпочитают иметь одного ребенка, а то и вовсе не обзаводиться потомством». Количество бездетных молодых семей выросло в 2002 г. по сравнению с 1999 г. на 8%, семей с 1 ребенком упало на 3%, с двумя детьми – на 5%»¹.

5. Родительство *представляет собой целостную систему воспитания*. Воспитание ребенка – одна из самых трудных и важных обязанностей взрослых. Но большинство людей мало подготовлены к тому, чтобы стать родителями. Неспособность родителей выработать благоприятную для развития ребенка воспитательную позицию приводит к серьезным нарушениям во взаимоотношениях с детьми. Формирование родительства во многом происходит бессознательно. Став взрослыми, люди часто воспроизводят методы воспитания, испытанные на себе в детстве, даже если помнят, как трудно им приходилось. Отсюда живучесть авторитарных, основанных на силе и команде методов воспитания.

6. *Возрастание роли семьи, родителей в формировании личности ребенка*. Ныне родители оказываются единственными, кто полностью несет ответственность за первичную социализацию

¹ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: учебник. Екатеринбург, 2006. С. 368.

зацию и воспитание детей. Постепенный переход от преимущественно общественных форм воспитания, резкое сокращение детских дошкольных учреждений, фактический отказ школы от выполнения воспитательной функции, требования, предъявляемые к определенному уровню развития навыков, знаний и умственной деятельности при поступлении ребенка в школу и к учащимся при усвоении сложных программ обучения, ориентация на современные способы получения знаний, предполагающих инициативность, самостоятельность, готовность ребенка к сотрудничеству, – все это увеличивает нагрузку на родителей, определяя многообразие и усложнение родительских ролей.

В силу перечисленных и ряда других причин в современных российских условиях представляется необходимым формирование целостной системы обучения родительству. Необходима замена спонтанного поведения в сфере родительства на осознанное, ожидаемое и прогнозируемое. Минимальное количество знаний и умений, присущее сегодня родителям, должно уступить место знаниям систематичным и разносторонним, формированию специальных родительских компетенций, определяющим эффективные приемы родительского поведения. Без наличия подобной системы знаний, а также их реализации представление о личности как полноценно-развитой затруднительно.

Как известно, формирование полноценной личности выступает одной из основных задач высшей школы. В аспекте рассматриваемой проблемы при этом подразумевается развитие двух основных сторон личности: профессионализма и родительства. Однако если формирование профессиональных качеств как задача высшего образования на сегодня является неопровержимой истиной, то задача формирования родительства пока только витает над высшим образованием. Вместе с тем, именно система высшего образования должна выполнять эту функцию. В качестве причин существенной роли высшего образования в этом процессе можно рассматривать следующие:

1. Родительство – особая социально значимая деятельность человека, об этом свидетельствует содержание и онтогенез родительской сферы личности;
2. В современном мире традиционный способ передачи родительских компетенций от поколения к поколению становится неэффективным. Рассмотрение семьи как основного и единственного источника формирования родительства не соответствует действительности, так как, во-первых, далеко не каждая семья дает положительный опыт; во-вторых, родительство зачастую не совпадает с семьей, являясь самостоятельным социокультурным явлением; в-третьих, влияние семьи на формирование личности имеет возрастное ограничение (с возрастом усиливается влияние на формирование личности других агентов социализации, главным образом, образовательных учреждений).
3. Формирование родительства на сознательном уровне наиболее полноценно в студенческие годы. Как известно, именно в студенческом возрасте «формируется обобщенная картина мира, устанавливаются глубинные связи между различными областями изучаемой реальности»¹. Высшее образование в наибольшей степени оказывает воздействие на формирование сознания. Система высшего образования, основанная на обязательном изучении разнообразных дисциплин, на восприятии информации и самостоятельном систематическом изучении необходимого материала, направленных на приобретение необходимых знаний, навыков, умений является благоприятной средой для формирования не только профессиональных компетенций личности, но и родительских.
4. Как один из критериев отбора содержания обучения известный ученый Ю.К. Бабанский выделил критерий целостного отражения в содержании обучения задач формирования всесторонне развитой личности². Однако, сегодняшняя система российского высшего образования не включает в понятие «всесторонне развитой личности» такой элемент ее развитости, как готовность к родительству. Формирование этой составляющей личности не находит полного и системного отражения и на других ступенях российского образования и, по существу, является исключительно функцией семейного воспитания. Между тем, потребителями ре-

¹ Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М., 2001. С. 141.

² Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. М., 1989. С. 419.

зультатов родительского труда выступают не только (и даже не столько) родители, но и другие заинтересованные субъекты – речь идет об обществе, работодателях, экономической и государственной системах страны в целом.

5. Образованию, как известно, необходима не только поддержка со стороны государства и общества, но и регуляция со стороны этих институтов. Одна из ведущих образовательных парадигм – функционалистская – строится на понимании выполнения образованием социального заказа общества. Суть это «заказа» состоит в обеспечении стабильности и развития общества. При этом образование, будучи частью социальной практики, «ответственно» за политическое, социокультурное и экономическое развитие общества в целом. В рамках данной парадигмы задача профессионального образования, формулируемая как подготовка личности только к профессиональной деятельности в сфере профессионального труда, выглядит недостаточной.

Именно сегодня в обществе, в частности, для решения проблемы преодоления депопуляции, возникла потребность в увеличении количества субъектов воспитательного и даже образовательного процесса, осуществляющих подготовку к будущей семейной жизни. Особенно это стало актуальным для такого важнейшего компонента семейной жизни, как формирование и развитие будущего человеческого капитала. Этот вид семейной деятельности приобрел черты, которые позволили назвать его полноценным трудом – со своими специфическими содержанием, стимулами и мотивами. Формирование репродуктивной культуры трансформировалось в конце концов в сложный процесс, который включил в себя как формирование ориентации на соответствующие ценности (ценность семьи, детей, родительства, ценность служения своему социальному слою, обществу и государству, ценность качественного репродуктивного труда и др.), так и выработку умений воплотить их в собственной родительской деятельности. Система образования имеет возможность часть этих функций взять на себя – тем более что в постиндустриальном обществе «образование как социокультурный феномен становится решающим фактором продуктивного взаимодействия с новой для человека действительностью»¹. Именно в этот период образование меняется качественно, становясь целостным, совокупным и личностно-ориентированным.

Изучение дисциплин, направленных на формирование осознанного родительства, должно, на наш взгляд, основываться на следующих принципах:

1. *Принцип естественности.* Потребность в продолжении своего рода органично присуща всему живому миру. Тенденция сокращения численности российского населения во многом связана с неразработанностью эффективных механизмов стимулирования и мотивации родительства, т.е. с ситуационной неудовлетворенностью имеющимися условиями родительства. Педагогическое воздействие через обучение студентов высшей школы смыслу и содержанию родительства, современным технологиям его эффективной реализации является одним из инструментов преодоления этой ситуационной неудовлетворенности.

2. *Принцип универсальности* основывается на том, что семья и человеческая репродукция является микромоделью социума и экономического воспроизводства. Следовательно, механизмы, используемые в сфере родительства, могут с успехом применяться в самых разных областях человеческой деятельности.

3. *Принцип единства теоретических и практических знаний о родительстве (принцип связи теории с практикой).* Знания о родительстве первоначально возникают именно как интуитивно-практические, представляющие собой совокупность навыков ухода за детьми, их воспитания, обучения и развития. Однако, в связи с усложнением условий жизнедеятельности, с накопившимися проблемами в сфере рождаемости, с актуализацией исследования факторной обусловленности репродуктивной деятельности, становится необходимым появление теоретического знания. На сегодня же превалирующее наличие практического знания без соответствующего объема развитого теоретического знания является одним из факторов ставшей уже устойчивой ситуации репродуктивной пассивности российского населения. Следова-

¹ Зеер Э.Ф. Психология личностно ориентированного профессионального образования. Екатеринбург, 2000. С. 20.

тельно, методологический принцип единства прикладного и теоретического знания скорее является пока перспективой, а обучение студентов умелому применению усваиваемых знаний для успешного решения задач практического характера – задачей соответствующего образования.

4. *Принцип проблемности обучения.* Данный принцип обуславливается уже самой актуальностью введения дисциплин, направленных на формирование осознанного родительства, в содержание вузовского образования. Кроме того, проблемность должна проявляться в постановке вопросов и задач, которые необходимо разрешить студентам, в анализе проблемных ситуаций, которыми буквально переполнена сфера родительства, в формировании у студентов потребности, живой заинтересованности в разрешении проблемных ситуаций.

5. *Принцип сочетания родительского и традиционного профессионального мышления.* Основы родительского типа мышления, безусловно, закладываются в семье. Последующее же общее и особенно профессиональное образование, будучи направленным по большей части на формирование профессионального мышления в сфере профессионального труда, способствует если не разрушению, то, во всяком случае, созданию определенной рассогласованности между целями и задачами традиционной профессиональной деятельности и родительства. Эффективные механизмы взаимодействия этих двух основных видов человеческой деятельности, будучи заложенными в содержание высшего образования, помогут сформировать не только будущего профессионала в сфере экономики, но и будущего полноценного родителя. Данный принцип также предполагает, что изучение дисциплин, направленных на формирование осознанного родительства, должно включаться в реальный образовательный процесс, а не представлять из себя отдельную, «дополнительную к основной», деятельность.

6. *Принцип общечеловеческой направленности образования (принцип гуманизма).* Согласно этому принципу главной целью образования в области родительства является формирование полноценной личности, включающее развитие нравственных качеств, интеллекта, творческих способностей каждого молодого человека, «родительской» направленности его мышления, становление его мировоззрения.

7. *Принцип стадийности образования в сфере родительства.* Он предполагает учет специфики реализации единых принципов подготовки на различных ступенях и этапах рассматриваемого образования. Данный принцип обеспечивает развитие непрерывного образования в сфере родительства, превращая его в многоступенчатое образование (семья → дошкольное образование → общее образование → профессиональное образование). Этот принцип подразумевает разработку содержания образования для каждой ступени, с учетом возраста и особенностей личности.

8. *Принцип преемственности образования в области родительства.* Само определение понятия «преемственность в образовании» уже содержит в себе возможность и необходимость его постоянного качественного обновления «с учетом изменений, происходящих в жизни общества»¹. С позиции реализации данного принципа новая, но ставшая уже устойчивой ситуация репродуктивной пассивности российского населения не может не вносить соответствующие изменения в содержание образования на всех его ступенях. Как отмечает Л.А. Горшунова², «сущность преемственности состоит в том, что она обеспечивает связь между прошлым, настоящим и будущим». Роль высшей школы в этом контексте состоит в сохранении связи между опытом, приобретенным в родительской семье, объективными потребностями общества и будущей самостоятельной родительской деятельностью индивида. Реализация принципа преемственности в «родительской составляющей» образования должна выражаться в следующем:

- преемственной связи и единой направленности интересов личности и общества в сфере родительства;

¹ Энциклопедия профессионального образования: в 3-х т. / Под ред. С.Я. Батышева. М., 1999. Т.2. С. 306.

² Горшунова Л.А. Преемственность управления подготовкой учителя в системе непрерывного образования: Дисс....докт. пед. наук: 13.00.01; 13.00.08. Барнаул, 2002. С. 86.

- преемственности между имеющимся родовым практическим опытом (родительская семья, этническая и конфессиональная группа) и своим будущим родительством;
- преемственности между содержанием образования на разных ступенях.

Принцип преемственности выдвигает перед преподавателями дисциплин, направленных на формирование осознанного родительства, особые требования – тщательное ознакомление с программами и содержанием учебного материала по всему циклу соответствующих дисциплин с тем, чтобы выявить общие проблемы, продумать аспект их изучения с точки зрения предмета каждой науки, методические приемы, определить бюджет времени для обобщения ранее изученного студентами материала, отмечая при этом незаконченность проблемы и раскрывая в общих чертах перспективность и последовательность ее изучения.

9. Принцип интерактивности образования в сфере родительства. Данный принцип в первую очередь относится к воспитанию родительства как составляющей «родительского» образования. Он подразумевает осознание студентом социальной и культурной значимости целей родительства, их личностное принятие и превращение в мотивы деятельности. Отношение между студентом и преподавателем по поводу этих целей должны строиться на взаимопонимании, готовности содействовать друг другу, эмоциональных положительных переживаниях, т.е. на принципе интерактивного взаимодействия. Данный принцип предполагает, в том числе, и диалогический характер образования, однако, не заканчивается им. Принцип интерактивности шире, поскольку его реализация основывается на эмоциональном единстве как условии успешного субъект-субъектного взаимодействия. При этом данный принцип исходит из того, что как процесс, так и результат образования имеют равнозначную важность, а ценность учебных курсов основывается не на простой передаче знаний, а на добывании знаний и опыта. Кроме того, принцип интерактивности, на наш взгляд, органично подходит образованию в сфере родительства в силу того, что ответственность за результаты распределяется между участниками образовательного процесса, а само образование, не ограничиваясь познавательным процессом, ориентируется на приобретение умений, на новый, родительский тип поведения.

10. Принцип межпредметности образования в сфере родительства. Из классической педагогики известно, что «принцип преемственности выходит за пределы одного предмета и захватывает другие, родственные предметы, т.е. вопрос о преемственных внутриспредметных связях перерастает в проблему межпредметных связей»¹. Именно межпредметные связи в образовательной программе обеспечивают целостность образовательного процесса, что, в свою очередь, выступает основанием взаимообогащения знаний, единства знаний и умений.

Анализ действующих государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (на примере трех специальностей сферы экономики и управления) позволил выделить существующие дидактические единицы, направленные на придание образованию содержания, так или иначе связанного с будущим родительством студентов. Так, содержание высшего профессионального образования включает рассмотрение вопросов смысла человеческого бытия, свободы и ответственности, нравственных ценностей, социальных взаимодействий и отношений, работоспособности человека и формирования здорового образа жизни. В отдельных дисциплинах рассматривается семейная проблематика (так, в курсе «Педагогика и психология» семья исследуется как субъект педагогического взаимодействия и социокультурная среда воспитания и развития личности, в курсе «Основы права» (ГОС ВПО специальности «Менеджмент организации») в специальную область рассмотрения выделены брачно-семейные отношения). Однако, в действующих ГОС ВПО не ставится задача и отсутствует системное рассмотрение родительства, характера и содержания труда в сфере родительства – сферы, роль которой в жизнедеятельности личности как минимум не меньше, чем значение профессиональной.

На наш взгляд, уже существующие дисциплины ГОС ВПО блоков гуманитарных и социально-экономических, математических и естественнонаучных (и – частично – общепрофес-

¹ Ганелин Ш.И. О преемственности и межпредметных связях // Преемственность в обучении и взаимосвязь между учебными предметами в 5-8 классах: сбор. ст. / под ред. Ш.И. Ганелина, А.К. Бушли. М., 1961. С. 5.

сиональных) дисциплин могут быть дополнены специальным содержанием, направленным на формирование осознанного родительства. В рабочие программы по дисциплине «Философия» могут быть включены такие дидактические единицы, как «Проблема брака и семьи в философии», «Универсальность семьи и формы реализации «идеи» семьи (Ф. Энгельс, Г. Спенсер)», «Функциональный подход к изучению семьи (Э. Дюркгейм)», по дисциплине «Культурология» – «Семья в контексте культуры», «Семейная культура», по дисциплине «Социология» – «Репродуктивное поведение семьи и личности и его элементы: репродуктивные нормы и ценности, потребность в детях, репродуктивные установки и мотивы, результаты репродуктивного поведения», «Место потребности в детях в иерархии потребностей личности», «Формирование репродуктивных установок личности. Категории идеального, желаемого и ожидаемого числа детей в семье», по дисциплине «Концепции современного естествознания» – «Глобализация и парадигмы развития цивилизации и личности», «Депопуляция населения как снижение способности системы к самовоспроизводству и замедление процесса самогенерирования предпосылок для дальнейшего существования», «Индивидуальное и популяционное здоровье». Предлагаемое дополнение направлено на постановку проблемы депопуляции российского населения и ее многоаспектное рассмотрение, формирование понимания ответственности (как личной, так и других субъектов репродукционного процесса) за результаты родительства, изучение форм поддержки семьи.

Однако, на наш взгляд, содержание, направленное на формирование осознанного родительства, даже в дополненном варианте является незавершенным, поскольку в нем отсутствует обобщающий курс, в котором родительство рассматривалось бы как особый вид труда, раскрывалось бы его содержание и формировалась бы осознанная готовность к его реализации. Такого рода учебную дисциплину целесообразно включить, например, в региональный компонент блока гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ее введение придаст всему циклу дисциплин логичность и завершенность, что станет предпосылкой реализации целей и задач, стоящих перед обучением и воспитанием осознанного родительства в системе высшего образования.

Конечным результатом практической реализации подобной логики репродуктивного обучения должно стать формирование компетенций в сфере родительства.

Таким образом, полноценная реализация содержания образования в сфере родительства представляется возможной через сочетание трех его элементов:

- 1) действующих в ГОС ВПО компонентов содержания дисциплин, рассматриваемых в аспекте проблематики родительства;
- 2) дополнения уже включенных в ГОС ВПО дисциплин дидактическими единицами содержания, связанными с формированием осознанного родительства;
- 3) введения одного «специального» курса, целиком посвященного теории и практике реализации родительства.

Баландина Т.Ю., Еробкин И.Е., Петухова И.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Студенческое самоуправление в представлениях студентов конца 1980-х гг.

В современных условиях в студенческой среде нарастает и развивается – как проявление общественной активности студенческой молодежи – стремление объединяться для реализации своих интересов и потребностей, защита своих прав, участия в совершенствовании всех сторон жизни вуза – шире – города, региона, страны.

Процесс демократизации вузовской жизни берет своё начало 1980-х гг. и связан с политикой перестройки. Произошли значительные изменения общей морально-психологической атмосферы в обществе; утверждение плюрализма и гласности, что привело к формированию широчайшего спектра взглядов и мнений, нередко полярных, противоречивых; развитие неформального молодежного движения (на какое-то время ставшего основной формой социальной активности и самодеятельности молодежи). Студенчество того времени воспринимало участие в самоуправленческих процессах весьма остро. В контексте преобразований, которые предстоит пережить нашему ВУЗу, является интересным своеобразный срез в исторической ретроспективе.

Еще в предшествующие перестройке годы в УПИ проводились серьезные исследования студенчества. Одной из ключевых проблем был мониторинг повышения качества образования выпускников. Вопросы самоуправления нашли свое отражение в анкетном опросе студентов в 1988 г., который был посвящен проблемам дальнейшего развития студенческого самоуправления. По мнению студентов, наиболее эффективно было самоуправление в сфере досуга и быта (81%), студенческих стройотрядов (86%), лишь каждый пятый отметил эффективность студенческого самоуправления в учебном процессе. Отмечалась важность развития самоуправления в его традиционных формах: профсоюзная работа, НИРС, развития досуга, спорта, самообслуживание в общежитии, стройотряды. Исследование отразило влияние коллективистских устремлений. Преобладало мнение: группа должна систематически оценивать труд каждого. На волне демократических настроений многие студенты (7-8 из 10) высказывались за возможность приостанавливать некоторые решения администрации вузов, оценивать работу преподавателей, участвовать в их переизбрании. Противоречиво оценили студенты социокультурный аспект студенческого самоуправления: на вопрос, что дает участие в общественной работе лично им, каждый второй отметил успешность адаптации в коллективе, 2 из 5 – развитие коммуникативных навыков (умение наладить контакты с людьми); но лишь 1 из 8 отметил подготовленность к будущей роли руководителя и воспитателя трудового коллектива. Каждый пятый считал эту работу основой карьерного роста.

Опросы студентов 1980-х гг. выявили и нараставшее стремление к деполитизации и деидеологизации. Резко возросло стремление студенческой молодежи активно участвовать в процессе управления делами вуза. При этом диапазон такого участия был достаточно широк: от проблем материальной обеспеченности до влияния на содержание и качество учебных занятий. Основным лейтмотив мнений студентов: повышение их социального статуса не только как объекта учебно-воспитательного процесса, но и как активного субъекта, кровно заинтересованного в улучшении его качества.

Особенно значимым респонденты считали резкое усиление влияния студентов на управление делами вуза. Для 7 из 10 респондентов наиболее приемлемой была двухзвенная система вузовского управления: включающая как равноправные органы Студенческий комитет, защищающий интересы студентов и имеющий право «вето» на решения Ученого совета. Каждый четвертый готов был ограничиться увеличением до 50% представительства студентов в Ученом совете. С позиции сегодняшнего дня иллюзорность настроений большинства студентов очевидна, но именно они четко отражают атмосферу тех лет.

В кризисные 1990-е гг. студенческое самоуправление (и соответственно исследовательский интерес к нему) пошли на спад. Но эти годы были поучительны и в другом отношении: они показали, что реформы не могут быть удачными, если узка их социальная база, и значительная часть молодежи будет отторгаться от их реализации. Реформы могут быть успешными лишь при активном участии в них молодых, когда раскрывается их творческий потенциал.

Балихина О.А. (ТюмГНГУ, Тюмень)

Ценность молодежи, её ценности и ориентации в условиях экономического кризиса

Молодежь в возрасте 20-25 лет – это ближайшее будущее страны. И что бы заглянуть в будущее можно просто хорошо присмотреться к молодому поколению в указанном возрастном промежутке. Ценности занимают ведущее место в формировании жизненных стратегий: образование, семья, быт, нравственность. И невозможно представить человека, который не строил бы планы на жизнь и не стремился к чему то, более серьезному и совершенному, чем, скажем, бутылка пива или мобильный телефон.¹

Приближаясь к получению диплома, человек уже задумывается о том, где он сможет реализовать себя как личность. Наверняка все слышали такое высказывание: «Куда пойти, куда податься, везде придется продаваться!» Однако мало кто задумывался, что стоит за этими словами. То ли это неверие в собственные силы, то ли неверие в цели и эффективность соци-

¹ Молодежный экстремизм / Под ред. А. А. Козлова. СПб., 1996.

альных реформ. У сегодняшней молодежи есть самоуверенность, и даже в некоторых моментах её слишком много, а в первую очередь мы верим только в себя. Вполне адекватный активизм и здравомыслие молодых специалистов отражает главные проблемы возникающие в процессе реализации себя и своих желаний. Эти проблемы не новы: необходимый опыт при устройстве на работу; не полная информированность о рынке труда; российский менталитет; средства массовой информации.

Безусловно, государство принимает определенные меры, направленные на трудоустройство молодых специалистов, но они не столь эффективны, как хотелось бы. Ведь предприниматели все равно предпочитают брать на работу людей старшего возраста и с опытом работы. Эта проблема связана с нашим менталитетом. Есть, конечно, изменения, которые видны невооруженным глазом. СМИ в 2009 г. стали показывать молодежь с другой стороны. Молодое поколение борется за здоровый образ жизни, объединяется в группы для борьбы за справедливость и свое место в мире. Однако чем больше сталкиваешься с такими проблемами в трудоустройстве, тем меньше становится вера в государство и остается верить только в себя и свои силы. Но чтобы понять профессиональные стратегии молодежи, необходимо разобраться в её ценностных ориентациях.

Сегодня в стране кризис, но ценностные ориентации молодого поколения не только не снизились, а еще и выросли на порядок. Их состав не удивляет: престижная работа; достойная заработная плата; безукоризненный внешний вид; машина; квартира. Одним словом все то, благодаря чему можно жить в удовольствие. Вот только есть одно «но»! Одна половина стремится получить все эти блага как можно больше, не обращая внимание на качество, когда другой половине важно качество, а количество уходит на второй план. Пусть это и выглядит весьма материально и меркантильно, но зато это правда. Это то, что присуще каждому человеку, только одни об этом говорят, когда другие просто отрицают. Ведь каждому понятно, если человек будет чувствовать себя на работе успешным и признанным, то и дома у него будет позитив и счастье. Но хочу добавить, что у нас, у молодежи, есть социальные и моральные ценности и установки, через которые мы никогда не переступим. Конечно, не стоило бы говорить «Никогда!», всегда найдется случай и наступит тот момент, когда придется переступить через самого себя, но все же мы стараемся обходить такие повороты и оставаться верными, прежде всего, самим себе.

Сегодня мы готовы «идти по головам» для того, чтобы добиться своего! Но мы пойдем по головам друг друга, не задевая старших. Сейчас многие подумают, что старших мы не заметим, будем сметать всех на своем пути! С этим не поспоришь! Всегда находятся люди, для которых нет ничего святого, и как раз из-за таких личностей, которые таковыми не являются, многим приходится отстаивать свою праведность. Да, мы готовы переступать через грани дружбы и хорошего отношения! Через некие моральные принципы! Но согласитесь, если есть настоящий друг, то мало кто захочет так поступать! Следовательно, у нас просто присутствует свой игровой момент! Появляется конкуренция, новая цель, некие стимулы. Жизнь становится наполненной новых и еще не до конца понятных мелочей! Начинаешь понимать, кто есть кто! Вот тут и есть переход от ценностных ориентаций к профессиональным стратегиям! Профессиональные стратегии молодого поколения вполне очевидны, это твердая намеренность открыть своё дело и заработать много денег! Конечно, это не советские идеалы, когда наши родители хотели стать космонавтами, полярниками или героями трудовых вахт. И все же, даже в парадигме рыночного воспитания мы не добираем идеологический базис. Как бы грустно это не было. Ведь, чтобы заработать много денег, открыть свой бизнес, нужно не только много учиться и работать, надо очень верить в своё настоящее. Нам нужны убеждения, а их нет. Нужны примеры, а они в будущем. Вот и получается, что в отсутствии системообразующей воспитательной функции государства, мы больше верим в сиюминутную выгоду, нежели далеко идущим планам. А это уже накладывает свой отпечаток в выборе жизненных стратегий.

Бытует мнение, что те, кто учится на «5», редко добиваются высот в работе, а те, чья успеваемость средняя, получают высокие должности и далеко идущие перспективы. Это и

правда, и большое заблуждение! Очевидно, что те, кто заиклен на учебе и не интересуется окружающим миром, и те, кто не обладает «подковой знаний», не смогут реализовать себя сегодня профессионально и как личность в окружающем мире. Нужно чувствовать ту грань, где учеба становится вторичной, а социум первичным. Ведь недаром существует сказание о мудреце и его ученике. Когда ученик стремился узнать все, что знает его учитель. И как был прав мудрец, когда сказал: «Пойми, ты никогда не будешь знать все! А чем больше ты узнаёшь, тем меньше знаешь!» Так оно и есть, чем больше мы узнаём, тем больше появляется вопросов! А если опираться на практику, то мы увидим что 70% учеников, чья успеваемость выше среднего, являются детьми работников среднего класса. И ровно столько же процентов учеников, которые учатся на среднем уровне и даже ниже, являются детьми, родители которых занимают высокие должности. И вполне очевидно, кто, где и как будет работать после окончания учебы! Профессиональные ориентации молодежи, это всего лишь ориентации на будущее. А будущее мы строим сами, и цели меняются в зависимости от их достижения. Скорей всего не правильно будет говорить о ценностных ориентациях всей молодежи в целом. У каждого есть свои цели, свои принципы, да и, в конце концов, свои мечты!

Сегодня все более очевидной становится ключевая роль молодежи как особой социальной группы в развитии государства и общества. Необходимо рассматривать каждого отдельного представителя молодежи в качестве реального действующего лица социального становления и инновационного развития не только конкретного региона, родного города или села, но также общества и государства в целом. Ведь современная молодежь – это то поколение, от которого зависит будущая судьба России и которое по определению выгодно отличается от других групп населения уровнем здоровья, интеллектуальной активности и мобильности.¹

Безусловно можно изучить массу статей и работ, связанных с молодежью и существующими проблемами, но суть остается прежней. Молодежь хочет многого, и получить это можно только своими силами, в редких случаях с мизерной поддержкой со стороны государства

Чтобы составить общую картину, описывающую ценности современной молодежи, я провела небольшое анкетирование. Анкета состояла всего лишь из 10 вопросов, ответы на которые в полной мере отразили мнение респондента о существующих условиях трудоустройства и планов на будущее. В анкетировании участвовало 47 человек, и все они являются будущими выпускниками вузов на территории России. Сопоставив и проанализировав ответы можно сделать вывод, что 47% выпускников хотят иметь свой бизнес, 44% будут довольны хорошей должностью и достойной зарплатой, и только 9% не задумывались о будущей работе и предпочитают плыть по течению. Более подробный анализ ответов респондентов, которые ориентированы на развитие своего бизнеса, позволяет выделить градацию их ценностей. Для них бизнес стоит на первом месте. И карьера важнее семьи и здоровья. Это может говорить только о том, что человек изначально стремится заработать капитал, чтобы в будущем содержать семью. Здоровый образ жизни, внешний вид и эмоции для них более важны, нежели материальные ценности. Стоит заметить, если бы в анкете не было вопросов касающихся эмоций, здоровья и внешнего вида, то материальные ценности занимали бы ведущее место в ориентациях респондентов. А вот дружба и внутренне спокойствие уже не так важны, на пути достижения профессиональных высот. Градация ценностей респондентов, ориентированных на высокую должность и достойную зарплату, немного иная. Однако все равно карьера остается на первом месте, хотя разница между важностью карьеры и важностью семьи невелика. Материальные блага находятся на последнем месте. Но и дружба не столь важна, как казалось бы.

Итак, на первом месте у опрошенных нами студентов находится карьера, семья тоже занимает ведущее место, но чтобы начинать её строить, они нацелены на создание какой-то опоры. Неожиданным оказался тот факт, что дружеские отношения находятся на последнем месте. Просто очевидно, что сегодня надеяться и верить стоит только в себя, в собственные силы, и в очень близких людей.

¹ Будущее Ямала / Под ред. А. Р. Маркиной, 2009.

Глядя на такую картину, невооруженным взглядом заметен тот факт, что наше государство не вполне нацелено на поддержание молодежи. Безусловно, оно заинтересованно в молодом поколении, поддерживает малый бизнес, но видимо этого не достаточно. Хотелось бы, что бы молодого специалиста воспринимали не как новенького мало умеющего работника, а как нового специалиста способного внести что то новое, и поднять уровень работы на высший уровень. И, конечно же, без наших желаний и большой работы над их достижением мы ничего не добьемся, даже если государство станет нам больше уделять внимание.

Многие из нас приобретают профессию, выбранную по указке старших, а все потому, что мы не хотим их огорчать. И сейчас в университетах полно студентов, которые все еще не решили для себя, чем им заняться. А значит годы и деньги, вложенные в образование, не принесут должного результата, к которому стремиться человек, твердо знающий свою цель. Однако есть и те студенты, у которых просто не было возможности поступить на то место, куда бы они хотели. И все почему? Потому что не у всех есть возможности, а помощь от государства весьма мала, для решения таких вопросов. Вот и получается, что многие просто занимают не свои места, когда их места заняты другими.

Хотелось бы донести до тех 9%, которые еще не задумывались о своей карьере, что пока мы сами не решим чего мы хотим, мы ничего не добьемся! В жизни как не было справедливости, так в ближайшее время она и не появится. За свое место в жизни и свое счастье нужно бороться. Одной веры в это не достаточно. Как писал Ф. Ницше «нет ничего, во имя чего следует жить и к чему надо стремиться».¹ Мы стремимся к своим целям, достижение которых даст нам право говорить, что мы достойны того что имеем! Пусть это будет достигнуто правдами и неправдами! Ведь это одно из условий, которого стоит придерживаться, что бы выжить в мире сегодняшнего бизнеса. И если не появиться хотя бы доля справедливости, то я уверена, что мы станем играть по своим правилам.

В конце хотелось бы обратиться к работодателям: «Наш российский менталитет усугубляет процесс управления персоналом. Даже не стоит приводить давно заезженный, но вполне яркий пример, такой как Япония. Хочется Вас призвать к тому, чтобы Вы давали возможности не только своим знакомым и родственникам, но и новым лицам!»

Балынская Н.Р., Концева О.А. (МагГУ Магнитогорск)

Риски в творческой деятельности молодежи: социологический аспект

За последние десятилетия российское общество подверглось системной трансформации и в результате было порождено общество нового типа – «общество риска». Несмотря на то, что впервые это понятие было разработано западной наукой, наиболее удачное определение этого феномена дается все же в отечественной научной литературе: «Общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска»².

Судя по некоторым итогам социально-политических и экономических преобразований в современной России³, можно утверждать, что в нашей стране также сформировалось *общество риска*. Существует комплексный показатель состояния общества, его благополучия, комфортности жизни человека в этом обществе, разработанный экспертами ООН. Этот показатель, включающий в себя экономические, демографические, образовательные аспекты, – *индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)*. Если по индексу развития человеческого потенциала в 1992 г. Россия занимала 30-е место в мире и входила в группу стран с высоким уровнем его развития, то в 2000 г. наша страна опустилась на 57 место и перешла в

¹ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах: Т. 12: Черновики и наброски, 1885—1887 гг. М., 2005. С.104.

² Зубок Ю.А. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи в обществе риска // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 130.

³ См.: Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006 гг.). М., 2007. С.586.

группу стран со средним уровнем развития ИРЧП. По данным 2005 г. Россия занимает 62 место в мировом рейтинге¹. Тенденция воспроизводства риска в нашем обществе сохраняется. Факторами, свидетельствующими об угрозах существования самого общества, являются негативные демографические процессы, уровень преступности, суицида, алкоголизм и наркомания. Однако это – следствия, причина – в утрате привычной социально-политической системы норм, ценностей. В России, вступившей на путь демократии и рыночных отношений, старые нормы поведения оказались не адекватными действительности, а новые нормы – не выработанными. Несмотря на то, что в последние годы контуры российского государства более-менее определились, трансформация российского общества далеко не закончена, и в зоне риска оказывается самый активный, социализирующийся слой населения – молодежь.

В социально-гуманитарной литературе широко распространено представление о риске как о возможной неудаче, опасности, которая с определенной долей вероятности может повлечь за собой различные потери. Например, риск – возможность нежелательных последствий какого-либо процесса, явления или факта, измеряемая вероятной величиной потерь². Не менее популярно суждение о риске как деятельности в неопределенной ситуации, «деятельности, связанной с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели»³.

Социологи отмечают объективный и субъективный аспекты природы риска: в первом случае риск рассматривается как некие опасные обстоятельства, которые могут повлечь отрицательные для субъекта последствия; в субъективном подходе риск связывается со свободой воли и сознания человека и трактуется как выбор варианта поведения из возможных альтернатив. Не вдаваясь в детальное рассмотрение диалектики объективного и субъективного в феномене риска, хотелось бы отметить: применительно к объективным обстоятельствам деятельности человека эта категория употребляется как оценка возможной опасности или неудачи. Понятие «риск» несет в себе, прежде всего, оценочный смысл, что и выступает его существенной характеристикой. Исходя из вышеизложенного, дадим следующее определение: *риск – это оценка обстоятельств, деятельности, возможных негативных последствий с точки зрения вероятности достижения цели социальным субъектом.*

Молодежь как демографическая группа играет инновационную роль в организации жизни любого общества. Важнейшая социальная функция молодого поколения заключается в обновлении общества, его устоев, форм жизнедеятельности людей, а также в придании динамики социально-политическим процессам. Социальное творчество, таким образом, является неотъемлемой характеристикой предназначения молодежи в жизни общественной системы. Детрадиционализация современного общества риска сопровождается сменой парадигмы межпоколенного взаимодействия: формируется, по выражению М. Мид, так называемая «префигуративная культура»⁴, которая предполагает передачу социального опыта опосредованно через СМИ и систему образования и в основном в группах сверстников. При этом старшее поколение вынуждено учиться у младшего и считаться с его социальным творчеством. Отрицание новым поколением изживших себя норм и отношений является прогрессивной тенденцией в развитии общества, но огульное отрицание ценностей прошлого ведет к социальной аномии, моральному релятивизму, разрыву традиций взаимодействия поколений. Для эффективного управления обществом политическим институтам необходимо держать под своим контролем угрозы социальной безопасности. Что касается молодежной среды, то показателями основных социальных рисков в этой сфере социологи ИСПИ РАН называют:

¹ Гринберг, Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник Российской академии наук. 2007. № 7.

² Сосунова И., Бабакаев С., Круглова И., Ряжская Т., Чепуров В. Социальная сфера жизнедеятельности государства и стратегические риски // Безопасность Евразии. 2003. № 1. С.336

³ Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С.19.

⁴ Миронов А.В., Панферова В.В., Утенков В.М. Социология: Курс лекций. М., 1996. С.140.

отрицательное демографическое воспроизводство, социально-экономическую активность и вовлеченность в модернизационные процессы, эффективность социализации¹.

Преодоление и профилактика этих негативных социальных явлений требует значительных материальных и финансовых затрат, людских ресурсов, которые могли быть применены в других направлениях конструктивного развития человека и общества. «В то же время перед российским обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет Россия из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство», – констатируется в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г.

Некоторые социологи называют в качестве важнейших факторов формирования в России «общества всеобщего риска» отсутствие в профессиональной культуре рефлексии по поводу риска, а также нивелировку границ между социальной нормой и патологией. Общественное сознание примирилось с риском как с неизбежным условием существования современного общества². Новые поколения адаптируются к условиям общества риска как к нормальным. Социологи Уральской академии государственной службы отмечают парадоксальную тенденцию в общественном сознании молодежи: объективные показатели качества жизни снижаются, а, по мнению молодых людей, условия жизни становятся лучше. Поколение современной молодежи адаптировано к существующим условиям социально-политической жизни, других условий не знает и принимает жизнь такой, какая она есть. «Весь драматизм ситуации как раз в том и заключается, что молодое поколение конформно интегрируется в это больное общество и воспроизводит его во всем многообразии негативных проявлений. А, между тем, дистанцирование молодежи от деструктивных отношений скорее бы способствовало оздоровлению общества. Следовательно, не все типы интеграции однозначно позитивны для общества с точки зрения его выхода из кризисного состояния. Пример интеграции в российском обществе риска показывает ее обратный эффект, выраженный в преумножении негативной энергии деструктивных процессов, не угасающих, а наоборот, воспроизводящихся и усиливающихся молодым поколением»³. Российскому обществу сейчас как никогда необходимо социальное творчество молодежи, чтобы разорвать этот порочный круг воспроизводства «всеобщего риска».

Можно отметить, что понятие «социальное творчество» имеет широкое и узкое значение. В широком смысле это понятие употребляется для обозначения родовой сущности человека в его способности к адаптации в изменяющихся нестандартных внешних условиях, в возможностях приспособлять к своим нуждам некоторые условия окружающей среды. Исходной базой для творческой адаптации человека является его способность к труду. Именно поэтому многие исследователи считают, что творческие способности присущи любому человеку. В узком смысле понятие «социальное творчество» означает социальное взаимодействие такого характера, в котором человек проявляет себя субъектом общественных отношений, активным участником создания системы общественных связей, инициатором социальных новаций, ведущих к конструктивным преобразованиям в институциональных взаимосвязях. Это означает способность человека выстраивать свои отношения с другими людьми в рамках определенной организации, влиять на «правила игры» в общественных структурах.

Анализ ситуации в нашей стране с позиции такой трактовки социального творчества приводит к пессимистическому выводу: основная масса населения, молодежь в том числе, обнаруживает чудеса социальной адаптации в условиях, которые сами политики часто называют «непредсказуемой жизнью», а обществоведы – «обществом всеобщего риска». Социальное творчество в другом проявлении, в узком смысле, в качестве способности человека к самоорганизации, способности быть субъектом организационных связей не только на межличност-

¹ Миронов А.В., Панферова В.В., Утенков В.М. Социология: Курс лекций. М., 1996. С.342.

² Яницкий О.Н. Риски и опасности «переходного» общества. М., 1998.

³ Зубок Ю.А. Общество риска – молодежная составляющая социальной интеграции // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С.160.

ном уровне, крайне неразвито. Индикатором такой оценки служит уровень развития гражданского общества в нашей стране, а она, эта оценка, совсем невысока. Личное участие в общественной деятельности большинством молодежи связывается с негативными аспектами: организация ограничивает свободу участника, отнимает много сил, времени, средств. Довольно распространено пессимистическое отношение к какому-либо проявлению социальной инициативы: «Все равно ничего не получится, все равно нас никто не послушает».

Также нельзя отрицать того, что активность индивида или группы, направленная на изменение институциональных общественных связей, обычно оценивается как девиантная и традиционно рассматривается как негативное явление. В связи с этим государство и СМИ внедряют в общественное сознание, прежде всего в сознание молодежи, негативное отношение к участию в общественной и политической жизни общества, хотя официально декларируется необходимость социальной и политической активности молодежи. Достаточно часто повторяется мысль о том, что не нужно состоять в организации – «не следует быть в стаде». Энергия социального творчества новых поколений канализируется в основном в экономическую сферу, сферу досуга и потребления. Таким образом, продолжается практика отчуждения народа от власти, практика социального отчуждения.

В 1990-е гг. в отечественной социологии стали различать два типа девиантного поведения: разрушительной и конструктивной направленности. Исследования зарубежных социальных психологов приводят к выводу о том, что нормативное и девиантное поведение являются равноценными составляющими социально-ролевого поведения¹. Граница между негативной и позитивной девиацией подвижна. Для прогресса социально-политической системы и для прогрессивного развития личности важно, чтобы в девиации преобладал положительный компонент, тогда снимаются факторы риска. В принципе каждый человек имеет определенные природные задатки, чтобы стать развитым субъектом социального взаимодействия, собственного жизнетворчества при благоприятных социальных условиях. Самореализация человека осуществляется через взаимодействие с обществом, которое детерминирует его жизнедеятельность, создавая определенные экономические, социальные и политические порядки. Желание или нежелание индивида проявлять свою волю, силу духа, выступать в роли субъекта социальных отношений, брать на себя ответственность за их эффективность является плодом социальной обработки природных задатков. Определенный тон процессу социализации молодежи задает государство через поддержание определенного типа и уровня политической культуры. Следовательно, государство в лице своих институтов должно предложить молодежи те виды деятельности, которые могли бы стать приемлемыми для оптимального развития общества и человека.

Сравнительный анализ данных трех авторских социологических исследований состояния политической культуры студенческой молодежи дает основание характеризовать политическую культуру студентов-гуманитариев МагГУ в целом как консервативную конструкцию. Опросы проводились на базе Магнитогорского государственного университета (МагГУ, в прошлом – педагогического института) в 1991 г. (N = 115), в 2000-м (N = 293) и в 2005-м (N = 462). Увеличение выборки связано с ростом численности контингента студентов вуза. Мы исходим из того, что важнейшим составным компонентом политической культуры выступает реальное участие человека в деятельности организованных структур гражданского общества – политических партий и организаций, – а также активное участие в проводимых массовых и иных общественно-политических мероприятиях.

В 1991 г. после августовских событий в стране и накануне развала Советского Союза 54% опрошенных студентов заявили о том, что они состоят в рядах политических организаций (в основном, это были ВЛКСМ и КПСС). Значительная часть студентов (39%) позиционировала себя как не состоящих в рядах какой-либо политической организации. В 2000 г. только 1% сообщили о своем участии в деятельности политических организаций. Через 5 лет – в 2005 г. – о своем членстве в политических партиях заявили 2% опрошенных будущих молодых спе-

¹ Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социс. 1998. № 9. С.115.

циалистов (по сравнению с показателями 2000 г. – рост в 2 раза), но по-прежнему подавляющее большинство студентов не принимают участия в работе организованных политических структур гражданского общества. Современные студенты указали, что являются членами партии «Родина», ЛДПР, «Единая Россия», КПРФ. Большая часть опрошенных студентов отмечают, что в последний год не принимали участия в массовых общественно-политических мероприятиях. Однако развитие демократии в обществе, традиций студенческого самоуправления постепенно вовлекают в общественную жизнь все большее число студентов. Вместе с тем участие молодежи в общественно-политической жизни страны, города, вуза остается по-прежнему пассивным. Только около 10% респондентов публично высказывают свое мнение по общественно значимым вопросам на массовых мероприятиях. Все это свидетельствует о том, что в действительности студенчество находится не только вне политики, но и вне сферы социального управления.

Оценка разными поколениями студентов реальных возможностей некоторых социальных действий изменилась незначительно, несмотря на кардинальные перемены в социально-политическом и экономическом устройстве государства. По сути это оценка обеспеченности конституционных прав граждан, которая сформировалась в сознании студентов на основе их собственного, пусть небольшого, жизненного опыта. Как в советские времена, так и спустя 10–15 лет, большинство студентов считают, что у них есть все возможности свободно высказать свое мнение о политической жизни в стране, воспользоваться правом свободы вероисповедания, свободно выразить свою волю при выборе органов власти, получить образование в соответствии с интересом и постоянно развивать свои способности. При всех политических режимах подавляющее большинство опрошенных представителей молодого поколения уверены, что у них нет реальных возможностей принять непосредственное участие в выработке законов и влиять на решение государственных дел. Студенческая молодежь отмечает ограниченность возможностей в получении правдивой информации о политике, получения интересной и хорошо оплачиваемой работы при любых государственных устройствах.

После развала советской политической системы большинство студентов-гуманитариев в 2000 г. отметили то, что теперь у молодых людей есть реальные возможности подвергнуть критике любого общественного или политического деятеля, если посчитают это необходимым, тогда как советские студенты оценивали эти возможности как ограниченные. Однако если в 1991 г. большинство респондентов склонялось к тому, что они имеют все возможности принять действенное участие в управлении коллективом, то в 2000 г. студенты отметили, что эти возможности у них ограничены. Это происходит на фоне того, что в постсоветский период участие в собраниях группы и факультета – основные формы участия студенческой молодежи в массовых общественно-политических мероприятиях. В первом пятилетии XXI в. в оценках респондентов своих возможностей, обеспеченных общественными условиями, не произошло никаких изменений, за исключением того, что современные студенты посчитали, что имеют хорошие условия повышения своего благосостояния.

В представлениях студентов наиболее эффективной формой борьбы за достижение социально-политических и экономических целей является обращение к общественному мнению через СМИ. В 1991 г так думали 47% опрошенных, в 2000 г. – 50%, а в 2005-м – 56%. Вместе с тем у студенческой молодежи велико доверие к государству: обращение в государственные органы как эффективный путь борьбы за достижение экономических и социально-политических целей занимает второе место в рейтинге форм политического участия. В 2000 г. ей отдали предпочтение 45% респондентов, а в 2005 – 53%. Все остальные способы достижения социально-политических целей (например, создание и деятельность политических партий и организаций, пикетирование, обращение в международные организации и др.) далеко отстают от «лидеров».

По сравнению с рейтингом 2000 г., в 2005 г. снизился ранг таких форм политического участия, как выборы, забастовки, голодовки, создание и деятельность политических партий и организаций, различных неполитических организаций, фондов, неформальных объединений по интересам, а также различных актов гражданского неповиновения и силовых методов.

Повысился рейтинг таких форм социально-политической активности как обращение в международные организации, митинги, демонстрации, обращение в какую-либо общественную организацию, обращение к депутату, наглядная агитация, референдум и др. Реальным политическим опытом современное студенчество не обладает. Его заменяет информация, полученная из телевидения и газет, почерпнутая из мощного слоя различных слухов и социальных мифов. Политический опыт молодежи, таким образом, мифический – «виртуальный». Мифологизация сознания и виртуализация жизненного опыта – одно из проявлений социального отчуждения человека, результат манипулятивных социальных технологий.

Социально-политическое отчуждение является существенной чертой политической культуры, которая неизменно воспроизводится в молодежной среде при разных политических режимах во всех системных компонентах политической культуры: в общественном сознании, социально-политической деятельности, в политическом опыте. Отчуждение обнаруживается в разрыве между политическими знаниями и общественно-политической деятельностью, отсутствии интереса к информации об общественно-политических событиях, инфантильности политического сознания студентов, неспособности к социальному творчеству.

Современное студенчество является объектом общественно-политической жизни, а не субъектом, вопреки общественной потребности и государственным декларациям. Наблюдается противоречие между общественной потребностью развития демократических традиций и пассивностью студенчества в общественной жизни, сокращением спектра его интересов. В советский период «перестройки», обсуждая проблемы социального отчуждения граждан, некоторые обществоведы пытались решить вопрос о способах творческого приложения энергии людей для ускоренного прогресса социально-политической системы и экономической сферы государства. «Научные исследования показывают, что человеку можно предложить около 500 социально полезных занятий, сейчас используются из них в лучшем случае 50, культурные мероприятия занимают лишь 10–15% бюджета свободного времени населения, выполнение общественных обязанностей и того меньше. Социальные резервы творчества огромны»¹.

Два десятилетия спустя отечественные социологи, экономисты и специалисты других наук отмечают, что проблемы отчуждения человека от власти не только не решены, но усугубились. Общество риска порождает иллюзию социального творчества, требуя от человека активности в адаптационных процессах. «Мы наблюдаем массовое отчуждение граждан от политики и социальных институтов. Но если политики и «трансформаторы» могут покинуть страну, то мы хотим жить здесь»².

Одна из угроз современного общества риска – кризис демократических механизмов власти в силу социального отчуждения личности. Основная часть молодежи не участвует не только в деятельности структур гражданского общества, но и в процессе выборов законодательной, исполнительной, федеральной, региональной и местной власти. Не случайно некоторые аналитики указывают на процессы симуляции демократических процедур. Однако демократия как принцип организации политического управления обществом не имеет альтернативы в развитии современных государств, относящих себя к цивилизованным. Следовательно, пути преодоления кризисных явлений следует искать внутри самой демократической модели организации общественно-политической жизни. Кризис демократии можно охарактеризовать как «болезнь роста», которая не пройдет сама по себе, а требует внимательного изучения и активного вмешательства и активных действий со стороны общества по ее преодолению. Объективные условия глобального общественного развития требуют расширения сферы индивидуального и группового социального творчества в социально-политической жизни. Россия находится в русле тех же проблем, что и страны Запада, имея свою специфику. Локальные меры по частичному изменению законодательства о выборах или о политических партиях, не решают проблемы закрытого режима развития современной социальной системы при всей видимости открытого характера политической сферы, не снимут с повестки дня во-

¹ Кейзеров Н.М. Социальное творчество масс и борьба идей. М., 1987. С.11.

² Осипов Г.В. Заинтересованный разговор о социологии и политике // Вестник РАН. 2007. № 7. С.64.

просы «общества риска». Для осуществления реального преобразования демократического механизма осуществления политической власти необходимо переориентировать систему социализации на творческий тип личности, способной к социальному творчеству, что является комплексной проблемой. Повышение уровня политического сознания прежде всего молодежи, ее политической культуры – это главный путь развития демократической системы современной и будущей политической власти.

В геополитическом пространстве на современном этапе перспективы развития будут иметь те государства, которые смогут обеспечить условия для развития креативной сущности человека, прежде всего для реализации его социального творчества. Общество, которое способно не только к научно-технической модернизации, но и к совершенствованию своих организационных структур, сможет обеспечить себе длительную перспективу существования в мировом процессе. Так называемый человеческий капитал в настоящее время становится основным стратегическим ресурсом государств. Судьбы стран в ближайшем будущем на глобальном уровне будет решать наличие талантливых людей во всех видах творчества, их «критическая масса» в составе населения. Уже сейчас на уровне государств активно ведется борьба за умы, либо против «утечки мозгов». Это прежде всего «умы» молодежи, ее способности к социальным новациям.

Как общественный феномен риск сам по себе ни плох, ни хорош. Это – конкретно-историческая оценка каких-либо условий деятельности или самой деятельности субъектов. Важно то, как общество обеспечивает меру определенности и неопределенности в трансформационных процессах, в тренде этих процессов. Интересно в этом плане мнение одного из видных зарубежных социологов И. Валлерстайна: «неопределенность прекрасна, а определенность, имей она место на самом деле, означала бы моральную смерть. Знай мы наверняка наше будущее, не существовало бы нравственного побуждения предпринимать что бы то ни было. Если же ничего не определено окончательно, то будущее открыто для творчества – как человеческого, так и всей природы. Оно открыто навстречу возможностям, а значит и лучшему миру. Но мы сможем войти в него, если только окажемся готовы ради его достижения затратить нашу моральную энергию и если будем готовы бороться с теми, кто под каким то ни было видом и любым предлогом предпочитает неэгалитарный, недемократический мир»¹.

Банникова Л.Н., Казанцева Л.А. (УрФУ, Екатеринбург)

Образ профессии в студенческой среде как модель желаемого будущего²

В современном российском обществе профессия служит средством идентификации конкретной личности. Она определяет образ жизни, мышление, внешний вид, задаёт ритм жизни. Профессиональное и личностное развитие индивида взаимосвязаны. Этим обусловлена актуальность изучения жизненных и трудовых ценностей студенчества, процесса профессионального самоопределения как ситуации статусного перехода, жизненного старта, когда активно формируются определенные нормы и мотивы трудового и профессионального поведения. Предметом интереса исследователей традиционно остаётся исследование символического капитала профессиональных групп, позволяющего группе выступать в качестве экспертов, навязывать свой взгляд на решения круга задач членам общества (престиж профессии, её репутация), культурного капитала (знания, умения, навыки или компетенции) профессионалов. Активно исследуются процессы профессионального становления будущего специалиста, превращение индивида в профессионала, сопровождающееся изменением представлений человека о себе, своем месте в профессиональном и социальном мире, т.е. обретением профессиональной идентичности. Относительно новым и чрезвычайно интересным направлением в социологии профессий становится исследование профессиональных субкультур и развитие

¹ Валлерстайн И. Неопределенность и творчество: исходные положения и выводы // Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2003. С.9.

² Выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013гг» по проблеме «Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса» (Госконтракт № П865)

пограничного с социологией социально-антропологического подхода к исследованию мира профессий¹.

Вместе с тем, процесс реализации себя в профессии испытывает воздействие образа профессии, особенно на этапе выбора сферы профессиональной деятельности. Этот аспект профессионального становления будущего специалиста исследуется преимущественно психологами, педагогами.² Последние уделяют значительное внимание исследованию структуры образа конкретной профессии. Исследуются вопросы профессиональной ориентации, измеряется уровень знаний абитуриентов о будущей профессии (изучается когнитивная составляющая образа), проблемы профессионального воспитания личности, предлагаются конкретные направления формирования позитивного отношения к будущей профессии (эмоциональный и поведенческий компоненты в структуре образа).

Справедливо замечание исследователей о том, что сегодня в социологической науке исследованию образного воздействия на сознание личности, общностей (прежде всего, массовых) не уделяется специального внимания.³ Так, появление новых отраслей социологического знания, например, визуальной социологии, предполагает опору на теоретический анализ понятия «образ», его социологическую интерпретацию. Исследование регулятивной роли образа профессии в социальном развитии личности также значимо и перспективно, как исследование образа вещи в понимании процессов социального взаимодействия.

Социальный образ профессии, в первом приближении, это визуальное (наглядное, целостное) отражение действительности. Это не застывшее описание, а текучее, меняющееся с изменением действительности. Категория образа позволяет, предполагает возможность учёта этих изменений.

В социологии под образом понимается:

- мысленный или вещественный конструкт, представляющий какой-либо объект;
- целостное, но неполное представление о каком-либо объекте или классе объектов;
- порядок, направление чего-либо, способ, совокупность типичных видов (способов) жизнедеятельности индивида, социальной группы (образ жизни, образ мыслей, образ действия)⁴.

Теме нашего исследования более соответствует понимание образа профессии как целостного, но неполного представления о профессиональной группе: её социальном статусе, профессиональной культуре, образе и стиле жизни, о нормах профессиональной этики. В исследованиях социологии профессий понятия «образ» и «имидж» часто употребляются как тождественные. Некоторые авторы указывают на то, что понятие «образ» включает в себя такие понятия, как «имидж» и «стереотип»⁵. В социологии и в смежных науках пока нет единого понимания имиджа. Имидж (англ. image – образ) в социологии понимается либо как представление, мнение, идея, образ, концепция (например, представление о чем-либо в сознании людей), либо как внешний образ, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других и т.п. Общее в этих подходах в том, что имидж понимается как целенаправленно сформированный, сознательно сконструированный образ, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях популяризации, рекламы. Проблема имиджа профессий, особенно так называемых «новых», формирующихся, таких как социальная работа, менеджмент, государственная и муниципальная служба, только начинают активно разрабатываться в социологии профессий.

Термин «стереотип», тесно связанный с «образом», вошел в широкий научный оборот после публикации У. Липпманом работы «Общественное мнение», где стереотип рассматрива-

¹ Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003, Т.4. №1; Романов П.В. Антропология профессий. Саратов, 2005.

² Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.

³ Шуклина Е.А. К проблеме социологического анализа образа вещи // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург. 2010 г. Ч.1.

⁴ Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов. М., 2003.

⁵ <http://www.regionpr.ru/page122.html>

ется как эмпирическое представление о социальном объекте (так называемые «картинки в голове» /the pictures in our heads/)¹. Для стереотипа характерны статичность, тенденциозность, гипертрофированность. Это схематизированный, стандартизированный образ или представление о социальном объекте, обычно эмоционально окрашенное и обладающее высокой устойчивостью.² Формирование стереотипов восприятия есть создание упрощённого схематического образа предмета, обладающего высокой устойчивостью.

Стереотипы профессии – это характеристики, которые описывают членов профессиональных групп, приписываются им или ассоциируются с ними. Стереотипизация может быть оценена как рациональная форма познания, частный случай универсального процесса категоризации, основная функция которого в том, чтобы систематизировать изобилие, упростить сложность информации из внешнего мира. Мир сложен не только из-за количественной перенасыщенности информацией, но и в результате её качественной неопределённости.³ Стереотипы способны защитить не только ценности индивида, но и социальную идентичность. Стереотипизация – средство постижения социального значения информации, а сами стереотипы – разновидность социальных представлений. Исследователи⁴ выделяют такие их особенности, как: эмоционально-оценочная нагруженность стереотипов; устойчивость и даже ригидность к новой информации, их «закрытость», противостояние новым знаниям, которые могут их разрушить; неточность стереотипов.

Хотя это схематизированное, деформированное, искажённое и упрощённое знание о тех процессах, которые затрагивают жизненные установки их носителей, но это не ложное знание. Это скорее особый вид знания. Нередко это знание в виде образа, особой формы проявления социальной установки. Возникают они по причине экономии мышления. Люди не стремятся на окружающие явления реагировать каждый раз по-новому, подводят их под уже имеющиеся представления. Стереотип нередко формируется на уровне подсознания и является достаточно распространённым, но специфическим явлением функционирующего сознания. Он присущ не только обыденному, но и теоретическому сознанию. Он может выступать в виде особой разновидности социальной установки.⁵ Опора на стереотипы в процессе межгруппового восприятия отражает скорее желание быть социально точными, чем когнитивные эффективными.

Несмотря на трактовку стереотипа как образа и выделение схожих черт у стереотипа и образа, между ними существует ряд принципиальных отличий. Стереотип выступает в основном в качестве категоризатора социальной действительности, упрощающего ее восприятие. Понятие образа более функционально, так как образ не только систематизирует информацию, но и объясняет ее, социально обозначает. Стереотип устойчив, а образ подвижен и изменчив, поскольку в процессе отражения образ постоянно реконструируется в направлении повышения уровня его адекватности.

Тесно связано с термином «образ» и понятие «репрезентация» (англ. representation – представление, изображение). Данная дефиниция широко используется в социальных науках. Социальные представления выражает не индивидуальное мнение человека, а его мнение как члена группы, класса, культуры, этноса, то есть именно группа, а не отдельный человек, создает определенный образ социального мира (С.Московичи).

Престиж профессии связан с доходом, образованием, авторитетом, уважением, статусом, привлекательностью профессии и т.п., но при этом не складывается из них. Престиж обусловлен, прежде всего, представлениями людей о социальной иерархии. Престиж профессии можно определить как авторитет, уважение к профессии со стороны общества, репутацию

¹ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. С.78.

² Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов. М., 2003.

³ Донцов А. И., Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире. М.:Аспект Пресс, 2002. С. 82.

⁴ Донцов А. И., Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире. М., 2002; Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 83-90.

⁵ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 85.

профессии в социуме, ее положение в иерархии относительно других профессий в представлениях людей.¹ Понятия престижа профессии и ее привлекательности – смежные, но не тождественные. Если привлекательность означает желательность, обладание в мечтах данной профессией для конкретного респондента (при этом он может соотносить это со своими возможностями и способностями), то престиж акцентирует положение вещей в обществе в целом, указывает, какие профессии находятся наверху социальной иерархии, и какие внизу. Выявление специфики дефиниции «образ профессии» в ряду смежных понятий позволяет уточнить её содержание и роль в процессах профессионального самоопределения будущих специалистов. Исследование образа профессии, как некой субъективной картина мира, отражает взаимодействие субъекта (профессионала) и его окружения, динамику формирования профессионализма и его изменения в зависимости от изменения социальной среды. Потенциальные специалисты (абитуриенты) делают выбор не профессии, а образа профессии, поскольку их представления о профессии и о себе как профессионалах неопределенны, расплывчаты. Чаще всего они выступают как «непрофессиональные», то есть некомпетентные потребители образовательных услуг. Они выбирают не профессию как функционал, как вид деятельности, а как группу принадлежности и, в целом, как будущий социальный статус, модель желаемого будущего. Будущая профессия воспринимается ими как инструмент формирования этого будущего.²

Ситуация может быть оценена, на наш взгляд, как проявление такой особенности поведения потребителей образовательных услуг, как виртуализация потребления. Виртуализация потребления есть любое замещение реальности её моделью, образом. Образы товара или услуги, а не реальные вещи обращаются на постмодернистском рынке. Производятся и предлагаются на рынке образовательных услуг не столько конкретные образовательные программы, а в большей степени образы привлекательного, уверенного, уважаемого профессионала, образы успешного человека.

Чем выше когнитивная компетентность потенциальных потребителей образовательных услуг, чем более осведомлены абитуриенты не только о содержании будущей профессии, но и об образе жизни, традициях, нормах будущей группы принадлежности, тем осознаннее их выбор и оценки образовательных программ, их профессиональные планы. Речь идёт о процессах социально-профессионального наследования и опыте работы по профилю будущей специальности (феномен «работающего студента») как индикаторах компетентности. Более компетентные потребители проявляют устойчивый интерес не к внешним факторам (известная марка вуза, высшее образование как таковое), а к содержательной стороне образовательной услуги, предъявляют более жёсткие требования и к качеству обучения. Небольшой процент студентов, выбравших профессию своих родителей, говорит о неустойчивости профессиональных норм и ценностей. Процесс формирования профессиональной культуры – это процесс накопления, который идет не только в организационных и образовательных социальных институтах, но и в семье. По данным многолетнего социологического мониторинга студентов вузов Екатеринбурга, проводимого кафедрой социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ, социально-профессиональное наследование ослабевает среди мотивов профессионального выбора, влияние семейных традиций, родителей на выбор вуза уменьшилось за годы мониторинга в 1,5 раза. Особенно снизилось давление семьи у будущих педагогов, студентов классического университета. Традиционно выше среднего влияние семьи у студентов-медиков и экономистов, выросло давление семьи у юристов и горняков. Вероятно, это можно объяснить усилением роли префигуративной культуры (М.Мид). Анализ

¹ Руднев М.Г. Методология и основные результаты исследования престижа профессий. // Вопросы образования. 2008. № 2.

² Исследователи ещё в 1970-е гг. зафиксировали приоритет социальной ориентации (выбора будущего социального положения) по отношению к профессиональному выбору (выбору конкретной профессии и специальности). Будущее социальное положение и вознаграждение в структуре ценностных отношений студенчества к высшему образованию имели оценки в два раза выше, чем профессиональная подготовка или образовательный уровень / Советская социология. Т.2. М., 1982. С.126-141.

документов (личных дел студентов УГТУ-УПИ) показал, что лишь часть студентов, чьи отцы (43%) и матери (26%) имели высшее техническое образование, решили повторить их выбор и решили стать инженерно-техническими специалистами.

Профессиональный статус родителей, круг их профессионального общения, отражаясь в семейном и домашнем быту, создает условия для профессионального формирования личности. Во многих семьях осуществляется воздействие на ребенка с целью сформировать у него определенные профессиональные предпочтения. Семья важна в профессиональном становлении ребенка не столько как инструмент профессионального выбора, сколько как социальный институт, формирующий личность, определяющий ее внутреннюю направленность и закладывающий основы мировоззрения.

Степень осознанности выбора профессии зависит и от наличия опыта работы. При оценке первичного выбора профессии студентами этот показатель, как выяснилось, не значим. Анализ личных дел студентов технического университета выявил, что стаж работы как суммарную продолжительность трудовой или иной общественно полезной деятельности, которая не зависит от характера выполняемой работы, ее разнообразия, имеют менее 7 % (в среднем 1 из 14) абитуриентов, из них две трети работали год, треть два года (все работали в коммерческих структурах).

Значимость параметра «опыт работы» возрастает, когда анализируется динамика, изменение образа профессии в процессе обучения в вузе, выясняется её роль в формировании профессиональных и жизненных планов будущих специалистов. Проблема совмещения обучения и работы, так называемый феномен *«работающего студента»* остаётся по-прежнему актуальной. До 1990-х гг. основанием для отнесения студентов к особой социальной группе служила учебно-профессиональная деятельность, т.е. овладение знаниями, приобретение навыков профессиональной подготовки и их реализация на практике. Она же определяла и специфику профессионального самоопределения студентов. С начала 1990-х гг. растет число студентов, занятых на относительно регулярной оплачиваемой работе. Причем для существенной части студентов основным видом деятельности является уже не учеба в вузе, а работа. Отечественный социолог В.И. Герчиков уже в середине 1990-х гг. отмечал тенденцию все большего разрыва между характером регулярной занятости студентов и их профессиональной подготовкой в вузе (особенно гуманитарных, технических и естественных факультетов), что придавало двойственный, неопределенный характер статусу студентов. Сегодня учебно-профессиональную деятельность уже нельзя назвать основным видом деятельности студентов. Однако получение профессиональной подготовки в вузе остается важным признаком, интегрирующим студентов как особую социальную группу.

Уже на третьем этапе мониторинга (2003 г.) было выявлено, что в вузах Екатеринбурга около половины студентов (46%) работают. Возможно, реально эта цифра еще выше, поскольку опрос проводился в учебное время, а, как известно, у работающих студентов не всегда есть время на регулярное посещение занятий. Почти каждый третий студент имел работу, но не постоянную, а случайные заработки. Однако каждый пятый студент уже имел постоянную работу. Из числа работающих студентов, только у каждого пятого работа была связана с будущей специальностью, а у каждого четвертого – связана лишь частично. Вероятно, этим отчасти объяснялся случайный характер занятости многих студентов. Если работа не по специальности, нет смысла связывать с ней дальнейшие планы.

За последние годы ситуация практически не изменилась. Почти половина опрошенных третьекурсников имеют работу. Весьма незначительно изменилось и соотношение среди работающих тех, кто имеет нерегулярные, случайные заработки, и тех, кто имеет постоянную занятость (в 2003 г. их соотношение было 1,6: 1, в 2009 г. – 1,7: 1). Немного увеличилась доля тех, чья работа связана (полностью или хотя бы частично) с будущей профессией (в 2003 г. – 45%, в 2009 г. – 51%). Но острота проблемы, в конечном счете, осталась неизменной.

Портрет работающего студента за годы мониторинга мало изменился. Имеют постоянную работу студенты, проживающие в Екатеринбурге: по основному месту жительства легче устроиться на работу. По-прежнему доля работающих студентов-юношей чуть выше, чем деву-

шек. Постоянную работу имеют чаще студенты «гуманитарии» и «экономисты», которым, возможно, легче совмещать нагрузки. Они же чаще других отмечают связь работы с получаемой специальностью. Выровнялось число подрабатывающих студентов бюджетной и контрактной форм обучения. Необходимость работы не связана только с материальным положением семьи, 2 из 3 постоянно занятых оценивают материальное положение семьи как хорошее и среднее. Из тех, кто оценил материальное положение семьи как «очень хорошее», две трети работают постоянно или временно. Можно предположить, что постепенно разрушается стереотип восприятия студентов-контрактников как детей обеспеченных родителей, обучающихся на деньги родителей и рассчитывающих только на родительскую поддержку.

Характерно и то, насколько у работающих студентов разных вузов, их работа связана с будущей профессией. Наибольшая связь с будущей профессией присуща работающим студентам-медикам, будущим архитекторам, экономистам. В гораздо меньшей степени это характерно для педагогических и технических специальностей. Отличие между работающими и неработающими студентами проявляется в определённости их планов на будущее, у работающих студентов в два раза чаще, чем у неработающих, есть чёткие планы. Работающие готовы к основанию своего дела: такой вариант будущей занятости они студенты, имеющие постоянную работу, указывают в два раза чаще остальных.

Как оценить рост числа работающих студентов вузов? Проблема сложная: ответ на этот вопрос зависит от того, как работа влияет на основную деятельность студентов – на учебу. А это, в свою очередь, определяется связью нынешней работы с будущей профессией. Оценивая феномен работающего студента, отметим, что наличие постоянной работы, связанной с профилем подготовки, формирует у студентов такое качество как уверенность, независимость, готовность к самозанятости, к рыночным моделям поведения на рынке труда.

По итогам мониторинга выяснилось, что студент, работающий по специальности, более рациональный и компетентный пользователь образовательной услуги, требователен к её содержанию, более уверенно ведёт себя на рынке труда. С определённой осторожностью можно предположить, что работающий по профилю обучения студент имеет больше шансов успешного формирования профессиональной идентичности. С тем, чтобы не страдало качество обучения можно рекомендовать администрации вузов продумать концепции организации производственных практик, особенно для студентов технического и естественнонаучного профилей. Выяснилось также, что профессионально-ориентированный студент – не только более перспективный специалист (работник), но и чаще личность со сформированными жизненными планами, имеющий жизненную перспективу, что, безусловно, отвечает интересам конечных пользователей – работодателей и государства.

При этом вряд ли проблема работающего студента может решаться однозначно. В конечном счете, основное назначение вуза – качественная подготовка квалифицированного, компетентного специалиста. И вряд ли студент, пропускающий учебные занятия со ссылками на свою занятость на работе, сможет стать таким специалистом. К сожалению, многие работающие студенты (тем более что связь их нынешней работы с будущей профессией недостаточна) сегодня не готовы к нормальному сочетанию учебы и работы, поэтому зачастую их работа не помогает, а мешает учебе. Сказывается и потребительское отношение многих работодателей к работающим студентам – они стремятся выжать из них все возможное и чаще всего не видят в них своих будущих работников (или профессионалов в своем деле). Поэтому-то столь редко на предприятиях и в организациях используются гибкие графики работы студентов, позволяющие им лучше совмещать работу и учебу. Не прошли свою часть пути навстречу работающим студентам и вузы. Все еще с большим трудом (и несвоевременно) решается вопрос об индивидуальном плане обучения работающих студентов. Редко задания по практическим и семинарским занятиям, контрольным и курсовым работам, курсовому и дипломному проектированию соотносится с реальной работой студента. Заметно смягчить, если и не разрешить, противоречия феномена «работающий студент» можно только при ответственном отношении работающих студентов к учебе (остающейся все-таки их главным делом в студенческие годы) и заинтересованном, внимательном отношении к ним админист-

рации, преподавателей и общественных организаций вузов, переориентации работодателей от сиюминутных интересов к перспективным в подборе и управлении персоналом.

Исследование регулирующей роли образа профессии в выборе будущей группы принадлежности предполагает, на наш взгляд, выделение не менее трёх аспектов анализа:

- влияние субъективного образа профессии, сформированного под влиянием СМИ (имидж профессии), массового общественного сознания (стереотипы, престиж профессии) и, наконец, примером семьи на *мотивы выбора* вуза, специальности;
- изменение субъективного образа профессии в процессе профессионального обучения, в частности, изменение *структуры образа*, соотношения когнитивных, эмоциональных и поведенческих (нормативных) компонентов образа;
- влияние образа профессии на *профессиональные планы* студентов, на формирование стремления включиться в желаемую профессиональную группу, освоить ресурсы группы принадлежности, стать профессионалом, либо получить «верхнее образование» и его знак – диплом как своеобразный пропуск на рынок труда.

Чем больше знаков и чем они престижнее, тем шире возможности статусной мобильности. Предъявляя на рынке труда свои дипломы-знаки, выпускник демонстрирует свою готовность «быть в курсе», «быть гибким и мобильным», что позволяет заняться поиском другой группы принадлежности, работая не по полученной в вузе профессии.

Наряду с предложенной моделью исследования активной роли образа профессии в процессах профессионального самоопределения возможно и другое направление анализа. Специфику и динамику изменения образов конкретных профессий можно отслеживать по отражениям их влияния на мотивы выбора вуза, направления профессиональной подготовки, на профессиональные планы будущих специалистов.

На основе данных 14-летнего мониторинга мотивов выбора вуза и направлений профессиональной подготовки третьекурсниками Екатеринбурга сделана попытка отразить специфику и возможные изменения образов ряда профессий, таких как: врачи, экономисты, педагоги, юристы, горняки, архитекторы (дизайнеры), инженеры.

Врачи – в традициях западной социологии имеют статус профессионалов, то есть лиц «свободной профессии», сохраняющих относительно высокую власть и административную независимость даже под давлением государственной бюрократии и организованного капитала. Реформирование отрасли не привело к существенным изменениям в социальном статусе российских врачей. Как отмечают исследователи, англоамериканский профессионализм, понимаемый как властная монополия профессионалов на рынке труда или в государственном секторе, по-прежнему не свойственен российским врачам¹. Тем не менее, в сравнении с другими профессиями образ *врача* формирует классическую модель профессионального выбора, при котором преобладает мотив «интереса к профессии». Студенты-медики в 1,4 раза чаще, чем в среднем по массиву указывают «интерес к профессии» как преобладающий мотив выбора вуза. В 1995 г. на устойчивый интерес к профессии медика указали двое из троих опрошенных студентов-медиков, в 2009 г. – уже три четверти из опрошенных студентов. Преобладают скорее профессиональные ценности, чем социальные: выбирают не столько статус, но – профессию. Мотив получения знака/диплома не значим, отмечается важность наличия способностей, семейных традиций и специализированной довузовской подготовки.

Исследование динамики мотивов выбора студентами профессии *экономиста* за 14 лет выявило снижение интереса к профессии: в 1995 году он был в полтора раза выше среднего по массиву, в 2009 г. упал до среднего значения. В данном случае преобладает модель выбора статусной группы принадлежности: каждый второй указал в качестве одного из ведущих мотивов перспективу найти хорошую работу. Этот мотив при поступлении экономисты ука-

¹ Мансуров В.А., Юрченко О.В. Перспективы профессионализации российских врачей в трансформирующемся обществе // Социс, 2005. № 1; Они же. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социс, 2009. №8; Попова И.П. Профессии и профессионализм в международной дискуссии // Там же; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Там же; и др.

зывают в 1,7 раза чаще других (в период кризиса, в 2009 г. – чаще в 1,3 раза). Значение способностей при выборе снизилось, а вот давление семейных традиций, родителей выросло.

В данном случае, на наш взгляд, образ профессии формирует совершенно иную модель карьеры. Важен не просто диплом, а диплом экономиста, как возможность занять определённый статус. В кризисном 2009 г. две трети опрошенных студентов-экономистов ответили, что работу найти можно, хотя может и не совсем легко. Полученное образование необходимо и достаточно (по терминологии У.Бека), для выбранного ими статуса, менять будущую группу принадлежности почти никто не планирует, каждый второй хотел бы работать по специальности как наемный работник, ещё треть – организовать своё дело, свой бизнес.

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии *педагога* даёт иные результаты. Студенты педуниверситета получают пропуск на рынок труда: им нужен просто диплом, их будущая профессия не обещает перспективной занятости (этот мотив указали в 1,5 раза чаще, чем в среднем по массиву). Студенты при выборе всё меньше прислушиваются к мнению педагогов и родителей, хотя считают, что способности к этому виду деятельности у них есть и были учтены при выборе вуза. Скорее всего, многие их будущих педагогов нацелены на выход из этой группы.

Изменился за годы мониторинга образ профессии *горняка*. Интерес к профессии среди мотивов выбора ниже среднего по массиву, но нарастает: в 1995 г. был ниже вдвое, сейчас всего лишь на треть ниже среднего. Скорее всего, это связано с ростом престижа, авторитета вуза: разрыв в оценках престижа вуза резко сократился: в 1995 г. оценки престижа вуза были в 32 раза ниже средних по массиву, а в 2009 только на 20% ниже среднего. В данном случае, будущая профессия – канал социальной мобильности. На всех этапах мониторинга среди мотивов выбора выраженное желание получить диплом (выше средних показателей), ожидание хорошей работы и давление родителей. Скорее давление, чем авторитет, ибо горнякам присущ некоторый инфантилизм (мотив «продлить беззаботный период жизни», «поступил за компанию» выше, чем у многих других).

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии *архитектора* позволяет оценить этот образ как «амбициозные профессионалы» или как профессиональную модель карьеры, но с проникновением рыночных тенденций. За годы мониторинга такой мотив выбора как интерес к профессии не менялся, на него указывал каждый второй респондент. Для них характерны высокие амбиции: чтобы учиться здесь нужны способности, этот мотив в 1,4 – 2 раза будущие архитекторы указывают чаще, чем другие студенты. Если у педагогов мотив «наличие способностей к профессии» больше похож на оправдание выбора, и он ослабевает с годами, то у будущих архитекторов он, напротив, усиливается. Отчётливо проявляются в анализе мотивов выбора профессиональные амбиции – акцент на избранность, талантливость. В 1995 г. среди мотивов выбора было высоко влияние семьи, сегодня оно ослабевает. Влияние рынка в том, что спрос на специальность растёт, растут и перспективы получить интересную работу и, соответственно, в иерархии мотивов выбора этот параметр поднялся с 4-го на 3-е место. В меньшей степени, но вырос авторитет вуза: в 1995 г. он был в два раза ниже средних оценок, в 2009 г. ниже средних оценок лишь на 20%. По качеству образовательного процесса у студентов-архитекторов много нареканий (больше всех), видимо, надо делать скидку на их амбиции, высокие самооценки.

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии *юриста* за 1995-2009 гг. показал, что интерес к профессии вырос чуть не вдвое (в 1,8 раза), выше средних цифр на треть. Несмотря на утверждение о переизбытке юристов интерес к профессии даже в период кризиса не падает. Иерархия мотивов выбора сохранилась, выросли лишь количественные показатели параметров. На втором месте, по-прежнему, ожидаемая перспектива найти хорошую работу и, соответственно, престиж вуза. Можно отметить такой нюанс, как усиление роли семейных традиций. Профессия всё больше закрывается, в 1995 г. – этот мотив указал один из шести, а в 2009 – уже каждый пятый. Если в целом по массиву значение этого мотива снижается, то по профессии экономистов и медиков сохраняется, а по профессиям юристов и горняков – растёт. Как оценить эту модель карьеры? По данным ВЦИОМ, опрос россиян пока-

зал, что работник юридической сферы по-прежнему возглавляет рейтинг наиболее престижных профессий, хотя популярность юриста за три года немного понизилась (12% в 2009 против 17% в 2006 г.). Юрист, с точки зрения россиян, является в настоящее время и самой доходной профессией (такого мнения придерживаются 14%).¹ Безусловно, что внутри профессии юридические специальности имеют несколько отличающиеся образы. Так, престиж профессии судьи за три десятилетия с пятого места переместился на четвертое. Произошло это благодаря таким критериям престижа профессии в обществе, как высокая зарплата, пакет социальных гарантий, возможности профессионального и личностного роста. В то же время, как отмечается гражданами, невысока потребность общества в специалистах данной профессии. В меньшей степени, чем юрисконсульта, адвоката, прокурора, проявляется значимость профессиональной деятельности судьи для развития России. В меньшей мере в сравнении с прокурором, адвокатом и нотариусом судья пользуется уважением в обществе².

Особый вопрос – влияние семьи на формирование профессиональной ориентации абитуриента юридического вуза. Как было зафиксировано, у 48% опрошенных родные и близкие имели юридическое образование. Причем 67% из этой группы респондентов признали влияние семейного окружения на выбор будущей специальности. Таким образом, есть основания сделать вывод, что среди студентов распространено социально-профессиональное «наследование», характеризуемое показателями, практически неизменными по всем факультетам.³

Любопытные данные даёт анализ динамики мотивов выбора профессий студентами *классического* университета. Типичная модель профессиональной карьеры в университете за годы мониторинга изменилась: исчезает налёт элитарности. Так, в 1995 г. среди мотивов выбора вуза доминировали способности (каждый второй) и престиж вуза. Дополнительно отмечалась значимость обучения в лицее и активная студенческая жизнь и, как следствие, надежда на хорошую работу. В 2009 г. среди мотивов выбора на первом месте стоит бренд вуза (два из трёх опрошенных), а уже потом, с большим отрывом идут способности (треть опрошенных). На второе по значимости место выходит перспектива найти хорошую работу для выпускника престижного вуза. Значим престиж вуза и социально-психологическое сопровождение учебной деятельности – активная студенческая жизнь.

Исследование динамики изменения образов конкретных профессий по отражениям их влияния на мотивы выбора вуза, направления профессиональной подготовки позволяет получить целостное представление об образе той или иной группы принадлежности, его изменениях. Дальнейшее исследование образа профессии предполагает изучение представлений студентов о ресурсах их будущих групп принадлежности, воздействие этих представлений на их профессиональные и жизненные планы, сравнение мотивов первоначального выбора и установок на то, чтобы «остаться в профессии», влияние процессов дестандартизации трудовых отношений и отсутствие стабильных моделей карьеры на изменение образа профессий.

Барзгова Е.С., Бондаренко Е. (УрАГС, Екатеринбург)

Особенности формирования жизненных стратегий молодежи ЗАТО в условиях неопределенности социального развития

На рубеже XX-XXI вв. в российском обществе сформировалась рыночно ориентированная система социально-экономических отношений, что означает, во-первых, смену условий самоопределения личности, и, во-вторых, актуализирует потребность в развитии теоретических представлений о жизненных стратегиях личности. В объективно индивидуализирующемся обществе XXI в. значимой становится, прежде всего, неопределенность условий, в которых молодые люди определяют стратегии на будущее, и особенно те, в которых им предстоит их реализовывать. Бремя неопределенности неизбежно меняет ход процесса формирования жизненных стратегий, повышая его сложность и, соответственно, ответственность

¹ Пресс-выпуск ВЦИОМ, №1331 от 07.10. 2009 // <http://www.wciom.ru>

² Т.А. Бондаренко Престиж профессии судьи // Российский судья. 2006. № 7.

³ Федотов М.А. Профессиональная ориентация студентов-юристов: Опыт социологического исследования // Правоведение. 1984. №3. С.69-72.

его основных агентов, молодых людей. Отмеченная тенденция характеризует социализацию молодых людей всех обществ и регионов. Ее «тяжесть» особенно значима для российской молодежи, которая из поколения в поколение формировалась в условиях жесткой, гарантированной государством определенности. И, есть группа российской молодежи, чьи планы на будущее диктовались особым статусом поселения – закрытого административно-территориального образования.

Согласно Закону РФ «О закрытых административно-территориальных образованиях» № 3297-1 от 14 июля 1992 г., к этой категории поселений в Российской Федерации относятся находящиеся в ведомственном подчинении Минатома РФ и Минобороны РФ 47 городов и поселков, насчитывающих в общей сложности около 1,5 млн. чел.¹ При этом некоторые регионы страны характеризуются повышенной концентрацией закрытых городов в своей социально-поселенческой структуре. Так, например, на Урале (в пределах Свердловской и Челябинской областей) расположены 5 из 10-ти закрытых городов Минатома РФ. В таких регионах ЗАТО – существенный компонент социально-институциональной системы, оказывающий влияние на общую направленность и характер регионального развития. И вопрос жизненного самоопределения молодежи ЗАТО стоит особенно остро.

Созданные в советское время, все подобные города находятся на особом режимном положении, их окружают контрольно-следовые и запретные зоны, а сам их периметр обнесен двойными – тройными ограждениями из колючей проволоки, внутрь которых попасть можно только через контрольно-пропускные пункты. Благодаря особым географическим, административным и социальным условиям жители оказываются в состоянии изоляции. В то же время, в силу этих своих особенностей, многие закрытые города – априори являются зоной повышенного риска для проживания. Повышенный радиоактивный фон, не говоря уже об угрозах аварийных случаев, накладывают отпечаток на экологическую и психологическую среду социализации молодежи. Специфической экономической особенностью закрытых городов является их высокая специализированность, сосредоточенность на своей конкретной функции. Вокруг «стержневого» производства или вида деятельности группировались некоторые другие – вспомогательные и сопутствующие, мощные и тоже специализированные строительные организации². За 40–50-летний срок своего существования ЗАТО стали зонами концентрации самых передовых научных знаний, инновационных производственных технологий высочайшего мирового уровня, высококвалифицированных кадров ученых, инженеров и рабочих, способных выполнять сложнейшие производственно-технологические программы и разработки.

Молодежь ЗАТО выступает как основной ресурс, обеспечивающий преемственность, сохранение этого уникального научно-технологического потенциала и организационного опыта в условиях рыночных социально-экономических преобразований, по существу, это означает возможность сохранения для страны ценнейшего ресурса национальной экономической мощи, являющегося как гарантом ее обороноспособности, так и ведущим фактором активного участия России в мировой научно-технологической конкуренции.

Специфика функционирования ЗАТО, оказывающая влияние на жизненные стратегии молодого поколения, обусловлена их особым статусом в общей системе административно-территориального управления, а, следовательно, и в системе социально-территориальных отношений российского общества. Качественные социальные характеристики ЗАТО как особого типа городского поселения определяются в свою очередь наличием в пределах территориального образования, имеющего органы местного самоуправления, предприятий «по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и других материалов», военных и иных объектов, «для которых необходим особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны»³.

¹ Лаппо Г., Полян П. Закрытые города // Социс. 1998. № 2. С. 43–48.

² Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995. С. 47

³ Закон РФ от 14.07.1992г. №3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» ст.1. п.1 //Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета РФ от 20 августа 1992 г. № 33. ст. 1915.

Режимные особенности – включая особые условия приема на работу, особенно строгий пропускной режим на объектах (вплоть до личных обысков), ограничения на выезды по служебным и личным надобностям за пределы охраняемой зоны и на пользование личными документами, контроль за передвижениями и частным общением людей и т.п. – с самого начала формирования ЗАТО накладывали существенный отпечаток на трудовую деятельность и повседневное поведение горожан, в том числе и молодежи. Фактически, как отмечается в исследовании Е.Т. Артемова и А.Э. Беделея, в ЗАТО формирование первоначального «ядра» городского населения, непосредственно связанного своей трудовой деятельностью с секретными производственными объектами, осуществлялось через двойную систему «отбора»: первой его стадией становился сам прием на работу, предполагавший строгую проверку личных биографий, деловых, политических и моральных качеств людей (в том числе по прежним местам работы и жительства); второй – «естественный» отбор, в процессе которого люди, болезненно воспринимавшие любые формы внешнего контроля и ограничений личной свободы, в итоге получали возможность покинуть «закрытые» города¹.

Ограничения, которые накладывали на людей условия работы и жизни в «закрытом» городе, нельзя понимать только в прямом, физическом их смысле. Скорее, следует иметь в виду присущий работникам секретных предприятий и объектов высокий уровень самодисциплины, заставляющий человека принимать ограничения свободы как систематические и должные (а не как временные и чрезвычайные) и переводить их в плоскость *сознательного самоограничения*. В этой связи присущее старшему и среднему поколению жителей «закрытых» городов отношение к замкнутому образу жизни, как к вполне нормальному, следует не только рассматривать как следствие простой «привычки», вынужденной адаптации к условиям закрытости², но и учитывать известные резервы *политического идеализма*, которые использовались советским строем и подкреплялись влиянием официальной пропаганды. В свою очередь, для молодого поколения эти ограничения усваивались в процессе социализации, усвоения опыта старших поколений. Естественно, эти формы самоограничения должны предполагать определенные социально-психологические механизмы компенсации.

Так, многие успешно действующие градообразующие предприятия ЗАТО (как правило, связанные с атомным комплексом) до сих пор сохраняют весомый «пакет» социальных льгот и преимуществ для своих работников (оформляемый обычно коллективным договором работников с администрацией предприятия в рамках системы так называемого социального партнерства) в виде постоянного повышения (индексации) заработной платы, социальных доплат неработающим пенсионерам из числа бывших работников предприятия, предоставления жилья или безвозмездных субсидий на жилищное строительство, отчислений на медицинское и санаторно-курортное обслуживание, дотаций на питание в столовых, трудоустройства и переобучения в связи с ликвидацией рабочих мест, организации «корпоративных» спортивных центров, магазинов, детских садов, мест летнего отдыха детей и т.п.³ Это обуславливает и факт сохранения на многих градообразующих предприятиях ЗАТО, хотя и в несколько видоизмененном качестве, традиций профсоюзной «активности» на фоне ее повсеместного свертывания или деградации в «открытом» секторе российской экономики. Для молодого поколения эти компенсации проявляются в организации подростковых досуговых центров, создании юношеских спортивных школ, разнообразии проведения и организации отдыха, свободного времени, создании особых условий для дополнительного образования, творческого развития и т.п.

При всем сходстве базовых условий, определяемых соотношением градообразующего производства и социальной сферы города, ЗАТО все же по ряду параметров существенно отличаются от других видов моноотраслевых городов-«изолятов». Во-первых, в «закрытых»

¹ Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 279-280.

² Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Дворякина Е.Б., Новикова Н.Е., Софронов В.Н. Закрытые атомные города России (особенности развития и управления) / Отв. ред. Е.Г. Анимица. Екатеринбург, 2002. С. 47.

³ Отчет о конференции Уральского электрохимического комбината, посвященной итогам выполнения коллективного договора за 2003 г.: Апакшина Ж. Эстафета добрых дел // Нейва. 2004. 30 марта. С. 2.

городах фактором их изоляции являются не затрудненные физические условия доступа и требования минимизации до возможного предела объектов экономической деятельности и расходов на развитие социальной сферы, а особые институциональные условия, при которых режим закрытости во всем комплексе экономических и социальных отношений поддерживается искусственно, решениями внешней по отношению к городу управленческой инстанции (в данном случае, федеральных властей). В этой связи наблюдается высокая степень зависимости градообразующих предприятий и, как следствие, самих ЗАТО от деятельности федеральных органов власти, в том числе и в формировании внешней конъюнктуры для развития различных секторов атомной промышленности (например, государственный оборонный заказ)¹.

Во-вторых, вплоть до настоящего времени закрытость нередко служит важнейшим средством гарантирования ЗАТО *более высоких и комфортных* по сравнению с их социальным окружением стандартов жизнедеятельности, что связано не только с социальной инерцией советского времени, но и с сохраняющейся более высокой бюджетной обеспеченностью закрытых атомных и военных городов. Эти отличия ЗАТО и предполагают особенности условий воспитания и социализации молодежи, проживающей в них. В искусственно закрытом социуме молодежь ощущает себя наделенной особым статусом, это усугубляется еще и тем, что уровень благосостояния основной части населения ЗАТО значительно выше, чем в обычных городах. Естественно, это оказывает существенное влияние на жизненные стратегии молодого поколения.

При сравнении ЗАТО с различными предшествующими и современными типами городов-«изолятов» следует учитывать, что при всех издержках своей закрытости они, с точки зрения функциональной структуры, представляют собой новую, прогрессивную ступень процесса урбанизации. Это города *нового типа*, характерные для эпохи развертывания НТР; их производственную основу составляет т.н. «экономика знаний» (knowledge-based economy), т.е. предприятия науки и высокотехнологичного наукоемкого сектора промышленности. Хотя и созданные в рамках специфической системы государственного социализма ЗАТО фактически воспроизводили в ней микроструктуры иного, более высокого, тогда еще почти «футуристического» социально-технологического уклада – постиндустриального, контуры которого еще два-три десятилетия назад были не очень ясны даже в мировом масштабе². Постиндустриальная перспектива развития как социальный проект сегодня выводится из прямого воздействия революционных научно-технологических сдвигов на трансформацию существующих в обществе социальных приоритетов и мотиваций.

Новизна формирующейся социальной философии постиндустриального общества состоит в обоснованном (и отчасти уже подтвержденном в передовых экономиках Запада) предвидении того, что благодаря высокоинтеллектуальному характеру современного научного труда и при условии высокого уровня его экономической отдачи и, соответственно, оплаты, трудовая мотивация будет перерастать рамки простой материальной заинтересованности и фокусироваться преимущественно на нематериальных потребностях – в творческой самореализации личности, культурном и профессиональном росте, безопасности, общественной активности, увеличении свободы в принятии решений, выборе стиля жизни и использовании личного времени. Молодое поколение является социальным ресурсом для развития постиндустриального потенциала, знаний и информации, накопленного за годы функционирования ЗАТО. Особый уклад жизни, сложившийся в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) в период советской системы, трансформируется под влиянием новых рыночно ориентированных форм хозяйствования значительно сложнее, чем в других городах Рос-

¹ См.: Попов В.Г., Китаев В.В., Снегирев О.Ю. Роль градообразующих предприятий в социальной сфере крупных российских городов. Екатеринбург: УрАГС, Библиотечка журнала «ЧиновникЪ», №1, 2007. С. 56.

² Зубков К.И., Копылов В.М. Закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) в контексте социальной модернизации России // Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург – Каменск-Уральский, 24 апреля 2003 г.). Екатеринбург, 2003. С. 71.

сии. В силу своей закрытости подобные города не смогли найти свое место в условиях неопределенности.

В настоящее время социально-экономических трансформаций молодые люди закрытых городов находятся в сложном положении. Многие семьи, ранее имевшие возможность содержать детей до окончания ими учебы, уже не могут себе этого позволить, и молодежь вынуждена искать заработки. Кроме того, за недостатки в организации сферы профессионально-технического, среднего специального и высшего образования расплачиваются молодые люди. Подготовка молодых специалистов часто не отвечает требованиям современного производства, растет доля выпускников учебных заведений, сразу направляющихся на биржу труда. В связи с этим можно выделить некие особенности в социальной среде закрытых городов, которые влияют на формирование жизненных стратегий молодежи. Эти особенности позволяет выявить государственная статистика (закрытая).

Во-первых, социально-демографическая группа молодежи закрытых городов достаточно неоднородна. Можно предложить следующую дифференциацию молодежи, которая оказывает влияние на формирование их жизненных стратегий. Прежде всего, это социально-профессиональная дифференциация. Главной по численности и социальной значимости (статусу) в целом является группа работающей молодежи. Их жизненные ориентации во многом предопределяет выбранная профессия и место работы. Прежде всего, здесь выделяется группа молодежи ЗАТО, занятой на градообразующих предприятиях. Жизненные ориентации молодых людей, работающих на подобных предприятиях, часто обусловлены влиянием родителей, направлены на усиление потенциала предприятий атомной промышленности, они особенно ценят уверенность в своей профессиональной востребованности, в стабильности будущего материального и социального статусов, и связывают свои жизненные планы с проживанием в закрытом городе, ориентируясь на жизнь в соответствии с выбранным образом «научной элиты», культивируемым в ЗАТО в постсоветский период нашего общества. Среди учащейся молодежи преобладает группа со средним полным общим образованием, что обуславливает рост миграции молодежи из закрытых городов. Жизненные ориентации этой группы молодежи во многом формируются исходя из профессионального самоопределения; выбор профессии, места учебы, зачастую излишняя самоуверенность в карьерных планах, а также накопившаяся усталость от ограничений закрытого города определяет жизненные планы выпускников школ, которые зачастую предпочитают покинуть ЗАТО на время учебы или навсегда. Несколько меньшей является группа учащихся учреждений начального и среднего профессионального образования. Примерно столько же составляют студенты высших учебных заведений. Каждая из этих групп, в свою очередь, дифференцируется по профилям образования (технический, гуманитарный, педагогический, сельскохозяйственный и другие). Престижными и популярными профилями профессионального образования здесь выступают, прежде всего, юридический и экономический. Соответственно, учащиеся и студенты, обучающиеся по специальностям и профессиям этих профилей, становятся «элитными» образовательными группами, что обуславливает ориентацию в их жизненных стратегиях на самореализацию, высокий социальный статус, растущий уровень доходов. Сознвая ограниченность возможностей закрытого города, молодые люди этой социальной группы часто пытаются реализовать себя за пределами ЗАТО.

Во-вторых, следует дифференцировать молодежь ЗАТО по социальному статусу. Так, особо выделяется молодежь, занятая на градообразующих предприятиях или имеющая семейные связи с занятыми на предприятиях, для их жизненных ориентаций характерны представления об элитированном образе жизни в ЗАТО, осознание особенностей города, его привилегий, возможности, данные родителями, обусловили наличие в сознании молодежи ценности подобного образа жизни и желание достигнуть большего в жизни. Совершенно иные жизненные стратегии имеет молодежь, занятая в обслуживающей сфере ЗАТО, для них характерна заниженная социальная самооценка, в своих жизненных стратегиях они ориентированы на выживание и сохранения существующего образа жизни.

При этом особо ощутима дифференциация в доходах представителей молодежных групп

ЗАТО. Наряду с глубокой статусной дифференциацией, происходит “размывание” статусных позиций многих молодых людей. Усиление маргинализации в российском обществе в целом в значительной мере коснулось и молодежи ЗАТО. Прежде всего, в основе данного процесса - молодежная безработица. Можно отметить, что такие факторы, как безработица, стихийное формирование рынка труда, неотработанность механизмов защиты молодежи в условиях низкого уровня оплаты труда, оказывают воздействие на формирование жизненных стратегий молодежи ЗАТО. Процесс выработки жизненных стратегий молодежи ЗАТО выстраивается по-разному в зависимости от наличия тех или иных ресурсов, условий окружающей действительности и степени адаптации к ним. Обратимся к материалам исследования, позволяющим выявить специфику адаптации закрытых городов к новой системе социально-экономических отношений, охарактеризовать направленность ценностного перехода, происходящего в сознании молодежи ЗАТО:

Таблица 11

Эволюция ценностных установок постсоветского и трансформационного времени в закрытых городах

Установки постсоветского времени в ЗАТО	Установки трансформационного времени в ЗАТО
1.Высокая ценность образования; установка на продолжение научной деятельности	1. Снижение ценности науки и образования
2.Ориентация производства на госзаказ	2.Установка на частную экономическую инициативу
3.Пониженный уровень осведомленности о культурных достижениях современности	3.Высокая ценность информации
4.Установка на социальное равенство	4.Установка на социальное неравенство
5.Коллективизм	5.Индивидуализм

Заметна однонаправленность изменений происходящих на мезо- (советское и российское общество) и микроуровне среды (ЗАТО) формирования жизненных стратегий молодежи. Специфические социальные условия ЗАТО, на наш взгляд, обусловили возможность выделения уровня города в качестве микросреды формирования жизненных стратегий объекта нашего исследования.

На современном этапе развития нашего общества в ЗАТО снижается значимость образовательной стратегии, несмотря на то, что в условиях «закрытых» городов образование всегда стояло на первом месте. Вместе с тем, процессы глобализации и наступление постинформационной эры коммуникации обусловили прагматический подход к образованию, что выражается в росте адаптивных образовательных стратегий. С появлением рыночных ценностей доминирующими стратегиями в молодежной среде становятся трудовая и, соответственно, миграционная, в силу неразвитости «рынка» в ЗАТО; формирование брачных стратегий попадает под зависимость установок на социальное неравенство: молодежь, выбирает себе партнеров по социальному и финансовому статусу; индивидуализм говорит об автономизации процесса формирования жизненной стратегии.

В результате тяжелой экономической ситуации в стране в период трансформации общества государство не в состоянии достаточным образом финансировать образовательные учреждения в закрытых городах. Это приводит к ухудшению качества образования в ЗАТО. Учебные заведения ЗАТО уже не могут конкурировать с многочисленными коммерческими лицами, вузами и т.д. Падает престиж научной деятельности. Молодежь ЗАТО в сложившихся условиях все чаще связывает свою жизненную стратегию с переездом из закрытого города с целью получения востребованных в рыночном обществе специальностей в другие города и потом уже не возвращается.

Значительное снижение объема государственного заказа приводит к сокращению штата сотрудников градообразующих предприятий ЗАТО и к уменьшению заработной платы. Сокращение доходов родителей подталкивает молодых людей ЗАТО искать другие виды дея-

тельности. Однако выбор работ в закрытых городах невелик, и молодежь либо уезжает из города в поисках работы и нового места жительства, либо пытается организовать свое дело. И опять сталкиваются с трудностью – в ЗАТО возможности предпринимательской деятельности ограничены.

В условиях социально-экономических трансформаций жители закрытых городов по-разному решают свои экономические проблемы, в результате чего изменяется структура ЗАТО. Происходит социальное расслоение. В трансформационном обществе, где велика ценность информации, каналы ее поступления в ЗАТО не могут обеспечить должный уровень осведомленности, для этого ЗАТО пришлось бы просто открыть. Получается, что решить подобную проблему молодому человеку на индивидуальном уровне, значит покинуть город.

В ходе эмпирических исследований, проведенных в г. Новоуральске (ЗАТО, имеющего данный статус с 1954 г.) с целью выявления особенностей формирования жизненных стратегий молодежи в условиях современного переходного этапа нашего общества нами были реализованы количественное исследование (анкетный опрос, количество опрошенных 400 человек, время проведения – май 2009г.) и качественное исследование (метод фокус-группы, время проведения – июнь 2009г.). В результате опроса был собран материал, который отражает специфику переходного состояния молодых жителей ЗАТО и вытекающие особенности формирования и реализации их жизненных стратегий. Согласно нашей методологии, *жизненные стратегии личности* – это ценностно-ориентационный выбор индивида, детерминированный оценкой условий среды макро-, мезо- и микроуровней, имеющихся ресурсов достижения целей в различных сферах жизни. Индивидуальные жизненные стратегии обладают сложной структурой, определяющими элементами которой являются образовательная, трудовая, миграционная, социальная (в узком смысле слова – накопление социально-коммуникационного капитала), брачная, которые реализуются в целерациональном или ценностно-рациональном действии личности. Критериями выделения типов и видов жизненных стратегий для авторов выступают: характер и мера рациональности стратегий; степень адаптации индивида к изменяющимся условиям трансформационного общества; персональный стиль достижения жизненной цели.

В первом «успешном» типе доминирует целерациональное начало, мы представили его в единстве видов стратегий «прагматика» (единство всех видов стратегий в их ориентации на достижение личной цели) и «профессионала» (в структуре доминируют образовательная и трудовая виды стратегий). Во втором «запаздывающем» типе преобладает ценностно-рациональное и аффективное начало, проявляемое в противоборстве стратегий «плывущего по течению» и «иждивенца». Третий «достижительный» тип стратегии становится результатом реализации различных видов стратегий: «прагматик», «профессионал», «иждивенец» и «игрок». Четвертый «стоический» тип проявляется в виде стратегии «профессионала», стремящегося следовать собственным устремлениям, ценностям и идеалам.

Исследование мотивов формирования жизненных стратегий позволяет зафиксировать, что 25% респондентов не имеет главной жизненной цели. Учитывая, что обычно от главной жизненной цели выстраивается дерево жизненных целей, под нее закладываются другие цели, получается, что 25% молодежи представляют собой парадоксальный феномен «дерева без ствола», обозначая мозаичные жизненные цели. Мы же в контексте нашей концепции делаем вывод о том, что мозаика жизненных целей и стратегий является выражением неопределенности в развитии современного общества.

На поставленный в открытой форме вопрос, в чем заключается главная цель жизни, большинство опрошенных отмечали: *получение хорошего образования, престижной и высокооплачиваемой работы, создание крепкой и счастливой семьи, самореализацию*. Таким образом, респонденты выявили в качестве значимых: образовательную, трудовую и брачную стратегии. Миграционная стратегия, как, показали результаты опроса, выступает средством их реализации и достижения желаемого уровня благосостояния.

Эмпирический анализ позволил также выявить временные вехи формирования жизненных стратегий. Впервые о способе самореализации примерно половина респондентов задум-

малась в школе, около 22% в выпускном классе, 12% наших респондентов отметили, что потребность в формировании жизненной стратегии ими была осознана к 20 - 24 годам. Показателен и тот факт, что в условиях объективно возрастающей ответственности за личные жизненные достижения 5% респондентов затруднились ответить и 2% до сих пор не задумывались о необходимости самоопределения и не имеют жизненной стратегии. Представляется, что настроения этих 7% респондентов определили как раз особые условия ЗАТО, рождающие иллюзию возможности социальной инерции в судьбе каждого нового поколения.

Инструментарий нашего исследования позволил определить степень распространенности в ЗАТО основных типов жизненных стратегий. «профессионалы» – 36%, «плывущие по течению» – 22%, «иждивенцы» – 22%, «игроки» – 12%, «прагматики» – 8%. При этом, результаты исследования позволили углубить теоретические представления о процессе формирования жизненных стратегий молодыми людьми. Оказалось, что каждый из типов представляет собой особый тип взаимодействия стратегий: в жизненных стратегиях «профессионалов» доминирует образовательная и трудовая стратегия, средством реализации которых становится миграционная стратегия. В структуре жизненных стратегий «плывущих по течению», отсутствуют доминирующие стратегии, жизненная цель «жить как все» ориентирует на подражание другим типам жизненных стратегий. Стратегии «иждивенцев» отличается отсутствием целостности. Мы объясняем данный факт низкой самооценкой молодых людей данного типа, что заставляет их строить отдельные стратегии в подражание другим, но мешает проявить свою индивидуальность в целостной стратегии. В жизненных стратегиях «игроков» трудовая, брачная и миграционная стратегии целостны, они строятся на принятии риска и его главном ресурсе – удаче. «Прагматики», наоборот, подчиняют все стратегии главной жизненной цели – достижению успеха, при этом их главное отличие от «профессионалов» - слабо выраженная ориентация на реализацию образовательных и трудовых стратегий. На основании анализа ответов респондентов выявлен ожидаемый феномен того, что реальные типы стратегий молодежи носят смешанный характер. Тем не менее «достижительный» тип стратегии является доминирующим, составляя 64% от числа опрошенных, против 34% «плывущих по течению». Но и та, и другая группа молодежи в большинстве своем ориентирована на самореализацию вне закрытого города, что означает наличие серьезной угрозы потери потенциала ЗАТО. Можно также с известной долей уверенности прогнозировать увеличение пропорции «плывущих по течению» в условиях продолжения экономического кризиса 2008-2009 гг.

В сравнении с другими исследованиями, посвященных жизненному планированию молодежи, зафиксировано, что реальные типы стратегий отражают изменение системы ценностей молодежи, которое впервые произошло в 1990-гг., второй раз – в благополучные 2000-е годы и в третий – в ситуации современного кризиса. В период происходящих перемен молодежь ЗАТО, пусть и не испытывает на себе их глубокого влияния, тем не менее, рефлексивирует и пытается приспособиться к ним, планируя свое будущее. С одной стороны, кризис обнажил индивидуалистические убеждения молодых «затовцев», но, в то же время и обнаружил признаки коллективистского мышления. Интересно, что молодежь, несмотря на всю «корпоративность» жизни в закрытом городе, в кризис начинает признавать для себя возможность получения денег, заработанных нечестным путем.

С помощью мнений информантов в процессе работы фокус-группы нам удалось, во-первых, выявить проблемы реализации жизненных стратегий современной молодежи, и в частности молодежи, по своему происхождению, социализации и ментальности связанной с социокультурным полем закрытого административного образования и, во-вторых, выстроить имидж ЗАТО с помощью мнений молодых людей, в известной мере отражающих настроения своих сверстников.

Подобные исследуемому города отличаются искусственной замкнутостью, корпоративностью образа жизни, «тепличностью» условий социализации молодежи, и как следствие, порождающие трудности ее адаптации к «открытому» обществу рынка и углубляющейся индивидуализации. Социокультурное поле ЗАТО во многом снимает с молодых людей ответственность за разработку ориентированных на индивидуальность жизненных стратегий. Од-

современно порождаются противоречия жизненных стратегий, в которых наследуется ориентация «отцов» на профессионализм и усваивается современное понимание успеха и его символов. Групповая дискуссия наглядно продемонстрировала уверенность молодых людей в ограниченности возможностей самореализации в закрытом городе, их готовность к миграции, но одновременно выявила страх «открытого» пространства. Анализ ответов информантов, позволяет сделать вывод о том, что страх перед открытой социальной системой доминирует над страхом ограниченности закрытой системы.

Использование в эмпирической части исследования разных методов позволило авторам выявить ряд общих закономерностей процесса формирования и реализации жизненных стратегий молодежи ЗАТО:

- структура и ход процесса (этапы) зависят от социального положения группы, к которой принадлежит индивид. Получение профессионального образования способствует сознательному конструированию жизненной цели и стратегий, их переводу в конкретные жизненные планы. Работа после школы, наоборот, способствует «плаванию по течению».
- в реализацию трудовой и миграционной стратегий молодых людей не встроено рождение детей, этот настрой характерен и для тех, кто не намерен расставаться с тепличными условиями закрытых городов.
- проживание в ЗАТО способствует самореализации людей с техническим образованием, но не создает стимулов для следующих естественнонаучному и гуманитарному призванию.
- роль и влияние родителей на формирование жизненных стратегий молодежи закрытых городов, даже в переходный период развития общества остается доминирующим. Это обстоятельство порождает дополнительные трудности в процессе реализации стратегий молодых людей. Они нередко в своих «достижительных» на первый взгляд стратегиях стремятся перенять, скопировать стратегии жизни своих родителей, но для их успешной реализации им не хватает социальных и личностных ресурсов.

Исследование молодежи ЗАТО демонстрирует реальные трудности самоопределения молодежи в условиях трансформации общества от состояния определенности к состоянию неопределенности, нелинейности развития. Объект нашего изучения в силу своей специфической социальной природы лишь позволил профилизировать эти трудности и реконструировать их иерархию.

Барзгова Е.С. , Вандышев М.Н. (УрАГС (Екатеринбург))

Система социальной стратификации в Свердловской области: риски развития

В рассмотрении поставленной проблемы мы исходим из установки теоретических и эмпирических отличий системы классового и стратификационного деления в обществе. Классовое деление имеет базовым основанием отношения собственности, складывающиеся в обществе на определенном этапе его развития. Оно не теряет своей значимости и в начале XXI в. На постсоциалистическом этапе развития нашей страны, наоборот, оно создает значимые риски. Качественные изменения в экономике обнаруживают полярность классовых интересов. Это обстоятельство может служить фактором нестабильности в политической ситуации в условиях рациональной интерпретации этой полярности в категориях неравенства жизненных шансов¹. Расслоение общества на социальные страты подразумевает в социологии иное основание: принадлежность личности к группе определенного стиля жизни, который обусловлен прежде всего занятием, профессией. Выбор стратификационной оси анализа был сделан нами по следующим мотивам:

- *занятие, профессия* играют в жизни современного человека неизмеримо более значимую роль, нежели в предшествующие исторические эпохи;
- *стиль жизни* сегодня сближает или может сближать, что позволяет рассматривать его не в категориях полярности, а в категориях различий и разнообразия;
- *прогноз рисков* развития системы стратификации в ограниченном социальном пространстве может стать инструментом достижения согласия между людьми.

¹ См.: Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5.

Мы будем исходить из следующего определения *социальной стратификации*: это иерархическая система, формирующаяся вокруг шкалы социального неравенства, элементами которой являются группы (страты), отличающиеся определенным стилем жизни, формирующимся под влиянием занятия, несущего в себе определенные статусные привилегии, уровня доходов и уровня образования.

Наиболее значимым фактором дифференциации стиля жизни являются доходы населения, неравенство которых составляет принцип иерархичности социальной пирамиды. Цифры по бюджетной обеспеченности в расчете на душу населения Свердловской области предполагают следующие темпы роста доходов: период 2006–2010 гг. – по 10% ежегодно, период с 2011 г. по 2015 г. – по 7% процентов ежегодно. Соответственно, в 2015 г. по отношению к 2000 г. они возрастут более чем в 6 раз без учета инфляции (и без учета кризисных явлений, сопровождающих текущее состояние). Данный прогноз строится на основе расчета абсолютного объема консолидированного бюджета Свердловской области, который в 2015 г. составит 102,3 млрд. руб. против 23,1 млрд. руб. в 2000 г., то есть возрастет в 2,4 раза. В ноябре 2006 г. Министерство экономики области ввело поправку в этот расчет, считая, что возрастание объема составит 2,5 раза.

В области доходов населения важнейшей задачей на ближайшие годы является повышение размера реальной заработной платы во всех сферах и отраслях экономики, на предприятиях всех форм собственности, особенно в социальных отраслях, превращение заработной платы в надежный источник средств, обеспечивающий достойное существование работнику и его семье, рост инвестиционного потенциала населения. Значительное увеличение денежных доходов на душу населения с одновременным снижением доли населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, к 2015 г. до 10%.

Критерием эффективности намеченных мероприятий в долгосрочной перспективе явится формирование в области массового среднего класса, охватывающего 50–55% всего населения, а также снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума до 10–15%. Мерой определения достигнутых социальных результатов в области рассматривается т.н. «российский стандарт благосостояния», при котором нормативы потребления должны соответствовать достойному уровню жизни для основной массы российских граждан. Стандарт благосостояния, основанный не на минимальной потребительской корзине (на грани физического выживания), а учитывающий качественное жилье, высокую обеспеченность товарами длительного пользования, доступность качественных услуг здравоохранения, образования, достойную заработную плату и пенсию и др.

Одним из значимых методологических рисков реального осуществления прогноза по превращению половины населения области в средний класс является размытость критериев отнесения личности к данной социальной группе. Если показатель доходов (монетарных и немонетарных) является относительно определенным, то показатель качества обеспеченности жильем, уровня образования в его соотношении с характером и содержанием труда, показатели образа жизни статистически не представлены. Предлагаемый показатель «уровня, стандарта благосостояния», безусловно, полезен, но должен быть дополнен или системно развернут. Наиболее значимым эмпирическим риском осуществления прогноза является разворачивающийся в мире и стране экономический кризис; его воздействие на процесс развития среднего класса может проявиться в нисходящей вертикальной мобильности.

Вторым фактором социальной стратификации населения является *уровень образования*, в свою очередь влияющий на стиль жизни человека. При кажущейся его демократичности, в своем оформлении и структуре он отличается у представителей групп не только различного уровня, но и профиля образования. Ситуацию в системе образования области можно охарактеризовать как чрезвычайно противоречивую. Интенсивно развивающийся социально-экономический комплекс области требует все большего количества рабочей силы. При этом оплата труда в недостаточной степени определяется уровнем квалификации и образования работника. Уместно в этой связи привести слова М. Вебера, не теряющие своей актуальности

в рыночной экономике: «Сегодня центральный вопрос – установление цены на труд»¹. В условиях недостаточного воздействия образовательного статуса на формирование цены на труд на рынках Свердловской области молодежь перестает видеть в образовании значимую экономическую ценность, что не может не снижать уровень образовательной мотивации. В будущем данная тенденция может привести к падению качества человеческого потенциала экономики области.

В развитие статистического анализа тенденций развития системы социальной стратификации уместно привести характеристику данного процесса по материалам проведенного опроса населения, проведенного в августе 2006 г. в 5 поселениях (в т.ч. в городах Екатеринбург и Нижний Тагил) в рамках федерального сетевого проекта «Будущее России: взгляд из Центра и регионов», инициированного ИНО-Центром (информация, наука, образование). В результатах массового опроса, проведенного методом анкетирования, подтверждается рискованная тенденция снижения уровня образовательной мотивации во всех возрастных группах экономически активного населения.

Уровень профессионального образования работников в достаточной степени связан с уровнем оплаты его труда. Очевидно, что это связь опосредованная, но все же необходимо отметить, что наличие высшего образования в целом обеспечивает работнику более высокий уровень дохода, нежели общее образование. Однако связь между указанными показателями не столь значима, как этого бы следовало ожидать в регионе интенсивной технологической и экономической модернизации. Объяснение этой ситуации заключается в том, что структурно на рынке труда выделяются сферы высококвалифицированной, но сравнительно низкооплачиваемой трудовой деятельности (например, сфера народного образования или здравоохранения), в то же время в сфере промышленного производства уровень изначально необходимого образования ниже при более высоких средних показателях дохода. Это структурное несоответствие порождает ситуацию мотивационной недостаточности материального капитала как цели накопления личностью человеческого (образовательного) капитала. Отсюда следует вывод, что стремление человека к повышению образования может оцениваться как проявление определенных ценностных приоритетов; это стремление не является следствием рационального, экономического расчета, который предполагает выработку личностной стратегии накопления ресурсов (в т.ч. и образовательных) для конкурирования на рынке труда за получение возможности выполнять любимое и доходное дело). Эта ситуация порождает рискованную для социально-экономического комплекса области тенденцию к автономизации сферы профессионального образования и потери им инструментальной функции, обеспечивающей эффективное функционирование рынка труда.

Тревожная тенденция низкой оценки значимости образовательных ресурсов в социальных и экономических личностных достижениях подтверждается данными опроса, характеризующими изменения в структуре расходов домохозяйств за период 2004–2006 гг. Субъективно респонденты отметили значительное улучшение своего материального положения. Структура расходов домохозяйств, однако, свидетельствует о том, что достигнутый уровень доходов не позволяет подавляющему большинству опрошенных претендовать на статус представителя среднего класса, т.к. большие доходы, судя по ответам респондентов, позволили им увеличить расходы на питание в семье. И сегодняшняя ситуация роста цен на продукты может обернуться движением «назад» для тех слоев, которые рассматривались резервом среднего класса. Данный социальный риск подтверждает факт отсутствия статьи расходов «образование детей» в 56% представленных в исследовании домохозяйств.

Зафиксированные в опросе тенденции позволяют вывести ряд предположений, очерчивающих зоны социальных рисков в развитии системы стратификации в Свердловской области:

- первой из таких зон являются повседневные стратегии наших земляков, которые не только не опережают социально-экономическую реальность, но значительно отстают от нее; в

¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С.115.

реализуемых стратегиях доминируют ориентации на «вчерашние» запросы рынка труда; риски стратегии отставания тем значимее, чем в большей степени они распространяются на воспитание детей;

- субъектами формирования второй из выделяемых нами зон риска являются работодатели, которые руководствуются стереотипными тактическими соображениями в большей мере, нежели стратегическими: «недоплата» за высокий уровень образования уже сегодня грозит значимыми экономическими потерями в конкуренции с компаниями, которые развиваются в опоре на креативный (т.е. образовательный) потенциал своих сотрудников. Кроме того, поощрение низкой образовательной мотивации грозит снижением человеческого капитала в будущем, на этапе его актуального удорожания.

Мы выделили лишь две зоны рисков, фиксируемых в данных статистики и социологических исследований. Дальнейшая профилизация рисков и рискогенных зон требует дополнительных исследований, проводимых с учетом «кризисных поправок». Значимость этих исследований, на наш взгляд, тем выше, чем масштабнее региональная стратегия управления движением в будущее. Прогноз рисков позволяет найти пути их минимизации и тем самым обеспечить успех в реализации общей стратегии.

Безукладнова К.А. (УрФУ, Екатеринбург)

Образовательные и профессиональные стратегии студентов

Согласно распространенной точке зрения, в начале 1990-х гг. высшее образование мало ценилось и работодателями, и молодыми людьми. Этот период отмечен в обывательском сознании как время «шалых денег» или «стихийный капитализм». Тогда, как считают многие, более эффективными были другие ресурсы – связи, удача, личные качества. Но с середины 1990-х гг. ситуация начала меняться. Спрос на высшее образование растет. Все большее число людей из самых разных социальных групп видят его как необходимое условие для профессионального роста и вертикальной мобильности. Статистические данные подтверждают факт роста спроса на высшее образование, по крайней мере, по сравнению с 1993 г., прием в вузы вырос в 2,2 раза (+ 119%).¹

В настоящее время высшее образование является залогом успешного жизненного пути, возможностью профессиональной реализации, а также средством достойного позиционирования себя в обществе. По данным Росстата, численность студентов в государственных и муниципальных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования в 2009 г. соответственно составили 6135,6 тыс. чел. и 2052,3 тыс. чел. В негосударственных учреждениях высшего профессионального образования по данным 2009 г. обучалось 1283,3 тыс. человек. Таким образом, мы видим, что общее количество студентов вузов более чем в три раза превышает число студентов, получающих среднее профессиональное образование (7418,9 тыс. человек против 2052,3 тыс. человек).² Заметно, что подавляющее большинство студентов нацелено на получение высшего образования. Интересная работа, карьера, высокий доход – все эти позиции жизненного успеха становятся доступными при наличии высшего образования. Обсуждая значимость высшего образования для современной молодежи вообще и для себя лично, студенты единодушно отмечают, что его необходимость является требованием времени, общества и уже социальной нормой для них.³

Если студенты видят высшее образование в качестве фундамента своей профессиональной реализации, то целесообразно определить представления студентов о «работе мечты», т.е. к чему стремятся молодые люди, получая знания в вузе. Рассмотрим один из разделов проекта ФОМ – «Поколение – XXI: структура и «среды» достижительных стратегий», опубли-

¹ Высшее образование в России: вертикальная мобильность и социальная защита [Электронный ресурс] / Журнал «Отечественные записки». Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=2&article=141>

² Образование по итогам 2009 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm

³ Высшее образование как старт реализации жизненных планов [Электронный ресурс] / Проект ФОМ «Поколение – XXI: структура и «среды» достижительных стратегий». Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/st1.pdf>

ликованного в марте 2008 г. по итогам опроса студентов III-го курса различных российских вузов. Общий объем выборки: 1500 человек. Выборка – целевая.

Таблица 12

«Работа мечты» в представлениях студентов (в % от числа опрошенных)

«Работа мечты» в представлениях студентов	%
Интересная, любимая, приносящая удовлетворение работа	19
Хорошо оплачиваемая работа	16
Предприниматель, бизнесмен	10
Директор, руководитель, начальник	9
Юрист, адвокат	6
Врач, медик	6
Научная работа	4
Политик, президент, министр, депутат	4
Работа по специальности	4
Менеджер	4
Творческая работа	4
Работа в крупной, известной компании	3
Актер, певец, музыкант, режиссер	3
Работа, дающая возможность карьерного роста	2
Экономист, финансист, бухгалтер	2
Программист, компьютерщик	2

Сделаем вывод: рыночная экономика диктует свои представления и о критериях выбора работы, и об идеальной работе. Говоря о «работе мечты», студенты отдают предпочтение работе, которая должна быть хорошо оплачиваема. Образ предпринимателя привлекает студентов, как впрочем, и позиция директора, руководителя, начальника. Однако студенты в большей степени нацелены на творческую и интересную для них работу. Они воспроизводят активную достигательную установку, поскольку часто говорят о продвижении по службе.¹

Таким образом, резюмируя, можно отметить, что современные студенты – амбициозные люди, нацеленные на успех, поэтому их образовательные и профессиональные стратегии строятся исходя из личных ценностей, с ориентацией на достойную реализацию своего творческого и профессионального потенциала.

Белова О.Р., Боронина Л.Н. Вишневский Ю.Р. (УрФУ, Екатеринбург)

Молодежь: ресурсный подход

Ценность молодежи для общества... Именно так, непривычно, но очень точно назывался подготовленный в конце 1970-х гг. доклад американских социологов о задачах молодежной политики. Сохраняет значение (уже в глобальном контексте) их озабоченность: «Как потенциально жизненный национальный ресурс молодежь трагически недооценивается». Реально ценность молодежи для общества определяется не комплиментами в ее адрес. Самое главное – как молодые люди участвуют в социальных процессах, насколько их важным компонентом они выступают. Недооценка обществом молодежи проявляется и в недостаточном предоставлении ей возможности реализовать себя, продвинуться, осуществить свои потребности и склонности. Причем важна реальная общественная оценка молодежи, а не популистские декларации типа: «все лучшее – детям!», «молодым везде у нас дорога!». Верно оценить молодежь – значит понять, что ей нужны: уверенность; смягчение трудностей социализации; понимание ее мира; уважение взрослых, их социальная поддержка; ощущение полезности, компетентности; надежда и интерес; возможность продвижения, наличие перспективы.

Важность *ресурсного подхода* к молодежи отмечал еще К. Манхейм, писавший, что по природе своей молодежь не прогрессивна и не консервативна, она – всего лишь сила, готовая к любому начинанию. Соответственно он обосновывал – как основную задачу исследовате-

¹ Критерии выбора работы и представления о «работе мечты» [Электронный ресурс] / Проект ФОМ «Поколение – XXI: структура и «среды» достигательных стратегий». Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/st1.pdf>

лей – выявлять, «что общество может дать молодежи и что может ожидать общество от молодежи (*скрытого ресурса*)». Эта задача особенно актуализируется в ситуации, когда вновь и вновь возникает вопрос: «Куда и за кем пойдет молодежь?» От юнологов, социологов молодежи это требует постоянного изучения социокультурных установок и ценностных ориентаций молодежи, её социального самочувствия, её отношения к социально-экономическим реформам.

Ресурсный подход к молодежи отражает общую тенденцию развития управленческой теории и практики (*кадры – управление персоналом – управление трудовыми ресурсами – управление человеческими ресурсами*). При этом дело не в изменении терминов, а в смене управленческих ориентаций и установок. Показательно, что дискуссии во второй половине 1980-х гг. вокруг проблематики «человеческого фактора» в СССР почти не сказались на «остаточном» подходе к социальным условиям жизни и труда людей. Более того, углубление кризиса приводило к тому, что этот «остаток» становился все меньшим и меньшим. Одна из самых серьезных ошибок в реализации нынешних реформ в России – пренебрежение высокой *социальной ценой*, которую многие люди должны были заплатить за перемены.

Личностный подход к кадрам (*«персонал»*) особенно значим применительно к нынешним и будущим работникам социальной сферы (образование, здравоохранение, бытовое обслуживание), чья работа во многом связана с людьми (учащиеся, больные, клиенты). Одновременно утверждается понимание *управления персоналом как социального процесса*, где на первый план выходят личностные аспекты: изменение условий жизни и труда людей, выявление волнующих их социальных проблем, решение эти проблем или смягчение их остроты, негативных последствий; формирование и развития определенных социальных качеств людей; формирование социальных общностей и организаций как поля социального взаимодействия. Но сегодня (и это чутко уловили теоретики «человеческого и социального капитала», «информационного общества» и «общества знаний») основной ориентир управления персоналом – *обученность* – оказывается недостаточным, особенно применительно к молодежи. На первый план выходит не достигнутый уровень знаний, умений и навыков (даже в современной терминологии – компетенций и компетентностей), а возможность личности к творчеству, творческой самореализации своего потенциала. И то, что в отношении системы образования означает качественное изменение – от «*научить чем-то*» к «*научить учиться*», - на личностном уровне предполагает ориентацию *на обучаемость*, которая и становится основным ориентиром ресурсного подхода.

При этом важно учитывать и более глубокое понимание потенциала, ресурса. Образно его можно определить как принцип «3 PE»:

- *потенциал = ресурс*, когда потенциал рассматривается как совокупность наличных свойств и качеств, накопленных человеком и определяющих его способность (возможность) к более оптимальному функционированию и развитию. Применительно к молодежи тут важны два момента – содействие с помощью разнообразных средств и форм (школьное и дополнительное образование, семья, профориентация, СМИ и другие социальные институты) развитию ресурсов каждого молодого человека; формирование у молодых людей умения диагностировать, самокритично оценивать реальный уровень развитости и направленность своего личностного потенциала, соотносить с ним свой профессиональный (шире – социальный) выбор, точнее определять перспективы развития и обогащения этого потенциала;

- *потенциал = резерв*. При этом важно исходить из более глубокого понимания резерва как *готовности (точнее – подготовленности) к реализации*. В современных условиях нужно рассматривать резерв более широко – это любая форма подготовки (профессиональное образование, повышение квалификации, переподготовка и т.д.) к последующей работе. И вновь подчеркнем: такой подход применительно к молодежи означает оптимальность профессионального выбора (выбор будущей профессии конкретизируется через выбор соответствующего учреждения *профессионального образования* – училища, лицея, колледжа, вуза), удовлетворенность этим выбором, а самое главное – удовлетворенность качеством образования;

- *потенциал* = *реализация*, акцент в данном случае делается на актуализации наличных способностей (возможностей), на их практическом, реальном применении и использовании, на оптимальном использовании внутренних резервов каждого молодого человека. Возникают сложнейшие проблемы соответствия (или несоответствия) жизненных и профессиональных планов и их реализации, переосмысления своего социального и профессионального выбора, готовности или неготовности к непрерывному образованию и самообразованию, соотношения ноуэвистских («нет, нет, мы хотим сегодня», «сегодня и сейчас») и перспективных ориентаций на социальную, профессиональную и деловую карьеру

Провозглашенный ныне курс на *модернизацию и инновационное развитие* – объективная необходимость и, на наш взгляд, единственная возможность выхода России на общецивилизационный путь, преодоление нашего нарастающего отставания от развитых индустриальных стран. Тем более что нынешний *экстенсивный курс*, когда экономика России «посажена на нефтегазовую иглу», лишь усиливает это отставание (лишь становящееся более или менее заметным в зависимости от колебания цен на энергоносители на мировом рынке).

Инновационное развитие невозможно без инноваторов. Но они не сформируются сами собой. Подчеркнуть это представляется особенно важным, поскольку зачастую идея Манхейма о молодежи как «скрытом ресурсе» трактуется буквально и искаженно – с акцентом на инновационность новых поколений. Между тем – скрытый ресурс – означает: его нужно раскрыть, иначе он может и не раскрыться.

Анализ материалов социологических исследований, в частности, проведенных при участии авторов (мониторинг социокультурных ориентаций студенчества Свердловской области /1995 – 1999 – 2003 – 2007 – 2009 – 2010/; сравнительное международное исследование ориентаций студентов УрФУ /Россия/ и ХНУ /Украина/ /2009-2010/; опрос работающей молодежи Свердловской области /2009/ и др.), позволяет выявить тенденции, проблемы и противоречия в реализации ресурсного подхода к молодежи и – на этой основе – скорректировать государственную молодежную политику (или, по крайней мере, предложить научно обоснованные предложения по такой корректировке). Последний момент определяет *сложность взаимоотношений социологов и властных структур*: всегда ли наши предложения действительно профессиональны (научны), всегда ли они достаточно технологичны, а с другой стороны, – всегда ли властные структуры (особенно – их конкретные представители в центре и на местах – в регионах, муниципальных образованиях) готовы воспринять эти предложения, переложить их на язык конкретных – законодательных и исполнительных – управленческих решений?

Богданова Д.В., Зырянов С.Г. (ЧИ УрАГС, Челябинск)

Социальные проблемы молодежи города Челябинска

Молодежь как социальная группа занимает достаточно важное место в общественных отношениях, производстве материальных и духовных благ. На сегодняшний день большая часть молодежи – люди работающие. Проблемы, которые принято называть «молодежными» (отсутствие стартовых возможностей, жильё, молодая семья, досуг, тяжёлое материальное положение и др.), наиболее остро ощущаются на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, где незащищёнными являются именно молодые работники. Известно, что нерешенные проблемы ведут к увеличению социальной напряженности и выливаются в различного рода социальные конфликты. Необходимо рассмотреть, как сама молодежь представляет себе доминирующие социально-экономические и социально-политические факторы, обуславливающие конфликтогенность и требующие обязательного учета в рамках управленческих воздействий. Попробуем разобраться на основе данных социологического исследования в том, какие стороны жизни считают наиболее проблемными молодые работники предприятий Челябинска¹.

¹ В декабре 2007 г. проведен опрос молодежи крупных промышленных предприятий Челябинска: электрометаллургический комбинат, кузнечно-прессовый завод, трубопрокатный завод, ОАО «Мечел». Выборочная совокупность – 801 респондент в возрасте от 18 до 35 лет.

Представление об основных проблемах работающей молодежи можно получить из ответов на вопрос «Оцените изменения основных сторон Вашей жизни за последние год-два¹». Вместе с тем, необходимо учитывать закрытый характер вопросов, вследствие чего респонденты были ограничены в высказываниях относительно других сторон жизнедеятельности.

Таблица 13

Изменения отдельных сторон жизни работающей молодежи за последние два года

Стороны жизни	Произошли ли изменения и какие?				
	«+»	«=+»	«=-»	«-»	?
жилищные условия	14	38	35	4	9
карьера, профессиональный рост	25	32	21	3	19
ориентация на здоровый образ жизни	19	52	12	5	12
материальное положение	21	23	34	8	14
медицинское обслуживание	10	33	26	8	23
отношения с коллегами на производстве	19	72	2	1	6
отношения с руководством	14	59	6	5	16
производственно-бытовые условия	17	35	24	8	16
условия и возможности для проведения досуга	15	36	20	7	22

«+» - стала лучше; «=+» - осталась, как и была хорошей; «=-» - осталась, как и была плохой; «-» - стала хуже; «?» - затрудняюсь ответить.

Доля молодых работников, у которых изменения произошли в лучшую сторону, составляет от 10% по медицинскому обслуживанию до 25% по карьере, профессиональному росту. Ухудшение отмечают от 1% опрошенных по отношениям с коллегами до 8% по производственно-бытовым условиям и материальному положению. Значительная часть ответов приходится на позицию «осталось, как и было, хорошим» – от 23% по материальному положению до 72% по отношению с коллегами на производстве. Таким образом, в целом работающая молодежь настроена скорее позитивно, чем негативно.

Наиболее проблемными в этой ситуации выглядят жилищные условия (суммарно 39% по позициям «осталось, как и было, плохим» + «стало хуже») и материальное положение (42%). Именно на этих сторонах жизни молодых работников мы и акцентируем внимание.

Одним из ключевых факторов, влияющих на самочувствие работающего человека, является его удовлетворенность своими жилищными условиями. Согласно данным опроса, собственное жилье есть только у 23% опрошенных молодых работников. Остальные живут с родителями (45%), арендуют жилье (23%) или проживают в общежитии (6%). Поэтому жилищный вопрос для данной группы можно назвать очень насущным.

Самооценка изменения жилищных условий за последние два года такова:

Таблица 14

Изменения отдельных сторон жизни работающей молодежи за последние два года

ВЫ ЖИВЕТЕ:	Произошли ли изменения и какие?					
	Σ	«+»	«=+»	«=-»	«-»	?
в общежитии	6	5	4	9	7	10
с родителями	45	33	51	44	31	42
снимаете комнату (квартиру)	23	16	14	34	45	20
имеете собственное жилье	23	36	29	12	10	24
ваш вариант ответа	3	10	2	1	7	4

«+» - стала лучше; «=+» - осталась, как и была хорошей; «=-» - осталась, как и была плохой; «-» - стала хуже; «?» - затрудняюсь ответить; Σ – в целом

За последние два года жилищные условия изменились у пятой части респондентов: 14% отметили изменения в лучшую сторону, 4% – ухудшение жилищных условий. Работники с

¹ Данные представлены на момент опроса - декабрь 2007 г.

неизменившимися хорошими и плохими жилищными условиями представлены в примерно равных долях: 38% и 35% соответственно. Таким образом, для значительного числа работающих молодых людей жилищная проблема является важной, и даже первостепенной. Среди молодых работников, которые отмечают улучшение своих жилищных условий за последние 2 года, максимальна доля тех, кто имеет собственное жилье (на 14% больше среднего показателя). Жилищные условия остаются хорошими для проживающих с родителями (на 9% больше, чем в среднем) и имеющих собственное жилье (на 6% больше). В числе респондентов с плохими или ухудшившимися жилищными условиями больше, чем в среднем, доля тех, кто снимает комнату, квартиру (на 11% и на 22% соответственно). При том, что 62% опрошенных нуждаются в помощи предприятия, только 11% реально надеются на эту помощь.

Таблица 15

Предполагаемые источники финансирования решения жилищного вопроса молодыми работниками

Источники финансирования решения жилищного вопроса	%
ипотека	19
предприятие	11
родители	11
самостоятельно	52
супруга (а)	7
другое (напишите)	1
затрудняюсь ответить	11

Более половины всех опрошенных молодых людей рассчитывают на самих себя при решении своих жилищных проблем, что указывает на низкий уровень иждивенческих настроений, и это не может не радовать. На кого же рассчитывают работники, признающие необходимость помощи в вопросе улучшения жилищных условий со стороны предприятия? Работники, нуждающиеся в помощи по улучшению жилищных условий, чаще рассчитывают в этом вопросе именно на поддержку и помощь со стороны предприятия (на 14% больше, чем в контрастной группе), а также на ипотеку (на 12% больше). Среди тех, кому помощь предприятия не нужна, больше доля надеющихся на самого себя (на 4% больше, чем в контрастной группе) или супруга (на 5% больше). Другими словами, признание респондентов в том, что им нужна поддержка предприятия в решении жилищного вопроса, в большинстве случаев не означает, что они фактически рассчитывают на помощь своего предприятия.

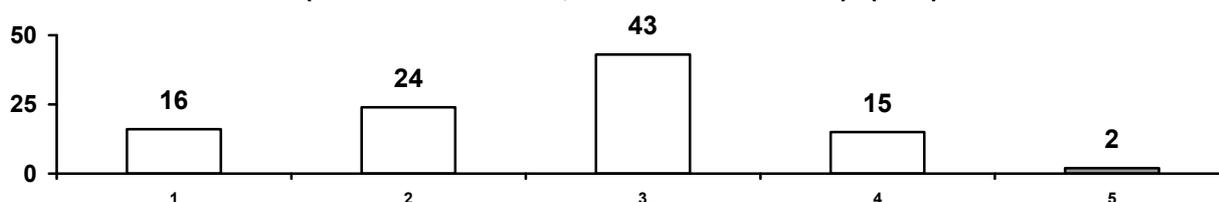
Следующей, достаточно проблемной зоной является *материальное положение молодых работников промышленных предприятий*.

Таблица 16

Материальное положение молодых работников промышленных предприятий

Уровень заработной платы в месяц	%
до 5 000 руб.	9
от 6 000 до 10 000 руб.	41
от 11 000 до 15 000 руб.	26
от 16 000 до 20 000 руб.	13
от 21 000 до 25 000 руб.	6
от 26 000 до 30 000 руб.	2
больше 31 000 руб.	2
Материальное положение	
достаточно состоятелен, чтобы хорошо жить	2
денег на жизнь хватает, особо не экономим	16
живём нормально, но приходится экономить	63
денег хватает только на питание	16
живём за гранью бедности, не хватает даже на питание	3

**Рис. 1. Удовлетворенность зарплатой по 5-балльной системе
(минимальная - 1; максимальная - 5) (в %)**

Основная доля опрошенных (2/3) работников имеет заработную плату в пределах 6-15 тыс. руб. в месяц. В то же время общий балл удовлетворенности заработной платой – 2,63, т.е. относительно невысокий. Эти данные подтверждают актуальность проблемы улучшения материального положения для молодых работников промышленных предприятий города. Динамика материального положения за последние два года такова: примерно равные доли респондентов отмечают, что их материальное положение улучшилось (21%) или по-прежнему остается хорошим (23%). Каждому третьему его материальное положение представляется плохим, и 8% отметили, что оно ухудшилось.

Как коррелирует нынешняя зарплата молодых работников с оценкой изменения материального положения? В числе тех, у кого материальное положение улучшилось и осталось, как и было, хорошим, выше численность работников с самооценкой материального положения выше среднего уровня (на 10% и на 11% больше среднего соответственно). Респонденты с «плохим» материальным положением чаще, чем в среднем, отмечают, что денег им хватает только на питание (на 10% больше). Среди тех, у кого материальное положение ухудшилось, максимальна доля молодых сотрудников, которым денег хватает только на питание (на 17% больше), или живущих за гранью бедности (на 10% больше). В случае перевода самооценки материального положения в «денежное выражение», можно проследить следующую корреляцию.

Таблица 17

Взаимосвязь уровня заработной платы и динамики материального положения за последние два года

Уровень зарплаты в месяц	Динамика материального положения за последние 2 года					
	Σ	«+»	«=+»	«=-»	«-»	?
до 5 000 руб.	9	8	9	10	6	8
от 6 000 до 10 000 руб.	41	25	34	46	57	46
от 11 000 до 15 000 руб.	26	29	27	25	22	22
от 15 000 до 20 000 руб.	13	19	14	12	8	10
от 21 000 до 25 000 руб.	6	9	8	3	5	6
от 26 000 до 30 000 руб.	2	2	3	2	2	1
больше 31 000 руб.	2	5	2	0	0	3

«+» - стала лучше; «=+» - осталась, как и была хорошей; «=-» - осталась, как и была плохой; «-» - стала хуже; «?» - затрудняюсь ответить; Σ – в целом

В числе респондентов, отметивших улучшение материального положения за последние два года, больше, чем в среднем, доля молодых работников с зарплатой от 15 до 25 тыс. руб. (на 9% суммарно больше) и свыше 30 тыс. руб. (на 3% больше). В то же время сохраняющееся неудовлетворительное материальное положение и его ухудшение чаще коррелируют с зарплатой в размере от 5 до 10 тыс.руб. (на 5% и на 16% больше соответственно).

С какими иными социально-демографическими характеристиками связано улучшение или ухудшение материального положения? Сравним две контрастные группы: группа 1 – молодые работники, у которых материальное положение улучшилось (21%), группа 2 – с ухудшившимся материальным положением (8%). В группе 1 выше численность респондентов в

возрасте 18-25 лет (на 15% суммарно больше, чем в контрастной группе), имеющих высшее образование (на 30% больше); по должности – специалистов среднего звена (на 24% больше) и руководителей среднего звена (на 6% больше); работников со стажем до 1 года (на 13% больше) и более 1 года (на 8% больше). В этой группе выше численность молодых работников, имеющих собственное жилье (на 11% больше, чем в группе 2), не состоящих в браке (на 6% больше), не имеющих детей (на 20% больше). Группа 2 отличается большей долей сотрудников в возрасте 26-35 лет (на 17% суммарно больше, чем в группе 1), имеющих начальное образование (на 4% больше), начальное профессиональное (на 7% больше), среднее общее, среднее специальное (на 19% больше); по должности – рабочих основного производства (на 5% больше) и рабочих вспомогательного производства (на 24% больше); работников со стажем от 3 до 12 лет (на 17% суммарно больше). В этой группе больше работников, проживающих с родителями (на 3% больше), арендующих жилье (на 7% больше), состоящих в браке (на 6% больше), имеющих 1-2 детей (на 21% суммарно больше).

Таким образом, опрос показал, что улучшение материального положения в большей степени характерно для более молодых респондентов, более образованных, специалистов и руководителей, что может отражать ценность именно этих категорий сотрудников, несмотря на невысокий стаж их работы на предприятии. Кроме того, традиционно наличие семьи и детей становится дополнительной нагрузкой на семейный бюджет работника, с чем часто связано восприятие ими своего материального положения как не самого завидного.

Итак, результаты проведенного среди молодых работников социологического опроса демонстрируют следующую картину. Такие стороны жизни молодых работников, как жилищные условия и материальное положение выглядят наиболее проблемными. За последние два года жилищные условия улучшились у 14% опрошенных (прежде всего, у женщин, более молодых работников, специалистов, более обеспеченных, состоящих в браке, но не имеющих детей), ухудшились у 4% респондентов. При том, что 62% опрошенных нуждаются в помощи предприятия, только 11% реально надеются на эту помощь. Основная доля респондентов – 52% – рассчитывает в этом вопросе только на себя. Материальное положение за последнее время улучшилось у каждого пятого опрошенного, причем в большей степени характерно для более молодых респондентов, более образованных, специалистов и руководителей, имеющих небольшой стаж работы на предприятии. Ухудшилось – у 8% молодых работников. Каждому третьему его материальное положение представляется стабильно плохим.

Необходимо отметить, что на вектор оценок и настроений молодежи города заметное влияние оказывают различные социально-демографические характеристики: пол, возраст, образование, материальное и семейное положение. Зачастую негативные оценки молодых работников коррелируют с более зрелым возрастом, с невысоким уровнем образования, материальным положением ниже среднего, наличием детей. В целом же можно зафиксировать отсутствие иждивенческих настроений у подавляющего большинства представителей работающей и студенческой молодежи, осознание ими необходимости рассчитывать только на собственные силы, позитив в восприятии российской социальной реальности в определенной степени свидетельствует о серьезном потенциале ресурсности молодежи.

Бойко В.П. (ОНПУ, Одесса, Украина)

Особенности управления мотивацией студентов к обучению в рамках Болонского процесса на основе теории мотивации Ф. Герцберга

Высшее образование – одна из основных ценностей почти каждого государства. Она преследует четыре основные цели: подготовка к выходу на рынок труда; подготовка к жизни и выработка активной жизненной позиции; личностное развитие; развитие и поддержка широкой базы передовых знаний. Сегодня механизмом регуляции высшего образования, в том числе функций, которые она выполняет, является Болонский процесс.

Актуальность исследований управления процессом мотивации студентов к обучению обусловлена, с одной стороны, большим интересом к процессу мотивации студентов к обу-

чению в высших учебных заведениях в рамках Болонского процесса, с другой стороны, его недостаточной разработанностью.

Болонский процесс представляет собой составляющую процесса глобализации и широкий контекст, в котором люди, идеи и информация свободно перемещаются через границы государства. Одна из главных движущих сил и основных мотиваций данного процесса – общемировая конкуренция в области высшего образования. Одной из главных задач Болонского процесса является повышение конкурентоспособности европейской системы высшего образования до мирового уровня. При этом образование выступает всего лишь инструментом, который используется для достижения более широкой цели – повышение привлекательности Европы в целом. Болонский процесс тесно связан со стремлением Европы повысить свою экономическую конкурентоспособность под давлением глобализации¹.

Важнейшими задачами для развития европейской системы высшего образования, а также для создания декларируемого Европейского пространства высшего образования признано краткосрочные и перспективные задачи.

Краткосрочные задачи, обязательные к исполнению:

- Принятие системы общепризнанных и сравнительных между собой квалификационных уровней (профессиональных титулов), а также благодаря внедрению приложений к дипломам в едином евро стандарте (Diploma Supplement, DS);
- Принятие системы высшего образования, которая опирается на два цикла (ступени): низшая степень (undergraduate), которая дает право на получение квалификационного уровня бакалавра (BA, лиценциата) и высшая степень (graduate), которая дает право на получение квалификационного уровня магистра (MA, мастера);
- Внедрение европейской системы трансфера (обмена) и аккумуляции (накопления) зачетных баллов (кредитов) - European Credit Transfer and Accumulation System (ECTS);

Перспективные задачи на более длительный срок:

- Развитие европейской мобильности студентов, преподавателей и администраторов высшей школы;
- Развитие европейского сотрудничества в области обеспечения качества образования (разработка критериев и методологий, которые можно сравнить).
- Развитие европейского измерения в области высшего образования (межинституциональное сотрудничество, создание инновационных программ обучения и исследований)².

Приведенные выше задачи и главная цель процесса указывают на первоочередное значение повышения привлекательности Европы в целом, а не на качество высшего образования и совершенствования процесса управления мотивацией студентов высших учебных заведений.

Цель данной статьи – исследование особенностей процесса управления мотивацией студентов к обучению в высших учебных заведениях в рамках Болонского процесса.

Повышение эффективности высшего образования любой страны предусматривает уделение значительного внимания процессу управления мотивацией студентов – мощной движущей силой, направленной на активизацию участия студентов в процессе учебной деятельности. Термин «управление мотивацией» означает процесс целенаправленного воздействия на мотивационную сферу студентов высших учебных заведений посредством создания определенных условий, с целью повышения эффективности обучения студентов³. Возникает необходимость рассмотрения особенностей управления мотивацией студентов высшего образования учебными заведениями в рамках Болонского процесса согласно существующим теориям мотивации.

¹ Пурсеанина К., Медведева С.А. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе. М., 2005. С.8.

² Бадарч.Д., Сезонов Б. Актуальные вопросы интернациональной гармонизации образовательной системы. М.: 2007. С.16.

³ Мескон М.Х. Основы менеджмента. М., 1992; Мухабетов Т.И. Мотивационный механизм управления трудом. Алма-Ата, 1991; и др.

Принципиально новое положение высшей школы обуславливается необходимостью реагирования на общемировые тенденции, связанные с ориентацией системы образования на потребности информационного общества. Мы предлагаем рассмотрение теории мотивации Ф. Герцберга, как одной из ведущих теорий управления процессом мотивации, которая имеет научную исследовательскую основу и признана во многих сферах управления. Модель Ф. Герцберга основана на классификации потребностей, определении двух групп факторов, которые названы «гигиеническими» и «мотивационными», и механизмов их влияния на мотивацию личности. Среди гигиенических факторов Герцберг определил следующие факторы: политика фирмы и администрации, условия работы, заработок, межличностные отношения начальников с подчиненными, мера непосредственного контроля за работой со стороны руководства. Мотивационные факторы – это продвижение по службе, признание и одобрение результатов работы, высокая степень ответственности, возможности творческого и делового роста, ощущение успеха. Гигиенические факторы связаны с внешними условиями, в которых осуществляется работа, а мотивация связана с самим характером и сущностью работы. По мнению Герцберга, при отсутствии или недостаточной мере гигиенических факторов у человека наступает недовольство собственной работой. Но если они достаточны, то сами по себе не вызывают удовлетворения работой и не способны мотивировать человека на что-нибудь. Поскольку при анализе причин удовлетворенности или неудовлетворенности работой приходится рассматривать две различные группы факторов, то эти два чувства не являются прямо противоположными друг другу. Обратной ощущению удовлетворенности работой является его отсутствие, а не неудовлетворенность. Обратной ощущению неудовлетворенности является в свою очередь его отсутствие, а не удовлетворенность работой. По теории Герцберга, гигиенические факторы не мотивируют работников, а лишь сокращают возможность возникновения ощущения неудовлетворенности работой. Чтобы достичь мотивации, руководитель обязан обеспечить наличие мотивирующих факторов.

Для эффективного использования данной теории необходимо проанализировать предложения Болонского процесса согласно данной теории. Также необходимо составить список гигиенических и особенно мотивирующих факторов и в то же время предоставить студенту возможность самому определить и указать на то, чему он отдает предпочтение, и обратить внимание на его желание.

Мы предлагаем рассмотреть модель гигиенических и мотивирующих факторов в рамках Болонского процесса:

Таблица 18

Гигиенические и мотивирующие факторы в рамках Болонского процесса

Гигиенические факторы	Их проявление в рамках вуза по Болонскому процессу
политика фирмы и администрации	четкое определение идеалов и целей обучения
условия труда	бытовые условия
заработная плата	стипендия
межличностные отношения начальников и подчиненных	компетентная консультация
мера непосредственного контроля за работой со стороны руководства	текущий контроль знаний
<i>Мотивационные факторы</i>	<i>Их проявление в рамках вуза</i>
продвижение по службе	поступление в магистратуру и аспирантуру
признание и одобрение результатов работы	переход к субъект-субъектным отношениям; стимулирующая кредитно-модульная система оценивания студента;
высокая мера ответственности	возможность отчисления;
возможность творческого и карьерного роста	возможность продолжения образования за границей в высших учебных заведениях-партнерах

На наш взгляд, ключевым фактором, на который нужно обратить внимание со стороны представителей высшего образования, является мотивирующий фактор «признание и одобрение результатов работы». Болонский процесс требует совершенствования системы оценивания результатов учебной работы студентов, но нужно также учитывать значение особенностей взаимодействия между студентом и преподавателем.

Возникает необходимость культивирования атмосферы психологического комфорта, где главным показателем будет атмосфера доверия, свободного мышления, как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Достижения такой атмосферы возможно благодаря увеличению психологической компетентности в первую очередь преподавателей, которые бы и давали достойный пример студентам. Преподаватели должны демонстрировать веру в большие возможности студентов, что позволит актуализировать студентов и увеличить для них значимость обучения. Именно это может помочь сформировать субъект-субъектные отношения между преподавателем и студентом. Такие отношения формируют у студента чувство ответственности за процесс обучения и позволяют увеличить интерес к самостоятельной работе. Необходимо отметить, что Болонский процесс предусматривает социальную ответственность вузов. Высшему образованию принадлежит важнейшая роль в процессах, определяющих основные параметры общества. Образовательные учреждения ответственные за передачу знаний, умений, навыков от поколения к поколению, без чего общество очевидным образом не может поддерживать свое существование и развиваться. Они поставляют обществу профессионалов определенного уровня, без участия которых не может функционировать национальная экономика, культура, обеспечиваться порядок и безопасность. Также в них готовится элита общества в области политики, экономики, науки, культуры.

Именно поэтому возникает необходимость рассмотрения путей адаптации условий Болонского процесса в высших учебных заведениях с учетом управления процессом мотивации студентов к обучению. Рассмотрение вопросов, связанных с данной темой, носит как теоретическую, так и практическую значимость.

Бояк Т.Н. (ВСГАКиИ, Улан-Удэ)

Сельская молодежь Забайкалья: духовно-нравственные ценности¹

Процессы распада прежней системы ценностей, идеалов, существующих моделей социализации и поиск новых не могли не оказать влияние на личностное формирование и развитие молодежи. Данное влияние носит противоречивый, неоднозначный характер, о чем свидетельствуют результаты социологического анкетного опроса, проведенного автором в декабре 2005 – марте 2006 гг. среди русской сельской молодежи Бурятии и Читинской области (общий объем выборки – 902 человека). Каковы же сегодня духовно-нравственные ценности русской сельской молодежи полиэтнического региона?

Возрождение России, успешность адаптации и «приживания» в ней принципов гражданского общества, духовно-нравственная целостность русского народа органично связаны с возрождением села, подъемом сельского хозяйства, сохранением высоких духовно-нравственных ценностей в ориентациях всех групп, составляющих сельское население и особенно молодежи, от деятельности которой зависит настоящее и будущее духовной культуры, характер социально-экономических преобразований на селе. Уровень духовно-нравственной культуры молодежи является одним из важнейших показателей уровня и качества распространения принципов гражданского общества, а село всегда являлось основным хранителем лучших духовных, этнонациональных ценностей русского народа.

Образ жизни *русской сельской молодежи* Забайкальского региона (Бурятии, Читинской области) определяется факторами, характерными для сельской молодежи любого другого региона (социально-экономические, политические, социально-бытовые, психологические), однако имеет свою специфику, обусловленную этнокультурными чертами сел Забайкалья.

Радикальные экономические реформы начала 1990-х гг. обернулись для села падением сельскохозяйственного производства, резким снижением уровня жизни. Село оказалось од-

¹ Статья подготовлена при поддержке Президента Российской Федерации (грант для государственной поддержки молодых российских ученых ММК-3813.2005.6).

ним из беднейших секторов экономики. Идеи гражданского общества, включенные в ткань преобразовательных процессов на селе, казалось, должны были оказать положительное влияние, однако произошло обратное. Адаптация сельского населения к новым условиям оказалась болезненной; это не могло не оказать влияния на содержание социализации молодого поколения.

Как говорят данные социологического опроса, глубокий социально-экономический кризис на селе оказывает негативное влияние на формирование ценностей сельской молодежи, способствует распространению в ее среде негативных процессов: снижению репродуктивной функции, ухудшению физического здоровья, социально-психологического самочувствия, неуверенности в завтрашнем дне, тревожности, безработицы, пьянства, оскудению содержания досуговой деятельности и т.д. Так, подавляющее большинство представителей исследуемой группы испытывают значительные материальные затруднения. Только 7% от числа опрошенных ответили, что могут себе ни в чем не отказывать, и 26% – в той или иной степени удовлетворены своим материальным положением. Беспокойство о своем будущем, которым охвачена большая часть сельской молодежи (59%), определяется, главным образом, отсутствием или крайне узким спектром возможностей, предоставляемых селом для личностной самореализации в рабочее и нерабочее время. Вакансии рабочих мест, оплата труда, возможности организации досуга, которыми располагает современное село, не соотносятся с интересами, потребностями и жизненными планами молодых людей. Часто высококвалифицированные специалисты, имеющие высокий уровень образования, не имеют возможности работать по специальности, получать зарплату в объеме, соответствующем уровню их квалификации. Большая часть молодежи лишена возможности найти хоть какую-то работу не только в селе, но и городе: 56% респондентов обеспокоены проблемой безработицы. Бедность и нищета сельского региона, которыми обеспокоены 70% опрошенных, являются основной причиной снижения рождаемости среди сельской молодежи. Материалы переписи населения 2002 г. свидетельствуют о весьма низких показателях рождаемости детей у девушек – как в Бурятии, так и в Читинской области. В возрастной группе от 15 до 24 лет в среднем на одну женщину не приходится и одного ребенка, от 25 до 29 лет – в среднем приходится 1,3-1,5 ребенка. Среди русского населения Бурятии почти в два раза (в сравнении с результатами переписи населения 1989 г.) сократилось число детей в возрасте до 4 лет. С 1990 г. – как в Бурятии, так и Читинской области – число умершего сельского населения превышает число родившихся все с большей прогрессией. С 1990 по 2004 гг. число родившегося сельского населения сократилось здесь в среднем в 1,5 раза, а умершего увеличилось в 1,6 раза¹. Сложная социально-экономическая ситуация на селе заставляет молодежь мигрировать в другие села (город) в надежде обрести там лучшую жизнь. Число выбывшей сельской молодежи в Бурятии по показателям 2005 г. превысило число прибывшей в 1,1 раза².

В оценках социально-экономических реформ у большинства сельской молодежи преобладают негативные позиции. Как показывают результаты опроса, 62% респондентов не разделяют мнения о том, что «лучше ничего не менять, так как ничего хорошего не будет и никакие реформы ни к чему хорошему не приведут». Данная «пессимистически-пассивная позиция», преобладающая в настроениях молодежи начала 1990-х гг. (с момента начала реформ), постепенно меняется «оптимистически-деятельной». Только 9% опрошенных на вопрос «Как Вы смотрите на свое будущее?» ответили «пессимистично, так как ничего хорошего в моей жизни не будет»; 52% молодых людей считают, что на селе необходимы кардинальные меры по изменению сложившейся ситуации. Сложные условия выживания в условиях реформ, распространения рыночных отношений при отсутствии сколько-нибудь значимой поддержки селян со стороны государства и местных органов власти способствовали формированию у большинства молодых людей установки на то, что преодолеть трудности, защитить свои ин-

¹ Социальное положение и уровень жизни населения Сибирского Федерального округа. Стат. сб. за 1999-2004 г. Новосибирск, 2005. С. 60.

² Миграция населения Республики Бурятия (сборник № 02-03-02). Улаи-Удэ. 2006. С. 20.

тересы можно собственными усилиями. Надеяться, считают они, здесь можно только «на самого себя» (80%).

Преобладание оптимистически настроенных людей, способных преодолеть трудности, опираясь на собственные силы, внутренне готовых к участию в преобразовательных процессах на селе, вселяет надежду на решение актуальных проблем современного села при условии активного участия государства. В связи с этим важно, чтобы «созидательные диспозиции» молодежи нашли применение на практике, были востребованы, поддержаны государством, обществом. Сегодня создание условий для проживания в сельской местности является одной из первоочередных мер по выводу экономики сельского хозяйства из кризиса, преодолению негативных процессов, протекающих в молодежной среде. Одним из важных факторов является развитие предпринимательской, фермерской деятельности. Как говорят результаты нашего исследования, неблагоприятные социально-экономические условия села, отсутствие поддержки со стороны государства привели к тому, что среди молодежи незначительно число тех, кто намерен заняться вышеназванными видами деятельности из-за отсутствия стартового капитала, техники, партнеров и т.д. К тому же, неблагоприятные социально-экономические условия жизнедеятельности общества определяют тенденцию распространения в нем криминальной культуры: 52% от числа опрошенных обеспокоены ростом преступности в обществе. Процессы криминализации общества накладывают отпечаток на ценностное сознание сельской молодежи, трансформируют ее ориентации на правовые способы достижения жизненного успеха. В глазах молодого поколения в той или иной степени допустимыми становятся такие действия, как уклонение от налогов (32% опрошенных), воинской службы (33%), присвоение найденных вещей (47%).

Негативное влияние на правовое сознание и поведение молодежи оказывают и средства массовой информации, часто «романтизируя» преступность, подробно описывая или показывая приемы, методы совершения преступления. Положительный герой современных боевиков – человек, руководствующийся в своем поведении принципом «око за око, зуб за зуб». Цель для него – пусть даже благородная – допускает любые средства, методы ее достижения, в том числе и самые жестокие.

Находящаяся в крайне тяжелой ситуации социально-культурная сфера села («сворачивание» деятельности домов культуры, кружков, библиотек, спортивных комплексов) ухудшает качество досуга сельской молодежи, сокращает спектр выбора форм досуговых занятий. Досуг молодежи носит стихийный, неорганизованный, индивидуально-личностный характер. Только 24% респондентов удовлетворены содержанием и качеством своего досуга. Ухудшение досуга способствует развитию изолированности, разобщенности, еще большему отставанию сельской молодежи от городской и в культурном, и образовательном плане. Отсутствие возможности организовать содержательный, качественный досуг, помноженное на материальные трудности, отсутствие работы, осознание бессилия в изменении жизни к лучшему, становятся причинами распространения пьянства в сельской молодежной среде. По результатам социологического исследования, проведенного среди сельского населения, 53% опрошенных опасаются, что их дети и внуки станут алкоголиками¹. Решение задачи улучшения досуга молодежи станет возможным только при условии подъема уровня жизни сельского населения.

В силу большого влияния микро- и мезосоциальной среды на процессы социализации сельской молодежи у последней, в большей степени чем у городской, сохраняется ориентация на этнонациональные, духовно-нравственные ценности и в меньшей степени обнаруживается влияние западных, прагматических ценностей. Влияние молодежных субкультур и городской среды на селе ограничено, что препятствует развитию в сельской молодежной среде таких процессов, как отчуждение от старшего поколения, аполитичность, агрессивность, экстремизм. Несмотря на то, что социализация современной сельской молодежи протекает в трудных социально-культурных, политико-идеологических, экономических условиях, отли-

¹ Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социс. 2005. № I I . С. 76.

чающихся от условий социализации старших поколений, взгляды родителей в отношении тех или иных сторон жизни в большинстве случаев разделяются молодым поколением. Молодежь разделяет взгляды родителей по многим вопросам: положительное отношение к образованию присуще 80% респондентов, к работе – 80%, моральных правил придерживаются 68% молодых людей, отношения к социальным проблемам – 64%, религии, традициям народа – 56%. Расхождение взглядов старшего и молодого поколения обнаруживается в вопросах политики (56%), секса (59%). Усиление данных ориентаций в ценностном сознании молодежи обусловлено процессами реформирования российского общества, сопровождающимися актуализацией ценностей гражданского общества, свободы. Поэтому современная молодежь в большей степени, чем поколение ее родителей, ориентирована на самореализацию. Иждивенческие настроения постепенно заменяются в сознании и поведении сельской молодежи установками на собственную активность, самостоятельность. В ее ориентациях значимое место стали занимать не только ценности семьи (86%), но и реализация в профессиональной деятельности (69%), личностная самореализация (64%). Осознание того, что социальная действительность располагает неблагоприятными условиями для реализации данных ценностей, формирует убеждения молодых людей в том, что успеха в жизни может достичь человек с деловой хваткой, сильным «иммунитетом» против трудностей реальной жизни, умеющим постоять за себя, стремящийся к личностному развитию, но не упускающий своего, готовый к переменам и даже к нанесению «ударов» противнику в борьбе за достижение поставленных целей. Формирование таких убеждений обусловлено объективно, а также потребностями субъекта (молодых людей) в обеспечении своего «выживания». В меньшей степени – в сравнении с поколением родителей – молодежь ориентирована на такие ценности, как моральная ответственность, бережливость к вещам и деньгам, бескорыстие, послушание, уважение к традициям своего народа, любовь к Родине, религиозность, конформизм (не выделяться), умение довольствоваться малым. Несмотря на отличия в системе духовно-нравственных ценностей молодого и старших поколений, обусловленные процессами реформирования российского общества, приоритетное положение в ориентациях как старшего, так и молодого поколения занимают общечеловеческие духовно-нравственные ценности. По-прежнему, современная сельская молодежь ориентирована на такие ценности, как семья (86%), любовь (73%), доброта (70%), трудолюбие (75%), уважение к родителям, старшим (76%), порядочность (65%), честность (71%), образованность (56%). Таким образом, в динамике ценностей русской сельской молодежи обнаруживается, с одной стороны, усиление значимости общечеловеческих, духовно-нравственных ценностей, с другой – усиление ориентации на ценности гражданского общества.

Поведение сельской молодежи регулируется, главным образом, ее собственными убеждениями, основанными на разуме (58%), совести (44%), привычках (30%). Это означает, что у большинства представителей современного молодого поколения вполне высокий уровень моральной саморегуляции.

Исследование обнаружило некоторые расхождения между моральным сознанием и поведением молодежи. Молодые люди, признавая высокую значимость ценностей добра, бескорыстия, интеллигентности, порядочности, образованности, в некоторых случаях считают допустимыми действия (поступки), которые «подрывают» авторитетность данных ценностей: 45% респондентов считают «иногда допустимыми» ложь в личных интересах; 34% – употребление в речи бранных, грубых выражений, нецензурной лексики; 32% – грубую прямолинейность, нетактичность в общении; 37% – несвоевременное возвращение позаимствованного; 45% – непредупредительность; 44% – непунктуальность; 41% – руководство принципом «око за око, зуб за зуб».

Такие несоответствия свидетельствуют о том, что уровень морального поведения молодежи пока отстает от уровня ее морального сознания. Данное обстоятельство обусловлено объективными причинами и требует особого внимания со стороны агентов социализации молодежи, поскольку содержит в себе опасность углубления и развития этих противоречий. Исследование выявило также недостатки развития гражданско-правовой культуры молодежи, ее

социальной, гражданской активности, преобладание в нравственном поведении ориентации «прежде всего для себя, а уже затем – для других», противоречия между правовым сознанием и правовым поведением молодых людей. Эти недостатки во многом обусловлены тем, что в процессах воспитания молодого поколения недостаточное место отводилось развитию таких личностных качеств, как гражданственность, социальная активность, коллективизм, патриотизм. Негативную роль играют здесь также средства массовой информации, популяризируя вестернизированные, прагматические, индивидуалистические ценности, а нередко – жестокость, равнодушие, эгоизм.

Несмотря на выявленные проблемы нравственной, гражданско-правовой культуры сельской молодежи, уровень ее гражданской идентичности является достаточно высоким. Большинство представителей данной социально-демографической группы ориентированы на гражданско-правовые ценности, испытывают потребность жить на родине, переживают за судьбу своего народа. Большинство ценностей, занимающих важное место в их сознании, объективируются в поступках. В крайне сложных социально-экономических условиях жизнедеятельности сельского населения духовно-нравственные ценности в ориентациях молодежи преобладают над утилитарными, материалистическими, прагматическими.

Для развития позитивных нравственных установок и преодоления негативных процессов, протекающих в сельской молодежной среде, нужны кардинальные действия и экстренные меры государства, прежде всего, по улучшению условий жизни сельского населения, подъема сельского хозяйства, предоставлению молодежи возможностей для самореализации, полноценного личностного развития. Сегодня сельская молодежь нуждается в социальной защите, которая включает в себя экономическую, политическую, социально-правовую и моральную. Представители исследуемой социально-демографической группы сами высказывают готовность к участию в преобразовательных процессах на селе. Эта готовность – благоприятная предпосылка эффективности решения задач реформирования села, улучшения качества и уровня жизни сельского населения.

Анализ результатов исследования позволил заметить, что высокая значимость для сельской молодежи духовно-нравственных, общечеловеческих ценностей определяется тем, что в духовной культуре сельского населения в целом и молодежи в частности важное место занимают этнонациональные ценности. Именно они препятствуют проникновению в сельскую молодежную среду худших элементов западной культуры, прагматических, материалистических ценностей и способствуют сохранению нравственных устоев, специфики сельской культуры, менталитета русских, традиционной народной культуры. Поэтому, чем большее место в системе ориентации индивида занимают установки на этничность, этнонациональные ценности, тем более глубоки его духовно-нравственные убеждения.

Результаты исследования выявили: в архетипе старообрядческих сел этнонациональные ценности укоренены в большей степени, чем в других типах сел. Влияние культуры семейских в старообрядческих селах является особенно выраженным (в сравнении с культурой казаков, старожилов), поэтому здесь молодежь больше идентифицирует себя с семейскими, чем с просто русскими, больше приобщена к этнонациональным ценностям. Молодежь же других сел идентифицирует себя не с казаками или старожилами, а «просто с русскими». Это означает, что влияние этих групп не является ощутимым для сельской молодежи.

В условиях полиэтничной среды (Бурятии) и меньшей численности русских в национальном составе сельского населения, более усиленной становится работа национального самосознания молодежи, более выраженной становится ее потребность приобщения к этнонациональным ценностям своего народа, более важное место занимают эти ценности в ориентациях молодежи. При этом тесный характер контактов между людьми разных национальностей не способствует возникновению национальных противоречий, а скорее наоборот, углубляет взаимопонимание, уважение, толерантность в межэтнических отношениях. Однако важным условием гармоничной межэтнической коммуникации является присутствие в национальном характере участников межэтнической коммуникации таких важных черт, как дружелюбие, открытость, сдержанность и уважение к культурам других народов. Эти черты

национального характера, воспитываемые с раннего детства, закрепляются в моральном сознании отдельного человека или этнической группы и позволяют сохранить гармонию межэтнических отношений в условиях полиэтнического региона. Многие также зависят от продуманной национальной политики государства и региона.

Значение процессов реформирования современного российского общества в приобщении молодежи к этнонациональным ценностям не является однозначным. С одной стороны, именно эти процессы обусловили тенденцию роста национального самосознания российских граждан, актуализировали ценность свободы, в том числе и свободы развития этнонациональных традиций. Поэтому роль этнонациональных ценностей в социализации молодежи усилилась. С другой стороны, период реформирования российского общества значительно актуализировал западные ценности. Процессы распространения этих ценностей не только негативно отражаются на характере приобщения современной молодежи к ценностям этнонациональной культуры, но и во многом обуславливают выявленные нами противоречия ценностного сознания и поведения молодежи. Перевес рыночных, западных ценностей в ущерб этнонациональным представляет серьезную опасность для этнонациональной, духовно-нравственной культуры русского народа в целом. Пока большинство сельской молодежи достаточно четко осознает необходимость развития человека в лоне традиций своего народа, своей культуры. Однако при отсутствии единой государственной идеологии в отношении сохранения в российской культуре примата отечественных, этнонациональных ценностей над западными, рыночными, материалистическими, ситуация может измениться.

Букин В.П. (ПензГУ, Пенза)

Социально-статусная принадлежность и самоидентификация провинциальной молодежи

В социологии молодежи социальное самоопределение рассматривается как поэтапный процесс включения молодежи во все сферы общественной жизни, достижение относительно равновесного состояния в социально-стратификационной структуре общества, как процесс осознания молодыми людьми своей принадлежности к определенным социальным группам с закрепленными в них социальными статусами и ролями, т.е. формирования устойчивой социальной идентичности.

За последние годы был осуществлен целый ряд фундаментальных и прикладных проектов по исследованию российской идентичности, проведенных Институтом социологии РАН. В 1990-е гг. был реализован крупный проект на базе сравнительного российско-польского исследования (руководитель В.А. Ядов), в котором рассмотрены идентичности в страновом измерении. Особенности российской идентичности под воздействием трансформационных процессов в 1998-2004 гг. в режиме мониторингового исследования изучали в ИКСИ РАИ (с 2005 года Институт социологии РАН)¹. Л.М. Дробижева, исследуя проблемы позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности, подчеркивает, что дискуссии вокруг идентичности россиян идут на междисциплинарном уровне и сосредотачиваются на двух направлениях: ее содержании – нормах, ценностях, установках, ориентациях граждан страны – и соотношении с другими идентичностями, прежде всего этнической и региональной². Центр региональной социологии и конфликтологии ИС РАН (руководитель В.В. Маркин) сосредоточил усилия на фундаментальной научной проблеме социально-пространственной идентификации и моделировании российских регионов. По мнению Маркина, «значимость социально-пространственной (территориальной) идентификации в региональном плане определяется тем, что в силу несравненно расширившихся возможностей (в том числе за счет научно-технического прогресса и других факторов) среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей становится не просто неким данным условием

¹ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков. Н.Е. Тихонова. М., 2005.

² Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. М., 2008. С. 214-228.

их коллективной жизни (требующим адекватной адаптации), а предметом социального проектирования использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни, оптимального социального воспроизводства. Региональная идентификация предполагает выработку и закрепление определенных социальных представлений, образцов субсоциетальной принадлежности к локализованному социальному пространству»¹. Однако региональная (территориальная) идентичность, особенно в российских условиях, имеет четко определенный групповой (коллективный) генезис и выражается в социальном представлении через «слитный» образ «Я – Мы». С. Московичи, раскрывая социально-психологический механизм выработки таких представлений, выделил способы, с помощью которых «обыденные» значения атрибутируются личностям, группам и событиям в определенном субсоциуме. Он отмечал, что в процессе социализации в непосредственной культурной среде индивиды постепенно научаются понимать действия или ситуации определенным способом внутри их культуры. В этом случае они согласовывают свою деятельность с деятельностью других членов сообщества (группы) и участвуют в передаче этих значений тем, кто связан с ними. Итак, значение событий, идентифицирующих сообщество (в данном случае – региональное), не создается индивидами как таковыми (оно ими может быть только выражено), но культурно совместно используется как социальные представления².

В социологической науке сложилось понимание идентификации как процесса отождествления индивидом себя с другим человеком (группой, образцом), происходящего в процессе социализации, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать индивид. Именно в процессе социализации происходит непрерывная идентификация, которая определяет качество идентичности социальной. Соответственно, идентичность социальная в значительной степени есть результат социализации, наиболее активная фаза которой приходится на период молодости, когда усваиваются базовые ценности и нормы, присущие данной социокультурной системе. А идентификация здесь выступает как один из механизмов социализации личности³. Характеризуя особенности идентификации молодых россиян, Ю.А. Зубок⁴ отмечает, что «формирование гражданской позиции, гражданских идентичностей – краеугольный камень социального развития молодежи как группы и общества в целом. Это часть интеграционного процесса, который подразумевает не только формальную принадлежность молодого человека к государству, но и отождествление себя с социальным окружением, ощущение причастности к его прошлому и настоящему, готовность принять его нормы и ценности, соответствовать предъявляемым требованиям, участвовать в совместной деятельности».

Данная статья посвящена недостаточно изученному вопросу взаимосвязи самоидентификации и социально-статусной принадлежности молодежи российской провинции. Сделана попытка представить типологию молодого поколения в соответствии с его жизненными стратегиями и ценностными установками. Изучение этой проблемы позволяет также определить самооценку молодежью места в социальной иерархии общества и на ее основе представить социальную структуру провинциальной молодежи. Результаты исследования «Российская молодежь в регионах «скромного» достатка: каковы жизненные перспективы?», проведенного с участием автора в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях, были обсуждены на заседании научно-экспертного совета при Председателе Совета Фе-

¹ Маркин В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования Российских регионов. Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. М., 2008. С. 234-235.

² Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 4.

³ Гришина Е.А. Идентичность социальная. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М., 2008. С.144.

⁴ Зубок Ю.А. Доклад на заседании научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации «Молодежь в российских регионах: перспективы гражданского и профессионального становления». Сборник материалов. Издание Совета Федерации. М., 2006; Российская молодежь в регионах «скромного» достатка: каковы жизненные перспективы? Аналитический доклад по результатам социологического исследования. Пенза-Саранск-Ульяновск, 2005. С.7.

дерации Федерального собрания Российской Федерации (23 марта 2006 г. «Молодежь в российских регионах: перспективы гражданского и профессионального становления»)¹. В ходе исследования была предложена процедура самоидентификации, то есть процедура отнесения принадлежности респондентов к одной из 10 (в порядке возрастания) групп социальной иерархии современного общества.

На основе полученных данных 10-членная шкала была преобразована по 9 позициям в равно интервальную (3 x 3), где первые три позиции (1-3) интерпретируются как «низкое положение», следующие (4-6) – «среднее положение», (7-9) – «высокое положение», последняя 10 – «высшее положение». На вопрос анкеты «В нашем обществе есть люди, которых скорее можно отнести к верхушке общества, и люди, которых скорее можно отнести к низам общества. Куда бы вы поместили себя на этой шкале?» были получены следующие ответы.

Таблица 19

Место провинциальной молодежи в социальной иерархии общества (в % от числа ответивших)

Группы на шкале иерархии	В настоящее время	А где хотели бы находиться
1	1,3	0,4
2	2,9	0,4
3	15,1	0,4
Итого	19,3	1,2
4	20,1	0,9
5	29,2	5,2
6	14,8	6
Итого	64,2	12,1
7	10,2	15,3
8	4,7	28,4
9	0,8	20,8
Итого	15,7	64,5
10	0,9	23,2

Заметим, что полученные данные самоотнесения респондентов к определенной группе на шкале социальной иерархии достаточно значимы во всех отношениях. Они отражают социальное положение и самоощущение молодежью своего места в обществе, а также самоидентификацию в основном с представителями 3-ей, 4-ой и 5-ой, 6-ой, 7-ой групп, то есть представителями среднего класса. Данная группировка выглядит чрезвычайно интересной для анализа желаемой социальной мобильности, «притязаний» респондентов на перемещения в социальной иерархии, то есть то место, которое они хотят занять в современном обществе. Здесь не просто видна тенденция желаний к резко вертикальному социальному перемещению провинциальной молодежи, но претензии почти двух третей респондентов на «высокое положение» и четверти на «высшее положение». Как видно, подавляющее большинство респондентов относит себя к группе «среднее положение» (64%). В «низком положении» оказалось 19% (почти каждый пятый), в «высоком» 16%, в «высшем» – менее 1%. Жизненные устремления молодого поколения значительно выше: в «низком положении» хотели бы оказаться только 1%, в «среднем» – 12% , в «высоком» – 70% и в «высшем» – 23%.

Социальная дифференциация молодежи в определенной степени обусловлена спецификой ее социальной адаптации к условиям окружающей среды. Она в силу объективных причин представляет собой не жестко структурированную группу с устоявшейся нормативно-ценностной структурой, а «мягкую» структуру, обусловленную неполнотой социального статуса входящих в нее индивидов и в целом переходным характером возрастной фазы молодости. Данная структура более динамична и восприимчива к внешним социальным влияниям и может пластично изменяться в зависимости от изменений условий внешней среды. Исследо-

¹ Молодежь в российских регионах: перспективы гражданского и профессионального становления: сборник материалов. М., 2006.

вание, проведенное в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях, показало, что провинциальная молодежь стремится к различным жизненным достижениям. При этом она не просто хотела бы получить те или иные блага, но и утверждает, что в силах этого достичь, т.е. занять достойное место в социальной структуре современного российского общества. В целом провинциальную молодежь по итогам исследования можно разбить на *четыре типа согласно жизненным притязаниям*:

1. Реально успешных, достигших по их оценке определенных жизненных результатов и считающих, что уже добились того, чего им хотелось.
2. Потенциально успешных, еще не достигших реально определенных жизненных успехов, но уверенных в их достижении и заявляющих свои возможности на этот счет.
3. Не успешных, не имеющих реальных результатов в жизненно значимых для них сферах и неуверенных в своих силах и возможностях по их достижению.
4. Внесистемных в данных ценностных образцах, невидящих в этих образцах нечто значимое для себя и не имеющих их в своих жизненных целях (планах).

Рассмотрим указанную типологию через ценности, которые непосредственно влияют на социальную мобильность и социальную стратификацию провинциальной молодежи (достижения в образовании, получении престижной работы, карьере, почете и уважении в обществе). Так, в сфере образования подобная типология сложилась как соотношение группы, указавшей на реальное достижение успеха в этом направлении (34% из средней статусной группы, при 53% потенциально успешной), к предельно близкой (соответственно 32% – реально достигнутой и 60% – потенциально успешной) высокостатусной группе.

Таблица 20

Самоидентификация молодежи в сфере образования (в % к числу опрошенных)

Социально-статусная группа (положение)	Достижения в получении образования			
	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но это – по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу	Этого и не планировали
Низкое	27	43	22	8
Среднее	34	53	10	3
Высокое	32	60	5	3
Высшее	9	82	9	-
Всего	32	52	12	4

Несмотря на то, что хорошее образование достаточно ценно для всех статусных групп, наибольшее сомнение (неуверенность) в его получении выразилось в низкостатусной группе (22%). В этой же группе зафиксирован наибольший удельный вес (8%) тех, для кого образование не представляет особой значимости.

Анализ блока ценностей, связанных с социально-трудовой сферой, дает такую картину: чем выше статусная группа, тем ярче выражены притязания респондентов «заниматься любимым делом». Получение престижной работы, которая во многом характеризует социальный статус и место в социальной иерархии современного общества, в представлениях респондентов выглядит следующим образом:

Таблица 21

Самоидентификация молодежи в социально-трудовой сфере (в % к числу опрошенных)

Социально-статусная группа (положение)	Достижения в получении престижной работы			
	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но это – по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу	Этого и не планировали
Низкое	8	52	37	3
Среднее	10	71	17	2
Высокое	18	73	8	1
Высшее	9	82	9	0
Всего	11	67	20	2

Добились этого только 11% респондентов, 67% считают, что это им по силам. Больше всех это отметили в группах, занимающих высокое и высшее положение в обществе (73% и 82%). В то же время, почти две пятых (37%) респондентов, имеющих низкое положение, считают, что это им не по силам, т.е. у них нет никакой уверенности в получении престижной работы. Абсолютно безразличных к этой проблеме (внесистемных) оказалось 2% респондентов. Довольно интересная конфигурация складывается в области карьерных достижений:

Таблица 22

Самоидентификация молодежи в области карьеры (в % к числу опрошенных)

Социально-статусная группа (положение)	Достижения в карьере			
	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но это – по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу	Этого и не планировали
Низкое	2	51	20	27
Среднее	3	65	17	15
Высокое	8	74	7	11
Высшее	9	73	9	9
Всего	4	63	16	17

Потенциально имеют цель достичь карьерных высот 63% представителей молодого поколения. Из них в высшей группе – 73%, высокой – 74%, средней – 65% и низкой – 51% респондентов. В то же время, реально успешных в этой области только 4%. Значительная часть молодых (16%) считает, что вряд ли этого добьется, и столько же – 17% – такой цели перед собой не ставят. Вполне очевидная картина складывается относительно богатства. Несмотря на претензии почти двух третей респондентов на «высокое положение», лишь 9% из высшей статусной группы достигли этого реально либо уверены, что смогут стать богатыми (64% в высшей и 59% в высокостатусной социальной группе), остальные же не видят в этом нечто значимое для себя (25% и 18% соответственно), либо не имеют реальных результатов успеха (49% и 40% соответственно).

Таблица 23

Самоидентификация молодежи, связанная с богатством (в % к числу опрошенных)

Социально-статусная группа (положение)	Достижения целей относительно богатства			
	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но это – по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу	Этого и не планировали
Низкое	3	23	49	25
Среднее	2	40	40	18
Высокое	3	58	23	16
Высшее	9	64	18	9
Всего	3	40	38	19

Диаметрально противоположно складывается ситуация относительно «доступа к власти».

Таблица 24

Самоидентификация молодежи, связанная с доступом к власти (в % к числу опрошенных)

Социально-статусная группа (положение)	Реализация целей в доступе к власти			
	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но это – по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу	Этого и не планировали
Низкое	1	16	20	63
Среднее	1	25	20	54
Высокое	5	34	15	46
Высшее	9	55	-	36
Всего	2	25	19	54

54% вообще не стремятся получить доступ к власти (из них подавляющее большинство – 63% – это молодые люди из низкой социально-статусной группы). И лишь 25% потенциально ориентированы на этот жизненный образец, причем подавляющее большинство (55% и 34% соответственно) – это молодые люди из высокостатусной первой и второй групп, что вполне закономерно в силу статусных возможностей.

При этом довольно ярко выделяются, независимо от социального положения и других жизненных ориентиров, притязания молодого поколения на достижение почета и уважения в обществе.

Таблица 25

Самоидентификация молодежи, связанная с достижением почета и уважения в обществе (в % к числу опрошенных)

Социально-статусная группа (положение)	Ориентация на достижение почета и уважения в обществе			
	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но это – по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу	Этого и не планировали
Низкое	14	64	8	14
Среднее	23	64	5	8
Высокое	34	54	3	9
Высшее	36	46	9	9
Всего	23	62	5	10

Безусловными лидерами являются опять-таки высшая и высокая статусные группы (36% и 34% соответственно), однако респонденты из третьей и четвертой группы, несмотря на свое невысокое положение, также заявляют о реальных возможностях на этот счет (соответственно 64% и 64%). Можно сделать вывод, что самоидентификация провинциальной молодежи имеет сложную структуру, зависит от социального статуса, который занимают молодые люди в социуме, и от стиля их жизни. По утверждению Л.В. Сохань: «стиль жизни – это устойчивое единство, целостность, а в наиболее развитых формах и гармония характерных черт системы жизнедеятельности молодежи как социальной группы, воспроизводящая манеры, привычки, вкусы, склонности, ценностные предпочтения, варианты социального и индивидуального поведения»¹.

Можно предположить, что идентификация провинциальной молодежи во многом зависит от социального самочувствия и отношения молодежи к региону, городу, местности, в которой она проживает. Для выявления этого респондентам было предложено дать оценку региону, в котором они проживают:

Таблица 26

Оценка молодежью региона проживания (в % по каждой группе)

Регион проживания	Оценки	Возрастные группы			Итого
		16-21	22-26	27-30	
Республика Мордовия	Хорошо	33	16	12	22
	Удовлетворительно	60	73	61	64
	Плохо	7	11	27	14
Ульяновская область	Хорошо	18	10	10	14
	Удовлетворительно	48	51	61	52
	Плохо	34	39	29	34
Пензенская область	Хорошо	33	24	24	28
	Удовлетворительно	57	68	57	60
	Плохо	10	8	19	12

Полученные данные свидетельствуют о том, что:

1. С увеличением возраста во всех трех регионах в разной степени снижается оценка молодежью региона проживания как «хорошая». При этом лучше всех оценивает свой регион мо-

¹ Сохань Л.В. Стиль жизни // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 485.

лодежь Пензенской области – 28%, немного ниже – Республики Мордовия – 22%; молодежь Ульяновской области ниже всех – 14%.

2. Основная масса респондентов дает удовлетворительную оценку своему региону: Республике Мордовия – 64%, Ульяновской области – 52%, Пензенской области – 61%.

3. В целом каждый пятый представитель молодежи (20%) оценил регион проживания с оценкой «плохо». В Пензенской области такую оценку дали 12% респондентов, в Республике Мордовия – 14%, а в Ульяновской области каждый третий (34%).

Можно сделать также вывод о том, что большинство провинциальной молодежи в социальной иерархии общества занимает «среднее положение»; в «низком» оказался каждый пятый, в «высоком» и «высшем» – каждый шестой. В соответствии с жизненными устремлениями в «низком» и «среднем» положении хотел бы оказаться только каждый седьмой представитель молодого поколения, а все остальные – в «высоком» и «высшем» положении. Согласно жизненным притязаниям можно выделить четыре типа провинциальной молодежи: реально успешных, потенциально успешных, неуспешных и внесистемных. При этом молодежь не просто хотела бы получить те или иные блага, но и утверждает, что в силах этого достичь, т.е. занять достойное место в социальной структуре современного российского общества. Отметим, что в соответствии с самооценкой респондентов в социальной иерархии современного российского общества молодежь занимает пока среднее положение. В то же время, в соответствии с жизненными стратегиями она стремится занять самые высокие позиции в социальной структуре российских регионов. Выявленная типология провинциальной молодежи непосредственно влияет на социальную мобильность, социальную стратификацию, отношение молодежи к региону проживания и миграционные настроения.

Букин В.П. (ПензГУ, Пенза)

Молодёжь российской провинции и её жизненные стратегии

В условиях регионализации государственной и общественной жизни особо актуальным становится изучение проблем самоопределения молодёжи российской провинции. При этом жизненная стратегия молодого поколения рассматривается как динамическая система перспективного ориентирования личности, направленная на сознательное изменение и конструирование своей будущей жизни в соответствии с определённым планом и при помощи соответствующих способностей.

Исходя из того, что современная социокультурная ситуация в России сложна и многообразна, можно предположить, что от характера жизненных стратегий, которыми руководствуется молодёжь, от ее мировоззренческих установок во многом зависит будущее российского государства. В недавнем прошлом (в конце XX столетия) изучение жизненных стратегий личности в отечественной социальной науке подменялось идеологически интерпретируемой концепцией жизненных планов, которая разрабатывалась по аналогии с планами социального развития предприятий и коллективов. Однако в заслугу большинству исследователей молодёжи в тот период следует поставить стремление изучать реальные её проблемы во взаимосвязи с формами и методами их целенаправленного регулирования.

Что же такое жизненные программы и планы молодёжи? Жизненная программа есть идеальный образ целей и результатов жизнедеятельности вообще. Жизненные планы – «идеализированное отражение будущего жизненного пути вступающих в жизнь молодых граждан... Иначе говоря, жизненные планы – это обобщённое выражение не только направленности ориентации, но и способов, путей реализации ожиданий в отношении будущего социального положения»¹. В то же время следует признать, что концепция жизненных планов в настоящее время значительно трансформировалась. Прежде всего, следует констатировать, что прошлая концепция была построена с учётом анализа объективных факторов общественного разделения труда, сложившегося в советском обществе в конце 1960-х – начале 1980-х гг. В идеологическом плане она базировалась на принципе, устанавливавшем приоритет общест-

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социс. 2008. №7. С.112, 140.

венных интересов по отношению к индивидуальным. Помимо чрезмерного идеологического налета, данная концепция имела много общего с планами и программами социального развития того времени. В какой-то мере она являлась «слепок» (копией) этих планов и программ, их субъективно-личностным приложением. Проходящие в России социально-экономические трансформации существенно повлияли на все сферы жизни общества. Прагматизм современной жизни прямо коснулся и личных планов молодёжи – как ближайших, так и долгосрочных. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, «жизненная стратегия в самом общем виде – это постоянное приведение в соответствие своей личности (её особенностей) и характера и способа своей жизни, построение жизни, сначала исходя из своих индивидуальных возможностей и данных, а затем с теми, которые вырабатываются в жизни. Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности»¹.

Изучение проблем формирования и реализации жизненных стратегий молодёжи в условиях реформирования российского общества явилось одной из главных задач социологического исследования «Российская молодёжь в регионах «скромного» достатка: каковы жизненные перспективы?», проведённого в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях по инициативе Института социологии РАН и представительства Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации. В исследовательскую группу вошли учёные и специалисты Приволжского Дома знаний, Пензенского государственного университета, НИИ регионологии (г. Саранск), Ульяновского государственного университета. Руководитель исследования – д. соц. н. В.В. Маркин; научно-методическое руководство – д. филос. н. М. К. Горшков, д. соц. н. Н. Е. Тихонова (ИС РАН). По квотной выборке (учащиеся и работающие, городские и сельские жители) были опрошены 1500 респондентов (по 500 в каждом регионе) в возрасте от 16 до 30 лет.

Проблема приобретает особую значимость для исследования потому, что вся современная молодёжь или родилась, или формировалась в новых условиях. Поэтому для нас было важно узнать, какие цели ставит перед собой современная провинциальная молодёжь. Для этого было предложено ответить на 17 вопросов, сведённых в одну таблицу. На каждый вопрос необходимо было дать один из следующих четырёх вариантов ответа: «уже добился(лась), чего хотелось», «пока не добился (лась), но считаю, что это мне по силам», «хотелось бы, но вряд ли смогу добиться этого», «в моих жизненных планах этого не было». При составлении вопросов мы предполагали, что к жизненным целям относятся определяемые на ближайшую или долговременную перспективу конкретные пути и способы достижения желаемого (или возможного в данных условиях) состояния жизни.

Для определения степени реализации жизненных целей была определена сумма ответов на вопросы «уже добился (лась), чего хотелось» и «пока не добился (лась), но считаю, что это мне по силам».

Среди самой младшей возрастной категории от 16 до 21 года, куда в основном входит учащаяся и студенческая молодёжь, самыми приоритетными целями оказались: иметь надёжных друзей (95%), жить не хуже других (93%), воспитать хороших детей (92%), получить хорошее образование (92%), создать счастливую семью (91%). Возрастная категория 22-26 лет, которая в основном получила образование и вступила в самостоятельную жизнь, главными считает следующие цели: воспитать хороших детей (95%), иметь надёжных друзей (95%), создать счастливую семью (94%), жить не хуже других (91%), иметь интересную работу (88%). Самая старшая категория молодых людей (27-30 лет) основное предпочтение отдаёт осуществлению следующих целей: воспитать хороших детей (92%), жить не хуже других (91%), создать счастливую семью (90%), честно прожить свою жизнь (85%). Как видно, независимо от возраста целевые установки всех категорий молодёжи в основном совпадают.

Во «второй эшелон» приоритетных целей входит: добиться почёта и уважения в обществе (85%), получить хорошее образование (84%), честно прожить свою жизнь (81%), зани-

¹ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.

маться любимым делом (80%), получить престижную работу (78%), приобрести свое собственное жильё (77%), сделать карьеру (67%). Все престижные цели молодежи в исследуемых регионах практически полностью совпадают с общероссийскими данными, полученными Институтом социологии РАН в 2004 г. при опросе населения в 24 субъектах РФ¹.

Для того чтобы определить, какие цели для молодежи трудно реализуемы или не входят в её жизненные планы, была определена сумма ответов на вопросы «хотелось бы, но вряд и смогу добиться этого» и «в моих жизненных планах этого не было». В итоге оказалось, что 84% молодых людей не ставят перед собой цель стать знаменитыми, 73% – иметь доступ к власти, 61% – иметь свой собственный бизнес, 57% – стать богатым человеком. 56% – побывать в разных странах мира. При полном сравнении результатов опросов, проведенных нами, и общероссийских опросов можно сделать вывод, что достижение карьерных успехов и стремление к созданию собственного бизнеса имеют разные значения. К достижениям в карьере стремятся три четверти молодых россиян, а в нашем исследовании – 67%, к созданию собственного бизнеса – соответственно 50% и 39%.

В программу исследования входило и определение мнения молодежи о том, какие необходимы условия, чтобы достичь поставленных целей. Было предложено выбрать не более трёх из семи вариантов ответов. Для осуществления жизненных стратегий каждому человеку необходимо обладать и определёнными личными качествами. Респондентам был задан вопрос: «Какие личные качества, по Вашему мнению, необходимы для того, чтобы добиться успеха в жизни?» Из предлагаемых восьми вариантов ответов необходимо было выбрать не более трёх. Жизненная стратегия любого человека не является единственным способом организации жизни личности. Она во многом зависит от формы, уклада, стиля жизни, жизненной позиции и условий, в которых находится человек. Значимость условий определялась по трём позициям: «очень зависит», «не всегда зависит» и «совсем не зависит».

Таблица 27

Условия достижения молодежью наиболее важных жизненных целей, %

Что поможет достичь наиболее важных жизненных целей	Возраст			
	16-21	22-26	27-30	Σ
1. Ваши личные способности, знания и характер	65	62	56	62
2. Создание новых рабочих мест, рост экономики в регионе	59	63	64	61
3. Политическая стабильность общества	26	43	49	37
4. Бесплатное качественное образование	39	24	32	33
5. Система льгот для молодежи	25	26	29	27
6. Помощь со стороны родственников	27	19	16	22
7. Другие	2	2	1	2

Таблица 28

Оценка молодежью личных качеств, необходимых для достижения успехов в жизни, %

Личные качества	Возраст			
	16-21	22-26	27-30	Σ
1. Целеустремленность	83	83	80	82
2. Профессионализм в своём деле	66	74	72	70
3. Честность	31	29	33	31
4. Умение достичь своих целей любыми средствами	32	28	24	29
5. Доброта, любовь к людям	24	20	26	23
6. Стремление получать больше знаний	19	20	20	20
7. Умение не обращать внимание ни на что, кроме своих проблем	8	8	9	8
8. Что еще	1	1	1	1

¹ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа // Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005. С.38

Таблица 29

Степень уверенности молодёжи в возможностях реализации своих жизненных планов

Каково Ваше положение в обществе	Доля	Уверены ли Вы в таких возможностях					
		Нет	Скорее, нет	Трудно сказать	Скорее, да	Да	Σ
Низкое	19	13	14	37	28	8	100
Среднее	64	8	8	30	44	11	100
Высокое	16	9	4	19	42	26	100
Высшее	1	-	-	-	58	42	100

Самое большое количество респондентов (76%) считают, что успех в жизни зависит от целеустремлённости, амбиций, т.е. от личных качеств человека. При этом если в первых двух возрастных группах мнения почти совпадают (78%), то в старшей возрастной группе этот показатель значительно ниже (70%). Вторым условием, от которого зависит успешная жизнь, по мнению молодёжи, являются влиятельные связи (так считают 75% всех опрошенных). Причём такое мнение респондентов у всех трёх возрастных групп практически одинаково.

Представители молодого поколения считают, что третьим по значимости условием здесь являются личные способности человека (71% всей молодёжи). С увеличением возраста такое мнение снижается (27-30лет – 67%). На четвёртом месте находится трудолюбие (70%), на пятом – помощь родственников и друзей (50%). Далее идут удача, везение, случайность (50%), помощь со стороны государства (39%), социальные гарантии (36%), готовность почти на всё (35%), государственные социальные программы (27%).

Таким образом, успех в жизни, по мнению молодёжи, прежде всего, зависит от самого человека, его целеустремлённости, амбиций, влиятельных связей, личных способностей, трудолюбия и помощи родственников и друзей. Гораздо меньше надеется молодёжь на удачу и везение, помощь со стороны государства, социальные гарантии и государственные социальные программы.

Большая часть молодёжи считает, что успех в жизни не всегда зависит от государственных социальных программ (так считают 54%); готовности пойти на всё (51%); социальных гарантий – (51%); помощи родственников, друзей (46%); удачи, везения, случайности (46%); помощи со стороны государства (38%) ; способностей человека (28%); трудолюбия (27%); влиятельных связей (23%); целеустремлённости (23%). На основе анализа ответов респондентов можно сделать вывод, что специфика жизненных стратегий молодёжи во многом зависит от специфики общества, в котором они живут. Молодое поколение практически не рассчитывает на патернализм со стороны государства и главным условием в реализации стратегических установок считает личные качества, наличие и содействие влиятельных людей и соответствующую помощь со стороны родственников и друзей.

В процессе опроса респондентам было предложено оценить своё положение в обществе по десятибалльной шкале (низкое, среднее, высокое, высшее). В зависимости от этого было изучено, насколько они уверены в возможностях реализации своих жизненных планов.

Данные свидетельствуют о том, что чем более высокое положение в обществе (по самооценке) занимают респонденты, тем больше уверенности у них в реализации своих жизненных планов. Если сложить сумму ответов «скорее да, чем нет» и «полностью уверен», то среди респондентов, имеющих низкое положение, таковых окажется всего 36%, среднее положение – 55%, высокое – 68%, высшее – 100%. Если все эти данные сложить и проанализировать, то получится, что всего чуть больше половины наших респондентов (56%) уверены, что их жизненные планы будут реализованы.

Больше всех уверены в реализации своих жизненных планов студенты вузов (64%), далее идут студенты колледжей и техникумов (62%), предприниматели, руководители и заместители руководителей предприятий и учреждений, руководители среднего звена (60%), учащиеся школ (59%), специалисты с высшим образованием, военнослужащие, сотрудники

МВД, прокуратуры (52%). Меньше всех уверены в реализации жизненных планов служащие, технический персонал и рабочие (437%); инвалиды; находящиеся в декретном отпуске; безработные (40%), самозанятые и бизнесмены, у которых работают только члены их семей (31%).

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Главными жизненными целями для провинциальной молодёжи является наличие надежных друзей, воспитание хороших детей, возможность жить не хуже других, создание счастливой семьи и честно прожитая жизнь. У значительной части молодёжи остаются нереализованными или вообще не входят в жизненные планы и цели стать знаменитым, иметь доступ к власти, иметь собственный бизнес, стать богатым человеком, побывать в разных странах мира, получить престижную работу. По оценке опрошенных, успех в жизни зависит от целеустремлённости и амбиций человека, влиятельных связей, личных способностей, трудолюбия, помощи родственников и друзей. Респонденты считают, что наиболее важными и трудными проблемами, которые беспокоят современную провинциальную молодёжь, являются безработица, наличие преступности, экономическая нестабильность, высокие цены, жилищные проблемы, низкий уровень культуры в обществе, отсутствие социальных гарантий, проблема воинской службы, отсутствие понимания в отношениях со старшим поколением.

Вишневский Ю.Р., Кетов Л.Л., УрФУ (Екатеринбург)

Проблемы становления информационной культуры учащейся молодежи¹

Информационно-телекоммуникационные технологии, получившие бурное развитие в конце XX в., меняют не только сферу производства, но и социальную структуру общества. Главное направление их воздействия – это воздействие на структуру экономики, на политику, культуру, образование. Формирующееся информационное общество позволяет перейти к интенсивному пути развития. Знания и информация становятся мощным ресурсом, определяющим уровень развития общества. Как справедливо отметил М. Кастельс в предисловии к российскому изданию своей книги «Галактика Интернет», «богатство, власть, общественное благополучие и культурное творчество в России XXI в. во многом будут зависеть от ее способности развить модель информационного общества, приспособленную к ее специфическим ценностям и целям»².

«Мы находимся на пороге изменений фундамента нашего мира... Миром будет управлять информация, а не сила». П. Друкер
«Человечество делится на две категории: те, кто в Интернете, и те, у кого нет будущего».
Б. Гейтс

Возрастает влияние информационных процессов на развитие и общества, и отдельного человека. По оценке Р. Инглегарта, уже сегодня в развитых индустриальных странах, а в перспективе – повсеместно «усилия людей все меньше сосредоточены на производстве материальных товаров, вместо этого акцент делается на коммуникации и на обработке информации, причем в качестве важнейшей продукции выступают инновации и знания»³. Информационные связи между личностью и обществом оказывают большое влияние на развитие личностного потенциала. Резкое увеличение информационных потоков, изменение социальных и политических процессов в обществе существенно влияют на жизнь человека и его поведение.

Общение в сети Интернет делает доступными для многих огромные массивы информации. Но одновременно качественно меняется характер общения: живое общение, личные контакты уступают место виртуальному общению; навыки и умения живого общения становятся не очень нужными, их развитию у молодежи не придается особого значения. Сегодня

¹ Выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013 гг.» по проблеме «Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодёжи в условиях экономического кризиса» (Госконтракт № П865).

² Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 5.

³ Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 259.

трудно оценить, как это скажется на качестве учебно-воспитательного процесса, но недавний опыт, когда провалились попытки «заменить педагогов ТСО (технические средства обучения)», весьма поучителен и при проведении компьютеризации.

«Информационный век» – так образно обозначает М. Кастельс информационное общество, определяя при этом основную проблему перехода для нашей страны: «Проблема состоит в том, что ... Россия не может закончить свой политический и экономический переход, а затем приступить к переходу в Информационный век. Она должна осуществлять их в одно и то же время, или другие мировые силы сделают это за Россию, не советуясь с русским народом»¹. Провозглашенный ныне курс на модернизацию включает как составной компонент информатизацию.

Возрастает влияние информационных процессов как на развитие общества, так и на отдельного человека. Информационные связи между личностью и обществом оказывают большое влияние на развитие личностного потенциала. Резкое увеличение информационных потоков, изменение социальных и политических процессов в обществе существенно влияют на жизнь человека и его поведение. Поэтому развитие личности требует адаптации её к новым условиям, предполагает необходимость соответствующей подготовки человека к обработке, анализу и распространению информации, развитию информационной культуры. На современном этапе главным достоинством личности становится системное мышление, умение принятия решений в условиях неопределенности. Следует отметить, что наряду с положительными факторами (социальная свобода, прогресс), информационно–технологическое развитие общества может нести и элементы его дегуманизации – потерю людьми основополагающих ценностей, разобщенность, равнодушие, враждебность. Коренные изменения в обществе, которые могут повлиять на жизнь каждого человека, вызывают страх, активизирующий его психологические защиты. В результате этого человек теряет способность адекватно анализировать информацию и принимать решения на её основе. Информационное общество – «специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникшим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»². В духе синергетики «важно найти общие унифицирующие идеи и принципы, чтобы справиться со столь огромным количеством информации»³.

Социокультурный аспект глобализации – переход от индустриального общества к постиндустриальному, информационному обществу. Глобализация тем самым осуществляется в форме перехода – по оценке Д. Белла – от «игры против искусственной природы» (рациональное прогрессирующее производство, организуемое – и потому порождающее бюрократизм) к «игре между личностями» (сотрудничество между членами общества, становящегося «коммунальным»: основная единица принятия социальных решений – коллектив). Постиндустриальное общество организуется на информационной основе и использовании информации как средства управления обществом.

«Информационное общество» характеризуется:

- качественным ростом масштабов информации в современном мире («информационный бум»). Еще в конце 1960-х гг. в индустриально развитых странах объем циркулирующей в обществе информации удваивался каждые 15 лет. С тех пор эти темпы еще более ускорились;
- революцией в средствах массовой информации и коммуникации (телевидение, видеотехника, компьютерные информационные системы и сети), что сделало информацию доступной для многих людей и тем самым существенно изменило их образ жизни;
- существенным изменением социальной роли информации.

Писатель-фантаст А. Азимов назвал развитие СМИ «4-й революцией», сравнимой с возникновением речи, письменности и книгопечатания. Это – «немедленная информация». «Непосредственность в общении, доступная прежде лишь в рамках деревни, распространяется на

¹ Более подробно см.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 21.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 492.

³ Хаген Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991. С. 53.

весь мир. В сущности это и будет то самое, что называют «всемирной деревней». «Во всемирной деревне не будет границ. Все проблемы станут такими же личными для людей, как свои собственные. Ни одна проблема не сможет где-либо возникнуть, не затронув немедленно и эмоционально всех». «Перед нами открывается перспектива вступления в век, когда любой, сидя за компьютерным терминалом, сможет просматривать невообразимо колоссальные залежи информации, находящиеся в разных банках данных».

Социологически осмысляя этот процесс, канадский социолог М. Маклюэн (несомненно, абсолютизируя) подчеркнул определяющую роль характера средств общения между людьми («Средство и есть сообщение»; «История всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы средств коммуникации») в изменении формы и структуры социальных связей и отношений. В современном ЭКО-мире, по оценке Маклюэна, на человека во все возрастающих масштабах воздействует электронная информация. Она объединяет мир, поскольку способ ее восприятия одинаков, одновременен и массов. Происходит «объединение всей человеческой семьи в единое всемирное племя». Происходит «ретрибализация» современного мира, он становится общиной непрерывного обучения, единым кампусом, в котором каждый, независимо от возраста, включен в обучение жизнью.

Интересно понимание информационного общества в соотношении с глобализацией: она рассматривается «как следствие и, вместе с тем, условие ее осуществления, один из основных результатов информационной революции, ведущей к трансформации образа жизни людей»¹. При этом Г.Е. Зборовский и Е.А. Шуклина акцентируют *возрастание удельного веса и роли образования и самообразования в информационном обществе*, «поскольку становится очевидным, что именно они обеспечивают превращение информации в знания». Соответственно в качестве характеристик информационного общества ими выделяются²:

- определяющая обусловленность создания и распространения товаров и услуг от производства, обработки и передачи информации;
- производство и использование информации на базе компьютерных технологий;
- сосредоточенность общества на производстве и широком распространении нового знания;
- превращение знания, образования и, в особенности, самообразования, в важнейший ресурс информационного общества³.

Подчеркнем и такой момент: *передача информации*, вообще говоря, *не тождественна знаниям*. «Информация как превращенная форма знания не совпадает с самим знанием. Информация существует как хранящиеся и передаваемые в обществе тексты (в обобщающем понимании этого слова), а знания существуют как личное достояние знающих»⁴. Из этого следует, что *информация – фактор общественно-социальный, а знание – личностный*. Соответственно, «задача обучения состоит в том, чтобы информацию превратить «в личное достояние» обучаемых, т.е. знание»⁵.

М. Кастельс соотносит информационное общество с ведущей ролью информации, оно рассматривается как «специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникшим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»⁶.

¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Социс. 2007. № 7. С. 108.

² См.: Там же. С. 107-108.

³ Одновременно компьютерные технологии, обеспечивая доступность и разнообразие информации, «активизируют образовательные и самообразовательные процессы, сопутствующие производственной, научной, управленческой, бытовой, досуговой и любой другой деятельности» (Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 113).

⁴ Шрейдер Ю.А. Проблемы развития инфосферы и интеллект специалиста // Интеллектуальная культура специалиста. Новосибирск, 1988.

⁵ Мозолин В.П. О некоторых проблемах телекоммуникационного обучения // Информатика и образование. 2000. №2. С. 89-90.

⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 492.

В технологическом плане начало становления информационного общества связано с появлением компьютерных сетей, в частности Интернета, который стал универсальным социальным пространством деятельности и коммуникации. В информационном обществе основным средством связи и источником информации станет Интернет, что и определит качественные изменения в культуре¹: «Появление новой системы электронной коммуникации характеризуется ее глобальными масштабами, интегрированием всех средств массовой информации, и ее потенциальная интерактивность уже меняет нашу культуру и изменяет ее необратимо»²:

- происходит широкое распространение принципиально новых художественно-творческих практик;
- изменяется система функций институтов культуры;
- расширяется и углубляется процесс коммуникативного взаимодействия³;
- изменяется «конфигурация информационного поля», окружающего современного человека;
- коренные перемены происходят в его духовном облике⁴ и повседневном поведении⁵.

По М. Кастельсу, анализ информационного общества не может осуществляться без анализа трансформации культур. «Я утверждаю, что под мощным воздействием новой коммуникационной системы, опосредованным социальными интересами, политикой правительств и стратегиями бизнеса, рождается новая культура: культура реальной виртуальности»⁶. Характеризуя эту культуру виртуальной реальности, Кастельс определяет её как «систему, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но и сами становятся опытом»⁷.

При этом важно выявить: как функционирование Интернета сказывается на человеке, его культуре. Среди этих последствий выделяются изменения:

- базовых видов деятельности человека (доминирует работа с информацией);
- типов социальных взаимосвязей (доминантой становится сетевой тип связи);
- формы культуры (на смену «книжной» культуре приходит «экранная» культура, связанная с развитием компьютерных и информационных технологий);
- восприятие социального пространства и времени.

Особенно велико влияние Интернета на «включенных», для которых он постепенно становится доминантой, привлекая их универсальностью информации (и традиционной, и уникальной авторской) и диалоговым режимом, делающим коммуникацию более самореализационной, творческой, более исповедальной»⁸. Важно учитывать и серьезные ценностные и

¹ «Поскольку культура вводится и передается посредством коммуникации, сами культуры, т.е. наши исторически построенные системы верований и кодов под влиянием новой технологической системы подвергаются фундаментальному преобразованию – с течением времени все больше и больше. (Там же. С. 315).

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 315.

³ Как пишет М. Кастельс: «Интеграция в одной и той же системе изображений и звуков, взаимодействующих из множества различных точек, в избранное время (в режиме реального времени или с запаздыванием), в глобальной сети в условиях открытого и недорогого доступа, фундаментально меняет характер коммуникации» (Там же. С. 315).

⁴ См.: Минюшев Ф. И. Социология культуры. М., 2004. С. 60; Шендрик А.И. Социология культуры. М., 2005. С. 461.

⁵ Э. Гидденс отмечает, что «Интернет меняет очертания повседневной жизни размывает границы между понятиями глобального и местного, предоставляет новые каналы для коммуникации и взаимодействия и позволяет выполнять все большее количество повседневных дел в режиме онлайн» (Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 412).

⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 316.

⁷ Там же. С. 351-352.

⁸ Шуклина Е.А. [Электронный ресурс] www.mir66.ru/news/expert/7302

психологические сдвиги во внутреннем мире человека, порождаемые *воздействием Интернета*:

- идентичность протекания времени в обеих реальностях (межличностные события возникают и протекают по принципу «здесь и теперь» – в рамках реального времени);
- безграничность (граница между виртуальной реальностью и объективной реальностью явным образом человеком не ощущается);
- амбивалентность (ощущение человеком, действующим в виртуальном пространстве, чувства как разделенности своей личности, так и как целостного существа);
- преобразованность способа деятельности человека, следовательно, статуса его личности и воли (изменение *modus vivendi*, ведущее к изменениям ценностных и нормативных ориентации пользователя)¹.

Воздействие Интернета охватывает все стороны жизни современного человека, обеспечивая ему возможность заниматься образованием и самообразованием, повышать профессионально-квалификационный уровень, проводить досуг в соответствии со склонностями и потребностями, иметь доступ к массивам информации, которые в недавнем прошлом для него были закрыты, следить за событиями международной и внутренней жизни, быть активным субъектом экономических и политических процессов, играть на бирже, создавать вместе с другими пользователями литературные произведения, устраивать выставки, проводить презентации, делать покупки, участвовать в производственном процессе, не находясь в цеху, лаборатории или конструкторском бюро².

Оценки этого воздействия, однако, серьезно различаются: от сведения его к «привнесению в существующие общественные отношения онлайн-взаимодействия» и «увеличению времени, которое тратится на электронную почту и web-серфинг (т.е. использование Всемирной паутины для поиска информации и развлечения)» до положения, что «при определенных обстоятельствах использование Интернета может выступать в роли заменителя других видов социальной активности»³. Становление информационного общества (в более общем плане – глобализация) рассматривается в рамках социологического анализа не только однозначно позитивно. Уже О. Тоффлер не только определил перспективу перехода от «промышленной цивилизации» к «информационной цивилизации» («третья волна»), но и показал противоречивость этого процесса. Главная проблема современной цивилизации, по Тоффлеру, – в том, насколько эффективно используются знания и информация. Крылатая фраза «Знание – сила!» приобретает реальный, буквальный смысл. Яснее становится, что основной наш путь в мировую цивилизацию лежит не через плюрализм собственности, развитие частной собственности и т.д., а через освоение новых информационных технологий, формирование информационной культуры.

Поэтому развитие личности требует адаптации её к новым условиям, предполагает необходимость соответствующей подготовки человека к обработке, анализу и распространению информации, развитию *информационной культуры*. На современном этапе главным достоинством личности становится системное мышление, умение принятия решений в условиях неопределенности. Следует отметить, что наряду с положительными факторами (социальная свобода, прогресс), информационно–технологическое развитие общества может нести и элементы его дегуманизации – потерю людьми основополагающих ценностей, разобщенность, равнодушие, враждебность. Коренные изменения в обществе, которые могут повлиять на жизнь каждого человека, вызывают страх, активизирующий его психологические защиты, в результате чего человек теряет способность адекватно анализировать информацию и принимать решения на её основе. Впрочем, справедливо мнение М. Кастельса, что «судить об Интернете в терминах «хорошо» или «плохо» вообще неправильно. Технологии хороши или

¹ См.: Минюшев Ф. И. Социология культуры. М., 2004. С. 248.

² См.: Шендрик А. И. Социология культуры. М., 2005. С. 463.

³ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 145, 146, 150; Корытникова Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социс. 2007. № 2. С. 85-93.

плохи в зависимости от нашего их использования»¹. Развивая эту идею, подчеркнем: речь должна идти скорее *об уровне информационной культуры личности*.

Информационная культура личности – *одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий*². Она является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе³.

Обратим внимание – в ракурсе сравнения информационной культуры учителей, преподавателей вуза и школьников, студентов – на ряд аспектов данного определения:

- Прежде всего, информационная культура личности – *одна из составляющих общей культуры человека*. Культуры, понимаемой в единстве аксиологического (ценности, ценностные установки), нормативного (нормы, правила), коммуникативного (общение), технологического компонентов культуры⁴. Информационная культура не есть отдельный вид культуры (подобно художественной, политической, правовой и т.д. культурам), она – интегративный срез культуры, пронизывающий эти отдельные виды культуры. Информационная культура – не самоцель, а инструмент, обеспечивающий социокультурное развитие личности и социума;
- Информационная культура личности – *совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений*. Акцент на мировоззренческий характер информационной культуры значим – особенно с учетом тех целей, руководствуясь которыми личность, та или иная социальная группа, социум в целом обращаются к определенной информации. Возникает важная исследовательская задача – выявить сходство и различие установок на обращение и использование информации у вузовских преподавателей и студентов. Не менее существенно и преодоление «*знаниецентристского*» ориентира преподавания и обучения в вузе, или – точнее – его дополнение «*умениецентристским*» ориентиром. Это не только полнее соответствует прагматическим установкам студенчества, но и требованиям «информационного общества», одной из сущностных черт которого является быстрое устаревание знаний и растущее значение умений и навыков самообразования⁵;
- Понимание информационной культуры личности как *целенаправленной самостоятельной деятельности* не просто вытекает из деятельной, самореализационной концепции культуры. В русле такого понимания акцентируется не только поставленная Кастельсом современная проблема: «реальный вопрос для людей, для бизнеса, для институтов – как жить с Интернетом?», не менее значим и иной аспект: «использование Интернета зависит от того, *какими являются использующие его люди и общество*. Интернет не определяет, что следует людям делать или как им жить. Напротив, именно люди создают Интернет, приспособлявая его к своим потребностям, интересам и ценностям».
- Наконец, отметим и противоречивость трактовки Интернета как «*универсального социального пространства свободной коммуникации*». Кастельс, очевидно, прав, утверждая, что «Интернет не содействует социальной изоляции и личному отчуждению. В действительности он способствует внутрисоциальному взаимодействию и построению межличностных сетей. Он содействует увеличению коммуникации (face-to-face, лицом к лицу), а не избавляет от нее. Самоуправляемая на основе личного выбора сетевая (онлайновая и оффлайновая) коммуникация является развивающейся формой социального взаимодействия в информацион-

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 5.

² См.: Гендина Н.И., Колкова Н.И., Скипор И.Л., Стародубова Г.А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях. 2-е изд., перераб. М., 2003. С. 29.

³ Гендина Н.И., Колкова Н.И., Скипор И.Л., Стародубова Г.А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях. 2-е изд., перераб. М., 2003. С. 29.

⁴ Подробнее см.: Коган Л.Н. Личность, культура, общество. Избранные труды 1988-1997 гг. С. 121-159.

⁵ См.: Шуклина Е.А. Самообразование как отрасль социологического знания // Социс. 1999. №4.

ную эпоху»¹. Справедливости ради, учтем: российская действительность пока еще далека от того, чтобы соответствовать этим характеристикам. Но даже и в общем плане (или – применительно к России – в перспективе) нельзя абсолютизировать личный выбор как совершенно свободный.

Растущие объемы воспринимаемой с помощью информационных, компьютерных технологий далеко не всегда сопровождаются повышением качества получаемой информации. Напротив, её эклектичность, мозаичность резко возрастает (а это означает, что высказанное еще в середине XX в. предостережение А. Моля² об утверждении в современном обществе «мозаичной культуры» становится все более актуальным). Актуализируется и важнейшее требование развитой культуры личности – уровень и характер культуры человека все более определяется его способностью выбирать, отбирать «полезную», «нужную» информацию от «лишней» («шум»). Информационная культура соотносится с культурой выбора информации. Расширение (благодаря Интернету – огромное – и по объему, и по скорости представления) информационных потоков актуализирует проблему ориентации личности в потоке информации, *оптимизации поиска и отбора информации*.

И важнейшая задача системы образования (особенно – высшего) – сформировать у студентов не только информационную грамотность (в сегодняшних условиях – её основу – компьютерную грамотность), но и оптимизировать *навыки и умения поиска и отбора информации*³. Но поиск и отбор информации – лишь начальный (пусть и сложный) этап работы с информацией. Еще более трудно – осмыслить её, определенным образом интерпретировать, освоить, практически использовать.

А ведь именно на такое – более глубокое – понимание информации ориентирует её *лингво-семантический анализ*. Информация (от лат. *information* – разъяснение, изложение) в английском языке приобретает дополнительный смысл: *to inform* – сообщать, информировать, уведомлять; наполнять, одушевлять; *information* – информация, сообщение, сведение; знания, осведомленность⁴. Тем самым, акцентируется не только передача и прием информации, но и ее освоение (осведомленность). Характерно, что ряд исследователей, подчеркивая роль аналитико-интерпретивного этапа в освоении информационной культуры, выделяют – как ее ядро – *информационно-аналитическую культуру*⁵. Тем самым, информационная культура учителя, преподавателя вуза должна рассматриваться в двух взаимосвязанных ракурсах: насколько высок (оптимален) уровень его личной информационной культуры и – одновременно – насколько активно и эффективно он участвует в формировании информационной культуры студентов.

Еще один интересный момент, определяющий *противоречивость информационного взаимодействия учителей, преподавателей вуза и школьников, студентов*, нужно отметить: каждый учитель, преподаватель, как правило, является источником информации для многих информантов-школьников, студентов; одновременно – в рамках учебного процесса (даже, как правило, в течение одного учебного дня или – тем более – учебной недели) каждый школьник, студент воспринимает информацию от нескольких учителей, преподавателей. Несоответствие возникает и в силу неоднородности восприятия информации школьниками,

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 8-10.

² См.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 2005.

³ С проблемой сложности отбора информации столкнулись уже на этапе «книжной культуры» (т.е. в рамках «Галактики Гутенберга») – из-за огромных масштабов печатной продукции (книги, журналы, газеты). Неслучайно (по крайней мере, в России), одними из первых проблемами «информационной культуры» озаботились библиотечные работники и учителя (См.: Гендина Н.И., Колкова Н.И., Скипор И.Л., Стародубова Г.А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях. 2-е изд., перераб. М., 2003. В целом коллектив Кемеровского государственного университета культуры и искусства внес серьезный вклад в обосновании в России теории и практики формирования информационной культуры).

⁴ См.: Новый энциклопедический словарь. М., 2007. С. 438; Мюллер В.К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 200000 слов и выражений. М., 2008. С. 310.

⁵ Сляднева Н.А. Современный человек в виртуальном мире: проблема информационно-аналитической культуры личности // Евразийский вестник. 2002. №22.

студентами, и в силу плюрализма (мировоззренческого, идеологического, научного, методического, эмоционального и т.д.) подачи информации разными учителями, преподавателями. Из этого вытекает огромная значимость *обеспечения целостности рассматриваемого информационного взаимодействия*.

Субъект информационной культуры – *личность*, отсюда и соотнесение её с удовлетворением *индивидуальных информационных потребностей*. При всей механистичности теории А. Маслоу обоснованная им взаимосвязь потребностей и мотивации продуктивна и в понимании информационных потребностей, а иерархия потребностей (от потребности существования – через потребности безопасности, общения и престижа – к потребности самореализации) соотносима с самореализационной концепцией культуры и информационной культуры.

Наконец, подчеркнутая в определении значимость использования *как традиционных, так и новых информационных технологий* призвана преодолеть возникающую при каждом качественном изменении средства информационного сообщения абсолютизацию новых каналов, средств, недооценку традиционных (книга должна была «убить» устное и рукописное творчество, кино – театр, телевидение – кино и театр, Интернет – книги).

Важно видеть и возникающие в процессе становления информационного общества проблемы. Как отмечал О. Тоффлер, «выпустив на свободу силы новизны, мы толкаем людей в объятия непривычного, непредсказуемого. Тем самым мы поднимаем проблемы адаптации на новый и опасный уровень. Ибо недолговечность и новизна образуют взрывчатую смесь. Жить в ускоренном темпе означает испытывать на себе действие непрекращающихся перемен. Сегодняшнее общество недолго пользуется вещами и очень скоро заменяет их или выбрасывает, люди меняют местожительство и квартиры, отбрасывают и также быстро меняют даже собственных друзей. На финише этой гонки нас ждет коллективное безумие. Неконтролируемое ускорение изменений в науке, технике и социальной жизни подрывает силы индивида, необходимые для принятия разумных, компетентных решений, касающихся его собственной судьбы». Описанный Тоффлером «шок от столкновения с будущим», в сущности, касается жизни и судьбы каждого из нас.

Неоднозначны и социальные последствия информатизации:

- Общение в сети Интернет делает доступными для многих огромные массивы информации. Но одновременно качественно меняется характер общения: живое общение, личные контакты уступают место виртуальному общению; навыки и умения живого общения становятся не очень нужными, их развитию у молодежи не придается особого значения.
- Растущие объемы воспринимаемой с помощью информационных, компьютерных технологий далеко не всегда сопровождаются повышением качества получаемой информации. Актуализируется и важнейшее требование развитой культуры личности – уровень и характер культуры человека все более определяется его способностью выбирать, отбирать «полезную», «нужную» информацию от «лишней» («шум»). Информационная культура соотносится с культурой выбора информации.
- Весьма противоречиво восприятие информации не только в содержательном и количественном аспекте (сколько и какой информации нужно воспринять), но и в качественном, технологическом аспекте (как воспринимается информация). Современная инфосфера чаще всего сориентирована на образное восприятие (по оценкам психологов, 85% информации современные школьники и студенты получают с помощью зрения, 13% – с помощью органов слуха). Учебный же процесс, как правило, рассчитан на традиционные, привычные (устаревшие!?) технологии восприятия (в них соотношение зрительных и слуховых восприятий – 10:88). Принцип наглядности в обучении – все еще один из наименее реализуемых принципов. К тому же сказывается и явное несоответствие информационной емкости зрительного образа и трудностей фиксации и осмысления услышанного.
- Серьезные проблемы порождает и известная легкость («скачивание») получения информации (к тому же, зачастую в готовом виде). Конечно, не все в этой легкости заслуживает осуждения – резко сокращается время на корректировку информации, её сохранение, неоднократное использование. Но нельзя и недооценивать порождаемую этой «легкостью» не-

нужность навыков запоминания информации, самостоятельных исследовательских навыков её сбора и обобщения, осмысления и анализа. Формируется наивно-доверчивое, некритическое отношение к поступающей через СМИ и Интернет информации, что позволяет заметно усилить манипулирование массовым (особенно – молодежным) сознанием (недавние избирательные кампании 2007-2008 гг. в России показали возможности такого манипулятивного воздействия). К тому же, важно учитывать и выявленную еще в 1980-х гг. болгарскими исследователями В. Момовым, Д. Гырдевым необходимость соответствующей модификации научной информации на стадии прикладного знания и её технологизации, придание ей «рабочей формы».

В аспекте глобализации важно учесть и еще один противоречивый момент. Глобальные информационные сети в известной мере связаны с абсолютизацией международных социокультурных стандартов в ущерб национальным. Дискуссии в массовом общественном мнении и в рамках профессионального педагогического сообщества о «плюсах» и «минусах» вступления России в Болонский процесс, её интеграции в европейское (шире – мировое) образовательное пространство показывают, что такая абсолютизация далеко не всеми и далеко не всегда воспринимается как однозначно позитивный процесс. Жизнь полностью подтвердила прогноз Д. Нэсбитта в книге «Мегатренды 2000. Новые ориентиры для 1990-х»: «Перед лицом возрастающей гомогенизации мы все будем стремиться к сохранению нашего религиозного, культурного, национального, языкового и расового самосознания». Для российского социума особенно значим – в русле общего освобождения от иллюзий – поиск своего (специфического, не автономного, но и не слепо копирующего чужой опыт) пути социокультурного развития.

Современное информационное общество ставит перед всеми типами учебных заведений и, прежде всего, перед школой задачу подготовки выпускников, способных:

- гибко адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно приобретая необходимые знания, умело применяя их на практике для решения разнообразных возникающих проблем, чтобы на протяжении всей жизни иметь возможность найти в ней свое место;
- самостоятельно критически мыслить, уметь увидеть возникающие в реальной действительности проблемы и искать пути рационального их решения, используя современные технологии; четко осознавать, где и каким образом приобретаемые ими знания могут быть применены в окружающей их действительности; быть способными генерировать новые идеи, творчески мыслить;
- грамотно работать с информацией (уметь собирать необходимые для решения определенной проблемы факты, анализировать их, выдвигать гипотезы решения проблем, делать необходимые обобщения, сопоставления с аналогичными или альтернативными вариантами решения, устанавливать статистические закономерности, делать аргументированные выводы, применять полученные выводы для выявления и решения новых проблем);
- быть коммуникабельными, контактными в различных социальных группах, уметь работать сообща в различных областях, в различных ситуациях, предотвращая или умело выходя из любых конфликтных ситуаций;
- самостоятельно работать над развитием собственной нравственности, интеллекта, культурного уровня¹.

От того, удастся ли современной Школе (и общеобразовательной, и, тем более, профессиональной – и начальной, и средней, и высшей) сформировать информационную культуру учащейся молодежи, во многом зависит *качество образования*. Особенно, если под качеством образования вслед за Г.Е. Зборовским и Е.А. Шуклиной² понимать «совокупность формальных и содержательных характеристик, обеспечивающих эффективное выполнение его

¹ Полат Е.С. Новые педагогические технологии. М., 1997. С. 2.

² Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Образование как ресурс информационного общества // Социс. 2005. №7. С. 109.

основных функций – обучения, воспитания, развития и социализации личности с последующим овладением ею профессией, специальностью, квалификацией».

Движение современного общества к информационному требует существенного переосмысливания процессов развития личности. Возрастает необходимость переработки огромного количества информации, периодического обновления знаний, освоения новых технологий, построения новой экономики. Решение указанных задач невозможно без глубокого исследования проблем информационной культуры личности и процессов ее повышения. Информационный взрыв привел к информационному кризису, разрешение которого возможно, с одной стороны, через решение проблемы создания принципиально новых информационных технологий, с другой стороны – через развитие информационной культуры личности. Информационная культура личности – одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий.

Возрастающая роль информатизации в условиях постиндустриального общества требует осмысления коренной перестройки производства, всех сторон жизни общества и человека на основе информационных технологий, использования вычислительной техники и систем связи для создания, сбора, передачи, хранения, обработки информации во всех сферах общественной жизни. При их массовом внедрении возникают глубокие изменения в социальных отношениях, в структуре общества, в культуре, образе жизни, досуге людей. Информационные технологии начинают пронизывать профессиональную деятельность и повседневную жизнь человека. Компьютеризация в принципе предъявляет все больше требований к человеку, предполагает дальнейшее развитие его творческих способностей. Она выдвигает на первый план способность человека к постоянному усложнению интеллектуального труда. Для компьютеризации характерны быстрые темпы развития, теснейшая связь в перспективе буквально со всеми видами человеческой деятельности. Производство новых технических, технологических и организационных идей становится основным в производстве. Это ведет к предельному развитию человеческого в человеке – его разума, уникальности и многообразия его личных проявлений во всех сферах деятельности, их возрастающей интеграции.

Теории информационного общества (постиндустриального, электронного, информационного капитализма, постсовременного, знаниевого, виртуального и т.п.), как правило, сводятся к описанию неких моделей взаимоотношений людей, человека и социальных институтов, человека и машин в условиях, трансформированных технологической реальностью или приближающейся реальностью. Несмотря на позиции их авторов, почти все они содержат в себе изначально заложенный механизм глобальной стратификации. Так, в частности, Я. Энджелл утверждает, что «прогресс в телекоммуникациях... навязывает ничего не подозревающему миру новый порядок... и тот, кого эти магистрали обойдут стороной, потерпит полный крах»¹. Важно то, что грозящее обществу расслоение предвидят не только приверженцы так называемого технологического детерминизма. «Современные процессы информатизации и глобализации выдвигают на передний план новые социально значимые задачи... – задачи массового совершенствования качества сознания людей... позволяющее массовый переход на такой уровень ориентирования и непосредственного участия в коммуникационных взаимодействиях, при котором их скрытые, латентные первопричины (смысловые доминанты) оказываются понятными, «прозрачными». «Коммуникативные возможности современного человека не только кардинально расширились, но и кардинально модифицировались»². В рамках такой модификации:

¹ Angell Ian (Winners and Losers in the Information Age // LSE Magazine. 1995. №1 (7) summer. P. 10-12.

² Адамьянц Т.З. От информирования – к постижению смысла // Третьи Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 12-13 ноября 2008 г. / отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2008. С. 29; Адамьянц Т.З. К диалогической телекоммуникации: от воздействия к взаимодействию. М., 1999; Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация. М., 2005.

- расширяются способы получения информации, приобщения к культурным ценностям;
- увеличиваются возможности для любого стать коммуникатором;
- возникает небывалая прежде содержательно-мотивационная многоуровневость информационной среды.

Россия, особенно в последние 15-20 лет, прибегает к заимствованию западного образа жизни, фрагментарному копированию зарубежных экономических, социальных программ, технологий. Тем не менее, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), столь популярные в России, несмотря на свое присутствие в отечестве, существуют как бы отдельно от их потребителя. ИКТ становятся символом престижности, успешности, современности, готовности.

НТР требует высокого уровня знаний всех работников производства и сферы обслуживания, ломки устоявшихся стереотипов, разрушения старых традиций и реализации инноваций. Повышение культурно-технического уровня рабочей силы не только сопряжено с немалыми затратами национальных ресурсов, но требует и значительного времени. У нас же существует до 40% массового ручного труда. Мы обычно говорим об устаревшей технике и меньше рассматриваем социальные проблемы тех, кто на ней работает. Но разрыв между ними и новой техникой нарастает.

В серьезную проблему превращается динамизм социокультурного развития, когда, по словам О. Тоффлера, «постоянство умерло». Нарастает разрыв между необходимостью социальных изменений и готовностью людей участвовать в них. И сегодня актуален вывод русского историка В.О. Ключевского: «нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы». Еще более сложно людям приспособиться к быстрым, постоянно ускоряющимся социальным изменениям в условиях информационного общества. Это порождает психологию спешки. И тем важнее быть интеллектуально и морально готовым жить в быстро меняющемся и усложняющемся информационном обществе.

Отставание в сфере развития информационной культуры молодежи сегодня особенно чревато. В первую очередь – для самого социума. В конце XX в. репутация Японии как ведущей индустриальной державы пошатнулась из-за ее медленного вхождения в век Интернет. И тем показательнее удвоение числа пользователей Сети в Японии, зафиксированное в 1999 г. Каждый пятый японец имел связь с Интернетом, треть из них входят в него через мобильные устройства. Прогноз предполагал быстрый рост числа Интернет-пользователей (в 2,8 раза к 2005 г.)¹, что было успешно реализовано.

Не менее значим и *личностный аспект формирования информационной культуры.* Родители, переживающие, что их дети слишком много сидят в Интернете в ущерб урокам, беспокоятся зря. К такому выводу пришли ученые. Как показало масштабное исследование, направленное на изучение влияния глобальной сети на развитие юных умов, погружение во Всемирную паутину у детей развивает много полезных навыков. Ученые проанализировали развитие тех детей, кто за период исследования провел более 5 тыс. часов в Интернете, общаясь в социальных сетях, играя в игры и просто кочуя по разным сайтам. «Они учатся, как общаться в режиме онлайн, создают свой общественный образ, делают домашние страницы, вставляют ссылки, – рассказывает доктор М. Ито. – Еще 10 лет назад все эти вещи казались неестественными, но сегодня для молодых людей это само собой разумеющееся». Сравнив уровень развития детей, не имеющих доступ в Интернет, и тех, кто может свободно находиться в глобальной сети, ученые обнаружили большое преимущество вторых перед первыми. «Обучение сегодня тесно связано с Интернетом, и это очень важно помнить сегодня, когда мы пытаемся понять, что же такое образование в XXI веке», – заключила М.Ито².

Сегодня развивается *социальная информатика*, которая рассматривает следующие проблемы:

- закономерности и проблемы становления информационного общества;

¹ Божко М. Интернет-бум в Японии: беспроводное чудо // Известия. 2000. 22 июня.

² Доказали, что Интернет помогает школьникам // Уральский рабочий. 2008. 27 ноября.

- информационные ресурсы как фактор социально-экономического и культурного развития общества;
- развитие личности в информационном обществе;
- информационная культура;
- информационная безопасность.

Важнейшими предпосылками формирования информационной культуры молодежи выступает широкое внедрение в учебный процесс в образовательных учреждениях различного уровня и профиля (общее, профессиональное; естественнонаучное, техническое, гуманитарное, социально-экономическое; начальное, среднее, высшее, послевузовское) вычислительной техники, проекционного оборудования, создание локальных сетей вузов, электронных библиотек и каталогов, использование Интернет-сервисов для общения между студентом и преподавателем, перенос учебной информации на электронные носители и представление ее с помощью средств мультимедиа, широкое применение компьютерных тренажеров и систем тестирования знаний, дистанционное обучение. Но при всей значимости формирования у молодежи умения владеть современными компьютерными, информационными технологиями её информационная культура не может и не должна сводиться к этим технологиям.

Переход к информационному обществу предполагает свободную ориентацию индивида в информационном пространстве, развитие *«информационной культуры»*, понимаемой как степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией: её получении, накоплении, кодировании и переработке, в создании на этой основе качественно новой информации, её передаче, практическом использовании. В информационной культуре личности переплетаются *три уровня*:

- *когнитивный уровень* (знания, умения);
- *эмоционально-ценностный уровень* (установки, оценки, отношения);
- *поведенческий уровень* (реальное и потенциальное поведение).

Освоение информационной культуры становится неотъемлемым компонентом *социализации*, выступающей как «процесс становления и развития личности, состоящий в освоении индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе»¹. Особенно значим для успешной социализации процесс расширения, умножения *информационных связей* личности.

Важнейшая задача Школы – *преодоление фундаментального разрыва поколений, вызванного информационной культурой современного мира*. Этот разрыв (школьники опережают учителей, студенты – преподавателей) был, в частности, зафиксирован в исследованиях Д.С. Попова (изучались выпускники школ и их учителя)², в наших мониторингах свердловских студентов за 14 лет (1995 – 2009). О нем же говорят и результаты международных исследований³.

Согласно полученным данным, в электронной (информационной) культуре поколений наблюдается характерный разрыв.

Если на компьютере умеют работать почти 96% школьников, то среди представителей старшего поколения данный процент значительно меньше. Каждый четвертый учитель вообще не умеет работать с компьютером. 2 из 5 школьников освоили компьютер, но пока не научились работать в сети Интернет, среди учителей таких – почти половина. Школьники являются более активными пользователями сети Интернет, чем учителя, этим и обоснованы различия видов деятельности осуществляемой в глобальной паутине. Учителя, которые освоили новые технологии (менее трети), стараются использовать Интернет для поиска нужной

¹ Ковалева А. И. Социализация // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. В.Н. Иванова. М., 2003. Т. 2., С. 445.

² См.: Попов Д.С. Особенности информационной культуры в образовательном пространстве Свердловской области (выпускники и их учителя) // Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект. Екатеринбург, 2008.

³ Are Students Ready for a Technology-Rich World? // OECD, Program for International Student Assessment, 2005.

или интересной информации для учебного процесса, рассматривая сеть как большую библиотеку (76%), значительно реже для этого используют Интернет школьники, хотя больше половины (53%) регулярно или по мере необходимости выходят в Интернет скачать реферат, сочинение или контрольную работу. В качестве хобби Интернет чаще используют дети, посещая интересующие их сайты (45%). Самое интересное начинается, когда школьник в достаточной мере осваивает просторы сети и нарабатывает необходимый навык, тогда и формируется круг предпочтений, серьезно отличающий современного «Интернет-школьника». В отличие от учителей (3%), школьники активно скачивают мультимедийную информацию развлекательного характера (музыку, фильмы, клипы, смешные рекламные ролики, эротику и т.д.) (29%). Школьники выходят в сеть и для того, чтобы включиться в виртуальное общение какой-либо социальной общности (25%). Общность, в которой общается школьник, может быть рассредоточена по территории страны или даже всего мира, но в виртуальном пространстве это один форум с общей целью и сходными интересами. Также школьники играют в сетевые игры, просто бродят по сети, исследуя ее (занимаясь веб-серфингом), а самые продвинутые создают собственный сайт или сервер. Современный школьник больше включен в «киберкультуру» (т.е. во взаимодействие с сетевыми технологиями), чем представители старшего поколения. Школьники обладают более развитым, по их самооценке, навыком обращения как с компьютерной техникой, так и с сетью Интернет. Данное увлечение Интернет носит характерную гендерную окраску, поскольку юноши обладают более развитыми навыками и чаще выходят в сеть. По мере увеличения опыта взаимодействия с компьютерной техникой и Интернет индивид начинает обращаться к различным видам деятельности в сети. Для большинства опрошенных (как для старшего поколения, так и для молодежи) основной целью выхода является поиск необходимой информации. Однако, учитывая, что процент школьников, активно использующих Интернет даже как информационный ресурс значительно больше, чем среди учителей, отметим, что данный фактор также является значимым различием в культуре поколений. Характерным отличием современного школьника, активно работающего в сети Интернет, является направленность на терминальные ценности развлечения и общения.

Таблица 30

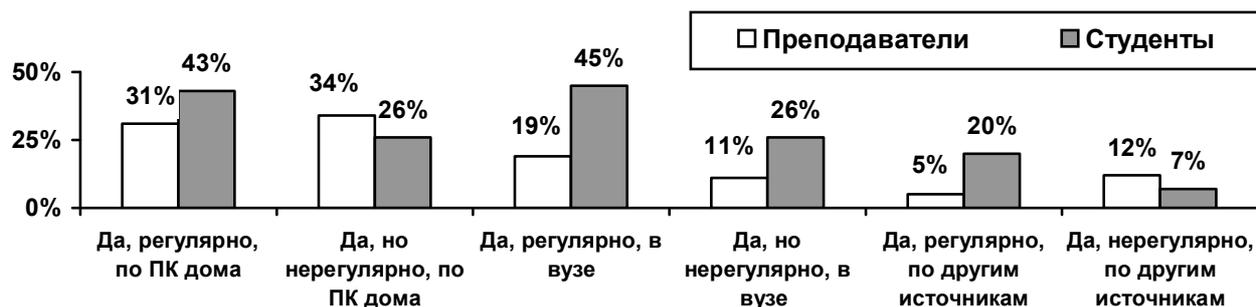
Навык обращения с компьютерными технологиями (в % от числа ответов по каждой группе)

Уровень развития навыка обращения с компьютерными технологиями	Учителя	Выпускники школ
Вообще не умеют работать с компьютером	23%	4%
Умеют работать на компьютере, но не в Интернет	44%	39%
Умеют работать в Интернет	26%	39%
Умеют работать не только в Интернет, но и в локальных сетях	7%	18%

Характерны и результаты исследования студенчества. За реальным ростом значения компьютерной культуры в молодежной среде нужно видеть и то, что у многих молодых эта культура находится на низком уровне. Действительно, использование Интернета получает все большее распространение в российском обществе (и особенно среди студенческой и учащейся молодежи) (См.: Рис.2).

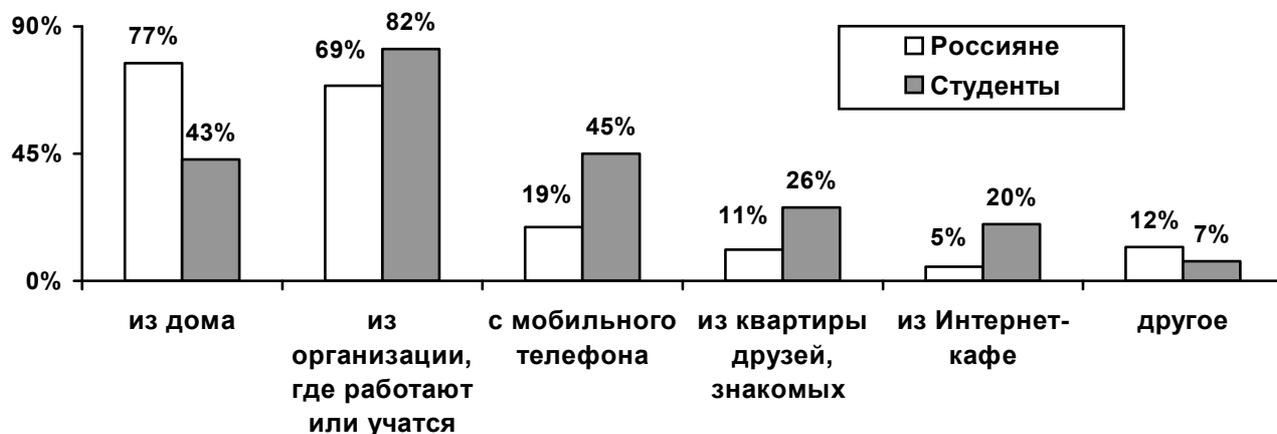
Заметно, что студенты обращаются к Интернету регулярно. Особенно это преимущество проявляется применительно к вузам, что объясняется двумя причинами – далеко не все преподаватели имеют оборудованное компьютером (с подключением к Интернету), обеспеченность же студентов компьютерными классами – один из важных показателей отчетности вузов; с другой стороны, сказывается то, что 50-57% студентов – иногородние, распространенность же ноутбуков и мобильных телефонов с компьютером, хотя и резко выросла в последние годы, пока невелика (по нашим данным, их имеют 13-15% свердловских студентов).

Рис.2. Пользуетесь ли Вы Интернетом в своей деятельности, если да, то насколько регулярно? (2009)

Еще более заметна «продвинутость» студенчества в сравнении с населением в целом:

Рис.3. Откуда выходят в Интернет (Россияне - РОМИР мониторинг. Известия. 2006. 10 августа; Студенты - Студент 2007. Екатеринбург, 2007)

Как видим, выход в Интернет все более становится в России привычным делом. Объяснимы и некоторые особенности, присущие студентам. Одни из них связаны с большим числом иногородних среди студентов Екатеринбурга – поэтому студенты реже выходят в Интернет из дома, но чаще из квартиры друзей, знакомых; другие – с особенностями молодежной моды – поэтому студенты чаще используют для выхода из Интернета мобильный телефон и Интернет-кафе; наконец – с особенностями учебного процесса, поскольку в вузовских программах специально предусмотрено освоение компьютерных технологий.

Еще показательнее обращение к *содержательным проблемам информационной культуры*. Здесь особенно интересно – *для чего используется Интернет?* Основное различие таково. Для студентов Интернет – преимущественно *коммуникативный* канал общения (треть из них общаются по «аське» или по подобной программе; из преподавателей это отметили лишь 7%; несколько сближаются студенты и преподаватели по общению на форумах и чатах – соответственно 15% и 11%), канал развлечения (игры, кино, видео, музыка – тут разрыв наибольший: такое использование Интернета отметили 42% студентов и лишь 14% преподавателей). В информационном использовании Интернета картина обратная: поиск информации – основное использование Интернета для 4 из 5 преподавателей, обращающихся к Интернету, и лишь для трети студентов. Качественно различаются обе группы и по обращению с информацией. По самооценкам большинства студентов, основная форма их работы с информацией – «скачивание». 2 из 3 преподавателей стремятся проанализировать, обобщить информацию, сравнить информацию в интерпретации разных авторов и источников. Но – и это серьезный перекос – по самооценке преподавателей, лишь 1 из 5 ориентируется на поиск информации в учебных целях, для обновления учебных курсов, использования на учебных занятиях (т.е. –

для передачи информации студентам). Большинство же соотносит поиск информации со своими научными исследованиями.

Рис.4. Чем занимаются пользователи Интернета в сети (РОМИР мониторинг. Известия. 2006. 21 августа; Студент 2007. Екатеринбург,2007.)

Заметно, что студенты в сравнении с другими группам населения отдают предпочтение игровым формам использования компьютерных технологий или облегченным формам получения информации («скачивание файлов»), чья ограниченность нами уже отмечена.

Наконец, важно подчеркнуть и значимость более глубокого понимания *задач формирования информационной культуры у преподавателей*. О существующих здесь проблемах можно судить по результатам опроса преподавателей УрФУ. Рассуждая о преимуществах и недостатках компьютерных технологий относительно традиционных методов обучения, они единодушно отмечали такие возможности мультимедиа, как скорость, оперативность, доступ к удаленным источникам информации, наглядность, образность, а также индивидуальный подход. Интересно, что мнение экспертов практически целиком совпадает с мнением на этот счет студентов вузов. Та же ситуация проявилась в отношении выделяемых недостатков: сложность формализации гуманитарного знания, отсутствие живого контакта, дороговизна и сложность «перестройки» сознания людей. Можно говорить о достаточно объективной и гомогенной картине оценивания роли компьютерных технологий в обучении. Причем между «естественниками» и «гуманитариями» в данном вопросе различий не обнаруживается.

Важно не только, чтобы учителя и преподаватели в плане освоения компьютера «не отставали», а в качестве использования его «опережали» своих учащихся и студентов. Не менее существенно и то, чтобы *они в методическом плане искали (и находили!) новые формы работы с «продвинутыми» учащимися и студентами*. В дальнейшем можно порекомендовать обращение к опыту К.А. Москаленко и липецких школ¹. «Москаленко создавал ситуации «задерживания информации». Для задержки информации в ближней памяти необходимо не повторять ее буквально, а представлять в виде смысловых содержательных обобщений...

¹ Гузенко И., Раковский М. Опыт липецкой школы: забыть или переосмыслить заново? // Народное образование. 2002. №4. С. 123-128.

К.А. Москаленко подчеркивал, что «доза» учебной информации должна измеряться особенностями восприятия детей. В современных исследованиях имеется подтверждение и обоснование психологическим 20-секундным дозам повторения информации. Информация из внешней среды поступает через рецепторы в сенсорные регистры, где может храниться до 30 секунд. Далее она либо «стирается», либо поступает в «долговременную память», где хранится неограниченно долго. Эффективным средством извлечения информации из долговременной памяти стали приемы ассоциативного характера – опорные сигналы, разработанные В.Ф. Шаталовым.

Размышляя о последствиях компьютеризации, Тоффлер писал, что компьютеры «помогут нам и не только нескольким «супертехнократам» гораздо серьезнее думать о самих себе и о мире, в котором мы живем»¹. Одновременно хотелось бы обратить внимание и на *возможные негативные последствия информатизации*:

- в трактовке информационной культуры все более нужно смещать акценты к проблематике *информационного пространства*. Такое пространство, выступая «формой существования информационных систем, обеспечивающей и стимулирующей оперативные информационные взаимодействия производителей информации и ее потребителей, трансляцию знаний, накопленных в информационных ресурсах, и их сохранение в сложившейся информационной инфраструктуре»², не только является предпосылкой для функционирования информационной культуры. Оно – что все еще нередко недооценивается – развивается в сложном взаимодействии с образовательным пространством, совпадая с ним (в рамках учебного процесса) или выходя за его границы (порой – достаточно далеко, заметно превосходя образовательное пространство по силе и эффективности воздействия);
- обостряется *проблема разрыва между накапливаемой информацией и её использованием*. При наличии в обществе многих миллиардов документов, миллионов баз данных, человек часто не получает ответа на свой вопрос (речь идет о тех запросах, на которые потенциально возможно предоставить информацию). Почему это происходит? Исследователи выделяют ряд *причин*: все возрастающий объем информации, с полной обработкой которой информационные центры не справляются; рассредоточенность (рассеяние) информации, что связано с множественностью её локализации (она возникает везде, где есть человек). Препятствует нахождению нужной информации и низкий уровень технической оснащенности некоторых информационных учреждений, ведомственность, отсутствие координационной связи между национальными, отраслевыми, территориальными и международными информационными службами; недоступность накапливаемой информации для пользователей, слабая их информированность; недостаточное и неполное раскрытие документов (например, не расписываются сборники, труды и т. п.), низкая информационная культура пользователей (неумение сформулировать запрос, осуществлять поиск и др.) и недостаточная квалификация информационных работников. К тому же информация опредмечена в текстах, закодирована в информационных фондах, структуре документов, аббревиатурах и т.д. Чтобы сделать доступной информацию, нужно её распрямить, расшифровать. А значит – научить учащихся этому;
- общение в сети Интернет порой выступает «заменителем» живого общения, что ведет к уменьшению личностных контактов; соответственно, возникает неразвитость навыков и умений такого живого общения;
- нарастает эклектичность, мозаичность получаемой информации;
- обостряется противоречие между новыми технологиями восприятия информации и традиционными, привычными;
- происходит смещение аспектов восприятия информации – на образное восприятие. По оценке Э. Тоффлера³, «при столь серьезном изменении инфосферы мы обречены и на транс-

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 290.

² См.: Русско-английский глоссарий по информационному обществу. М., 2001.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 164.

формирование собственного сознания, т.е. того, как мы осмысливаем свои проблемы, обобщаем информацию, предвидим последствия наших поступков и действий».

- возникает ориентация на получение готовой информации – без развития самостоятельных исследовательских навыков сбора и обобщения информации; легкость такого получения не требует навыков её запоминания и – в перспективе – ведет к ухудшению памяти;
- происходит освоение большого объема информации без выработки навыков ее осмысления и анализа; соответственно, неразвитость критического подхода к информации, подверженность манипулятивному воздействию производителей получаемой информации;
- растет зависимость от возможностей и качества работы компьютерной техники. Британские ученые выявили одно из типичных «зол» XXI в. – «синдром компьютерного отказа». Опрос сотрудников различных компаний показал, что «плохое поведение» электроники способно ввергнуть многих из них в больший стресс, чем даже разрыв с любимым человеком. 38% предпочли бы скорее застрять в «подземке», чем оказаться у «замерзшего» экрана. «Мы становимся все более зависимыми от этого стоящего перед нами забавного и коварного аппарата» (Г. Купер, проф. психологии университета Манчестера).
- зачастую международные социокультурные стандарты абсолютизируются в ущерб национальным, индивидуальным.

И все-таки определяющим является оптимистическое мнение: «Именно с новыми компьютерными технологиями сегодня связаны реальные возможности построения открытой образовательной системы, позволяющей каждому человеку выбирать свою собственную траекторию обучения, коренные изменения технологии получения нового знания посредством более эффективной организации познавательной деятельности обучаемых в ходе учебного процесса»¹.

Вожева Л.Б., УрФУ (Екатеринбург)

Ценностные ориентиры молодежи современной России

Ценностные ориентиры общества в наше время выражают экстремизмы человеческого существования в век глобализации социальной жизни. Ноотическая среда жизни людей – эта, по мнению К. Маркса, «историческая природа» – раздирается множеством противоречий и конфликтов. В многоголосный и разногласный хор вступают расы и нации, религии и конфессии, метрополии и колонии, буржуа и пролетарии, Запад и Восток, Север и Юг, варварство и цивилизация и т. д.

Особенно важны в эпоху глобализации и интеграции мирового сообщества проблемы духовно-нравственного состояния молодого поколения. Они затрагивают внутренний мир каждого человека, через призму которого формируются взгляды на жизнь, общество, государства. Актуальность данной проблемы усиливается в ситуации перехода от одной модели общества к другой. Современное российское общество переживает подобную ситуацию. Одна из важнейших задач, стоящих перед страной, – утверждать традиционные ценности в обществе.

Самое важное, когда мы говорим о ценностях – понимать, какие ценности есть вообще. Есть ценности общечеловеческие: семья, дружба, любовь, добро и т.п., которые необходимо поддерживать и беречь. Но есть ценности человеческого бытия, ценности повседневности. Социальные ценности трансформируются, и мы не всегда за ними успеваем. Важно сохранить базовые ценности и освоить ценности партнерства, что соответствует одной из дефиниций понятия «культура» – понять иное и выразить себя. Особенно это актуально в отношении молодежной политики. Любое развитое гражданское общество должно с высокой степенью ответственности относиться к проблемам молодежи.

С сожалением надо признать, что России навязывают чуждые культурные, так называемые «западные ценности». В культурно-историческом контексте Россия геополитически открыта к восприятию как западных, так и восточных культурных ценностей. Воспроизводя в реалиях чужие ценности, нельзя забывать, что генетически, почвенно по своей природе мы

¹ Кинелев В.Г. Контуры системы образования XXI века // Информатика и образование. 2000. №5. С. 3.

разные. Восток и Запад – два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода.

Культура Востока – это культура речной цивилизации, она носит интровертный характер. Сосредотачиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке, раскрываясь вовне, излучая во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на Западе. «Первым выступил Восток и излучил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания; затем пришел Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым словом, всемогущим анализом».¹

Россия исторически возникла и развивалась как уникальная многоэтническая и многоконфессиональная страна. В русской истории в силу объективных исторических условий (природно-географический, внешний факторы) решающее значение приобрело развитие государственности. Именно оно лежит в основе мобилизирующего характера генотипа социального развития России. Западный генотип – инновационный, либеральный – интенсивное воспроизводство, цель которого – углубленное содержание культуры, повышение социальной эффективности, открытости к нововведениям. Личность, развитие, свобода, равенство возможностей, закон – культурные ценности западной парадигмы. В России культурные ценности – ценности русского православия: соборность, мессианство, доброхотство. Секуляризация, героизм – главные черты человека Запада. Русский тип человека – иоанновский, православный – мессианский, его основные характеристики: стремление к абсолютному добру, относительность земных и приоритетность духовных ценностей.

В православной традиции есть учение о добродетелях. Святые отцы на многовековом опыте составили своеобразную духовно-нравственную «таблицу Менделеева». Существует семь основных добродетелей, из которых проистекают все остальные – это умеренность, целомудрие, милосердие, радость, терпение, мужество, смирение.

Происходящие в последние два десятилетия в стране процессы изменили многое не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни человека, в отношениях между людьми, в понимании того, что сегодня есть жизненный успех, какие цели надо перед собой ставить и какими средствами для достижения этих целей можно пользоваться. У многих россиян складывается мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее – вырождение России. При этом наиболее уязвимой к негативному моральному транзиту признается молодежь.

Так, по мнению большинства россиян (причем как людей старшего возраста, так и самой молодежи) для современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам. Эту точку зрения разделяют 64% молодых респондентов и 70% представителей старшего поколения. И только треть россиян придерживаются оптимистичного взгляда на ситуацию, полагая, что молодежь тянется к высоким идеалам (36% и 28% соответственно).

Таблица 31

Отношение молодежи к идеалам, %

Значения	Молодежь	Старшее поколение
Молодежь тянется к идеалам, позволяющим прожить жизнь осмысленно	36	24
Для современной молодежи характерен цинизм и равнодушие к идеалам	64	70
Современная молодежь мало интересуется нашей историей, культурой, ориентирована на западные ценности	73	80
Современная молодежь интересуется русской историей и русской культурой	26	19

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 153.

Возникший вопрос: неужели, действительно, последнее десятилетие радикально изменило россиян, лишило их нравственной опоры, разрушило традиционные ценностные основы, основы личного общения и взаимодействия. Нельзя не признать, что современные жизненные реалии достаточно суровы и подвергают нравственность россиян серьезным испытаниям на прочность. И вместе с тем, в целом, россияне демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень. В числе безусловных табу – измена Родине, заброшенность и беспризорность детей, жестокое обращение с животными, употребление наркотиков.

Русская социокультурная традиция, несомненно, отличается своеобразием. Однако она не остается статичной. Опыт русской культуры побуждает молодежь к переосмыслению проблем и духовного возрождения, ее будущего. Мы можем неограниченно заимствовать и перенимать друг у друга, но никому из нас не дано стать кем-то другим, ибо соответствующее место в социальном пространстве уже занято, и каждый должен разработать свой участок, прожить индивидуальную жизнь, будь то человек или народ.

Волосков И.В. (МГорПУ, Москва)

Особенности социализации учащейся молодежи

В отсутствие четких морально-нравственных ориентиров и представлений о том, какого типа личность востребована в современном российском обществе, ценностные ориентации молодежи развиваются во многом хаотически, находятся под противоречивым воздействием, с одной стороны, традиций народной культуры, а с другой – меняющихся социальных условий, неустойчивости, риска. Одни из них основаны на духовности, которая характеризуется господством нравственных установок над материальными, гуманизма, человеколюбия, собранности. Другие же, распространяемые в последнее десятилетие, нацеливают на индивидуализм, приоритет материального. Таким образом, традиции культуры и социальные условия становятся *координатами, которые определяют противоречивый процесс социализации современной молодежи.*

Эти предположения проверялись в ходе авторского социологического исследования, которое проводилось в два этапа. Весной 2006 г. было опрошено 1500 студентов младших курсов 50 московских вузов; на втором этапе, весной 2007 г., – 400 старшеклассников 10 московских школ, а также 600 студентов старших курсов и молодых специалистов. Признаки репрезентации: пол, возраст, направление подготовки. Тип выборки – случайный. Исследование проводилось по единой анкете. Задачей было выявление представлений о наиболее значимых чертах личности в контексте самооценки, а также интерпретаций респондентами понятий счастья, несчастья, добра, зла, любви. Два этапа мониторинга позволили сопоставить три группы молодежи: 1) старшеклассники, 2) студенты младших курсов, 3) студенты старших курсов и молодые специалисты (далее старшекурсники). Сопоставление этих групп помогло определить специфику ценностных критериев разных возрастных групп и особенности развития духовного мира молодого человека.

Сравнение двух возрастных групп – *старшеклассников и студентов младших курсов* – показало, что для подростков в большей степени важно «стадное чувство». Это проявилось в отношении к утверждению «Жить, как все, лучше, чем выделяться среди других». Его поддержали 18% старшеклассников и 3% студентов. А с противоположным утверждением «Выделяться среди других и быть индивидуальностью лучше, чем быть, как все» согласились 20% школьников и 28% студентов. Как видно, духовный мир подростков-школьников колеблется между инстинктом «стадности» и пониманием роли индивидуальности, в то время как у студенчества он начинает ориентироваться на индивидуальность.

Сопоставление полученных данных о качествах идеальной личности свидетельствует о том, что для старшеклассников (также, как и для студентов) важны доброта, честность, интеллект, чувство юмора. Ответ на закрытый вопрос «Черты характера, которые Вы цените в людях» показал, что для школьников более значимыми, чем для студентов младших курсов, оказались такие свойства личности, как искренность (65% старшеклассников и 39% студентов), отзывчивость (63% и 38%), целеустремленность (60% и 23%), открытость (32% и 18%).

Интересен гендерный аспект качеств идеальной личности, которые импонируют респондентам (ответы о чертах характера мужчины и женщины). В личности мужчины ценятся, прежде всего, ответственность (45% старшеклассников и 29% студентов), целеустремленность (соответственно 45% и 20%), а в женщине – искренность (58% и 19%), духовная гармония (32% и 13%). В оценке личных качеств школьники (закрытый вопрос «Какие черты присущи Вам?») оказались более самокритичными, чем студенты. Так, 47% из них указали на лень (против 24%; студентов младших курсов); 27% – отметили эгоизм (14% студентов). Старшеклассники оказались более сдержанными в оценке положительных свойств: например, только 14% школьников отметили трудолюбие (против 37% студентов). Видимо, школьникам еще свойственна скромность в оценке своих личностных качеств, в то время как у студентов, возможно, появляется завышенная самооценка.

Отношение респондентов к базовым ценностям счастья, любви, добра, зла показало некоторые различия между духовным миром студентов и школьников. Это проявляется, например, в понимании счастья. Ответы на вопрос «Ваши представления о счастье?» свидетельствуют, что они у *студентов младших курсов* концентрируются вокруг ценностей семьи (55%), здоровья (59%), любви (49%), а у *старшеклассников* выстраиваются по-другому: любовь (58%), затем здоровье (36%), достижение мечты (36%), верные друзья (34%). Значимость семьи отметили в два раза меньше школьников, чем студентов. Есть различия в понимании любви. Так, в восприятии любви *студенты* являются сторонниками деятельностно-практического подхода, связывая эту ценность с заботой о любимом человеке (22%; у школьников – 4%), жертвенностью – готовностью на все ради любви – (24%; у школьников – 7%). *Старшеклассники*, в отличие от студентов, в любви больше ценят ее духовный аспект: гармония (38%; у студентов – 14%), уважение (30%; у студентов – 18%), милосердие (14%; у студентов – 1%). Воспринимая любовь в большей степени как духовное состояние, старшеклассники ценят в ней стабильность, взаимную привязанность.

Объединяет школьников и студентов деятельностно-практический подход к проблеме добра. Разъясняя свое понимание добра, респонденты подчеркивали связь этого феномена с поступками, добрыми делами (25% школьников и 53% студентов). Стремление делать добрые дела опрошенные напрямую увязывали с таким качеством, как милосердие. Его значимость в понимании добра отметили 18% школьников и 40% студентов. Существенная роль в восприятии добра принадлежит семье. Семья как микрогруппа с определенными ценностями оказалась значимой для 23% школьников и 16% студентов.

Относительно характеристики жизненной позиции мнения старшеклассников нечетки. Так, социальный оптимизм («Будущее зависит только от нас» – 20%) граничит с социальным пессимизмом («Уж не жду от жизни ничего я» – 16%) и равнодушием («После нас хоть потоп» – 14%). 20% отмечают важность терпения при достижении поставленной цели («Надеясь и жди»), еще 18% поддержали высказывание «Бог терпел и нам велел». *Студенты*, в отличие от школьников, определили жизненную позицию более четко, ориентируясь на социальный оптимизм («Что ни делается – все к лучшему» – 55%), а также социальную активность («Будущее зависит только от нас» – 44%). Таким образом, сопоставительное исследование двух возрастных групп учащейся молодежи показало, что у школьников жизненная позиция еще не сформировалась; студенты же в жизненных позициях в основном ориентируются на личную активность и оптимизм.

На *втором этапе* мониторинга весной 2007 г. опрашивались *студенты старших курсов и молодые специалисты* - выпускники вузов, составившие третью возрастную группу. Ее исследования позволили выявить особенности ценностной социализации, характерные для развития духовного мира студенчества при переходе от младших курсов к старшим.

Сопоставление данных по блоку анкеты, где анализировались представления о личности (данные вопроса «Черты характера, которые Вы цените в людях?»), показало, что старшекурсники и молодые специалисты отдают приоритет духовным качествам людей. Если для студентов младших курсов (мониторинг 2006 г.) такие черты характера, как доброта, искренность, чувство юмора почти равнозначны (38, 38, 39% соответственно), то для представите-

лей старшей возрастной группы оказались более значимыми честность (71%), доброта (61%), надежность (60%). По сравнению со студентами младших курсов у старшекурсников и выпускников вузов выше оценки значимости интеллектуальных качеств личности, а также ответственности (с 23 в 2006 г. до 50% в 2007 г.). Видимо, в условиях нестабильности общества, постоянных рисков, стрессов молодые люди, обретающие специальность, хотят видеть в своем окружении людей, на которых можно положиться, которым можно доверять, выстраивать социальные отношения. Кроме того, устойчивое повышение значимости для респондентов интеллектуальных качеств личности отражает объективные потребности интеллектуализации российского общества. Сравнивая представления о личности по двум этапам мониторинга и разным возрастным группам, можно сказать, что ценностная социализация идет в направлении усиления роли духовных и интеллектуальных качеств личности.

Вместе с тем, понимание ценностей студентами старших курсов становится более прагматическим. Показатель этого – понижение значимости гармонии в понимании счастья (с 26 до 14%) и повышение значения семьи и здоровья. Восприятие *добра* также в большей степени демонстрирует практическое понимание данной ценности. Возрастает идентификация добра с делами (с 37 до 53%), милосердием (с 17 до 40%), взаимопониманием (с 13% до 17%). Отношение к базовой для духовного мира человека ценности – *любви* обнаруживает те же тенденции. Во-первых, восприятие ее становится прагматичнее, ориентировано на взаимопомощь (увеличение респондентов с 8 до 19%) и заботу о любимом (с 13 до 22%). Во-вторых, усиливается значимость духовных аспектов любви, в частности, таких, как взаимопонимание (с 38 до 41%), честность (с 12 до 17%), взаимная ответственность (с 11 до 22% »).

Результаты исследования свидетельствуют о *повышении роли нравственных ценностей в духовном мире человека и способности к моральной саморегуляции*. Ответы на вопрос «Какое из утверждений кажется Вам наиболее близким?» показали, что базовой ценностью для студентов старших курсов и выпускников вуза, в отличие от двух более младших групп, становится *чистая совесть* (с 24 до 41%). При этом продолжают оцениваться – как значимые – свобода (36%), индивидуальность (24%). Вместе с тем, для данной категории респондентов оказалась невысокой значимость работы (ценность интересной работы отметили только 15%) и патриотизма: в поддержку высказывания «Родина для человека одна и нехорошо ее покидать» выступило только 9% опрошенных (в 2006 г. – 15%). Зато выросла поддержка космополитизма («Человек должен жить в той стране, где ему нравится») – с 13% в 2006 г. до 16% в 2007 г. Наконец, – и на это хотелось бы обратить внимание – восприятие равенства как одинаковых возможностей снизилось с 11 до 7%. В условиях, когда равенство становится незначимой ценностной категорией, сознание молодежи, видимо «привыкает» к социальной поляризации общества, разрыву между богатыми и бедными, а также резкому различию между группами молодежи мегаполисов, малых провинциальных городов, сельской местности, разных видов занятости.

Подводя итог сравнения трех возрастных групп (школьники, студенты младших курсов и студенты старших курсов, выпускники вузов), следует подчеркнуть: духовный мир учащейся молодежи в процессе социализации имеет тенденцию становиться более тесно связанным с практикой, определенными поступками, более прагматичным при усилении роли духовных ценностей; в структуре ценностных ориентаций повышается значимость интеллекта и коммуникативных качеств личности. Вместе с тем, недооценка важности равенства возможностей опасна эскалацией социальной дифференциации студенчества, которая угрожает ростом социальной напряженности и конфликтности в молодежной среде. Особенно следует обратить внимание на разрыв между группами успешной молодежи, проживающей в крупных городах, получившей высшее образование, работу в сфере частного предпринимательства и социальных аутсайдеров из малых городов или сельской местности, часто не имеющих высшего образования и стабильной высокооплачиваемой работы.

Воробьев А.В., Воронов В.В., Островска И.В. (ДУ, Даугавпилс, Латвия)
**Эффективность современной образовательной системы Латвии
в оценках ее молодежи и людей ранней взрослости**

Организация эффективной системы образования – важная задача каждого современного государства, нацеленного на инновации, конкурентоспособность. Сама образовательная система представляет собой динамичное социальное явление и поэтому требует постоянного реформирования по мере социально-экономического, научно-технического и культурного развития общества. Развитие Латвии в составе Европейского Союза ставит перед ней необходимость плодотворного изучения содержания, структуры, форм и факторов, влияющих на эффективность образовательной системы, на постоянное реформирование образовательных концепций и программ в соответствии с требованиями Болонской конвенции.

Цель данного исследования¹ – определить особенности жизненных сценариев при оценке эффективности образования молодежью и людьми ранней взрослости в Латвии. Основная задача исследования – рассмотреть эффективность образовательной системы государства на основе широкого спектра факторов, включающих в себя как объективные (состояние и наличие инфраструктуры, бюджет, подготовка и переподготовка специалистов и т.д.), так и субъективные (социально-психологические) оценки и представления об образовательной системе (удовлетворенность собственным уровнем образования, своей специальностью и отношение к ней). В качестве теоретической базы исследования выступают положения и принципы, выдвинутые в конструктивистско-феноменологическом, субъективно-феноменологическом и конструктивистско-когнитивном подходах. При изучении процесса когнитивного развития в период юности и ранней взрослости (20-40 лет) отдельные авторы² указывали на ведущую в нем роль критического и системного («диалектического») мышления. Диалектическое мышление, в соответствии с этим мнением, обеспечивает интеграцию «идеального» и «реального» в ментальных схемах личности. Одной из значимых форм в ментальной сфере личности являются «возрастные часы» – субъективные, ментальные представления об «индивидуальном графике» жизни личности. Ключевыми событиями в графике жизни личности являются получение образования (уровень и специализация), вступление в брак, рождение детей, достижение социального статуса и другое. Случаи несовпадения (как правило, неполная реализация в реальной жизни ментальных представлений) приводят к когнитивно-смысловому диссонансу, и этот процесс может выступать в качестве мотивации личности. Условно это можно назвать «эффектом нереализованного графика жизни».

Опираясь на основные положения конструктивистского феноменологического подхода³, можно утверждать, что существует некая «область опыта», уникальная для каждой личности и содержащая все, что происходит «за внешней оболочкой организма» и что потенциально можно осознавать. В этом случае формируется два содержательных и динамичных слоя Я-концепции: *Я-реальное* и *Я-идеальное*. *Я-реальное* находится внутри «поля опыта» и содержит в себе понимание человеком самого себя, основанное на жизненном опыте прошлого, событиях настоящего и прогнозировании будущего. *Я-идеальное*, как часть Я-концепции, содержательно определяет для личности то, чем она хотела бы обладать больше всего, то есть тот ментальный образ, которому она хотела бы соответствовать. Если у личности Я-реальное и Я-идеальное отличаются, то она чувствует психологический дискомфорт, неудовлетворенность, что может, с одной стороны, стать препятствием на пути к развитию данной личности, или, с другой стороны, стать потенциальной, латентной мотивацией к ее развитию. Особенно наглядно это положение доказано в векторно-топологической психологии К.Левина. В ней учёный показал наличие целостного, холистического подхода к анализу поведения личности,

¹ Исследование было осуществлено в рамках проекта «Atbalsts Daugavpils Universitātes doktora studiju īstenošanai». Vienošanās Nr. 2009/0140/1DP/1.1.2.1.2/09/IPIA/VIAA/015

² Riegel K.F. Adult life crises: A dialectical interpretation of development. N.Y., 1975.

³ Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centred framework // Koch S. Psychology the study of a science. N.Y., 1959.

определяемого её квазипотребностями, психологической валентностью, жизненным пространством, временной перспективой и уровнем притязания.

Жизненное пространство и связанный с ним сценарий жизни выступают ключевыми понятиями в теории К. Левина¹. Жизненное пространство включает в себя всё множество реальных и виртуальных, актуальных, прошлых и будущих событий, которые находятся в психологическом пространстве у личности в данный момент. Содержанием жизненного пространства выступают ожидания, события, цели, образы, преграды и т.д. При этом жизненное пространство состоит из разных секторов и регионов. Поэтому оно определяется разнообразными событиями и фактами, находящими свое отражение в текущем жизненном сценарии личности. В свою очередь, события в содержании жизненного пространства личности подчиняются временному порядку, все они размещаются в хронологическом порядке – прошлое, настоящее, будущее. Но, несмотря на это, субъективно личностью они переживаются как одновременные и в равной степени определяющие поведение личности.

Это теоретическое положение К. Левина позволяет целенаправленно определить экспериментальную методологию нашего исследования – целенаправленным опросом респондентов оценить особенности образования в содержании их жизненного сценария. Причём, в случаях расхождения субъективного содержания жизненного сценария с его реализацией в реальной жизни личности, образование обеспечивает ей мотивацию потенциального поведения. Многие современные исследования по данной тематике в Латвии направлены на изучение форм, содержания, принципов формирования системы образования на основе внешних факторов, влияющих на мотивацию обучающихся в получении образования². Данная методология позволяет выдвинуть предположение о значимом личностном факторе, который определяет особенности соответствия графика жизни и реальной реализации графика жизни, в том числе и в области образования. Поэтому эмпирическая часть исследования³ нацелена на поиск ответов на следующие вопросы:

- Существует ли зависимость между реальным и идеальным графиком жизни респондентов?
- Какова степень удовлетворенности уровнем образования респондентов?
- Каков уровень удовлетворенности специализацией в образовании респондентов?
- Как респонденты оценивают качество образования в Латвии?
- Где респонденты хотели бы продолжить свое образование?

Для получения экспериментальных результатов и проверки выдвинутых предположений был разработан опросник, состоящий из восьми тематических блоков, позволяющих изучать ментальные репрезентации респондентов по отношению к проблемам образования в Латвии. Содержание опросника позволяло респондентам оценивать как собственные реальные дос-

¹ Левин К. Динамическая психология. М., 2001.

² Golubeva M. Izglītība Latvijā 21.gs. sākumā: izaicinājumi, jaunās paradigmas un perspektīvas. Grām.: Izglītība zināšanu sabiedrības attīstībai Latvijā. Rakstu krājums. Rīga. 2007. 17-32.lpp.; Koķe T., Muraškovska I. Latvija ceļā uz zināšanu sabiedrību: izpratne un izaicinājumi. Grām.: Izglītība zināšanu sabiedrības attīstībai Latvijā. Rakstu krājums. Rīga. 2007. 121-142.lpp.; Pipere A. Becoming a researcher: Inerplay of identity and sustainability. In: Education and Sustainable Development: First Steps Toward Change. Volume 2. Daugavpils, DU Akadēmiskais apgāds „Saule”. 2007, P. 241-263; Salīte I. et al. Toward the sustainability in teacher education: Promise of action research // Education and Sustainable Development: First Steps Toward Change. Volume 1. Daugavpils: Saule. 2007. P. 263-292.

³ Эмпирической базой исследования стало социологическое обследование молодежи (18-29 лет) и людей ранней взрослости (30-40 лет) Латвии в июне 2008 года, проведенное Институтом социальных исследований Даугавпилсского университета. В опросе по квотной выборке участвовали 1380 респондентов в возрасте 18-40 лет из всех пяти регионов Латвии. Выборка достоверно представляет объект исследования, так как распределения респондентов - выпускников вузов Латвии – по полу (72% – женщины, 28% – мужчины), возрасту (72% – 21-24 лет, 16% – 25-29 лет, 12% – 30-40 лет), видам полученных в учреждениях образования профессий (социально-гуманитарным – 67,8%, инженерно-техническим – 18,0%, педагогическим и сельскохозяйственным – 14,2%) соответствуют структуре генеральной совокупности, согласно статистическим данным Министерства образования и науки Латвии (Melnis A., Abizāre V. Pārskats par Latvijas augstāko izglītību 2009.gadā (skaitļi, fakti, tendences). Izglītības un zinātnes ministrija, Augstākās izglītības un zinātnes departaments. Rīga. 2009. URL: <http://izm.izm.gov.lv/registri-statistika/statistika-augstaka/parskats-2009.html>

тижения в уровне и направленности образования, так и субъективно желаемые достижения. Полученные данные были обработаны с помощью программ SPSS (15 версия) и Excel.

Полученные результаты позволяют утверждать, что преобладающее большинство респондентов от 18 до 40 лет в своем внутреннем временном графике жизни для получения среднего специального и высшего образования отводят период 18-25 лет (83% от общего числа). В свою очередь, 15% от общего числа респондентов наиболее благоприятный возрастной период для получения образования «видят» в диапазоне 26-35 лет. Достаточно незначительный процент респондентов (2%) наиболее благоприятным для получения образования считают 36-40 летний период своей жизни. Общая тенденция оценок в данном аспекте анализа показала ожидаемые результаты. Более тщательному анализу были подвергнуты результаты, показывающие значительные расхождения в реализации графика жизни респондентов с их идеальным представлением о его реализации. Эффект «нереализованного жизненного сценария» в образовании проявился у 18% респондентов. При этом 6% респондентов в возрасте 18-25 лет в идеале хотели бы получить образование в период с 26 до 40 лет. 9% респондентов в возрасте 26-35 лет в идеале хотели бы получить высшее и средне-специальное образование в период 18-25 и 36-40 лет. 3% респондентов в возрасте от 36 до 40 лет в идеале хотели бы получить образование в возрасте 18-35 лет.

Результаты исследования способствовали проверке гипотезы о существовании зависимости между реальной временной реализацией получаемого респондентами образования с их идеальным представлением о наиболее эффективных жизненных этапах его получения. Коэффициент корреляции Пирсона (334,5; $p > 0,03$) показал статистически значимые различия в данном сравнении. Это позволяет говорить о существовании эффекта «нереализованного жизненного сценария» в получении высшего и среднего специального образования у молодежи и людей ранней взрослости Латвии. Данный эффект выступает феноменом скрытой мотивации образовательного поведения в Латвии и должен быть учтен при практической организации или реорганизации образовательной системы государства.

Важными критериями внутреннего временного графика жизни, влияющими на процесс получения образования, являются представления о времени создания семьи, рождения детей, наступления социальной зрелости. Проанализируем результаты исследования в этом аспекте. Они показали, что наиболее предпочтительным, в идеале, периодом времени вступления в брак является возраст от 26 до 35 лет. На это указал 61% респондентов. 33% респондентов идеальным возрастом вступление в брак указали 18-25 лет. При сравнении оценок респондентов реальных возрастных периодов их вступления в брак с их идеальными представлениями также выявился эффект «нереализованного жизненного сценария». Результаты сравнения рассмотренных возрастных периодов при помощи коэффициента корреляции Пирсона (501,6; $p > 0,01$) выявил статистически значимые различия. Рождение детей также связано с возможностями и особенностями высшего и средне-специального образования. Результаты реальных и ментальных оценок респондентов о наиболее благоприятных периодах времени для рождения детей отражают следующие закономерности. Как показывают результаты исследования, наиболее предпочтительным возрастом для рождения детей в ментальных представлениях респондентов является 26-35-летний период. 61% респондентов отмечают этот возрастной период как наиболее благоприятный. В основном, разногласия между ментальными представлениями и жизненными реалиями наблюдаются в 18-25 летнем возрастном периоде. 49% от числа респондентов этого возраста хотели бы иметь детей в 26-35 летнем возрасте. При этом у 51% респондентов дети реально появились в 18-25 летнем возрасте. Наиболее согласованный между ожиданиями и реальностью – возрастной период от 26 до 35 лет. В этом периоде у 69,3% респондентов ментальные представления и реальность рождения детей совпадают. Сравнительный анализ различий между ментальными представлениями о наиболее предпочтительном возрастном периоде для рождения детей и реальным временем их рождения, проведенный по всей выборке респондентов, на основе коэффициента корреляции Пирсона (403, $p > 0,01$) показал статистически значимые различия. В этом случае также проявляется эффект «нереализованного жизненного сценария» респондентов.

Важным опосредующим фактором, влияющим на уровень и качество получаемого образования, является социальный статус человека. Социальная зрелость включает в себя материальную независимость, наличие жилья, работы и т.д. Анализ результатов выявил ряд тенденций.

Во-первых, наиболее предпочтительный возрастной период для обретения социального статуса, по ментальным оценкам всех респондентов, – это 18-25 лет. Около половины респондентов (48%) отметили предпочтительность этого возрастного периода. 45% всех респондентов указали как более предпочтительный возрастной период от 26 до 35 лет.

Во-вторых, реальный социальный статус более половины респондентов (52%) получили в 18-25-летний период. 39% респондентов реальный социальный статус получили в период от 26 до 35 лет.

В-третьих, у 70% респондентов 18-25-летнего возрастного периода ментальные представления о социальном статусе и его реальные оценки совпадают. У 65% респондентов 25-35-летнего возрастного периода, а также у 39% респондентов 36-40-летнего возраста данные представления и оценки также совпадают.

В-четвёртых, сравнительный анализ различий реальных и ментальных оценок по проблеме социальной зрелости респондентов, на основе коэффициента корреляции Пирсона (405, $p > 0,01$), показал статистически значимые различия в них. Таким образом, в этих оценках, которые являются маркерами как внутреннего временного графика жизни, так и реальной действительности, также проявляется эффект «неполно реализованного жизненного сценария» респондентов.

Полученные результаты ставят исследователей перед необходимостью общего сравнительного анализа взаимосвязи внутреннего временного графика жизни и реальной действительности в реализации важнейших жизненных ситуаций (в том числе и получение образования) респондентов. Значимым обстоятельством здесь выступает то, что у преобладающего числа респондентов (почти у 3 из 4) реальное получение образования происходит в 18-25-летний период времени и, одновременно, 83% респондентов отмечают этот возрастной период как наиболее желаемый для получения образования.

Важным латентным потенциалом, необходимым при организации или реорганизации образовательной системы, является показатель удовлетворенности молодежи и людей ранней взрослости страны уровнем и качеством имеющегося образования. В экспериментальной выборке представлены респонденты, уже имеющие все уровни образования и их распределение по уровням соответствует нормальному распределению.

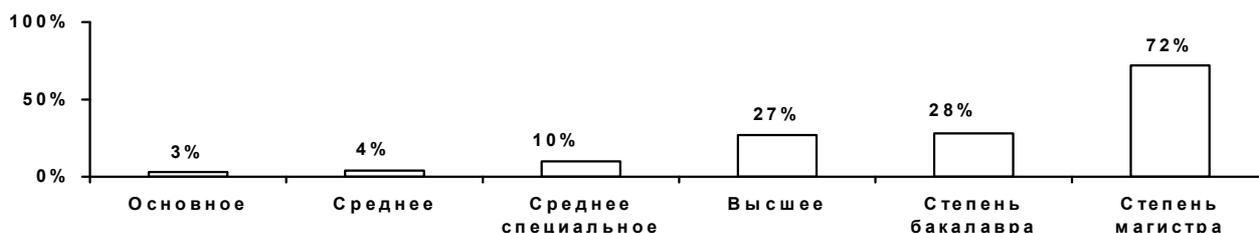
Таблица 32

Распределение респондентов по реально реализованным уровням образования (N=1380)

основное образование (9 классов)	среднее образование (12 классов)	среднее специальное образование	высшее образование	степень бакалавра	степень магистра
3 %	21%	30%	28%	14%	4%

Насколько респонденты удовлетворены своим уровнем образования, показано на рисунке.

Рис 5. Удовлетворены ли уровнем образования

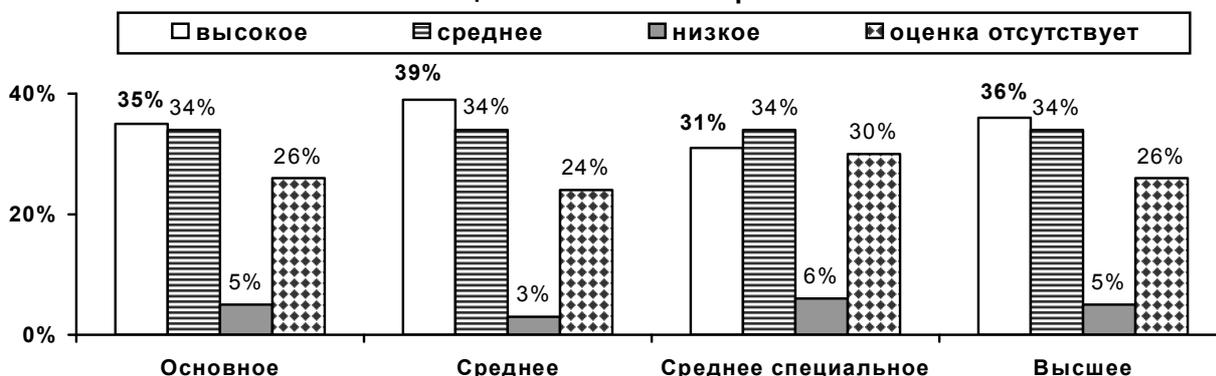
Заметно, что такая удовлетворенность имеет тенденцию к росту в зависимости от уровня образования в целом. Причем количество респондентов, имеющих уровень образования в

диапазоне от «основной школы» и до «бакалаврской степени», в разной степени не очень удовлетворены своим уровнем образования (точнее – очень не удовлетворены). Только 72% респондентов, имеющих магистерскую степень, в целом удовлетворены своим уровнем образования. Сравнительный анализ оценок реального и желаемого уровня по всей выборке респондентов с использованием коэффициента корреляции Пирсона (526, 435, $p > 0,01$) показал статистически значимые различия.

Значимой составляющей в содержании удовлетворенности личности своим образованием (и латентным субъективным мотивом в получении или изменении образования) является удовлетворенность своей специализацией в профессиональном образовании. Это положение определило направленность анализа на рассмотрение реальной специализации в профессиональном образовании респондентов и их желаемой специализации, которую можно было бы получить в идеальных условиях. В опросе респонденты отмечали свою реальную специализацию в профессиональном образовании и, в случае неудовлетворенности, отмечали желаемую специализацию. В наибольшей степени неудовлетворенность своей специализацией в профессиональном образовании проявилось у респондентов, имеющих политологическое образование (100%), сельскохозяйственное образование (93%), искусствоведение (85%) и рабочие профессии низкой и средней квалификации (81%). В целом, количество респондентов, неудовлетворенных своей профессиональной специализацией, на основе коэффициента корреляции Пирсона (512, $p > 0,001$) статистически значимо отличается от количества респондентов, удовлетворенных ею.

Важнейшим мотивирующим фактором в получении образования жителями Латвии выступает их субъективная оценка качества образования на всех уровнях. В этой связи представим анализ образовательной системы Латвии, где субъективные оценки респондентами качества образования даны для каждого отдельного уровня образования.

Рис 6. Оценки качества образования

Всю образовательную систему Латвии респонденты оценивают как достаточно хорошую по качеству, что дает возможность высказать предположение о наличии положительной мотивации в получении образования в Латвии. Негативно оценивает образовательную систему страны в целом лишь небольшое количество респондентов (от 3% до 6%). При этом настаивает на наличии достаточно значимого количества респондентов (от 25% до 30%), которые не имеют сформированных субъективных оценок об уровне качества образовательной системы Латвии.

Для проверки высказанного выше предположения о наличии положительной мотивации у респондентов в получении образования в Латвии респондентам был задан вопрос о том, где они получили образование (в Латвии, Евросоюзе, России или других странах) и где бы, в идеальном случае, хотели бы получить или продолжить свое образование. Результаты показывают, что преобладающее количество респондентов (96%) получили образование разного уровня в Латвии. Научно интересным фактом стал ответ на вопрос, где бы респонденты хотели бы (в идеале) продолжить свое образование (табл. 2).

Таблица 33

Распределение ответов респондентов при выборе стран, где они хотели бы продолжить образование (в % от числа ответивших, N=1246)

Латвия	Другие страны Евросоюза	Россия	Другие страны
40%	33%	14%	13%

Как и предполагалось выше, большинство респондентов (2 из каждых 5) положительно мотивированы на продолжение своего образования в Латвии. С другой стороны, настораживает и заставляет задуматься тот факт, что около 60% респондентов в идеальном случае хотели бы продолжить получение среднего специального и высшего образования за пределами Латвии.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что в реализации жизненного сценария проявился эффект «нереализованного графика жизни», преобладающее число респондентов (83%) реально получают специальное и высшее образование в период от 18 до 25 лет и отмечают этот возрастной период как наиболее желаемый для получения образования. Этот факт позволяет утверждать, что у преобладающего числа молодежи и людей ранней взрослости в Латвии существует латентная мотивация получения среднего специального и высшего образования в 18-25-летний период жизни.
2. Результаты исследования показывают, что у достаточно большого количества респондентов (96%) значимо проявляется эффект «нереализованного уровня образования». Причем количество респондентов, имеющих образование от основного до бакалаврской степени, в разной мере не удовлетворены своим уровнем образования. 72% респондентов с магистерской степенью удовлетворены уровнем своего образования, и лишь 28% из них потенциально желали бы повысить свой уровень, получив докторскую степень.
3. В исследовании открылся факт наличия устойчивого эффекта «нереализованной специализации в профессиональном образовании». Выявлено большое количество респондентов (57%), неудовлетворенных своей специализацией и желающих ее изменить. В наибольшей степени неудовлетворены респонденты с сельскохозяйственным, искусствоведческим образованием и с массовыми рабочими профессиями низкой и средней квалификации.
4. Наличие эффекта «нереализованного уровня образования» и эффекта «нереализованной специализации в профессиональном образовании» у преобладающего числа респондентов позволяет видеть у них устойчивую, латентную мотивацию к непрерывному образованию и потребности в переподготовке. При этом настораживающим фактом для образовательной системы Латвии, игнорирующей мультилингвальный подход, является тенденция молодежи и людей ранней взрослости «к перемене мест», когда более половины респондентов желают продолжить своё образование за пределами Латвии (почти каждый седьмой – в России).

Гаврилюк В.В. (ТГНГУ, Тюмень)

Феномен гоп-культуры в молодежной среде¹

В литературе различаются две альтернативные возможности развития молодежи в современной России – социальная интеграция и социальное исключение². Доминирование какой-то одной из них свидетельствует о разнонаправленных тенденциях эволюции российского социума. *Интеграционная модель*, с точки зрения Ю.А. Зубок, реализуется в случае институциональной регуляции рисков и конфликтов в среде молодежи, носит позитивную направленность. *Социальное исключение*, напротив, выражает негативные тенденции в социальном положении этой группы. «Как процесс оно представляет собой отторжение различных групп молодежи, во-первых, от средств жизнеобеспечения, к которым относятся рынок труда, определенные типы работ, собственность на землю, некоторые потребительские товары, нормальные жилищные условия, система социального обеспечения; во-вторых, от политических

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 07-03-00367а (в проекте принимали участие доценты ТюмГНГУ – Г.Г. Сорокин, Ш.Ф. Фарахутдинов, Г.В. Шевченко).

² Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007. С. 209-222.

и социальных прав (ряда важнейших социальных институтов, социальной защиты, гарантий прав и возможностей представительства своих интересов, правозащитных систем). Как статусная характеристика социальное исключение символизирует положение отторгнутой, исключенной социальной группы... В основе исключения также лежит субъективное ощущение ... связанное с острым переживанием недооценки и недостатка признания со стороны окружающих. Оно сопровождается чувством депривированности и депривации, изоляции, пустоты и скуки и усиливается под влиянием материальной зависимости...»¹. С социальным исключением тесно связана тенденция *маргинализации* новых поколений российского социума, которая не исчезает, а лишь меняет формы.

На механизмы социализации современной молодежи серьезное влияние оказывает распространённость молодежных субкультур как социально позитивного характера, так и маргинальных, вплоть до асоциальных – «эмо», «альтернатива», «ролевики», «флэш-моберы», «R-p-b», «толкиенисты», «готы», «сатанисты», «скинхеды», «фрики», «руферы», «футбольные фанаты», «паркуры» и проч. В этой связи хотелось бы обратить внимание на достаточно распространённое в российской провинции явление в среде молодежи – «гопники». Это явление еще недостаточно изучено отечественными социологами. Между тем, степень его распространения, влияние на социализацию нового поколения весьма заметны. В отличие от известных молодежных субкультур, доминирующих в СМИ, гопники сегодня – реальная форма социализации большей части молодежи в основном из низших слоев российской провинции. Данное явление нельзя, строго говоря, отнести к молодежной субкультуре в классическом ее понимании. Это, скорее, тип мировоззрения и образа жизни молодых людей, чем определенная форма молодежной субкультуры. На мой взгляд, *следует различать молодежные субкультуры и молодежные движения*. Феномен молодежных движений связан с механизмом самоорганизации, в то время как молодежные субкультуры могут быть заимствованы (в условиях глобального мира – экспортированы), даже искусственно созданы, представляя из себя, например, коммерческий или политический проект. Молодежные движения, в отличие от субкультур, имеют более глубокие социальные основания, базируются на типе мировоззрения, менее связаны с базисными для субкультур основаниями – музыкой, модой, стилем.

В 2007 г. кафедра социологии Тюменского государственного нефтегазового университета приступила к изучению феномена *гоп-культуры* и молодежи, принадлежащей к данной субкультуре. Проект продолжался в 2008 г. Методы исследования: фокус-группы; наблюдение; анкетирование; опросы экспертов². *Основные задачи исследования:* 1) определение объективных условий, причин возникновения гопников как формы социализации молодежи из низших социальных слоев в сложноустроенном субъекте РФ; 2) изучение особенностей их субкультуры: ценностных ориентаций, норм и стереотипов взаимоотношений внутри сообщества, типизации социальных практик (отношение к наркотикам, способы разрешения конфликтов, типичные сексуальные практики и т.п.), самопрезентации; взаимоотношений с молодежью вне субкультуры; 3) выявление основных каналов распространения норм и ценностей субкультуры в регионе, реальных масштабов включенности молодежи из разных социальных слоев региона в субкультуру гопников, нахождение способов противодействия этим процессам.

В ходе исследования выявлено несколько версий возникновения понятия «гопники». Согласно одной, оно происходит от воровского жаргонного слова «гоп-стоп», означающего грабёж, вооружённый налёт. По другой – истоки восходят к малоизвестному жаргонному выражению «гопать» – бродить без определённой цели. Есть и версия о том, что название этой молодежной группы идет от слова «гона» (ночлежка), которое, в свою очередь, произошло от аббревиатуры ГОП (городское общежитие пролетариата). Сельская молодёжь, переби-

¹ Там же. С.212-213.

² В качестве респондентов в опросах, проведенных в апреле – мае 2007 г., приняли участие школьники 10-11 классов Тюменской области (518 человек) и их родители (512 человек, в качестве экспертов); учащиеся НПО и СПО города Тюмени (791 респондент).

рающаяся в поисках лучшей жизни в города в первые годы советской власти, селилась в подобных заведениях, создавая им дурную славу.

Развитие движения «гопников» имеет два достаточно четко выделяемых периода: 1920-е и 1990-е гг. Периоды возникновения и возрождения «гопничества» связаны с переломными годами в развитии страны, являются следствием системного кризиса. Сегодня термин становится достоянием общественного массового сознания, а феномен рассматривается предельно широко, вплоть до включения в это маргинальное молодежное движение всех слоев населения современной России¹. Такой подход, однако, не позволяет рассмотреть суть, степень распространенности явления, выделить целевые группы для преодоления маргинализации новых поколений. Нужны более конкретные исследования.

Важной характеристикой любой социальной группы является самоидентификация. Человек, который разделяет ценности гоп-культуры, гопниками называется «пацаном» или «нормальным пацаном». Тот факт, что слово «гопник» в данной социальной группе не используется (по крайней мере, для самоидентификации), свидетельствует о его происхождении извне. Интересным представляется выбор слова «пацан», которое в русском языке является синонимом слов «мальчик», «подросток». Если, к примеру, неформалы своим названием подчёркивают несоответствие стандарту, отличие от других, гопники показывают, что они обычные, нормальные, такие, какими должны быть все. Для гопника одной из наивысших ценностей является принадлежность к группе. Первичная группа – это единственная социальная ниша, в которой он может себя реализовать, получить признание и уважение за смелость, принципиальность, верность товарищам – положительные человеческие качества, которые общество вне данной социальной группы не замечает и не ценит. Группа товарищей представляет для гопника примитивную, но в то же время реальную (достижимую) систему ценностей, которая сводится к формуле «будь как все, не противопоставляй себя группе». Только в этих узких рамках гопник может реализовать свою индивидуальность. Любой, даже самый «героический» поступок ничего не значит, если он произошёл без свидетелей или без одобрения со стороны референтной группы.

Наше исследование подтвердило факт распространения движения гопников в российской провинции, причем массовый характер оно имеет среди подростков и молодежи, относящейся к периоду ранней юности. Так, только 13% опрошенных школьников ответили, что ничего не знают о гопниках; среди учащихся колледжей и профессиональных училищ таких оказалась 23% (данные нуждаются в уточнении); наименее информированными оказались, как и ожидалось, родители подростков – 28% из них не слышали о такой молодежи. Большинство респондентов не только знают о гопниках, но и общались с ними; значительная часть находится в контакте с этой группой. Более того, из анализа открытых вопросов видно, что примерно пятая часть подростков мужского пола выражает симпатии этой молодежи или признается, что принадлежит к ней. При отчетливо выраженной позиции респондентов об агрессивности поведения гопников по отношению к «другой» молодежи примерно треть опрошенных считает, что лично им ничего от встречи с гопниками не угрожает. Оценки распространенности гоп-движения сегодня достаточно сложны, но даже из сказанного выше можно составить представление о масштабах маргинализации современной молодежи.

Значительный интерес вызывает анализ ответов на открытые вопросы, связанные с пониманием сущности гоп-движения, причин, вовлекающих в него молодежь. Здесь уже проявляются серьезные различия в оценках школьников и учащихся НПО, СПО. Так, позитивные характеристики наиболее распространены среди базового социального слоя – будущих рабочих и младших менеджеров: 34% из них дают характеристику представителям гоп-молодежи как независимым, свободным от предрассудков людям. Среди школьников такие оценки дают 15%. В целом же негативные характеристики гопникам (несформированность, неразвитость личности, невозможность реализовать себя в учебе, работе и т.п.) дают примерно оди-

¹ См.: Каныгин П. Гопники. Исследование прослойки, претендующей на звание главной действующей силы современного общества // Новая газета. 2008. 12-14 мая.

наковое число респондентов-школьников (19%) и учащихся НПО, СПО (21%). К характерным чертам гопников респонденты отнесли следующие:

- групповая сплоченность на основе общих интересов;
- доминирующая ориентация на материальные ценности;
- сформированный на основе «зоновского» языка жаргон, содержащий большой объем специфических понятий, распространенных в местах заключения и вышедших за их пределы, а также нецензурную лексику;
- уважение к индивидам, имеющим опыт отбывания наказания в местах лишения свободы;
- нетерпимость, агрессивность по отношению к представителям других групп молодежи;
- культ физической силы – брутальность.

Более подробный разброс мнений был выявлен в ходе исследования методом фокус-групп. Дискуссия направлялась модератором по заранее разработанному гайду, включающему следующие тематические блоки: значение термина «гопники»; группы молодежи, которые можно отнести к гопникам (описание социально-демографических характеристик); оценка источников информации о гопниках; обсуждение их характерных черт; анализ причин появления данной группы в молодежной среде; изучение степени распространенности данной группы; оценка персонального опыта общения с гопниками участников дискуссии. Характеризуя общий ход групповой дискуссии, необходимо отметить, что среди участников по большинству вопросов не было единого мнения. Наибольшая осведомленность характерна для юношей, среди которых максимальную информированность проявили жители г. Тюмени. Большая часть респондентов, проживающих в других субъектах РФ, лично не сталкивались с гопниками и мало информированы об этой группе.

Понятие «гопники» участники групповой дискуссии определяли следующим образом: «бандиты»; «организованная преступная группа»; «группа молодых людей, имеющих свою точку зрения»; «группа молодежи со своей философией»; «наркоманы».

Происхождение термина связано, по мнению респондентов, с понятием «гоп-стоп», что отражает основную направленность деятельности гопников – вымогательство под любыми предлогами. Как правило, вымогаются мобильные телефоны и деньги.

Под философией или «точкой зрения» гопников понимается непризнание законов страны и общества, ориентация на уличный грабеж, а не на получение образования и зарабатывание денег собственным трудом, отсутствие самореализации в других общепризнанных формах жизнедеятельности. Отмечалась и нетерпимость к представителям некоторых молодежных субкультур, прежде всего таким, как панки и неформалы («нефоры»).

Респонденты не смогли четко определить источники информации о гопниках. И юноши, и девушки не смогли вспомнить, откуда впервые узнали, что молодые люди, соответствующим образом одетые, и есть гопники. Жители Тюмени говорили о многочисленности гопников. Внешние черты современных гопников и особенности их поведения описаны участниками фокус-групп через следующие признаки:

- обязательные спортивный костюм, кепка-восьмиклинка, короткая стрижка, семечки;
- стремление к объединению в большие группы (до 10 человек) и демонстрации собственного «авторитета» посредством апелляции к физической силе;
- общение с представителями других молодежных групп ориентировано на разжигание конфликта (на «развод») с целью последующего обвинения в «неправильном» поведении, чтобы начать вымогательство и перейти к физической агрессии;
- вымогательство ориентировано сегодня на получение, прежде всего, мобильных телефонов и денег;
- могут контролировать районы города, а молодые люди, принадлежащие к гопникам или имеющие среди них знакомых, могут свободно перемещаться по территории данного района.

Общий сценарий конфликтного общения с гопниками следующий:

- поиск повода для конфликта («есть два рубля?», «а сотовый?»);
- нарастание вербальной агрессии;

- нахождение поводов для конфликта и начало агрессии (предлагают пройти в «удобное» место);
- собственно вымогательство и/или избиение.

Опыт общения имели юноши, один из них объяснил свою позицию при взаимодействии с гопниками: не вступать в разговоры, зная их цель, и сразу переходить либо к конфликту, либо стремиться избегать всякого общения – сбежать. Неоднозначные позиции во мнениях респондентов выявились при объяснении повышенной агрессивности гопников по отношению к панкам и неформалам. Большая часть респондентов указывали на отличительные особенности этих молодежных групп во внешнем виде: длинные волосы, эпатажная одежда и т.д., которые раздражают гопников, имеющих в своем облике совершенно другие элементы, скорее свидетельствующие о брутальности. Другая группа участников дискуссии, среди которых были юноши, имевшие личный опыт общения с гопниками, считают, что их нетерпимость не связана с какими-либо мотивами непринятия субкультуры других молодежных групп, а вызвана только стремлением посредством вымогательства приобрести материальные средства, «главное – нажива». Значительная часть респондентов отмечала связь гопников с представителями криминальных сообществ, что проявляется не только в заимствовании языковых штампов, но и ряде правил и норм, регулирующих поведение членов группы, в стремлении подражать лицам, имеющим опыт нахождения в местах заключения, – «у них есть «авторитет», который распределяет обязанности».

Наибольшее расхождение во мнениях респондентов проявилось при анализе социально-демографических характеристик гопников: возраст, уровень благосостояния семей, к которым принадлежат представители молодежи, относимые к гопникам, образование, пол. Участники дискуссии считают, что к гопникам относятся лица мужского пола, начиная от подросткового до среднего и старшего возраста. Большинство респондентов отмечают, что, будучи учащимися 5-7-х классов, ничего не знали о гопниках, однако с 16-летнего возраста стали получать информацию об этой группе молодых людей. Такие широкие возрастные границы объяснены тем, что у лиц, относящихся к гопникам, по мнению респондентов, есть в жизни только два пути: первый – взрослея, принять нормы общества и выйти из группы, второй – утвердиться в группе, что повлечет дальнейшее погружение в «мир криминала». Все же респонденты сходятся во мнении, что гопники – это, как правило, люди молодого возраста. Единодушным было мнение о том, что к гопникам относятся лица только мужского пола. Однако было отмечено, что и среди девушек иногда взаимодействие носит характер, присущий стилю общения гопников. Тем не менее, подчеркнутая *маскулинность* этого молодежного движения может считаться фактом.

Первоначально респонденты высказывали суждения о низком образовательном уровне представителей гопников, которые нигде не учатся и не работают. Однако в ходе обсуждения встречались мнения и о том, что среди гопников есть студенты высших учебных заведений и молодые люди из обеспеченных семей. В этом случае для них вымогательство и «нажива» не является первостепенным. Основной целью для этой молодежи выступает стремление к самоутверждению. Неоднократно высказывались мнения о том, что к гопникам относятся молодые люди, не имеющие возможностей для иного способа самореализации и самовыражения. Даже занятия спортом используются только для того, чтобы полученные навыки применить «на улице».

В настоящее время недостаточная изученность феномена гопников *не позволяет дать определённый ответ* на вопрос, являются ли они носителями особой молодежной субкультуры (контркультуры), хаотически формирующейся общностью подростков, предрасположенных к совершению делинквентных действий, или же мы имеем дело со сложившимся молодежным движением. Безусловно, явление гопников нельзя отнести к молодежной субкультуре в классическом ее понимании. Эта группа находится под сильным влиянием криминальной субкультуры, проявляющейся, в частности, в языке, представлениях о нормах и ценностях, особенностях поведения. Законы криминального мира в значительной степени определяют мировоззрение гопников, но если ценности группы вступают в конфликт с «блатными понятия-

ми», гопник, не колеблясь, поступит «не по понятиям». Отождествлять криминальную субкультуру и гопников было бы неправильно. Гопника отличает способность к прямому действию, он не рефлексит. Индивидуальность гопника – миф, ибо гопник, осознавший свою индивидуальность, автоматически выбывает из группы.

Социальная опасность феномена гопников не осознается современниками в полной мере, так как эта молодежь не проявляет себя в качестве активной реакционной группы (как, например, скинхеды). Сущность мировоззрения гопников – агрессивное отрицание ценностей культуры: высокого уровня образования, межэтнической толерантности, труда, стремления к самосовершенствованию и приверженности к этическим нормам. *Гопники – маргинальное течение с размытыми представлениями о социальных, нравственных, правовых нормах.* Сущность гопника – несформированная личность, не желающая и не способная делать выбор собственной жизненной стратегии.

Оценки масштабности «гопничества» сегодня достаточно сложны, но о его распространенности в *регионе* можно судить по факту самоидентификации 30% опрошенной молодежи. Глубина социальных последствий данного явления в российской провинции скажется, видимо, уже в ближайшем будущем, когда новое поколение повзрослевших гопников превратится в избирателей, часть – в наемных работников на региональных рынках труда и т.д. Необходимо средствами молодежной политики предотвратить возможную связь новых поколений россиян с субкультурой гопников, демонстрируемой сегодня на улицах провинциальных городов.

Гилинский Я.И. (СИ РАН, С.-Петербург)

Социология девиантности (новеллы и перспективы)

Не стоит заблуждаться: социология девиантности и социального контроля (*девиантология*) всегда находилась на окраине социологических знаний. Да, и действительно,

Феномен девиации - интегральное будущее общества. P. Higgins, R. Butler
--

есть теория социологии, ее методология, экономическая социология, социология науки, образования, города, семьи и т.п. – вполне уважаемые отрасли социологии. А объект девиантологии – преступность, наркотизм, пьянство, коррупция, терроризм, проституция, самоубийства и т.п. безобразия, о которых еще царский министр народного просвещения г-н А.С. Шишков начертал: «Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение»¹. Этому завету многие годы следовала и советская власть. И даже вполне корректный профессор Кембриджа К. Самнер в 1994 г. объявил о «смерти социологии девиантности»². Но со временем все чаще и чаще в самых различных странах тематика девиантности стала приобретать все большее значение и так называемое «общественное звучание», а проблемы социального контроля перемещались из поля научных дискуссий в сугубо практическую сферу: как предупредить, сократить вал преступности, массовую алкоголизацию/наркотизацию населения, непредсказуемые террористические акты, разъедающую экономику и общественную нравственность коррупцию. Неслучайно новое столетие и тысячелетие ознаменовались выходом *четырёхтомной* энциклопедии криминологии и девиантного поведения³.

История становления и развития отечественной социологии девиантности и социального контроля изложена в ряде работ автора⁴. Ниже будут рассмотрены лишь два вопроса: основные *новации* (новеллы) зарубежной и отечественной девиантологии и *перспективы* ее развития. Разумеется, будет представлена *авторская* точка зрения, отнюдь не претендующая на

¹ Цит. по: Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 370-371.

² Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. NY., 1994. Напомним, что obituary - некролог.

³ Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. I-IV. 201.

⁴ Гилинский Я. Социология девиантности о поведении и социальном контроле // Социология в России / ред. В.А. Ядов. Изд. 2-е. М., 1998. С. 587-609; Он же. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб., 2007; Он же. Российская социология девиантности и социального контроля // Социология в Ленинграде - Санкт-Петербурге во второй половине XX века / ред. А.О. Бороноев. СПб., 2007. С. 101-123.

«истинность» и полноту. Чем же характеризуются последние десятилетия развития девиантологии?

Результаты и тенденции развития

Во всем мире произошло гигантское *накопление эмпирических сведений* о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др. Развитие (*step by step*) девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных *научных направлений* внутри девиантологии. *Диверсификация* – нормальный путь развития науки (вспомним физику, биологию и др.).

Заявила о себе *криминология* – социология преступности, которая и прежде была наиболее развитой наукой девиантологического цикла. Правда, я рискую вызвать гнев коллег-криминологов, которые считают криминологию совершенно самостоятельной наукой, не испорченной «сомнительной» социологией девиантности (но это наш семейный спор)¹. Вполне оформилась *суицидология* – социология суицида. Собственно начало было положено хорошо известным классическим трудом Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд» (1897). Менее известна работа П. Сорокина «Самоубийство, как общественное явление» (1913). Обзор суицидологических концепций представлен в одной из современных работ². Постепенно складывается *аддиктология* – социология зависимостей (алкогольной, наркотической, игровой, компьютерной). Поскольку аддикции – большое место большинства современных стран, постольку широко распространены их исследования – как национальные, так и международные. Им посвящен, в частности, т. IV вышеназванной энциклопедии. Если в отношении социальных проблем пьянства/наркотизма имеется Монблан литературы, то социологическое исследование игровой и компьютерной зависимостей только начинается³.

Сексология как медико-психологическая дисциплина активно дополняется социологическим подходом. И хотя сексология в целом – наука о «нормальном» поведении, все большее место в ней начинают занимать исследования сексуальных «отклонений»⁴. За последнее десятилетие появились такие направления (подсистемы) девиантологии, как *военная, пенитенциарная, экономическая*⁵.

Диверсификация девиантологии сопровождается ее *интеграцией* с другими науками и их взаимовлиянием. Так, объяснение генезиса девиантности и ее отдельных проявлений невозможно без анализа структурных изменений общества, исследования роли социально-экономического неравенства и процессов включения/исключения (*inclusion/exclusion*) как девиантогенных факторов. Эта тема заслуживает специального обсуждения, выходящего за рамки данной статьи⁶. Отметим только, что идеи К. Маркса, А. Кетле, Ф. Турати, Р. Мертона, Я. Тэйлора о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиантных проявлений подтверждаются современными эмпирическими исследованиями⁷. А

¹ Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Изд. 2-е. СПб., 2008; Криминология: учебное пособие / ред. Н.Ф. Кузнецова М. 2006.

² Гилинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учебное пособие. СПб. 1999.

³ Гилинский Я. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? // Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М. 2007; Tsytarev S., Gilinskiy Y. Gambling in Russia. In: Gambling in Europe: Extent and Preventive Efforts. N.Y., 2008.

⁴ Антонян Ю.М. и др. Криминальная сексология / ред. Ю. Антонян. М., 2000; Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб., 2007; Старович З. Судебная сексология. М, 1991.

⁵ Ворошилов С., Гилинский Я. Военная девиантология. Кишинев, 1994; Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность. Улан-Удэ, 2006; Оленев Р. Введение в экономическую девиантологию. СПб., 2007.

⁶ Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Изд. 2-е. СПб. 2007. С. 164-189.

⁷ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8; Скифский К.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень. 2007; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень,

проблема *inclusion/exclusion*, впервые поднятая французскими социологами в 1960-е -1970-е гг.¹, приобрела особое значение для девиантологии. «Исключенных» (стран и групп населения) из активной экономической, политической, социальной, культурной деятельности становится все больше; разрыв между «включенными» и «исключенными» все глубже; между тем именно «исключенные» составляют социальную базу девиаций². Социологический анализ девиантности и ее разновидностей как социальных феноменов на поведенческом уровне дополняется психологией девиантного поведения³.

Процессы глобализации в современном мире не могли не затронуть девиантность и социальный контроль. Мировые процессы глобализации сопровождаются *глобализацией различных девиантных проявлений* (прежде всего, организованной преступности, коррупции, торговли людьми, торговли наркотиками, терроризма) и социального контроля над ними (Интерпол, Европол, соответствующие международные соглашения и т.п.)⁴

Уже к середине XX в. начала осознаваться неэффективность и неадекватность традиционных мер социального контроля («кризис наказания», Т. Матиссен). Если наказание неэффективно как реакция на преступления (отсюда концепции «восстановительной юстиции», «ювенальной юстиции», *community policing* – взаимодействие коммунальной полиции с населением микрорайона, электронного слежения вместо лишения свободы и др.), то тем более наказание – не средство противодействия наркотизму, пьянству, сексуальным перверсиям.

Обоснование некарательных мер – превенции некриминальных видов девиантности – важная составляющая мировой девиантологии. К сожалению, в России продолжается вера в силу репрессий и «борьбы»⁵.

Завоеывает все большее признание отношение к различным видам девиантности как к *социальным конструктам*: власть, политический режим, общественное мнение, СМИ *конструируют* «преступность», «наркотизм», «коррупцию», «проституцию» и др., не имеющих онтологической реальности. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию, *sui generis, per se*: курение марихуаны – нормально (легально) в современной Голландии, потребление вина «преступно» в странах ислама, курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании; в СССР преступлением являлись «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» – основа современной экономики; умышленное лишение жизни человека может быть тяжким преступлением (ст. 105 УК РФ), может быть «подвигом» – убийство врага на войне, или же оно юридически «нейтрально» – совершено в состоянии необходимой обороны (умышленное причинение смерти нападающему). И тогда все большее значение приобретает изучение субъектов, мотивов, механизмов, последствий конструирования⁶.

Утверждается понимание того, что *все виды девиантности функциональны*. «Все действительное разумно» (Гегель), нефункциональные формы жизнедеятельности давно элиминированы в процессе человеческой истории. Так, функции коррупции – упрощение бюрократических процедур, ускорение принятия управленческих решений и др.; функции алко- и наркопотребления – анестезирующая, седативная, интегративная, психостимулирующая, протек-

2005.; Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing. 2008.

¹ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1996. Т. II. С. 140-156.

² Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб Юридического института Ген. прокуратуры РФ. 2004. №6; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

³ Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003; Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.-Ульяновск, 2005.

⁴ Гилинский Я. Глобализация и девиантность в России // Глобализация в российском обществе / ред. И Елисеева. СПб. 2008. С. 399-508.

⁵ Гилинский Я. Наказание: криминологический подход // Отечественные записки. 2008. №2. С.73-92.

⁶ Гилинский Я. Конструирование девиантности // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Т. I. Краснодар, 2008. С.86-93; Ясавеев КГ. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Maguire M. et al. The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford, 2007. Pp. 179-340.

стная; функция проституции – сохранение моногамного брака и т.п. Отсюда – необходимость реалистического подхода к возможностям и методам социального контроля над девиантными проявлениями.

Каковы перспективы развития девиантологии?

В современном глобализирующемся и глобально-локально кризисном мире масштабы и социальная значимость различных девиантных проявлений возрастают. Самая благополучная часть самых благополучных обществ – «средний класс» Европы и Северной Америки – испытывает «моральную панику» и «страх перед преступностью» (С. Коэн). Как следствие – растет репрессивность сознания, влекущая репрессивность политики, сбывается предсказание, отраженное в эпитафии. Все это требует основательного *теоретического* осмысления, изучения закономерностей развития девиантности, прогноза и возможных рекомендаций управляющим структурам. А, следовательно, настоятельно требуется развитие девиантологии и ее подотраслей – криминологии, аддиктологии, суицидологии, социальной сексологии и др. Остаются мало изученными *позитивные* девиации (научное, техническое, художественное творчество). Пробел тем более нежелателен, что обеспечение их развития представляет собой важный потенциал сокращения негативных девиаций – «баланс социальной активности». К частным задачам относится выявление конкретных *механизмов конструирования* различных видов девиантных проявлений и *последствий* такого конструирования. Отдаленной перспективой остается создание *общей теории девиантности* – в физическом (флуктуации), биологическом (мутации) и социальном (девиации) мирах.

Горшков М.К. (ИС РАН, Москва), Шереги Ф.Е. (ЦСИ, Москва)

Историческое сознание молодежи

Самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. В то же время, историческое сознание подвержено незаметному воздействию повседневных перемен. Меняется жизнь, и вслед за ней постепенно меняется и историческое сознание. Вот почему результаты социологического зондирования исторических представлений, особенно поколения, только вступающего в жизнь, являются эффективным инструментом социальной диагностики и могут иметь важное значение как для прогнозирования политического поведения населения, так и для понимания различных сегментов политической жизни¹.

Как известно, исключительно острые публичные дискуссии на тему «белых пятен истории» развернулись начиная с середины 1980-х гг., в период «перестройки». Они всколыхнули общественность и оказали большое моральное влияние на все социальные слои граждан, которое ощущается до сих пор. Однако и в постсоветский период отечественная история осталась сферой глубоких разногласий, многие аспекты исторического пути России за последние полтора десятилетия неоднократно пересматривались, причем оценки некоторых событий и явлений прошлого в средствах массовой информации, школьных учебниках и выступлениях ведущих государственных деятелей страны меняли свой знак с отрицательного на положительный и обратно. К сожалению, такие колебания позиции и идеологов, и ученых в оценке истории нашей страны имеют давние традиции. История переписывалась и после октябрьских событий 1917 г., и после смерти И. Сталина, и после «ухода Н. Хрущева на пенсию», и, естественно, после распада СССР. По этой причине историческое сознание молодого поколения страны формировалось под влиянием двух, чаще всего противоречивых, факторов – собственного жизненного опыта в период взросления и официальной идеологии, преподносившей историю с позиции текущего государственного интереса.

Через такое становление прошло историческое сознание всех поколений, ныне живущих в Российской Федерации, результатом чего явилась некая идентичность в восприятии истории страны различными поколениями. Речь идет о том, что различия в историческом сознании поколения, социализация которого началась в условиях становления рыночных отноше-

¹ См.: Жуков В.И. На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований (1985-2005). М., 2008; Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3-х тт. М., 2008.

ний, диаметрально противоположных условиям социализма, и остальных поколений, минимальны¹. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что в условиях доминирования относительно часто и кардинально меняющихся идеологических моделей истории, чтобы избежать противоречий и «разбалансированности» массового сознания, большинство представителей различных поколений соотносят исторические этапы страны со своим собственным жизненным опытом, сохраняя сформированные официальной идеологией представления только об истории «отдаленной», выходящей за пределы собственного жизненного опыта, а порой и опыта своих родителей. Естественно, это вносит в историческое сознание поколений большую долю субъективности, чаще всего не мешающей объективной оценке цивилизационных процессов. Историческая память становящегося поколения «ухватывает» эмоционально впечатление от тех или иных исторических событий в период социализации, не вникая в социальную суть события. Для массового сознания это естественно. Однако плохо то, что подобный субъективизм, уже на стадии самореализации, включения в общественное разделение труда молодого поколения, часто направляет его устремления по консервативному пути, а иногда и по маргинальному.

Рассмотрим процесс становления исторического сознания молодого поколения в соотношении с различными возрастными когортами. Для корректности сравнения анализ осуществляется по тем возрастным когортам (поколениям), которые имеют личный опыт социального становления хотя бы в одном из исторических периодов².

Последний из исторических этапов, подлежащих оценке представителями различных поколений – конец 1980-х – вторая половина 1990-х гг., в связи с чем сравнительному анализу подвергается молодое поколение, прошедшее сознательную социализацию с середины 1980-х до середины 1990-х гг. С некоторыми условностями, в частности, если говорить о молодой научной интеллигенции, к молодежи следует отнести и вторую когорту – возраст 26-35 лет. Подчеркнем, что суть сопоставительного анализа заключается не в констатации состояния исторического сознания, а в изучении процесса его формирования под влиянием конкретной социальной практики и идеологического воздействия на массовое сознание молодого поколения конкретного исторического периода, когда происходила социализация данной возрастной когорты, то есть «когда они еще были молодыми». Это означает, что в каждой возрастной когорте как бы сравнивается молодежь, но молодежь разных исторических периодов. В этом смысле осуществляемый когортный анализ представляет собой некий социальный эксперимент с применением *метода ретроспекции* и факторного анализа.

¹ См.: Тихонова Н.Е., Горшков М.К. Мировоззрение российской молодежи //Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005. С.10-47.

² Экспериментальное исследование проведено Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) совместно с Фондом Эберта в 1999 г. В основу эксперимента лег принцип *когортного анализа* пяти поколений: 16-25, 26-35, 36-45, 46-55, 56-65 лет (экспериментальное исследование проводилось в 1999 г.). Выборка – 3000 человек, по 600 человек в каждой возрастной группе. Если вести отсчет осознанной социализации с 7-8 и до 16-17 лет (осознанного усвоения индивидом социальных норм и превращения их в мотивирующие поведение личности ценности или нормы), то периоды социализации для упомянутых когорт следующие: 57-67 лет – 1940-57 годы; 47-56 лет – 1950-67 годы; 37-46 лет – 1960-77 годы; 26-36 лет – 1970-88 годы; 16-25 года – 1982-97 годы. Исследование проводилось в 24-х субъектах 12-ти территориально-экономических районов РФ: Алтайский край, Архангельская, Белгородская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Кемеровская области, Красноярский край, Нижегородская, Новгородская области, Приморский край, Республика Башкортостан, Республика Северная Осетия - Алания, Республика Татарстан, Ростовская, Рязанская, Самарская, Свердловская области. Краснодарский край, Тверская, Тульская, Челябинская области, Чувашская Республика, Ярославская область, а также Москва и Санкт-Петербург. В выборку вошло население мегаполисов, областных и районных городов, поселков городского типа (ПГТ) и сел. В ходе отбора единиц наблюдения соблюдались параметры квот по полу и возрасту (в рамках когорт). Квоты по социально-профессиональному признаку взяты отчасти из данных статистики, отчасти из данных ведомственного учета. В качестве квот выделены следующие социально-профессиональные группы: рабочие предприятий, шахт истроек, инженеры предприятий, шахт истроек, гуманитарная, научная и творческая интеллигенция, работники торговли и бытовых услуг, связи и транспорта, служащие, предприниматели малого и среднего бизнеса, жители сел (включая пенсионеров), кадровые военные, сотрудники МВД в иных силовых структурах, пенсионеры городов, безработные, учащиеся 10-11 классов средних школ, начальных, средних и высших профессиональных образовательных учреждений

Рассмотрим условия социализации поколения, которое в период исследования являлось собственно молодым (16-25 лет). Процесс становления правового государства в России пришелся на период, названный переходным. Это название носит перманентный характер, ведь речь идет о становлении консолидированной федеративной модели демократического государства; о реализации принципа государственного управления, при котором монополия на власть одной партии заменяется многопартийным представительством интересов политически дифференцированного общества; о коренном изменении распределительных отношений (по крайней мере, их принципов) в результате перехода большей части средств производства из государственной в частную и коллективную собственность; о создании условий, при которых идеология государственной системы постепенно трансформируется из теологических догм мессианизма в признание приоритета норм конвенционального, консенсусного права. В этот переходный период еще нет устойчивой формы административного управления государством: в правовом отношении однозначно не определена государственная функция федеральных округов, требуется полная «синхронизация» правотворческой деятельности субъектов Федерации и федеральных органов власти, в некоторых национальных республиках имеют место сепаратистские устремления. Распределительные отношения носят половинчатый характер, что предопределено особенностями государственного капитализма как основной политической системы в условиях переходного периода: некоторые предприятия стремятся функционировать по законам рынка, а некоторые (например, жилищно-эксплуатационные, энергетические, транспортные, стационарная связь, водоснабжение, учреждения образования и др.) имеют монопольное положение на рынке при патронаже со стороны государства. Подобная ситуация в 1990-е гг. привела к раздвоению правового поля и породила противоречие между новыми законами, призванными регулировать рыночные взаимоотношения, и старыми, часто служащими инструментом манипуляции в руках бюрократии. Не завершено расслоение общества по имущественному и статусному принципам, в результате чего основной социальный слой правового государства средний класс все еще находится в стадии зарождения (хотя отметим – активной стадии¹).

Переходный период для России означает трансформацию и производственных отношений, и социальных институтов, и мировоззрения населения. Подобные исторические изменения не происходят одновременно. Они требуют длительного этапа реформ, порой эволюционного характера. В данном случае социальная эволюция, по сути, означает смену поколений. Дело в том, что формирование новых производственных отношений и превращение считавшихся ранее антагонистическими мировоззренческих, правовых и нравственных норм общественной жизни в индивидуальные или групповые ценности происходит не в вакууме, во всяком случае, для подавляющей части населения. Большинство ныне живущих поколений России прошли этап социализации в существенно различающихся политических условиях (диктатура И. Сталина, «оттепель» Н. Хрущева, «застой» при Л. Брежневе, «распад» сверхдержавы при М. Горбачеве, «шоковая терапия» при Б. Ельцине), поэтому речь идет не просто о формировании новых, а о замене большей части норм предшествующей политической системы, общественных отношений и социальных ценностей. Все это накладывает свой отпечаток на становление исторического сознания поколения, находящегося в стадии социализации.

Большинство ныне живущих поколений российских граждан проходили социализацию в идентичных идеологических, но в разных политических, а значит и правовых условиях. Причем модели политических отношений в пору становления ценностной структуры разных поколений изменялись по широкому спектру: *деспотия – автократия – бюрократия – принципат – олигархия*. Хотя все эти модели носили в большой степени эклектичный характер, их влияние на становление исторического сознания молодого поколения являлось определяющим. В какой степени историческая память поколений сохранила воспоминания о названных моделях политических и общественных отношений, образ части которых у молодого

¹ См.: Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова. М., 2008.

поколения сформирован под воздействием господствовавшей идеологии, а другой части под впечатлением собственной жизнедеятельности? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к данным об образе политических моделей разных исторических этапов страны в массовом сознании пяти поколений¹.

Историческое сознание как форма идентичности личности образу жизни некоторого – ближнего или отдаленного – этапа истории делится на две части. Одна основана на преемственности традиций и результативности идеологического воздействия на массовое сознание, другая представляет собой синтез личного социального опыта, совокупность общественных норм, интеръерированных личностью в процессе социализации в систему ценностных ориентации. Совокупность установок личности, обусловленных приобретенными ею знаниями и идеалами, личным социальным опытом, составляет основу оценки любых реформ, направленных на трансформацию или модернизацию общественной жизни. Степень признания или отвержения личностью новых этических и правовых норм общественной жизни зависит от прошлого социального опыта и системы ценностных ориентации, составляющих ее «кредо» жизни. Наряду с идеологемами, в формировании исторического сознания молодого поколения большую роль играют критерии, лежащие в основе чувства социальной справедливости, иными словами – социальной экологии. Всякая историческая практика, в которой личность чувствует себя дискомфортно, отвергается ею. Иначе говоря, личность не находит для себя критериев идентификации с таким обществом, в том числе с его нормами общежития и социальными институтами.

В России в течение длительного периода усилия сменяющих друг друга властных корпоративных структур были направлены на то, чтобы по возможности трансформировать историческую память населения. Первое массовое идеологическое отрицание истории России произошло после социалистической революции в октябре 1917 г. В последующем оно «вошло в моду», и со сменой очередного руководителя коммунистической партии история подвергалась то модификации, то фальсификации. Более того, отдельные этапы истории страны нередко почти полностью отвергались, что привело к нарушению целостности, преемственности образа истории России в массовом сознании практически всех поколений. Нескольким поколениям россиян пришлось по два-три раза переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории.

Особенность этапа социальной и экономической «трансформации», начавшейся в конце 1980-х и резко ускорившей темпы в начале 1990-х гг., заключается в том, что отрицание различных периодов происходило, в отличие от прошлой практики, не огульно, а избирательно, по некоторым событиям. Как это повлияло на историческое сознание молодежи, находившейся на стадии социализации? Привело ли это к иной форме исторического сознания молодежи, в отличие от исторического сознания старшего поколения, вместе с молодежью переживавшего в целом чуждую ее социально-исторической практике общественно-экономическую трансформацию? Рассмотрим шесть исторических этапов развития России (СССР) и попытаемся установить, какие социальные, экономические, политические и этические явления оставили свой отпечаток в историческом сознании разных поколений. Перечисленные в таблице явления используются при анализе исторического сознания россиян в целом как индикаторы положительной или отрицательной оценки представителями различных поколений соответствующего исторического этапа².

В самом общем приближении, интегральный образ различных вековых этапов истории России в массовом сознании россиян следующий (учитывались показатели, значимость которых отметили не менее 20% респондентов):

¹ См.: Шереги Ф.Э. Социология права. Прикладные исследования. СПб., 2002.

² Напомним, что сравнение исторического сознания разных поколений здесь осуществляется в форме социального эксперимента, поэтому когорты сохранены в соотношении с периодами, соответствующими этапам их социализации. В соответствии с этим в таблице приведены данные по итогам опроса, проводившегося в 1999 г.

I. Россия до 1917 г. характеризуется: *в духовном плане*: уважением к Православной церкви (на это указали 61% респондентов), любовью к Отечеству (35%), успехами в искусстве (22%); *в экономике*: тяжелым экономическим положением (24%); *в политической жизни*: авторитетом в мире (21%); *в социальной сфере*: социальной несправедливостью (24%). Итак, перед нами образ *духовно-патриархальной, экономически отсталой России*. Вне всякого сомнения, такой образ России создан советской идеологией и искусством, в частности произведениями социалистического реализма.

Таблица 34

Мнения респондентов о том, какие характеристики присущи тем или иным историческим периодам страны

* *Примечание*: Периоды обозначены так: **I** – Россия до 1917 г. **II** – СССР при И. Сталине **III** – СССР при Н. Хрущеве **IV** – СССР при Л. Брежневе **V** – СССР при М. Горбачеве **VI** – Россия при Б. Ельцине. Данные таблицы округлены

II. Россия периода И. Сталина характеризуется: *в духовной сфере*: любовью к Отечеству (72%), чувством гордости за страну (53%), наличием идеалов (60%), успехами в образовании (30%); *в экономике*: быстрым экономическим развитием (55%), мощной промышленностью

Характеристики	Исторические периоды*					
	I	II	III	IV	V	VI
Тяжелое экономическое положение	24	21	9	6	24	89
Страх	6	69	4	5	7	51
Социальная защищенность	6	13	27	76	11	7
Наличие идеалов	18	60	34	49	9	6
Межнациональные конфликты	13	13	6	9	45	85
Дисциплина, порядок	11	83	20	26	2	2
Быстрое экономическое развитие	18	55	35	33	4	1
Подъем сельского хозяйства	19	22	60	32	2	0,3
Жизнерадостность	6	16	35	72	14	4
Успехи в искусстве	22	20	34	64	17	13
Доверие между людьми	14	10	32	68	15	5
Возможность профессионального роста и карьеры	7	13	26	63	27	25
Возможность стать богатым человеком	19	1	2	10	30	76
Преступность, бандитизм	10	10	5	7	30	96
Любовь к Отечеству	35	72	41	50	14	10
Успехи в образовании	9	30	42	76	17	9
Авторитет в мире	21	57	40	58	22	5
Бюрократия	19	24	30	65	53	65
Кризис	16	6	5	9	37	93
Гражданские и политические свободы	11	3	11	16	44	57
Успехи в науке и технике	9	37	55	75	14	7
Чувство гордости	18	53	38	58	12	7
Неуверенность в своем будущем	8	10	3	4	26	93
Уважение Православной церкви	61	3	3	5	15	58
Мощная промышленность	9	46	43	71	9	3
Социальная несправедливость	24	22	12	15	28	86
Коррупция, взятки	16	13	15	38	46	92
Бездуховность	4	16	10	15	25	82

(46%), успехами в науке и технике (37%); *в политической жизни*: авторитетом в мире (57%); *в социальной сфере*: дисциплиной и порядком (83%); *в этической сфере*: чувством страха (69%). Это образ *индустриально развивающейся империи, основанной на деспотии*.

III. Россия периода Н. Хрущева характеризуется: *в духовной сфере*: успехами в образовании

(42%), любовью к Отечеству (41%), чувством гордости за страну (38%), жизнерадостностью (35%), наличием идеалов (34%), успехами в искусстве (34%); в экономике: подъемом сельского хозяйства (60%), успехами в науке и технике (55%), мощной промышленностью (43%), быстрым экономическим развитием (35%); в политической жизни: авторитетом в мире (40%); в этической сфере: доверием между людьми (32%). Это образ зарождающегося открытого общества, продолжившего индустриализацию и технологическое обновление страны в опоре на элементы демократизации политической и общественной жизни.

IV. Россия периода Л. Брежнева характеризуется: в духовной сфере: успехами в образовании (76%), в искусстве (64%), чувством гордости за страну (58%), любовью к Отечеству (50%), наличием идеалов (49%); в экономической сфере: успехами в науке и технике (75%), мощной промышленностью (71%), быстрым экономическим развитием (33%), подъемом сельского хозяйства (32%); в социальной сфере: социальной защищенностью населения (76%), возможностью профессионального роста и карьеры (63%); в этической сфере: жизнерадостностью (72%), доверием между людьми (68%), коррупцией, взятками (38%); в сфере политики: бюрократией (65%), авторитетом в мире (58%). Это образ «самодовольного» эволюционирующего бюрократического государства умеренного достатка с приоритетом духовной деятельности.

V. Россия периода М. Горбачева характеризуется: в экономической сфере: кризисом (37%); в социальной сфере: межнациональными конфликтами (45%); в этической сфере: коррупцией (46%), гражданскими и политическими свободами (44%); в сфере политики: бюрократией (53%). Это образ зарождающегося за счет распада прошлых общественных отношений бюрократического государства, тягостенного экономическим, политическим и социальным кризисом.

VI. Россия периода Б. Ельцина характеризуется: в духовной сфере: бездуховностью (82%), уважением к Православной церкви (58%); в сфере экономики: кризисом (93%), тяжелым экономическим положением (89%); в социальной сфере: неуверенностью в своем будущем (93%), социальной несправедливостью (86%), возможностью стать богатым человеком (76%); в политической сфере: межнациональными конфликтами (85%), бюрократией (65%), гражданскими и политическими свободами (57%); в этической сфере: преступностью, бандитизмом (96%), коррупцией, взятками (92%), страхом (51%). Это образ находящегося в глубоком экономическом и политическом кризисе, духовно падшего коррумпированного государства, полностью отчужденного от своих граждан.

Таковы образы государственности, экономических и общественных отношений разных исторических этапов России (СССР) в массовом сознании россиян, лично переживших многие из оцениваемых этапов и поэтому способных высказывать оценки на основании своего личного жизненного опыта.

Рассмотрим подробнее изменение во времени основных характеристик, приписываемых респондентами различным этапам истории России. Для этого выделим группы признаков, объединенных при помощи факторного анализа из перечисленных в таблице¹. Получены следующие факторы:

Фактор 1, условно названный *Идейность*, включает следующие признаки: любовь к Отечеству, чувство гордости, успехи в образовании, авторитет в мире, успехи в науке и технике.

Фактор 2, условно названный *Социальный оптимизм*, включает следующие показатели: жизнерадостность, доверие между людьми, мощная промышленность, подъем сельского хозяйства.

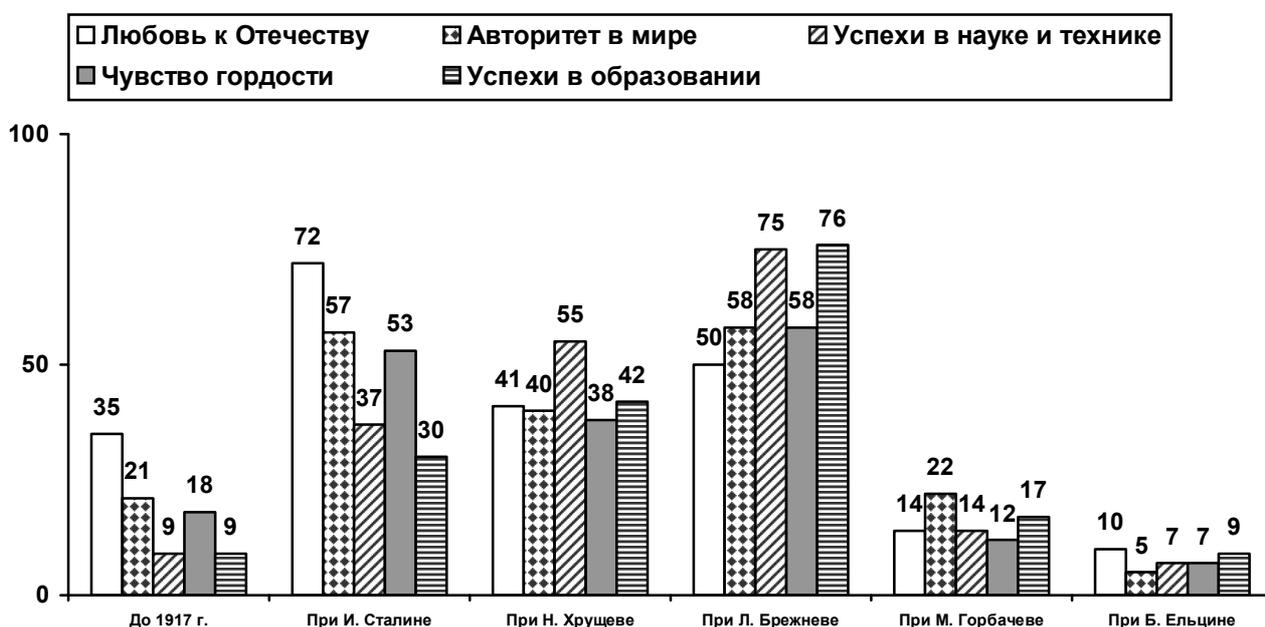
¹ После компьютерного интегрирования перечисленных в таблице 28 показателей при помощи факторного анализа 16 из них объединились в 4 фактора. Остальные 12 оказались независимыми (как бы «сами по себе») и не объединились в факторы. В факторы включались только те показатели, веса которых были больше 0,5.

Фактор 3, условно названный *Асоциальность*, включает следующие показатели: бездуховность, коррупция (взятки), чувство социальной несправедливости, неуверенность в своем будущем, страх.

Фактор 4, условно названный *Прагматизм*, включает два строго взаимозависимых показателя: быстрое экономическое развитие и возможность стать богатым человеком. По логике вещей, обогащение возможно только в результате развития экономики, однако в российской практике 1990-х гг. наблюдалась противоположная тенденция: обогащение узкой прослойки населения происходило при полном развале (в лучшем случае – депрессии) экономики.

Рассмотрим значение каждого фактора для разных исторических периодов¹.

Рис. 7. Доля респондентов, указавших, что в разные исторические периоды для российского (советского) общества характерна "идейность"

Заметно, что при И. Сталине чувство гордости и любовь к Отечеству россиян были порождены высоким авторитетом СССР в мире, при Н. Хрущеве это чувство сохранялось по инерции, подпитываясь успехами в образовании и достижениями в науке, а при Л. Брежнев у советских граждан вновь усилились чувство гордости и любовь к Отечеству в результате успехов в образовании, достижений в науке и технике. Начиная с руководства страной М. Горбачевым, чувство гражданского патриотизма россиян осталось без какой-либо подпитки. По мнению большинства респондентов, этап духовности характерен только для сталинского и брежневского периодов.

Судя по данным, характерный для сталинского периода подъем экономики в период Н. Хрущева дополнился развитием сельского хозяйства, начавшего свертываться при Брежнев. Однако в брежневский период мощное развитие промышленности обусловило установление всеобщего оптимизма населения и доверия между людьми. Все это опять-таки распалось с приходом к власти М. Горбачева.

¹ Для наглядности на рисунках отображаются эмпирические значения не факторов, а самих показателей, образовавших фактор.

Рис.8. Доля респондентов, указавших, что в разные исторические периоды для российского (советского) общества характерен "оптимизм"

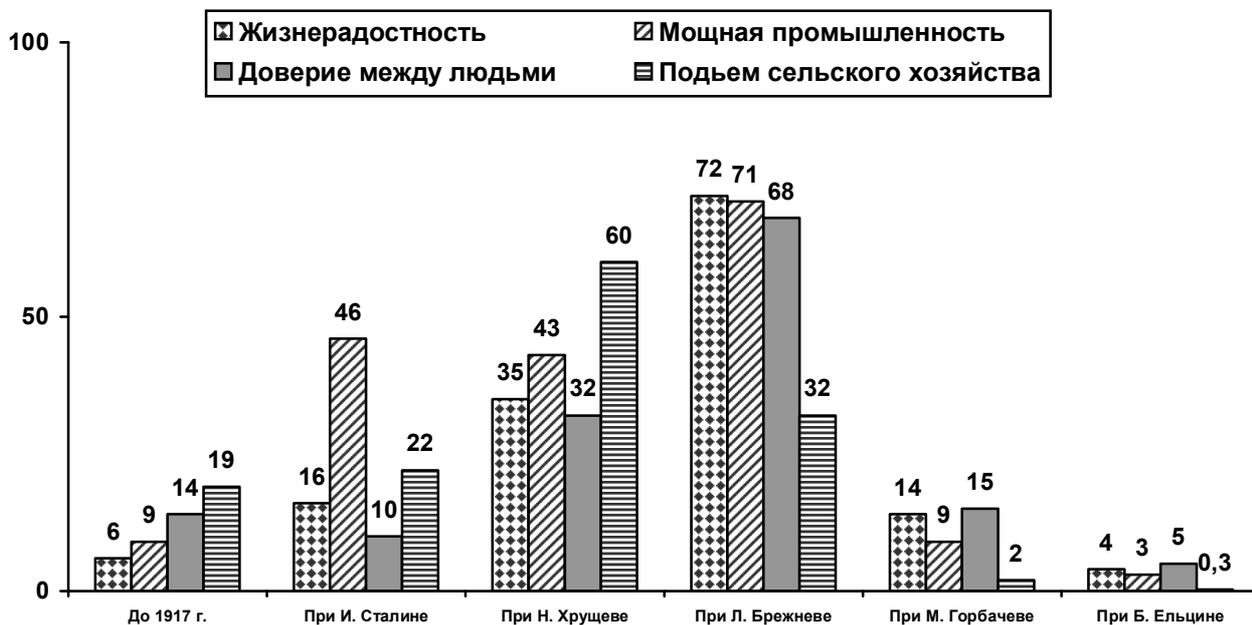
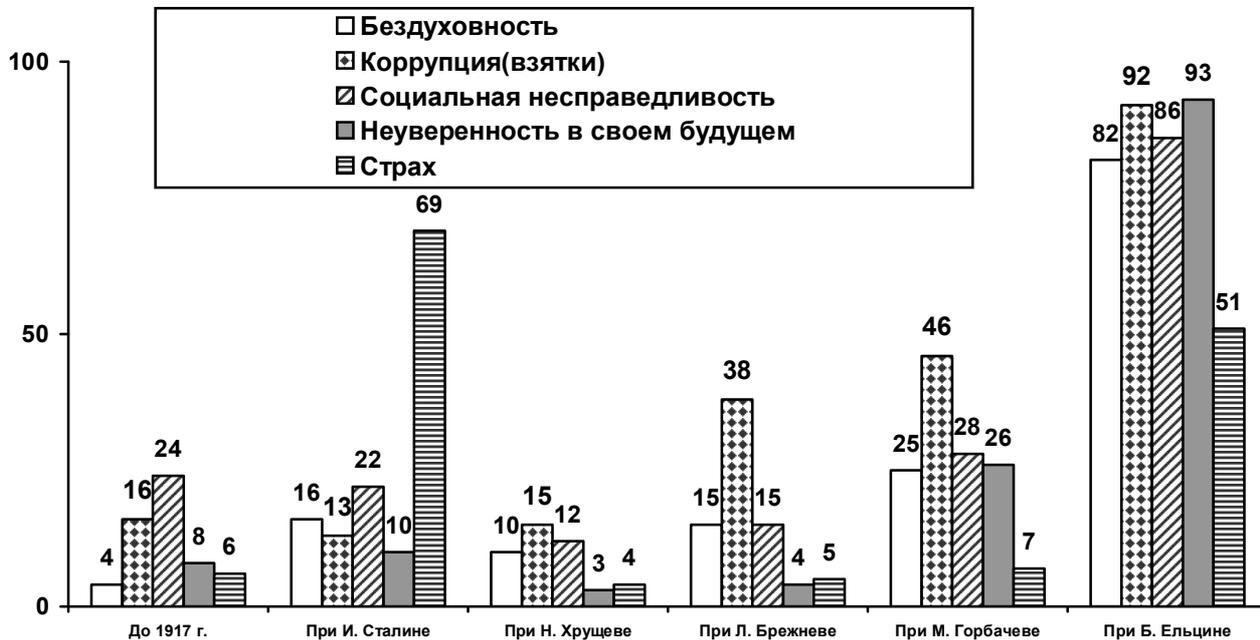

Рис.9. Доля респондентов, указавших, что в разные исторические периоды для российского (советского) общества характерна "асоциальность"

Страх, порожденный при И. Сталине самой политической системой, вновь дает о себе знать в ельцинский период, дополняясь массовой коррупцией, социальной несправедливостью, бездуховностью и неуверенностью в будущем – таково мнение большинства респондентов. Различаются только истоки этого страха: при И. Сталине он вызывался опасением, что «посадят», а при Б. Ельцине – что «убьют».

Рис.10. Доля респондентов, указавших, что в разные исторические периоды для российского (советского) общества характерен "прагматизм"

Обобщенное мнение россиян, основанное на результатах факторного анализа, позволяет сформулировать следующий образ общественно-политической системы России (СССР) на разных исторических этапах, доминирующий в историческом сознании.

Историческая память россиян сохранила о *дореволюционном* (до 1917 г.) *периоде* довольно аморфные представления. По-видимому, это трудности преодоления противоречия между идеологическими мифами, внедренными в массовое сознание населения, чья социализация происходила еще в СССР, системой социалистического исторического образования и искусством социалистического реализма, с одной стороны, и современной эклектической переоценкой истории – с другой.

Период *И. Сталина* сохранился в массовом сознании россиян как этап прогресса милитаризованной экономики, обеспечившего СССР уважение в мире, однако достигнутого за счет жесткой дисциплины и страха.

Период *Н. Хрущева* хранится в памяти поколений как этап аграрной реформы и «робкой» либерализации общественных отношений.

Период *Л. Брежнева* представлен в массовом сознании как господство социальной справедливости и социального оптимизма, успехов в образовании и науке.

Период *М. Горбачева* идентифицируется как этап гражданских и политических свобод и, вместе с тем, этап неопределенности в экономике и в социальных отношениях, как начало кризиса.

Период *Б. Ельцина* воспринимается россиянами как этап всеобщего социального неравенства, полномасштабного экономического и социального кризиса, бездуховности и повальной коррупции.

Процесс становления исторического сознания россиян не одноплановый, а опосредованный этапами социализации поколений и возрастными биоциклами. Полный биоцикл включает примерно 60 лет, а отдельные стадии цикла – примерно 12 лет. Трансформация ценностной структуры общественных групп происходит в пограничном возрасте примерно в 36-45 лет, после чего эта структура становится консервативной с точки зрения субкультуры молодого поколения. Историческое сознание россиян ограничено довольно узким временным лагом, а именно:

- оно аморфно оценивает дореволюционную историю России как нечто внешнее, чужое и давно забытое; этот этап истории страны не имеет в массовом сознании ярких предметных или духовных символов, а посему не является основой идентичности ни одного из ныне живущих поколений;
- со сталинским периодом склонна идентифицировать себя лишь небольшая часть старшего поколения, при этом критично оценивающая отдельные аспекты данного периода;
- от ельцинского этапа истории России отчуждены все поколения;
- основная масса россиян, сознательно или подсознательно, идентифицирует себя с брежневским периодом.

Условная сопоставительная схема *идентичности* (показатели имеют положительное значение и направлены вверх) или *отчуждения* (показатели имеют отрицательное значение и направлены вниз) различных возрастных когорт в отношении исторических этапов России следующая¹.

Заметно, что отчужденность от истории России периода Б. Ельцина очень велика у четырех старших возрастных когорт и относительно низка (но все-таки имеет место) у младшей когорты.

В целом все возрастные когорты в той или иной степени проявляют идентичность с до-революционным, сталинским и брежневским историческими этапами страны, и все – отчужденность от 1990-х гг. жизни России. Более того, показатели свидетельствуют о сильной трансформации исторического сознания под влиянием идеологических стереотипов, в связи с чем *существенных различий в структуре исторического сознания молодого и старшего поколений россиян не наблюдается*. Историческая память россиян хранит, прежде всего, духовные и научные достижения страны, то есть те явления, которые носят созидательный характер.

Таблица 35

Индекс идентичности (положительные значения) или отчужденности (отрицательные значения) представителей различных возрастных когорт в отношении разных этапов истории России

Этапы истории России	Возрастные группы				
	16-25	26-35	36-45	46-55	56-65
До 1917 г.	10	25	21	16	12
При И. Сталине	17	31	38	30	68
При Н. Хрущеве	22	33	43	42	64
При Л. Брежнев	24	46	84	64	87
При М. Горбачеве	-0,1	-7	-4	-6	-7
При Б.Ельцине	-0,2	-41	-61	-50	-73

Идентичность исторического сознания нынешнего молодого поколения и поколений, чья молодость корнями уходит в прошлое, доказана при помощи и других исследований²:

Таблица 36

События прошлой истории России, которыми гордятся представители различных поколений россиян

Чем гордятся россияне	Возрастные группы				
	16-25	26-35	36-45	46-55	56-65
Выдающимися русскими царями и императорами	16	13	12	10	7
Великими российскими поэтами, писателями, композиторами, художниками	72	67	63	57	55
Победой в Великой Отечественной войне	83	78	81	81	84
Восстановлением страны после Великой Отечественной войны	56	65	71	76	81

¹ Интегральный индекс иллюстрирует тенденцию, не давая конкретного содержания числовой характеристики, и используется сугубо в целях сравнительного анализа. За пределами межгруппового сопоставления он не имеет ни семантического, ни эмпирического смысла. Индекс идентичности (отчужденности) россиян построен по формуле

$$J = \frac{\sum \acute{a}_i - \sum \acute{a}_j}{i + j}, \text{ где } \acute{a}_i - \text{число положительных оценок, } \acute{a}_j - \text{число}$$

отрицательных оценок. В отношении разных этапов истории России индекс меняет свою величину от «0» (безразличие) до +100 (полная симпатия) и от «0» до «-100» (полное отрицание).

² Общероссийские репрезентативные исследования, проводившиеся Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) по единой методике в 1995 г. и в 1997 г. и Институтом социологии РАН в 2007 г. Объем выборочной совокупности в каждом исследовании по 1750 человек соответственно. В этой части статьи использована интерпретация данных, предложенная А.Л. Андреевым.

Достижениями космонавтики	57	62	59	63	61
Полетом Ю. Гагарина в космос	53	52	53	52	49
Авторитетом России в мире	15	14	24	26	30
Демократическими свободами, которые достигнуты в России в 1990-е гг.	7	5	4	3	3
Российской армией	14	10	16	19	20
Системой образования	21	18	26	30	29

Так, в 1995 г. в ходе исследования респондентам задавался вопрос: «Каким периодом истории России, начиная со времени петровских преобразований, Вы в наибольшей степени гордитесь?». Распределение мнений по этому вопросу показало, что симпатии населения страны фокусировались лишь в одной точке. Это – личность и дела Петра Великого. На тот момент ими гордилось свыше 54% молодежи в возрасте 18-26 лет. Исследование, проведенное в 1997 г., дало аналогичные результаты, которые практически подтвердили прежние данные. Молодежь ориентировалась на те же оценочные модели, которые были в то время характерны для массового сознания населения в целом. Свое восхищение Петром I и его свершениями высказали 48% молодежи в возрасте до 26 лет. Второй по рейтингу эпохе – «золотому веку Екатерины» – было отдано в 3,5 раза меньше голосов, остальные периоды отечественной истории – отмена крепостного права, революция, правление Сталина, «оттепель», «застой» и т.д. вплоть до недавнего прошлого («перестройка» и президентство Б. Ельцина) – привлекли симпатии совсем немногих (от 2% до 6% опрошенной молодежи).

Спустя 10 лет молодым россиянам вновь было предложено оценить основные периоды истории России. Изменились ли за этот период образы истории в сознании молодежи? Как показали данные исследования, ответ на этот вопрос зависит от того, в каком аспекте мы рассматриваем проблему исторической ментальности. Если вести речь о структурно-типологических характеристиках ценностной модели истории, то ее общая конфигурация сохраняется. Петровский период в целом сохраняет свое центральное положение на ценностной шкале исторических образов, но, по сравнению с данными середины 1990-х гг., его привлекательность несколько снизилась: применительно к молодежи – с 48% до 40%, однако и в возрастной группе старше 40 лет – с 40% до 33%.

Сильно сказывается на выборе исторических героев уровень образования. Петровские преобразования ближе всего по духу студенчеству и тем, кто уже закончил вузы. В этой группе уровень симпатий к Петру I и его эпохе выше среднего – 47%, в то время как среди имеющих образование не выше среднего он достигает максимум 36%. Надо, однако, отметить, что в середине 1990-х годов доля поклонников Петра I среди молодежи с высшим образованием была также выше и составляла 65%¹. Для объяснения этой динамики правомерно связать историю с социальным опытом сегодняшнего дня. Ведь кто такой Петр I, какую идею и какие явления общественной жизни он символизирует? В глазах «среднего» россиянина он, прежде всего, твердый и последовательный реформатор и «западник». Снижение значения образа Петра в глазах населения, в том числе наиболее образованной и приобщенной к процессам модернизации части молодежи», естественно интерпретировать как следствие некоторого разочарования в реформаторстве и «западничестве».

Можно выделить следующие приоритеты исторического сознания, характерные также для молодого поколения россиян:

- в поиске достойных символов российской истории все поколения ограничиваются периодом 1945-1970 гг., охватывающим этапы собственного социального опыта и опыта родителей, в редких случаях (в основном если речь идет о молодом поколении) – прародителей;
- имеет место возрождение преемственности российской истории за счет ее восприятия молодым поколением по аналогии со старшим;
- в качестве наиболее выдающихся исторических событий России выступают следующие достижения: интеллектуальный потенциал россиян в форме достижений в области космонав-

¹ См.: Россия на рубеже веков / под ред. М.К. Горшкова. М., 2000. С.13.

тики; нравственный потенциал россиян в виде приверженности принципу социальной справедливости, искоренения зла, в виде победы в Великой Отечественной войне 1941-45 годов; выносливость, трудолюбие и социальная справедливость как формы отрицания паразитического образа жизни; восстановление России после военной разрухи.

Грошев И.Л., (ТГНГУ, Тюмень)

Социологические опросы молодёжи в образовательных учреждениях системы МВД России

Одним из современных новых подходов в социологии молодёжи является рискологический подход¹, рассматривающей разнообразные риски, с которыми сталкивается современная молодёжь. Принимая во внимание растущую интегрированность России в мировое сообщество, которое давно не олицетворяет стабильность и эффективность, высокая степень неопределённости в современном мире продолжит неуклонный рост. Тем не менее, важно определить, насколько программируема реакция молодёжной среды на состояние неопределённости. Почему одни и те же факторы приводят к совершенно разной реакции каждого отдельного индивида? Какие реакции являются общими для молодёжной среды как самостоятельного кластера общества? Эти вопросы составляют тот перечень, на который может ответить конфликтологический подход. Суть этого подхода состоит в том, что демонстрируемые молодёжью формы протеста, вся вариация их норм поведения предопределяется не только и не столько внешними факторами, сколько внутренними побудительными мотивами молодого сознания индивида, заложенными природой социума. Иными словами, в любой исторический период развития общества подрастающее поколение стремится противопоставить свои взгляды, свою идеологию, ввести их в конфликт с общепринятыми догматами. И, следовательно, речь в данном контексте может идти лишь о превалировании «безусловно положительных – созидательных мотивов» (например, героизм молодёжи в годы войны, комсомольские стройки СССР) и «условно отрицательных – разрушительных мотивов» (например, акции футбольных фанатов), а также лиц, придающих «окраску» этим мотивам. Специфика социологии молодёжи в целом заключается не только в том, что она изучает широчайший спектр разнообразных взглядов и тенденций молодёжной среды, но и динамичный трансферт этих взглядов из одной системы мировоззрения в другую, порой диаметрально противоположную. Внешний хаотизм (непредсказуемость) таких смещений обусловлен скорее внутренними факторами, и как ответ на внешнее воздействие социальной среды – отсутствие жизненного опыта и выражение сомнения в используемой стратегии, что обязательно приводит к единению с единомышленниками. Таким образом, вызов сложившимся общечеловеческим канонам происходит уже не на уровне отдельной личности, а с включением в микрогруппы (использование коллективного сознания, выступающего в качестве резонатора).

В данном контексте диапазон моторных проявлений весьма разнообразен – от «разгула анархии» до элементов «массового героизма». Попытка выявить, с одной стороны, факторы, стимулирующие позитивные и негативные модели поведения, а с другой – индикаторы, фиксирующие уровень и степень влияния каждого фактора в текущий момент на сознание молодёжной среды и его преломление в сознании каждого отдельного индивида, является наиболее перспективным направлением в исследованиях анализируемого сегмента современного российского общества.

Учёт же специфики опросов молодёжи в учебных заведениях системы МВД выступает как отдельный, концентрированный инструмент, позволяющий детализировать методику и технику полевых социологических исследований. Именно на этом уровне возможно охарактеризовать минимальный нижний предел вероятности результатов, удовлетворяющих минимальным требованиям качества социологических исследований. В данной социальной среде, *социология* способна не только получать качественную информацию, но и способствовать формированию у респондентов нетерпимости к нарушениям прав и свобод человека, нахо-

¹ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: учебник. Екатеринбург, 2006. С.20.

дящихся на «государевой службе», т.е. своими результатами положительно влиять на сам объект исследования, превращаясь из средства в механизм.

Ключевым тезисом при рассмотрении заявленной темы является убеждение автора в том, что происходящие негативные процессы в современном российском обществе, обусловленные действием или бездействием правоохранительных органов, изначально закладываются в образовательных учреждениях, принадлежащих этой системе. Будь то коррупционер¹ или «оборотень в погонах»², рядовой сотрудник ГИБДД³ или начальник высшего учебного заведения⁴, единственным и наиболее эффективным средством противодействия их деяниям является изучение, публикация и вовлечение общества в процесс анализа и осуждения указанных сотрудников с обязательным последующим уголовным преследованием.

Далеко не все методы социологических исследований применимы в закрытых учреждениях силовых структур МВД. Серьёзные ограничения в это вносят психологический и ситуативный факторы. Первый вызван длительным и непрерывным воздействием на сознание молодого человека аморальных правил, норм и моделей поведения, существующих в стенах учебного заведения; отсутствием возможности поделиться информацией, своими переживаниями, проблемами (наличие службы штатных психологов не гарантирует анонимности и честности в общении, т.к. психологи обязаны отчитываться перед руководством о том, кто был на приёме, по какому поводу, с каким эмоциональным фоном). Молодой человек постоянно находится под воздействием психологического прессинга.

Ситуативный фактор учитывает место и время, настроение респондента, его возможности и желание «раскрыться», быть предельно объективным и искренним. Тщательность оценки ситуации, которая позволила бы использовать с максимальным эффектом сбор и качество эмпирического материала – одна из наиболее трудных стратегических задач социолога. Требуется достаточно длительный период включённого наблюдения (продолжительность может достигать от года до 5-7 лет), регулярный анализ «психологического фона», выявление «критической точки закипания общественного мнения», эмоционального взрыва, за которым следует этап критического осмысления и, как правило, период наивысшей вероятности максимального качества эмпирического материала.

Другая трудность: сбор первичной информации в условиях диктата «позитивных установок» со стороны руководства МВД России предопределяет психологическую предустановку как со стороны опрашиваемых, так и со стороны исследователя. Любой социолог в такой обстановке осуществляет выбор позиции, своего отношения к процедуре полевых исследований, её результатам, оставаясь при этом лояльным к любым итогам исследований. Подчас он уже на начальной стадии достаточно ясно осознаёт вероятные последствия интерпретации результатов исследования (ситуация значительно усугубляется, если сам социолог является действующим сотрудником ОВД). Рассмотрим три возможных сценария поведения учёного в условиях ограничительной цензуры со стороны руководства ОВД:

1. *Плановость, всеобщий учёт и контроль.* Согласование каждого элемента, каждого этапа исследований; корректировка текущих результатов; тщательный подбор персоналий в качестве респондентов. Со стороны руководства – максимальная поддержка, предоставление только позитивной сопутствующей информации, по окончании – поощрение по итогам проделанной работы (премии, грамоты, благодарности). Очевидно, что при данной стратегии не только уничтожается «феномен открытия», когда незапрограммированный результат привносит некоторую веерную совокупность пролонгированных исследований, но и уничтожается свобода корреспондента, его личностная установка и восприятие ситуации в целом.

¹ Панфилова Е. Уровень коррупции в России стал самым высоким за последние восемь лет, <http://reporter.ru/>

² <http://www.compromat.ru/main/mvd/oborotnideb.htm>

³ Подмосковный инспектор ГИБДД вымогал взятку в 1,5 млн. рублей. <http://www.rosbalt.ru/2010/05/11/735756.html>

⁴ Грошев И.Л. Истоки и причины коррупции в правоохранительных органах России// Следователь, 2008. №1 (117). С.2-7.

2. *Стандартизация и унификация.* Ежегодные (регулярные) опросы общественного мнения под эгидой программ МВД России при условии, что вся обработка полученных первичных данных и формулировка выводов выполняется централизованно сотрудниками головного аппарата МВД (г. Москва). Выборочная совокупность «задаётся» в виде жестких параметров, задаются прогнозные ожидания содержания данных. В этом случае достаточно слегка скорректировать прошлогодние результаты, «переноса центр тяжести» на те указанные характеристики, чьё увеличение ожидается со стороны заказчика. Например, «должен быть ежегодный рост доверия населения к сотрудникам органов внутренних дел России» или «регулярно улучшаться морально-психологический климат в подразделениях МВД в связи с реализацией приказа министра внутренних дел Р.Нургалиева об искоренении коррупции в органах внутренних дел России в течение месяца»¹ и т.д. Атрибутивность данной методики, на мой взгляд, настолько дискредитирует социологию как науку, что впору позиционировать такого рода «мониторинговые исследования», не имеющие под собой ни научную базу, ни качественную интерпретацию получаемых данных, например, как «маркетинговые исследования». А если принять во внимание тот факт, что сбор и первичную обработку информации проводят люди сами далекие от социологии, то предлагаемые выводы по мониторингу (есть основания считать, что эти выводы ложатся в отчёт о деятельности МВД России за текущий период) резонно отнести к категории слухов (массовой дезинформации).

3. *Оперативность, принципиальность и объективность.* Своеобразный элемент «партизанщины», предполагающий «нанесение точечных ударов» по наиболее уязвимым, проблемным местам в структуре МВД. Это означает отсутствие изначальной согласованной установки на какие-либо исследования; полный самоконтроль и самостоятельность в выборе объекта, предмета и инструментария исследования, расчёт момента «выхода на эмпирическое поле». Однако, не следует уподоблять такие действия спонтанным, непродуманным и необоснованным теоретически, скорее напротив – оперативность как базовый критерий предполагает длительную (вынужденно скрытую) подготовку, тщательную отработку каждого элемента в программе исследований, т.к. второго шанса (корректировки) подобного среза мнений респондентов у исследователя уже не будет.

Важно учитывать доминанту побудительных мотивов социолога при организации и проведении исследования. Как показывает практика, добиться какого-либо научного признания не удастся, и это должно отчетливо пониматься. Расчёт в этой ситуации строится на двух мотиваторах: 1) такого рода эмпирические данные не могут быть получены иначе и никем другим, кроме тебя (эта исключительность возвышает и объясняет ответы на вопросы: «зачем?» и «кому это надо?»); 2) необходимость сбора информации затребована самой природой деятельности молодых людей (в данном случае курсантов), находящихся в состоянии психологического дискомфорта и жаждущих обнаружить «опорные точки» для формирования системы мировоззрения. Таким образом, доминирующим мотивом выступает потребность разобрататься в ситуации самому социологу и разъяснить другим на профессиональном уровне что происходит, почему именно так и могло ли быть иначе!

В качестве ответных действий со стороны руководства МВД по третьему сценарию следует ожидать как минимум служебное расследование (возможно уголовное преследование); по крайней мере – психологическое давление, увольнение (если социолог являлся действующим сотрудником МВД); как максимум – инициирование преследования социолога в его дальнейшей гражданской жизни (здесь допустимы угрозы, прямое физическое воздействие, причинение вреда личному имуществу социолога).

Тем не менее, ценность полученного эмпирического материала и его интерпретации настолько велика, что статусные и личностные потери не сопоставимы с весом полученной информации. Именно она позволяет объективно оценить текущую ситуацию в целом и её отдельные элементы, составить прогноз и предложить комплекс тактических и стратегических воздействий для предотвращения коллапса системы.

¹ http://pda-vz.ru/news=news__2009__8__22__320225ht.html

Проанализируем специфику молодёжи, обучаемой в учебных заведениях системы МВД, как объекта исследования. Главным и отличительным свойством объекта является совместное существование субъектов в ограниченном пространстве (проживание в казарме, наряды по службе, присутствие на учебных занятиях и занятиях по самоподготовке), что обуславливает особый микроклимат, напоминающий мельницу, постоянно трансформирующую сознание человека и не позволяющую сознанию кристаллизоваться (оформиться в виде концептуальных норм, принципов и стандартов поведения). Тогда происходит естественное заимствование чужих стереотипов (их источником являются старшие товарищи, начальники курсов и руководители вуза). В числе доминантов присутствуют такие качества, как наущничество, стукачество, эгоизм и крайний индивидуализм; на этом фоне развивается скрытый или демонстрируемый протест против существующего положения дел, в том числе приводящий к служебным проступкам (пьянство, употребление наркотиков, воровство, драки; есть и иная форма, например, письмо на имя Президента России г-на Медведева Д.А.¹).

Существенной поддержкой для исследователя является тот факт, что в среде курсантов сформировано и активно функционирует так называемое «общественное мнение», причём оно далеко не сиюминутное, достаточно стабильное, многократно апробированное на практике. В этой ситуации профессионализм социолога, повторимся, проявляется в технике и методике: а) умении выдержать определённый такт в процессе разработки инструментария, б) точно рассчитать и обосновать временной интервал для проведения социологического опроса, в) до этого заслужить доверие со стороны респондентов, г) не оказывать давление на опрашиваемых своим авторитетом, д) расположить их к откровенности, е) гарантировать им безопасность. Оперативность опроса нивелирует вероятность согласования ответов курсантов, а также поиск нейтральных (безопасных для респондента) вариантов ответов на каждый вопрос. Позитивным моментом является то, что перечень наиболее «больных тем» курсанты формулируют (озвучивают) сами, а оценка и выбор наиболее релевантной для исследования тематики должны быть включены в подготовительный этап, следовательно, социолог должен иметь многократный доступ к аудитории (осуществлять многократное формализованное и неформализованное интервьюирование), позиционируемой в дальнейшем в качестве респондентов.

Личный пример интервьюера, устойчивое мнение о нём (авторитет), сложившееся в среде курсантов, должно вызывать у опрашиваемых чувство уважения или, по крайней мере, отсутствие чувства ненависти. В первую очередь это приобретается путём декларирования жизненной позиции, достаточно понятной, со стойкими правилами и принципами; умением отвечать за свои слова и поступки, иметь собственное суждение по любым проблемам, т.е. именно те качества, которые утверждают наличие чести офицера (данное понятие высоко ценится в среде военнослужащих). Предпочтительнее, чтобы исследователем был мужчина, т.к. молодёжь легче ассоциирует сильный характер с лицом мужского пола и довольно «болезненно» воспринимает аналогичный жизненный подход представителем другого пола.

Как показывает практика², наличие в инструментарии «открытых вопросов» актуально и целесообразно, не забывая того, что сам опрос выполняет функцию психотерапии (играет роль своеобразной отдушины), когда молодой человек находится в состоянии пресыщения накопленной за годы обучения в вузе негативной энергии. Многочисленные исследования это убедительно доказывают, когда именно на эти вопросы курсантам не хватало места в анкетах, чтобы «выплеснуть свои эмоции». Это однозначно указывает на высокую степень интегративной включённости объекта исследования в обсуждаемую тему и является своеобразным положительным индикатором.

В настоящее время стремление правоохранительных органов России сохранить «статус неприкасаемости и закрытости» (из высказываний Президента РФ: «...милиционер будет уволен из органов за публичное высказывание суждений и оценок в отношении деятельности органов внутренних дел либо служебной деятельности руководителей органов внутренних

¹ Письмо курсанта Тюменского юридического института МВД, г. Тюмень, Савостов Л., февраль 2010 г.

² Пилотный проект «*JUNONIS AND GENIUS*», 2007 г., Тюмень, www.delogosheva.narod.ru

дел»¹), в конечном счёте, приводит к нарушению целой гаммы статей основного закона государства – Конституции Российской Федерации². Есть ли смысл говорить о воспитании принципов законности в сознании курсантов и слушателей ведомственных образовательных учреждений системы МВД?

При организации и проведении опросов следует также учитывать высокую степень подчиненности и зависимости обучаемых от руководства учебного заведения, ограниченных в правах не только психологически, но и законодательно. Очевидно, что в этом контексте толкование содержания получаемой в ходе исследования информации будет являться прерогативой самого руководства учебного заведения! Если полученные результаты не удобны, если они затрагивают коррумпированные интересы должностных лиц, то положительное решение суда в пользу системы МВД гарантировано³.

Из проведённого анализа резонно сделать вывод о существующих тенденциях ангажированности любых социологических опросов учащейся молодёжи в системе МВД России вследствие невозможности сочетания в одном исследователе несовместимых, на наш взгляд, групп качеств, таких как армейская субординация и независимость; доверие к исследователю со стороны руководства и респондентов; включённое наблюдение и абстрагирование от собственного мнения по конкретной проблеме; гарантия анонимности и подотчетность непосредственному начальнику; стремление выявить злободневные проблемы и отсутствие реального воздействия на их нивелирование и т.д.

Одним из наиболее эффективных механизмов, позволяющих осуществить «срез мнений обучаемых» в системе МВД в настоящее время, является активное формирование «общественного мнения» родителей, родственников обучаемых, т.е. тех, кто в наибольшей степени заинтересован в информации о факторах, влияющих на характер и поведение своих детей; желающих оценить и изменить вектор этих изменений. Однако и в этой среде имеет место быть феномен «обета молчания». Действительно, «проталкивая» своих чад (в т.ч. и за взятки), родители приобщаются к когорте тех деформированных личностей, кто поступает нравственными принципами в угоду мнимого будущего благополучия своих детей. Позже приходит осознание абберативности данного подхода, осознание «нравственной деградации» человека, прошедшего через горнило службы в учебных заведениях МВД.

Использование конфликтологического подхода предполагает параллельный аналоговый опрос молодёжной среды и взрослого населения, аккумулирующего в себе образ внешней среды. Обнаружение и анализ, в т.ч. и латентных противоречий, позволит эволюционировать системе МВД РФ без тяжёлых и разрушительных последствий как для самой системы, так и для российского общества. Кардинально улучшить климат в учебных заведениях МВД России (и в этом не приходится сомневаться) в состоянии тотальный общественный контроль за служебной и финансовой деятельностью руководителей, в чьём ведении находятся молодые, не сформировавшиеся души, которые, следуя логике конфликтности, «бросают вызов» общественным устоям, нормам, стандартам поведения, культуре общения, гуманизму и законности.

Грошева И.А. (ТГАМЭУиП Тюмень)

Институциональные практики глазами современной молодежи

В каждом социальном институте есть своя система ценностей и нормативной регуляции, которая определяет, для чего он существует, что там достойно и недостойно, как действовать в этой конкретной системе отношений. С одной стороны, в процессе институционализации возникают расхождения между интересами всего сообщества (в удовлетворении некой потребности: в потреблении, общении, защите, воспроизводстве и др.) и интересами конкрет-

¹ Смирнов С., Вельк Н., Гирфанов Р. /Infox.ru. Медведев назвал 15 причин для увольнения милиционеров. http://infox.ru/accident/crime/2010/02/19/Myedvyedyev_nazval_1.phtml

² Конституция Российской Федерации, <http://www.constitution.ru/> Ст.2,7, 17, 18, 21, 23, 28, 29, 33, 45. Прим. редактора – содержащиеся в предложенном варианте подробные характеристики статей Конституции РФ нами опущены.

³ Чернова Н. Мундир запачкали цифрами // Новая газета, №84 от 5 августа 2009 г.

ных функциональных субъектов, реализующих эту потребность для общества. С другой стороны, потребность может носить массовый характер, но по разным причинам (в основном культурной легитимации) не быть признанной как общественно значимая. В результате развиваются «подпольные институты» – не принятые, официально игнорируемые, не наделяемые специальными ресурсами, но формирующие свою субкультуру, выполняющие определенные функции и стандартные операции, находящие пути материального обеспечения своей деятельности.

Отношения подобного рода воспроизводятся в скрытой (латентной) социальной форме. Они долгое время могут быть не признаны ценными (социально значимыми) в рамках доминирующего культурного стандарта. Однако на определенных этапах развития общества, особенно в критические моменты, скрыто живущие отношения «возрождаются» и институционализируются (т.е. признаются обществом, становятся легальными и легитимными). Сегодня нет оснований утверждать, что российское общество безоговорочно принимало институты авторитарной власти и не сопротивлялось наступлению на свои права – сопротивление постоянно существовало, но оно принимало довольно причудливые формы. Иными словами, альтернативой институтам авторитаризма выступали не демократические институты, а различные теневые антиинституты, не только смягчающие практику применения жестких законов, но и разрушающие процесс функционирования любых общественных и государственных институтов, самые нижние уровни иерархии институциональной системы. Поддержание основных правил игры и выстраивание институтов верхних уровней в этих условиях осуществлялось драконовскими мерами, в том числе изданием жестких указов, буквальное и неуклонное исполнение которых было в принципе невозможно¹.

Возникающий двойной социальный стандарт отношений, поведения, оценки, способов разрешения противоречий создает условия для широкой вариативности поведения и конфликта «долженствований»: законодательных и жизненных. Россияне старой и новой формации в этом плане принадлежат к сходным социально-поведенческим культурам, поскольку значительная разница между явными и латентными, официальными и реальными функциями социальных институтов обуславливает сходные проблемы в установлении нормативных стандартов. Состояние институтов является индикатором (значимым показателем) социальной стабильности всей общественной системы. Помимо проблемы распространения религиозности в обществе некоторые современные социологи ставят вопрос о том, позволит ли новый тип личности, формируемый современной промышленной цивилизацией, сохраниться стандартам традиционного религиозного поведения.

Христианская мораль была обращена к личности, апеллировала к совести каждого, что обеспечивало ей популярность и «вечную юность». Эта идеология призывает к тому, чтобы грубо материальное в жизни отошло на второй план, и человек «приподнялся» над повседневностью своего существования, обратил свои помыслы от мелких забот к высшему своему предназначению. Христианство уравнивает перед лицом бога всех, невзирая на национальность, богатство и титулы. Все равно страдают на этой земле, все заслуживают спасенья. Нравственное равноправие – аксиома для христианина. Еще одна привлекательная в моральном плане идея – идея бесконечного сострадания, изливающегося от бога на людей, а значит бесконечного человеколюбия, гуманизма.²

Однако проповедуемые идеи далеко не так однозначны как в самой религии, так и в целом в обществе. На самом деле, справедливость, о которой так много сказано в священном писании, в большей степени рассматривается лишь в отдаленном будущем (судный день). Равенство не обеспечивается ни по физиологическим признакам, ни по социальному статусу человека. Ни одна религия не предоставляет абсолютно равные права мужчине и женщине, верующим и атеистам, старшим и молодым. Таким образом, вполне естественно и обоснованно

¹ Цирель С.В. «QWERTY-эффекты», «path dependence» и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // Постсоветский институционализм: Монография/ Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005. С. 140/

² Зеленкова И.Л., Беляева Е.В. Этика: Учебное пособие и практикум. Мн., 1997. С.60.

ванно наличие двойной морали. Этот факт очень чутко улавливает современная молодежь. В марте 2010 г. студентам III-го курса факультетов юриспруденции и управления Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права было предложено в виде эссе изложить свою точку зрения на две темы: «Религия спасет мир. Согласны ли Вы с таким утверждением?» и «Семья в XXI веке: быть или не быть?» Из 42 человек, выразивших желание высказать свое мнение, голоса «за» и «против» религии как спасительницы мира распределились примерно поровну. Поражает разумность и наблюдательность молодого поколения. Вот некоторые из полученных высказываний.

Даши Л.: «Религия – это достаточно динамичная система, нацеленная на продвижение церкви. А церковь, в свою очередь, направлена на повышение статуса политики. Поражает, как во время духовной службы батюшка поднимает вопросы кризиса и в целом экономической политики, оправдывая деятелей государственных органов власти. Разве в этом состоит идея церкви? Лично я верю в Бога, но не верю в Церковь. Религия спасет мир только в том случае, если каждый человек будет нацелен на внутренний мир, познание себя, веры, которую он исповедует, духовную реализацию, если будет следовать канонам данной религии. И не потому, что требуется, а потому, что совпадает с моралью. Проявление доброты и великодушия к окружающему – это действительно спасет мир».

К такому же выводу о том, что служители Русской православной церкви давно определились и их деятельность сводится к верному служению не обществу и даже не государству, а власти пришли коллеги из Нижнего Новгорода, изучая проблему религиозности современного студенчества.¹

Антон З.: «Обидно, что в настоящее время религия измеряется высотой куполов, тяжестью крестов и количеством золота в этих предметах (применительно к России). Да, конечно, церкви и церковники хорошо доводят до нас смысл милосердия, сострадания, прощения, любви и просят нас искать в себе эти качества и чувства. Но многие понимают все слишком буквально и начинают придерживаться заветов только из страха попасть в преисподнюю. Делать все нужно, исходя из веры в самого себя, людей, надежды на безоблачное будущее. Людьюми легко управлять, дав им общего врага или идола для поклонения, и религии этим хорошо пользовались. Хотя сейчас им это плохо удается. Зато хорошо получается в политике. Страшно осознавать, что религия и политика очень похожи. Все-таки, наверное, прежде чем спасать мир надо спасать себя, находить в себе что-то хорошее и нести это в мир. Только надо, чтобы это сделал каждый. Вдруг и мир спасем».

Институтом обычно называют обособленный комплекс социальных действий. Закон, класс, брак, организационно оформленную религию тоже можно рассматривать как институты. Однако такое определение еще ничего не говорит нам о том, каким образом институт соотносится с действиями вовлеченных в него индивидов. Молодые люди делают акцент на индивидуальном самосовершенствовании, указывают на тот факт, что начинать в первую очередь, необходимо с себя. Разочарование в декларируемых социальных установках на добро и справедливость сказывается и на отношении к действующим социальным институтам.

Галина В.: «Утверждение «Религия спасет мир» очень спорное. Множество ученых занимаются этим вопросом и уже знают на него ответ, но общество абсолютно не хочет менять свои взгляды об истине религии. Множество фактов сходится на том, что религия является всего лишь мифом. Мифом, способным контролировать массы. И правительство каждого государства всегда знало это, и было способно манипулировать обществом, исходя из каких-либо целей. Так и по сей день. Существует множество религиозных конфликтов. Но как конфликт может быть связан с религией, если сама религия призывает сплотиться и верить в благо, стремиться к благу? Это полный абсурд. За религией стоит не Бог, не Аллах и прочие, а люди, в руках которых находится власть. А где власть, там контроль и жестокость. И я думаю, вряд ли все это может спасти мир. Это общество должно спасаться от религии. Ведь каждый знает, что святость и благодать хранится в наших сердцах. Все должны быть едины и откровенны не перед богами, а перед друг другом. Человек образованный, честный и жаждущий улучшить мир не нуждается в заповедях. Он знает, какие поступки не позволят совершить ему мораль и воспитание. И он сможет улучшить жизнь на земле, если все будут верить в него и в себя. И нам не нужны посты, молитвы, служения и причащения, чтобы осознать такие простые истины, как святость духа и чистота сердечная».

¹ Широкалова Г.С., Аникина А.В. Гражданственность и религиозность современного российского студенчества // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки /Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2009. С.678.

Можно утверждать, что лозунг «На Бога надейся, а сам не плошай» очень актуален среди молодых людей. Позиционируют верующими себя очень многие, но их скорее можно отнести к группе «сочувствующих», так как религиозность пока не присуща им в полной мере. Это скорее, соблюдение предписанного ритуала. В процессе социализации российской молодежи сейчас особенно важное место занимает специфика освоения личностью социокультурной реальности. Одни и те же отношения и культурные объекты осваиваются разными людьми по-разному, в зависимости от предыдущего опыта. Когда человек ориентирован на определенные социокультурные ситуации, то он их находит в разнообразной социальной действительности. Или он интерпретирует любое событие так, чтобы оно вписывалось или хотя бы не противоречило имеющемуся у него опыту и его системам ценностей. Освоение – это в такой же мере ориентация в мире, как и создание человеком своего жизненного мира. Религия как социальный институт пока не получила серьезный отклик в душах молодых людей, более того, при ответе на вопрос, какие признаки различают или объединяют людей той или иной национальности больше всех уверены в том, что их различает религия представители возрастных групп до 20 лет и 20-24 года. Казалось бы, этот социальный институт должен был выполнять консолидирующую роль, но в представлениях молодых людей он также поляризует общество, как особенности национального характера и внешность¹.

Институты обеспечивают процедуры упорядочения поведения людей и побуждают их идти проторенными путями, которые общество считает желательными. Трюк удается потому, что индивида убеждают: эти пути - единственно возможные. Следует отметить, что социальный контроль со стороны институтов – это не просто система запретов и ограничений, а условие действительной свободы и самореализации личности. Разумные ограничения придают уверенность индивиду, так как они распространяются и на других людей, следовательно, их действия становятся в большинстве своём предсказуемы, и ограничения выполняют функцию защиты от неожиданных разрушительных актов. Однако эта функция может быть выполнена в том случае, если механизмы социального контроля достаточно гибкие, они сами не являются произволом и способны изменяться с течением времени. То, что студентами отмечается в отношениях к себе (т.е. начинать нужно с себя) в той же степени относится и к служителям церкви. Не сможет религия выполнять охранительную функцию до тех пор, пока сами служители культа не будут являть собой образец высокой нравственности, честности, а не приторговывать золотом и мощами святых.

Наконец, та группа людей, в которой проходит так называемая частная жизнь индивида, т.е. круг семьи и личных друзей, тоже образует систему контроля. Было бы большой ошибкой полагать, будто давление в этом круге самое слабое из всех только потому, что он лишен тех формальных средств принуждения, которые есть в других системах контроля. Именно в этом круге индивид, как правило, имеет наиболее важные социальные связи. Неодобрение, утрата престижа, осмеяние или презрение в кругу близких имеют гораздо больший психологический вес, чем те же самые санкции, исходящие откуда бы то ни было еще. Если начальник окончательно приходит к выводу, что его подчиненный ни на что не годен, то это может иметь губительные экономические последствия, но психологический эффект будет гораздо более разрушительным, если к тому же выводу придет жена работника. Более того, система контроля со стороны близких может оказать давление именно тогда, когда индивид к нему совершенно не готов. Обычно на работе человек находится в более выгодной позиции, чем дома: там ему легче взять себя в руки, быть начеку или притворяться. Современный американский «культ семьи» и ценности, которые подчеркивают роль домашнего очага как убежища от проблем внешнего мира и необходимости самоутверждения, вносят большой вклад в эту систему контроля. Человек, хоть как-то психологически настроенный дать бой в своем офисе, готов сделать все, что угодно, ради сохранения шаткой гармонии в семейном кругу. Последний (но не по значимости) вид социального контроля со стороны «сферы интимного», отличается особенно мощным воздействием в силу ее роли в конструировании биографии

¹ В мае-июне 2007 г. было проведено исследование в г. Тюмени и городах юга области: гг. Тобольске, Заводоуковске, Ишиме, Ялуторовске. Выборка составила 725 человек

индивида. Когда мужчина выбирает себе жену и верного друга, он совершает по существу акт самоопределения. Именно в самых интимных отношениях он должен будет искать поддержки наиболее важным элементам своего Я-образа. Вот почему ставить на карту эти связи – значит, по мнению П. Бергера, рисковать утратой самого себя. Неудивительно, что часто люди, властные на работе, мгновенно уступают дома своим женам и съезживаются, когда у их друзей брови недовольно ползут вверх.¹ При написании эссе на тему «Семья в XXI веке: быть или не быть?» студенты однозначно сказали: быть! Подтверждая характеристику семьи, данную П. Бергером, молодые люди так высказываются о ней.

Евгений С.: «В семье, на мой взгляд, должно присутствовать все самое светлое и теплое по отношению людей друг к другу».

Роман Р.: «Я глубоко убежден в необходимости семьи. Глядя на другие семьи, я для себя делаю вывод о «правильности» или «неправильности» семьи. Я хочу создать такую «правильную» семью, которую будет характеризовать определенная атмосфера, я буду чувствовать поддержку и опору».

Нурлан Б.: «...Возьмем, например, холостяка. Он зарабатывает себе на жизнь, живет ради того, чтобы прокормить себя и обеспечить. Но после себя он не оставит потомство. В семье же присутствует взаимовыручка... Ребенок – это сберегательный банк. Сначала родители вкладывают деньги в него. Он растет, крепнет, набирается опыта (жизненного), знаний. Когда вырастет, все то, что приобрел он отдает обратно родителям, а затем уже созданной семье».

П. Бергер прекрасно поясняет контролирующую роль со стороны социальных институтов на примере молодой пары: юноши и девушки. Молодой человек в отсутствие институционального императива мог бы сделать почти все, что угодно: он мог бы вступить с девушкой в сексуальную связь, бросить ее и никогда больше не видеть; мог бы, дождавшись рождения первого ребенка, передать его ее дяде по матери на воспитание; мог бы позвать еще троих своих приятелей и спросить, хотят ли они, чтобы девушка стала их общей женой; мог бы ввести ее в свой гарем к уже имеющимся двадцати трем женам². Даже если предположить, что, изучив антропологию, он знает о соответствии всех приведенных выше вариантов нормам некоторых культур, то и тогда ему будет нелегко решить, какой из вариантов для него наиболее желателен в данном конкретном случае. Теперь ясно, какую роль для него играет институциональный императив: он ограждает от затруднения, исключая все другие возможности и оставляя только ту, которую общество предопределило ему. Иными словами, ситуация брака направляет поведение молодого человека, заставляя его вести себя соответствующим образом. Структура социальных институтов обеспечивает нас типами стандартного поведения, и лишь в крайне редких случаях нам приходится придумывать для себя новые типы.³ Но что будет происходить с мировоззрением молодежи, когда стандарты амбивалентны? Представители молодого поколения начинают конструировать будущую социальную реальность. Появляется неуверенность и тревога, что особенно звучало в ответах девушек.

Александра З.: «Я не понимаю тех девушек, которые сначала с одним поживут, «попробуют поиграть в семью», потом со вторым, с третьим... А иногда эти цепочки значительно длиннее. Семья становится более свободным и расплывчатым понятием и непонятно: относить ли к этому определению те пары, которые просто так живут вместе... С такими темпами в будущем вообще будет неактуально регистрировать браки, все будут жить просто так, и будет куча брошенных женщин, мужчин, и куда печальнее – детей. На мой взгляд, это просто распущенность молодежи. Очень бы не хотелось, чтобы мои дети жили «просто так»...»

Ирина Щ.: «Уже не редкость, что в некоторых странах узаконивают однополые браки. Я не имею права осуждать данную позицию людей – это их выбор и их жизнь. Но, по моему мнению, это неправильно, так не должно быть. А как, например, будут реагировать их дети, когда у них в школе или садике спросят: «А как зовут твоих маму и папу?» И они, например, ответят: «Маша и Наташа» или «Серезжа и Степа»...Может быть лет через 20 или 30 это будет обычным явлением, как знать... Но мне бы хотелось, чтобы семьи оставались традиционными».

Если сравнивать высказывания молодых людей о двух достаточно серьезных социальных институтах – религии и семье – которые формируют духовный каркас личности, то, безус-

¹ Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. С.76.

² Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. С.85.

³ Там же. С. 86.

ловно, они больше доверяют семье. Хотя ранее эти два института были немыслимы друг без друга. И если в религии они пока не видят опоры (за исключением ситуации когда «совсем плохо»), то семья для них «и в радости, и в горе» очень важна. Это тот островок, где не должно быть фальши, борьбы за власть, корысти, зависти. Обращает на себя внимание тот факт, что религию молодежь ассоциирует с властью. И как власти, по образу и подобию, ей можно подчиняться или не подчиняться. Ведь власть тоже навязывают. Примеры служения современному государству и обществу со стороны церкви пока не сложились.

Особенность социализации в российской действительности конца XX – начала XXI вв. – современный молодой человек соединяет в своем сознании сразу два, во многом альтернативных культурных мира – традиционно-русский и рекламно-западнический мир, что определенным образом влияет на формирование сознания, а тем более на становление в нем стереотипичных представлений и стандартов поведения.

Необходимо понять, что институциональные изменения – это не просто проектирование и внедрение новых социальных механизмов, а создание новых устойчивых и одновременно эластичных институтов. Эти институты должны быть совместимы с уже сложившейся системой: новый институт должен сопрягаться с другими институтами, опираться на них и, в свою очередь, служить опорой для других. Институт должен также опираться на некоторые высшие ценности, разделяемые и поддерживаемые обществом (семья, дружба, социальная справедливость, взаимопомощь) и для каждого нового института должен быть найден предшественник в позитивной части исторического прошлого страны и «потомка» в ее будущем.

Гузенко В.А. (ОНПУ, Одесса, Украина)

Социальные страхи молодежи современной Украины

В процессе развития личности влияние наследственности или врожденных компонентов страха на его возникновение уменьшается. Сигналы, которые воспринимает человек, проходят через общественный фильтр, т.е. оцениваются социальным окружением. Поэтому сегодня особенно актуальным является именно социальный компонент возникновения страхов. Исследование страха (и, особенно, его социального аспекта), его проявлений и влияния на личность создает прекрасные условия для понимания этой эмоции.

Изучением эмоции страха занимались такие ученые как Дж. Томкинс, У. Джейкобс, Дж. Боулби, Р. Мак-Нелли, Ф. Рима, А. Кемпински, К. Изард и др.¹

По мнению А. Кемпински, ситуации, вызывающие установку страха, можно разделить на четыре группы: связанные с непосредственной угрозой жизни, с социальной угрозой, с невозможностью осуществления собственного выбора активности и с нарушением существующей структуры взаимодействия с окружающим миром. Итак, в зависимости от генезиса можно говорить о страхе биологическом, социальном, моральном и дезинтеграционном. Страх всегда возникает в тех случаях, когда мы попадаем в неразрешимую или еще неразрешимую ситуацию. Развитие каждого человека, каждый шаг к зрелости связан со страхом, если он приводит нас к чему-то новому и неизведанному во внутренней или внешней ситуации, прежде не пережитому нами. Развитие, взросление и созревание со всей очевидностью сопровождаются деятельностью по преодолению страха, и каждый возраст с соответствующими степенями развития сопровождается страхом, который возникает снова и усиливается после преодоления каждой ступени².

Представляются совершенно нормальными страхи, связанные с возрастными изменениями, которые важны для успешного развития. Ф. Рима выделяет основные формы страха³:

- страх перед самоотвержением, который переживается как утрата «Я» и зависимость;
- страх перед становлением (стагнацией «я»), который переживается как беззащитность и изоляция;

¹ Изард К.Э. Психология эмоций / Пер. с англ. СПб., 2000; Кондаш О. Хвилювання: страх перед випробуванням. К., 1981; Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М., 2000; и др.

² Кемпински А. Страх / Психические состояния / Сост. и общая редакция Л.В. Куликова. СПб., 2000.

³ Рима Ф. Основные формы страха / пер. с нем. Э.Л. Рушанского. Изд. 3-е. М, 2000.

- страх перед изменением, который переживается как изменчивость и неуверенность.
- страх перед необходимостью, который переживается как ограниченность и несвобода.

Все возможные варианты страха относятся, в конечном счете, к описанным вариантам основных форм и связаны с четырьмя основными импульсами. И в любом случае основные формы страха встречаются попарно, дополняя и противореча друг другу: как стремление к самосохранению и самообособленности – с противоположным стремлением к самоотдаче и принадлежности к общему; стремление к постоянству и безопасности – с противоположным стремлением к переменам и риску. Каждому стремлению присущ страх перед противоположным стремлением. Страхи некоторых людей частично объясняются их местом в обществе и жизненными условиями. С другой стороны, некоторые страхи связаны с такими причинами и условиями, источники которых остаются скрытыми от нашего понимания. С местом в обществе и окружением, в которое входит семья, друзья, коллеги и др., связаны определенные страхи, при наличии которых прочие страхи как бы отходят на второй план. Здоровый человек, который нормально развивается, если его развитие не нарушается, в общем, способен избегать страха или даже преодолевать его. Нарушение или препятствия, возникающие в процессе развития, вызывают усиление и учащение страхов, с преобладанием при этом одной из основных форм страха.

Цель нашего исследования – выявление форм страха, характерных для лиц юношеского возраста. Собственно непосредственная реакция страха обычно не позволяет различить, с каким видом страха мы имеем дело. И поскольку реакция страха является кратковременной, то диагностировать и исследовать мы можем именно объекты или ситуации, которые носят фобический характер, а также силу фиксации реакции страха и генерализацию (распространение) страха. Это обусловило выбор *методик исследования*:

- *методика исследования «Незаконченные предложения» Сакса и Леви.* Полный текст этой методики исследования включает 60 незаконченных предложений, которые могут быть разделены на 15 групп, характеризующих систему отношений обследуемого к семье, к представителям своего и противоположного пола, к сексуальным отношениям, к вышестоящим лицам и подчиненным. Некоторые группы предложений имеют отношение к страхам и опасениям, которые испытывает человек, к ощущению осознания собственной вины, которые свидетельствуют о его отношении к прошлому и будущему, затрагивают отношения с родителями и друзьями, собственные жизненные цели. В нашем исследовании мы, (в первую очередь), выделили те группы предложений, которые имели отношение только к страхам и опасениям к ощущению вины, отношению к прошлому и будущему. Остальные предложения носили фоновый характер и при дальнейшем анализе данных не учитывались. Обследуемым предлагалось закончить предложение одним или несколькими словами. Для каждой группы предложений выводится характеристика, определяющая данную систему отношений как положительную, отрицательную или равнодушную (соответственно каждое предложение оценивалось от -2 до 2 баллов). Группа «страхи и опасения» включает 6 предложений, которые оцениваются по выше приведенной схеме. Минимальное количество баллов, которое мог набрать испытуемый – «-12», максимальная – «+12». Чем ниже балл, тем выше уровень страхов у испытуемого. Исходя из закона нормального распределения и того, что методика стандартизирована, мы выделили следующие интервалы:

«+4» – «+12 баллов» – страхи отсутствуют;

0 – «+4» – низкий уровень страхов;

«-8» – «-4» – средний уровень;

«-12» – «-8» – высокий уровень.

- *анкета.* Разработанная нами анкета состоит из 25 утверждений, сформулированных следующим образом: «Я боюсь ...». Участникам исследования предлагалось оценить утверждение по следующей схеме:

2 – «Да», очень (всегда, часто);

1 – скорее «Да», чем «Нет»;

0 – и «Да», и «Нет»;

-1 – скорее «Нет», чем «Да»;

-2 – «Нет», никогда.

Социальным страхам было посвящено 12 вопросов. При обработке результатов суммировались только положительные ответы на эти вопросы. Максимальное количество баллов, которое мог набрать испытуемый равен 24, минимальная – 0. Были выделены следующие интервалы:

0 - 4 балла – низкий уровень страхов;

5 - 10 баллов – средний уровень страхов;

11 - 15 баллов – высокий уровень страхов;

16 - 24 балла – чрезмерно высокий уровень страхов.

Однако названия интервалам мы дали, исходя из положения, что показатели в человеческой популяции распределяются по закону нормального распределения;

• *цветовой тест М. Люшера*¹. Наш выбор данной методики обусловлен большей объективностью получаемых результатов по сравнению с другими проективными методиками. Данная методика позволяет исключить влияние личности психолога на результаты и нивелировать эффект «социальной желательности». Кроме того, мы также получаем цифровые данные, которые можно использовать при проведении математического анализа.

Методика состоит из 8 субтестов. Материал, используемый при проведении данной методики - 7 таблиц цветов: таблица восьмицветного субтеста, таблица основных цветов, таблица оттенков синего цвета, таблица оттенков зеленого цвета, таблица оттенков красного цвета, таблица оттенков желтого цвета и ахроматическая таблица (серого цвета). Испытуемый согласно инструкциям выбирает определенные цвета из таблиц, после чего ответы кодируются. Полученные коды группируются в определенную систему, в результате чего мы определяем отдельные виды страхов и роли-защиты. Функционально-психологическая оценка выборов показывает следующие состояния страха:

-1 – страх перед неудовлетворяющей зависимостью и внутренним одиночеством;

-2 – страх перед неудовлетворенностью, ощущение слабости, неуверенности и неполноценности;

-3 – страх перед лишениями, боязнь быть обойденным.

-4 – страх перед ограничениями и принуждения.

Анализ «восьмицветного субтеста» показывает нам особенности защитного поведения (другими словами роли-защиты) и соответствующие им страхи. Исследователь может констатировать наличие защитного поведения (роли-защиты) в случае, когда испытуемый при ранжировании цветов, на последние два места ставит «основной» цвет (желтый, красный, синий или зеленый). В соответствии с цветом, оказавшимся на последнем месте в ряду выборов испытуемого, выделяют роль-защиту красного типа или «минус красный», роль-защиту желтого типа или «минус желтый», роль-защиту синего типа или «минус синий» и роль-защиту зеленого типа или «минус зеленый».

Таблица 37

Роли-защиты и соответствующие им страхи

Роль-защита	Характеристика страха
Минус «синий»	Страх перед пустотой (перед отсутствием переживаний) и перед лишениями
Минус «зеленый»	Страх перед ограниченностью, зависимостью и принуждением
Минус «красный»	Страх перед избытком раздражения и перевозбуждения
Минус «желтый»	Страх перед пространством и потерей

В исследовании принимали участие студенты II и III курса факультетов практической психологии, физического воспитания и физико-математического факультета Южно-украинского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (г. Одесса, Украина). Критерием формирования выборки был возраст участников (от 17 до 21 года). В

¹ Люшер М. Сигналы личности: Ролевые игры и их мотивы. Воронеж, 1996.

исследовании принимали участие 143 человека. После обработки бланков-протоколов исследования были отбракованы 63 анкеты вследствие некорректного заполнения протоколов и неопределенных результатов теста Люшера. В результате выборка составила 80 человек (50 девушек и 30 юношей).

После проведения методик были получены следующие результаты. По данным анкеты для юношества характерен средний уровень страхов (среднее выборочное - 5,90). По данным методики «Незаконченные предложения» («НП») мы получили аналогичный результат – средний уровень страхов (среднее выборочное - (-2,25). Но если сравнить между собой полученные результаты юношей и девушек, то получается, что по данным и анкетирования, и методики «Незаконченные предложения» уровень страхов у юношей ниже, чем у девушек, причем у юношей в среднем низкий уровень страхов, а у девушек – средний. По данным полученным по цветовому тесту Люшера, в среднем страхи диагностировались в 43% испытуемых, причем среди девушек на момент исследования состояние страха диагностировалось в 60%, а среди юношей в 50%. Эти данные были получены по результатам предъявления испытуемым парных таблиц цветов.

Наличие тех или иных страхов можно было диагностировать и с помощью восьмицветного субтеста. Были получены следующие результаты: в среднем страхи диагностировались у 41% испытуемых (среди девушек в 38%, среди юношей в 60%). Проанализируем теперь частоту страхов по результатам восьмицветного субтеста.

Таблица 38

Соотношение ролей-защиты у лиц юношеского возраста

	Роль-защита желтого типа	Роль-защита синего типа	Роль-защита красного типа	Роль-защита зеленого типа
Все	8	11	7	10
Девушки	4	6	1	7
Юноши	4	5	6	3

Итак, у юношей чаще встречается роль-защита желтого типа (минус «желтый») – 33%, примерно одинаково по частоте встречаются роли-защиты красного и синего типа (минус «красный» – 29%; минус «синий» – 24%) и меньше всего встречается роль-защита зеленого типа (минус «зеленый» – 14%). У девушек чаще встречается роль-защита зеленого типа (минус «зеленый» 35%), одинаково по частоте встречается роли-защиты синего и желтого типа (минус «синий» – 30%; минус «желтый» 30%) и меньше всего встречается роль-защита красного типа (минус «красный» – 5%). Другими словами для девушек более характерен страх перед ограничениями, зависимостью и принуждением, который меньше всего встречается у юношей. Для юношей же более характерен страх перед пространством и потерей, который меньше всего встречается у девушек. Следует отметить также, что страх перед пустотой (перед отсутствием переживаний), перед лишениями и страх перед избытком раздражения и перевозбуждением примерно одинаково часто диагностируются и у юношей и у девушек.

Приведем теперь соотношение видов страхов у юношей и девушек по результатам парных таблиц.

У *юношей* частота отдельных состояний страха была следующей: 1) страх перед неудовлетворяющей зависимостью – 31%; 2) страх перед неудовлетворенностью, ощущение слабости, неуверенности и неполноценности – 31%; 3) страх перед лишениями, боязнь быть обойденным – 19%; 4) страх перед ограничениями и принуждением – 19%.

У *девушек* были получены следующие данные: 1) страх перед неудовлетворяющей зависимостью – 7%; 2) страх перед неудовлетворенностью, ощущение слабости, неуверенности и неполноценности – 23%; 3) страх перед лишениями, боязнь быть обойденным – 13%; 4) страх перед ограничениями и принуждением – 57%.

Иными словами, для девушек более характерен страх перед ограничениями и принуждением, а у юношей одинаково преобладают страх перед неудовлетворяющей зависимостью и страх перед недовольством, ощущение слабости, неуверенности и неполноценности. Стоит

еще раз отметить, что реже всего у девушек диагностируется страх перед неудовлетворяющей зависимостью, который является более характерным для юношей.

Итак, говоря об особенностях страхов у лиц юношеского возраста, отметим, что для них характерен средний уровень страхов. Причем, у юношей страхов меньше, чем у девушек. На момент исследования состояние страха диагностировался у 44% испытуемых (у 60% девушек и 50% юношей). У девушек чаще встречался страх перед принуждением и ограничениями. У юношей доминирования какого-либо вида страха не найдено, хотя можно говорить о преобладании страха перед неудовлетворяющей зависимостью и страха перед недовольством, чувство слабости (31%).

Гуськов Д.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Грамотная социокультурная политика как одна из мер по борьбе с возникновением и распространением экстремизма и его негативными последствиями

Государственная политика в России по борьбе с возникновением и распространением экстремизма на рубеже XX-XXI вв. осуществляется в условиях новой общественной системы, поляризации социального расслоения, трансформации представлений о ценностях, отсутствия общенациональной консолидирующей идеи. В этой связи роль духовности и культуры и отдельного человека, и общества в целом неизмеримо возрастает. Именно культура как социальный институт способна обеспечить общественную стабильность, консолидировать государство и общество на решение важнейших социальных задач.

Оптимальная социокультурная политика должна исходить из совокупности универсальных общечеловеческих норм и ценностей, отечественных традиций. Такой подход к её определению учитывает всю палитру этнической и региональной культур, соединяет их в единое культурное пространство. Именно социокультурный подход, учитывающий социокультурные особенности возникновения и распространения экстремистских настроений, в рамках реализации государственных мер по борьбе с экстремизмом является залогом эффективности данных мер. Естественно, что возникновение экстремизма определено воздействием *негативных факторов социальной среды*:

- экономическое неравенство и несправедливость распределения собственности,
- высокая социальная напряженность,
- конфликтность общественных отношений,
- падение престижа политической власти,
- неуправляемость процесса социализации,
- размывание системы приоритетных духовных ценностей,
- ослабление регулирующей роли государства,
- нарастание криминогенности в обществе.

Для того чтобы понять истоки экстремизма, необходимо осознание того факта, что в самой природе человека заложено стремление к экстремальности, принуждающее его идти по пути постоянного развития¹.

Используя социокультурный подход в рамках осуществления мер по борьбе с экстремизмом, необходимо рассматривать данное явление не как одно из проявлений экстремального развития общества, а как отдельный феномен, проявляющий себя в социокультурном пространстве. Экстремизм обостряет противоречия, возникающие в социокультурном пространстве, доводя их до крайности.

Проводя государственную политику по борьбе с экстремизмом в обществе и его негативными последствиями, необходимо учитывать, что именно в феномене экстремизма проявляется острота процесса социокультурного развития. При реализации государственной политики по борьбе с возникновением и распространением экстремизма и его негативными последствиями в обществе необходимо учитывать и корректировать социокультурные аспекты всех государственных программ экономического, экологического, социального, национального развития. Кроме того, грамотная социокультурная политика предполагает разработку кон-

¹Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие. СПб., 2005. С. 85.

цепции функционирования и дальнейшего прогресса систем образования, науки, культуры, создание в этих целях совокупности норм и принципов, предопределяющих содержание, развитие, распространение культуры, регулирование тенденций прогресса духовно ценностных аспектов общественной жизни. Создание данных норм необходимо, чтобы наиболее эффективно применять меры по недопущению принятия экстремистских идей различными социальными группами.

На персональном уровне предпосылки экстремизма в форме этнической, классовой неприязни, агрессии, страха перед «чуждым» вызываются любыми изменениями социального статуса как в сторону понижения, так и в сторону повышения, – если они увеличивают разрыв между притязаниями личности и возможностью их удовлетворения.

На уровне социума, взаимодействия различных социальных групп, этнических и религиозных общностей проявления социального экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен и заметны, прежде всего, в обществах, вступивших на путь трансформаций; концентрируется данное явление в маргинальных слоях социума. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками социального экстремизма, а именно: возрождается интерес людей к консолидации внутри своей социальной общности, появляется крайне враждебное отношение к другим социальным, этническим группам, усиливается традиционализм, растут проявления ксенофобии.

Более того, переломные периоды, периоды политических и социальных реформ закладывают предпосылки для экстремизма еще и тем, что значительно повышают интерес людей, испытывающих депрессию, к историческим традициям. Традиционализм, доведенный до своего логического конца, выступает основной предпосылкой различных проявлений такого радикального идеологического течения, как фундаментализм (возвращения к истокам), который, в свою очередь, усиливает стремление людей к культурной изоляции, препятствуя процессам модернизации, и обостряет социальную, этническую и религиозную нетерпимость¹. В XX столетии, по мнению многих исследователей, произошел разрыв социального и культурного циклов. Темпы культурных перемен стали гораздо более быстрыми. Теперь на протяжении одной жизни может чередоваться несколько культурных эпох. Стремительно рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло смысл нашего бытия. Меняются ориентации. Низвергаются святыни. Человек остается одиноким перед надвигающейся неизвестностью. Безотчетный страх, массовые неврозы, не поддающиеся разумному объяснению акты насилия – все это следствие «безответственной» социокультурной политики, не учитывающей социокультурные особенности и факторы.

Исходя из вышесказанного, при определении особенностей социокультурного процесса на современном этапе необходимо особое внимание обратить на региональную и этническую пестроту культурного пространства России. Это, в свою очередь, порождает необходимость при грамотном проведении социокультурной политики исходить из некоторых универсальных в своей общечеловечности норм и принципов, которые явились бы основанием, скрепляющим локальные культуры в их конструктивном взаимодействии в «единое социокультурное пространство», что выступает одним из условий и гарантией эффективности государственной политики по профилактике возникновения экстремистских настроений в обществе, в том числе и импортируемых из-за рубежа². К числу таких принципов как ориентиров культурной политики государства можно отнести:

- принцип открытости и демократизма в структурировании культурной политики при сохранении преемственности культурного развития, равенства прав и возможностей всех граждан и социальных групп в создании и использовании материальных и духовных ценностей;
- принцип регулирующей роли культурной политики государства в формировании социокультурной ситуации;

¹ Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. №4. С. 113-124.

² Карпухин О.И. *Культурная политика*. М., 1996. С. 31.

- максимальный учет культурной самобытности людей, различных локальных и территориальных сообществ;
- принцип единого культурного пространства.

Осуществление этих принципов возможно лишь в том случае, если социокультурная политика выступает составной частью общей государственной политики, в том числе и политики борьбы с возникновением и распространения экстремистских настроений и их негативными последствиями в обществе. С учетом экономической, политической и социальной ситуации в России обязательным направлением социокультурной политики является создание единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные соблюдать общие нормы, несмотря на различие интересов. Эти нормы обеспечивают устойчивые связи культурной среды на пространстве России, что является необходимым условием преодоления напряженности в межнациональных отношениях и противоречиях.

Гущин О.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Государственная молодежная политика – интегративный подход

В период становления и развития в России новых общественных отношений закономерно выдвигается в качестве приоритетной проблема включения молодого поколения в осуществляемые экономические, политические, социальные, духовные преобразования. От масштаба, глубины и сроков осуществления этих процессов зависит в целом успех реформ, происходящих в российском обществе. Власть и общество осознают важность молодежных проблем и их решения для обеспечения поступательного развития России. Но отношения государства и молодежи в последнее время носят весьма проблематичный характер.

Во-первых, не ясно, кто из россиян подпадает под понятие молодежи: учащийся старших классов или молодой офицер с семьей, сельский ветеринар или специалист, проживающий в городе? Все эти молодые люди «вписываются» в официальный молодежный возраст от 14 до 30 лет, установленный действующим законодательством. Вместе с тем, взросление молодежи на селе происходит значительно быстрее, чем в среде интеллигенции. В деревне молодые люди сразу после школы вступают во взрослую жизнь – трудоустраиваются, обзаводятся семьями. Городская молодежь, наоборот, большей частью до 25-30 лет получает высшее образование, повышает профессиональную квалификацию и значительно позднее включается в систему «взрослых» социальных отношений. Очевидно, что «молодежные» мероприятия органов власти должны учитывать разнообразные интересы и проблемы широкого круга людей различного возраста, социального статуса, а также материального положения. Решить подобную задачу на практике удастся далеко не всегда.

В общественной практике, в том числе в арсенале социологической науки, широко употребляется понятие «молодёжь». Вместе с тем сегодня нет чёткого определения этого социального феномена. На неопределённость понятия «молодёжь» указывают многие социологи. «Молодёжь», – отмечает И.М. Ильинский, – это не организация¹. В «молодежь» не вступают и не принимают специально. «Молодежью» становятся, хотя не ясно – когда: единых, четких, всеми принятых нижней и верхней возрастных границ понятия «молодежь» не существует. По этому поводу за рубежом существуют различные точки зрения ученых, но вопрос часто решается сугубо политически, «силовым» способом, а не умом. «Но даже, когда эти возрастные границы определены, – отмечает он, – вопросы «есть ли в России молодежь как реальное явление?» и «сколько в России молодежи?» считать до конца ясными нельзя. Скажем, нижняя граница понятия «молодежь» в нашей стране определена с 14 лет. А по нормам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) человек в возрасте до 18 лет считается ребенком, т.е. относится к категории «детство». В широком смысле понятие «молодежь» можно рассматривать как обширную совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними социально-психологических характеристик и основных видов деятельности.

¹ См.: Ильинский И.М. Наш молодой современник (вопросы мировоззренческого воспитания) // Социс. 1988. №2. С.16-22.

В более узком (социологическом) смысле молодёжь представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей. Существуют разные подходы к определению молодёжи как самостоятельной социально-демографической группы в структуре населения:

- под термином молодёжь понимается социальный статус, определяемый возрастом;
- он непосредственно связан с основными видами деятельности молодых людей (учебой, работой, вторичной занятостью), с ролевыми структурами личности, а также с представлениями и стереотипами, которые сложились в обществе по отношению к представителям молодого поколения; понятие молодёжь используется в значении молодежной субкультуры, при этом подчеркивается особая форма организации молодых людей, определяющая стиль их жизни и мышления, отличающаяся специфическими ценностями и образцами поведения;
- и, наконец, социальная сущность молодёжи определяется с точки зрения ее роли и места в общественном воспроизводстве.

Специфика социологического подхода нередко понимается как социальная интерпретация возрастных характеристик молодежи. Не отвергая *возрастного признака* молодежи, следует отметить его методологическую недостаточность и относительность. На это сегодня обращает внимание большинство современных российских ученых, занимающихся молодежными проблемами. Они прежде всего пытаются выйти из ограниченности «возрастного» толкования молодежи путем выделения *социальных характеристик для обоснования возрастных границ*.

Во-вторых, не совсем ясны содержание и форма организации молодежной политики на уровне государства. Встает вопрос о том, где проходит разделяющая черта между работой с молодёжью и государственной молодежной политикой (далее ГМП) ?

В-третьих, сложный социально-исторический, культурно-этнический и нормативно-правовой состав Российской Федерации, формально закрепленный Конституцией, предопределяет существование целого ряда «молодежных политик» в зависимости от специфики различных регионов.

Таким образом, нужно отметить, что содержание, формы, а также региональные особенности государственной молодежной политики РФ остаются до сих пор неопределенными и складываются в различных регионах страны ситуативно и противоречиво. При этом возникает проблема институционального единства региональных форм государственной молодежной политики как основания политики федерального уровня. Обозначенная проблема не может быть решена традиционным путем вычленения в различных формах государственной молодежной политики регионального уровня особенностей, общих для всех регионов России. Процессы, происходящие в молодежной среде, являются частью различных видов общественных отношений, развиваются нелинейно и не могут быть стандартизированы на локальном уровне и перенесены в виде программ на другие регионы. Таким образом, программно-целевая методика, широко распространенная в практике государственного и муниципального управления, оказывается здесь также не всегда эффективна.

По нашему мнению, одной из наиболее эффективных методик, направленной на решение данной проблемы, является *социальное моделирование*. Данный метод позволяет отчетливо выделить социальный контекст региональной государственной молодежной политики, выражающийся в интегративном суммировании ее параметров и характеристик. Кроме того, социальное моделирование обеспечивает возможность формирования общих принципов осуществления молодежной политики в РФ, институционализации и формализации ее универсальных социальных индикаторов и параметров. И, наконец, опираясь на метод социального моделирования, можно на практике реализовать вариативную региональную государственную молодежную политику, способную адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям молодежной среды различных республик, краев и областей России.

С позиций социологического анализа метод моделирования заключается в научной разработке комплексной региональной модели государственной молодежной политики, в рамках

выбранной парадигмы, с последующей конкретизацией и внедрением ее в каждом отдельно взятом регионе по результатам мониторинга социальных ориентаций молодежи в конкретно-исторический период. Такой подход к проблеме позволяет вести речь не просто об организации работы с молодежью на региональном уровне, а об оформленной, целенаправленной и стратегически выверенной государственной молодежной политике.

Обращение к опыту Свердловской области продиктовано тем, что молодежная политика в данном регионе получила глубокое и вместе с тем противоречивое развитие. Показательно проявляются на Среднем Урале тенденции усиления социальной дифференциации молодежи, «соперничество» различных форм, типов и видов государственной молодежной политики. По этой причине Свердловская область может быть использована нами в качестве своеобразного научно-практического «полигона» изучения проблем становления и развития региональной модели государственной молодежной политики, системы управления ею¹.

Субъект-объектная двойственность молодежной политики позволяет определить работу с молодежью как единство объектных и субъектных подходов в социальном управлении. В соответствии с этим следует выделить возможные объектный и субъектный виды ГМП и дать им краткую характеристику:

Таблица 39

Краткая характеристика видов государственной молодежной политики

Вид ГМП	Объект социального управления	Субъект социального действия	Основная цель	Основная задача
Объектная	Молодежь как особая социальная группа (система социальных групп)	Государство как представитель общества (общества «взрослых»)	Включение молодежи в социальную деятельность	Направлять деятельность молодежи на реализацию социальных проектов, имеющих государственное (общесоциальное) значение
Субъектная	Общество (общество «взрослых»)	Молодежь как особая социальная группа (система социальных групп)	Согласование интересов общества социальными интересами молодежи	Использовать ресурсы общества для развития молодежи, реализации проектов, необходимых молодежи

Описанные виды можно представить как полюса дуальной оппозиции, между которыми развиваются все реальные формы государственной молодежной политики. Представления об объектном и субъектном видах ГМП позволяют также построить шкалу «объектности – субъектности», на которой можно определить положение любой государственной молодежной политики, сложившейся в конкретных социальных условиях в государстве или регионе. Выделенные виды являются крайними проявлениями реально существующего многообразия молодежных политик, которые сочетают в себе в той или иной мере их особенности. Обозначенный подход позволяет определить *государственную молодежную политику как динамичный процесс, изменяющий в соответствии с конкретно-историческими социальными условиями свое положение на оси между объектным и субъектным полюсами. Определение данного показателя производится, в первую очередь, в результате оценки структуры социальных институтов и направлений молодежной политики.* В результате социологического анализа рабочее определение государственной молодежной политики в РФ формулируется как

¹ В качестве основной базы эмпирического исследования автор использовал массивы социолого-статистических данных исследований динамики социальных ориентаций молодежи Свердловской области, полученных в 1992, 1994, 1996, 2005 и 2007 гг. учеными и специалистами по проблемам молодежи (под руководством В.Г. Попова, Б.С. Павлова и др., с 2004 по 2007 гг.). Общий объем опрошенных составил более 11 000 чел.

система средств и мер, направленных на обеспечение средствами государственного управления социально эффективным развитием молодежных социально-демографических страт (молодых людей, входящих в эти страты) в качестве коллективных (соответственно: индивидуальных) акторов социального действия. Исходя из данного определения государственной молодежной политики как социального управления, следует выделить следующие ее направления (функции):

- 1) мониторинг социального состояния (ценностей и норм, отношений с другими социально-демографическими группами) молодежи вообще и составляющих ее социальных групп;
- 2) развитие у молодежи культуры отношений с другими социально-демографическими группами;
- 3) формирование общественного консенсуса социальных интересов групп молодежи между собой и с «немолодежными» социально-демографическими группами;
- 4) оказание молодежи помощи в развитии ее социального творчества на основе социальной ответственности;
- 5) проведение социального прогнозирования последствий реализации молодежных социальных проектов и разработка соответствующих мер государственного управления.

Вместе с тем данное понятие не в состоянии ответить на вопрос, каким образом должна быть организована молодежная политика на уровне власти. Существует, по крайней мере, два подхода.

С одной стороны, «молодежный» вопрос актуален практически во всех сферах государственного управления. Молодежные программы среди прочих существуют практически во всех социально ориентированных исполнительных органах власти – министерствах образования, социальной политики, здравоохранения, занятости и труда, внутренних дел, обороны, культуры и других. Молодежь играет серьезную роль в развитии общественных процессов. В данном случае молодежная политика функционально распределяется между различными отраслями государственного управления, осуществляется в рамках деятельности различных министерств и ведомств. В данной деятельности каждый институциональный субъект управления руководствуется нормативно закрепленными принципами и приоритетными направлениями развития государственной молодежной политики в РФ (уровень федерации), а также собственными интересами и «пониманием» – трактовкой проблем молодежи. Соответственно, различные возрастные, профессиональные и иные группы молодежи «относятся» к различным органам государственной власти. Такой подход к организации и реализации молодежной политики в РФ нужно определять как *расширительный*. Плюсами этой позиции, несомненно, являются: а) высокий потенциал творчества и инноваций при организации и реализации молодежной политики ввиду значительного количества независимых друг от друга содержательных, по целям и управленческим ресурсам, субъектов ГМП; б) значительная дифференциация сложившихся структурно-функциональных моделей молодежной политики по отраслям государственного управления и субъектам РФ; в) комплексность и глубокий охват круга социальных проблем и негативных ситуаций в молодежной среде. Минусы расширительного подхода к организации ГМП выражаются в следующем: а) отсутствие единой, содержательно определенной и стратегически последовательной в реализации молодежной политики, – в большинстве случаев применительно к деятельности субъектов ГМП более уместно употребление понятия «работа с молодежью» вместо «молодежная политика»; б) частое пересечение функций и неопределенная структурно-функциональная организация государственной молодежной политики.

Второй подход определим как *узкокорпоративный*. В его рамках господствует убеждение, что молодежь как субъект и объект государственного управления, хотя и является сложно дифференцированной социальной группой, но все же несет в себе ряд отличительных социальных черт и нуждается в особом, «адресном» внимании государства. На уровне регионов реализация молодежной политики нередко относится к компетенции специализированных исполнительных органов государственной власти. В качестве плюсов узкокорпоративного подхода отметим: а) отсутствие противоречивости на субъектном уровне организации и реа-

лизации молодежной политики; б) возможность адаптации ГМП под социальные потребности молодежи, особенно если речь идет о региональном уровне. Минусы данного подхода в следующем: а) фрагментарность государственной молодежной политики РФ как суммы региональных политик; б) ее узконаправленность, связанная с задействованием интересов узкого круга субъектов управления; в) отсюда большая склонность к субъективизации молодежной политики, однонаправленному развитию и т.д.

Таким образом, исходя из анализа двух полярных подходов, необходимо сформулировать *интегративный* подход к определению государственной молодежной политики, преодолевающий расширительное и узкокорпоративное понимание данной сферы социального управления. Предлагается социальная концепция понятия государственной молодежной политики как интегративной сферы политической деятельности, в рамках которой средствами государства осуществляется процесс управления социальным развитием молодежных социально-демографических страт в интересах государства и самой молодежи, решения актуальных молодежных проблем. *Молодежные страты* при этом понимаются в классическом смысле как сложная, многосегментная дифференциация молодежи по разным социальным параметрам (демографический, социально-экономический, социально-профессиональный, социокультурный, образовательный и др.). В рамках интегративного подхода можно избежать фрагментарности, дублирования функций и вместе с тем заикливания на части актуальных вопросов и проблем в молодежной среде. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что молодежь дифференцирована и в зависимости от социального статуса и ориентаций, а также – от *региона проживания*. Для этого необходимо провести научно-методологический анализ становления и развития государственной молодежной политики, главным образом на региональном уровне, с поправкой на эмпирическое социологическое исследование молодежной среды. Думается, наиболее подходящим под специфику сложившейся ситуации станет метод *моделирования региональной молодежной политики*.

Именно *модель* позволяет представить в интегральной связи основные параметры молодежной политики, учесть стратегические перспективы и направления молодежной политики. Кроме того, общая региональная модель может быть в дальнейшем конкретизирована и дополнена, исходя из сложившейся социальной специфики молодежной среды и организации власти в том или ином регионе (по данным социального мониторинга). Что же касается понятия региона и непосредственно категории региональной государственной молодежной политики, то *регион* правомерно определять в рамках нормативно-правового подхода как «*субъект Российской Федерации*», поскольку данная сфера распространения региональной ГМП закреплена в федеральном законодательстве. В то же время с позиций *экоантропоцентристского подхода* к молодежи дефиниция региона сильно размывается и не ограничена лишь государственно-территориальными рамками. Социальная концепция понятия региональной молодежной политики формулируется как интегративная сфера политической деятельности. В ней средствами органов государственной власти субъекта РФ осуществляется процесс управления социальным развитием молодежных социально-демографических страт в интересах государства и самой молодежи, решения актуальных молодежных проблем, исходя из специфических особенностей молодежной среды конкретного региона.

Гущин О.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Моделирование государственной молодежной политики в регионах

Зарубежный социолог Д. Дэйвид в большом толковом социологическом словаре дает следующее толкование понятия модели. «Модель – (model) – 1. Представление одного явления через другое, например, аналогию или метафору. 2. Формальное (то есть математическое или логически формальное) представление совокупности отношений. 3. Физическое, графическое или схематическое выражение (включая карты) совокупности отношений»¹. Известный российский социолог А.А. Грицанов определяет модель (лат. *modulus* – мера, образец) – как

¹ Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 2001. С. 115.

«объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала»¹. Что касается социологического моделирования, то наиболее подробную характеристику данного метода представил Г.В. Осипов в Российской социологической энциклопедии: «Социологическое моделирование – метод исследования социальных явлений и процессов на их моделях, то есть опосредованное изучение социальных объектов, в процессе которого они воспроизводятся во вспомогательной системе (модели), замещающей в познавательном процессе оригинал и позволяющей получать новое о предмете исследования»². Модель исследуемого объекта представляет собой систему материальных или идеальных (выраженных в знаках) элементов или их комбинацию, находящуюся в отношении подобия к объекту исследования и воспроизводящую структурно-функциональные, причинно-следственные и генетические связи между его элементами. Наиболее существенными свойствами социологических моделей являются следующие: модель и оригинал всегда находятся в известном субъекту познания объективном соответствии; в процессе познания модель замещает объект и сама становится объектом исследования; модель в определенном отношении в упрощенной форме воспроизводит объект исследования; она служит познанию объекта моделирования, средством получения новой информации об объекте; знание, полученное на модели, может быть перенесено на оригинал. Использование социологической модели при разработке ГМП определяется рядом причин.

Во-первых, с точки зрения социологии, молодежная политика представляет собой сложное социальное явление, характеризующееся многофакторностью происходящих внутренних процессов, сильным взаимодействием между элементами системы, сложным характером связей, наличием субъективного фактора и целенаправленности подсистем. Поэтому непосредственное изучение интересующего нас объекта – государственной молодежной политики в РФ и регионе – видится нецелесообразным, так как связано со значительными исследовательскими трудностями.

Во-вторых, в процессе научного анализа модель сможет быть включена в познавательный процесс как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях знания. Подобная возможность связана с универсальностью метода социологического моделирования. При этом на эмпирическом уровне знания модель выполняет, как правило, следующие *функции*: *измерительную* (измерение социологических характеристик региональной государственной молодежной политики) и *описательную* (фиксация результатов эмпирического исследования и выражение их в понятиях науки); а на теоретическом – *объяснительную* (раскрытие сущности исследуемых объектов молодежной политики), *критериальную* (проверка истинности некоторых положений теории или системы гипотез), *предсказательную* (оценка будущего состояния рассматриваемой системы государственного управления). Отдельные функции (например, объяснительная или предсказательная) могут быть выполнены в рамках модели как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях знания.

В-третьих, модель региональной государственной молодежной политики выступает не только средством изучения социальной системы государственного управления, но и может быть использована в дальнейшем для решения управленческих задач на практике. Разработке модели может предшествовать системный анализ объекта исследования, с дальнейшей концептуализацией, т.е. представлением механизмов действия и взаимодействия структурообразующих модельных единиц, формулировкой ключевых показателей и индикаторов. В результате станет возможным переход от полученной модельной информации к переструктурированным знаниям о предмете исследования (деформализация и содержательная интерпретация, обобщение и объяснение), а также дальнейшее включение информации о модели в систему теоретических знаний об объекте исследования.

Детальная классификация региональной государственной молодежной политики базируется на анализе эмпирических данных о состоянии и внутренних процессах, происходящих в

¹ Социология: Энциклопедия / сост. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. СПб., 2003. С. 336.

² Российская социологическая энциклопедия /под редакцией академика Осипова Г.В. М. 1998. С. 298.

молодежной среде рассматриваемого региона. Кроме того, классификация учитывает общую сумму параметров сложившейся на практике модели региональной молодежной политики. На основе содержательного и эмпирического анализа проецируется желаемое состояние, наиболее оптимальные структура и функции системы социального управления региональной государственной молодежной политикой (переход от ситуации «что есть на практике» к ситуации «что должно быть»). Мероприятия, имеющие своей целью такой переход системы ГМП из существующего состояния в желаемое, формируются в содержательную концепцию ее развития и тем самым приобретают форму комплексного документа.

С точки зрения эффективности государственная молодежная политика должна быть *более стратегична, системна, последовательна, адаптивна и вариативна*.

1) *Стратегичность*. В рамках реализации молодежной политики необходимо в первую очередь определить, какого результата нужно ожидать от эффективной ГМП, иными словами, чего мы хотим добиться. Далее следует провести структурно-функциональный реинжиниринг, оптимизировать показатели-индикаторы эффективности молодежной политики.

2) *Системность*. Деятельность субъектов государственной молодежной политики и социальных институтов, осуществляющих работу с молодежью как социальной общностью и отдельными группами молодежи, должна носить системный характер. Действия подчинены общей логике, деятельность носит регулярный характер. Субъекты молодежной политики формируют целостную организационную структуру - как результат увеличивается эффективность (организационный фактор эффективности). Система государственной молодежной политики определяет и совершенствует себя с точки зрения структурности и функциональности.

3) *Последовательность*. Деятельность субъектов молодежной политики подчинена единой, заранее определенной логике, строгому, поэтапному плану действий.

4) *Адаптивность (динамичность)*. Государственная молодежная политика должна постоянно претерпевать структурно-функциональные изменения, ориентируясь на слабые сигналы внешней среды. Происходит корректировка целей и задач, структуры и функций относительно социальных, экономических, политических и иных изменений в обществе, молодежной среде, сфере государственного управления.

5) *Вариативность*. Принцип *максимальной трансформации*. Эффективность адаптации молодежной политики к неожиданным и серьезным изменениям предопределяет блочность, взаимозаменяемость, комплексность ее структуры, функций ее субъектов. Система во многом применяет принципы *проектной организации* (возможность корректировки структурно-функциональной составляющей в реальном времени – универсальность большинства элементов системы). Кроме того, вариативность определяется умением как можно раньше фиксировать, распознавать социальные изменения.

Ядро региональной государственной молодежной политики составляет деятельность структур социального управления по ее осуществлению на уровне региона, ее принципы, подходы при определении приоритетов, стратегии и тактики управленческих действий. Понятие «региональная модель государственной молодежной политики» предполагает не только включение в сферу изучения влияния на работу с молодежью в регионе ГМП федерального уровня, но и приоритетное рассмотрение этого влияния, поскольку в полном объеме молодежная политика может быть государственной только на федеральном уровне. В такой модели правомерно также рассматривать деятельность на территории региона и федеральных партий, и федеральных молодежных общественных объединений.

В настоящее время *специфику реализации региональной молодежной политики в России определяет приоритет общенациональных норм над региональными* (молодой человек является, прежде всего, гражданином Российской Федерации, а только потом – жителем конкретного региона). Федеральная молодежная политика выступает, таким образом, как условие формирования и развития региональной модели. В то же время наличие федеральной государственной молодежной политики в условиях демократического общества можно рассматривать в качестве важного фактора формирования региональных моделей работы с молоде-

жью как реальное основание для конструктивного диалога региональных властей с федеральным центром. Отношения федерального и регионального уровней молодежной политики по реализации программ работы с молодежью можно представить в виде схемы (См.: Рис.11)

Предметом совместного ведения центра и регионов являются, в первую очередь, федеральные молодежные программы, реализуемые регионами, поскольку реализация федеральных программ вне регионов невозможна. Во-вторых, федеральный Центр может организационно, информационно или финансово участвовать в региональных программах. Регионы, таким образом, могут развивать региональный компонент работы с молодежью, во-первых, обеспечивая на своей территории реализацию федеральных программ, во-вторых – продвигая свои региональные молодежные программы на федеральный уровень. Кроме этого, возможно формирование региональных молодежных программ, аналогичных федеральным. Такая трансляция федеральных моделей на региональный уровень составляет внешний источник развития региональных моделей государственной молодежной политики. С другой стороны, в рамках исследования особенностей региональной модели молодежной политики правомерно рассматривать трансляционную управленческую деятельность региональных органов власти от федерального уровня к местному, муниципальному. В итоге региональная модель учитывает особенности историко-культурной, социально-экономической, национально-демографической и социально-политической ситуации, сложившейся в регионе, выступающей в роли внутреннего основания регионализации молодежной политики. Особенности региональных моделей ГМП, являющихся результатом социального творчества регионов по работе с молодежью, следует рассматривать как внутренний источник развития региональной модели. В качестве результатов такого творчества выступают нормативно-правовые акты регионального уровня (региональные законы, постановления правительства региона, указы руководителей регионов и т.п.), региональные программы и планы их реализации. В региональной модели государственной молодежной политики следует выделить как элементы, с одной стороны, молодежь региона (управляемый субъект), с другой – государственные и муниципальные органы, политические и общественные организации и экономические субъекты всех форм собственности, оказывающие воздействие на социальное состояние молодежи региона (управляющие субъекты). С теоретической точки зрения, управляющий субъект понимается здесь как актёр, целенаправленно воздействующий на деятельность управляемого субъекта (молодежи). И управляемый, и управляющий субъекты, рассматриваемые в рамках региональной модели молодежной политики, являются сложными многокомпонентными системами. Поэтому в целях достижения необходимого и достаточного уровня абстрагирования в региональной модели государственной молодежной политики следует рассматривать совокупную социальную позицию этих субъектов, как результирующую социальных позиций всех элементов с учетом их социальной значимости.

Рис.11. Отношения федерального и регионального уровней государственной молодежной политики по реализации программ работы с молодежью

Выстраивание работы с молодежью в России ведется на трех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном и определяет центральную роль регионального уровня для эффективной реализации ГМП. При этом следует учитывать многогранность и многослойность непосредственной работы с молодежью региона, что предполагает применение методов моделирования при научном исследовании региональной государственной молодежной политики как социального управления.

Взаимодействие функциональных блоков государственной молодежной политики друг с другом таково (См.: Рис.12). Заметно, что *непосредственные* взаимодействия субъектов, входящих в соседние блоки, несколько больше, чем *опосредованные*. Так, например, субъектам блока оперативного управления в принципе более понятна роль в реализации молодежной политики органов, обеспечивающих реализацию краткосрочных программ социальной поддержки молодежи, чем деятельность субъектов культурно-образовательного блока, ориентированных на формирование молодежи как стратегического ресурса общества.

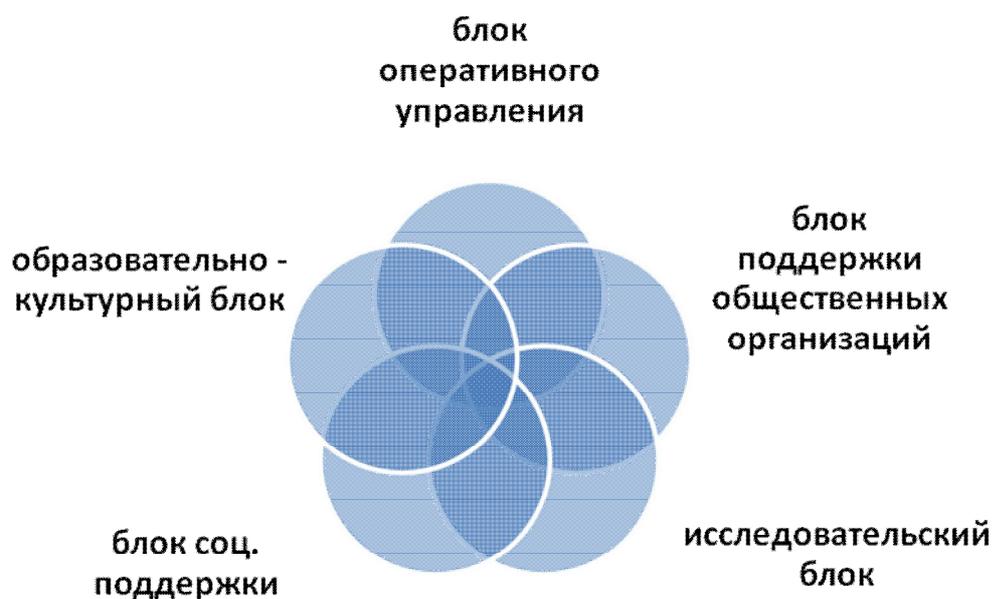

Рис.12. Взаимодействие функциональных блоков ГМП

Объектные и субъектные региональные модели государственной молодежной политики имеют аналогичную структуру социальных институтов и направлений, но управленческие акценты будут расставлены в них по-разному. Приоритетным для *объектной* региональной модели молодежной политики является развитие блока социальной поддержки, в составе которого формируются многочисленные и разнообразные субъекты деятельности по оказанию помощи различным группам молодежи: центры социально-психологической реабилитации и трудоустройства молодежи, консультационные службы для молодежи и т.п. Молодежных общественных объединений в объектной государственной молодежной политике немного, их работа в значительной степени формальна и мало отражает реальные ценности и нормы молодежи. Эти объединения существуют за счет дотаций из бюджетов разного уровня, отчитываясь о результатах работы «охватом» молодых людей конкретными видами помощи и поддержки. Оперативное управление в данном случае осуществляют государственные и муниципальные органы молодежной политики, которые оказывают помощь субъектам блока социальной поддержки и контролируют расходование ими бюджетных средств. Деятельность культурно-образовательного блока нацелена преимущественно на подготовку специалистов по работе с молодежью для органов государственного и муниципального управления. Воспитательная и культурно-массовая работа с молодежью формализована в границах, определенных органами, осуществляющими оперативное управление. Исследовательский и экспертно-прогностический блоки обеспечивают проведение преимущественно прикладных исследований состояния молодежи по заказу органов управления: результаты, полученные в ходе этих

исследований, оказывают на управленческую практику незначительное влияние. В целом в рамках объектной региональной модели молодежной политики реализуется патерналистский подход к молодежи как к «большим детям», основанный на абсолютизации представлений об ее неформальности при полном игнорировании молодежи как актора социального действия. Основная цель молодежной политики в рамках данной ГМП определяется как обеспечение материальной, социальной и духовно-нравственной преемственности поколений, что для обществ, находящихся в состоянии гомеостаза¹, может являться вполне адаптивной социальной стратегией. Однако в результате осуществления объектной молодежной политики в обществе со временем уменьшается потенциал социального развития, что в критических для общества условиях (в случае внешней социально-культурной агрессии, например) может привести к социальному кризису. Одним из симптомов нарастания социальной напряженности в обществе при реализации объектной модели молодежной политики является развитие конфликта поколений, конфликта «отцов и детей»².

В субъектной региональной модели государственной молодежной политики абсолютизируется положение молодежи как субъекта социального действия. При этом игнорируется факт неформальности молодежных социальных целей, ценностей и норм, а порой и прямой их конфликтности с общепринятыми социальными целями, ценностями и нормами. Органы государственного управления в данном случае выступают преимущественно координаторами деятельности молодежных общественных объединений, выражающих ценности и нормы молодежи и являющихся формой молодежного социального действия. Координация осуществляется посредством развития форм государственной (финансовой, организационной, информационной и др.) поддержки молодежных инициатив вплоть до подчинения интересов и ресурсов всего общества достижению целей, определенных молодежью. Но принятие решения о поддержке происходит на основе результатов оценки молодежных инициатив субъектами экспертно-прогностического блока, доминантного в данной государственной молодежной политике. Субъекты культурно-образовательного блока обеспечивают подготовку специалистов для работы с молодежными общественными объединениями, а исследовательского – осуществляют мониторинг развития молодежи в результате деятельности молодежных общественных объединений. В целом данный подход определяет молодежь как «самых социально ценных взрослых». Такая политика наиболее эффективна в ситуации, требующей от общества развития префигуративной культуры³, совершенно разрывающей нить социально-культурной преемственности поколений. В других обстоятельствах в результате реализации данной молодежной политики со временем общество теряет духовно-нравственное единство и, вследствие этого, видение своей стратегической социально-исторической перспективы. Характерным признаком такого общества является отсутствие общесоциальной (общенациональной) идеи, приводящее к социальному мифотворчеству и растрате ресурсов общества в деятельности по достижению тактических целей, определяемых каждым новым поколением самостоятельно.

Таким образом, проведенный анализ позволяет определить следующие характеристики региональной модели государственной молодежной политики, определение которых необходимо для обеспечения ее эффективности как формы социального управления: 1) состояние осуществляемой политики на оси объектности – субъектности, определение направления и скорости ее развития к тому или иному полюсу данной оси; 2) социальное состояние молодежи вообще и наиболее значимых молодежных групп, степень их социальной сформированности; 3) состояние основных субъектов политики, обеспечивающих ее научно-методическое, кадрово-образовательное обеспечение и оперативное управление. Совокупная социальная позиция управляющих субъектов региональной модели молодежной политики

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли / под ред. В.С. Жекулина. Л., 1989. С.295.

² Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: пер с англ. М., 1988. С. 245.

³ Там же. С.267.

может быть проанализирована также по основным целям деятельности субъектов. По этому признаку можно выделить, в частности, следующие формы региональных моделей:

Таблица 40

Формы региональных моделей ГМП по основным целям деятельности

Форма	Основная цель
социально-адаптационная	помощь молодежи в социальной адаптации
социально-политическая	включение молодежи в социально-политические процессы общества
образовательно-воспитательная	формирование у молодежи конкретных социально-значимых качеств: духовно-нравственных, гражданско-патриотических и др.

Главной целью работы с молодежью в социально-адаптационной региональной модели является помощь молодежи в социальной адаптации, что требует прежде всего определения молодежных групп, обеспечиваемых государственной поддержкой. Основное внимание обращается на поддержку тех молодежных групп, которые традиционно воспринимаются органами власти региона как нуждающиеся в поддержке (молодые инвалиды). В общем контексте определения групп, которым в рамках региональной молодежной политики оказывается помощь, интерес представляет также поддержка в рамках данной модели молодежных групп, которые не выделены в нормативно-правовом аспекте, но вызывают социальное опасение (например, молодые люди старше 18 лет, вернувшиеся из мест лишения свободы, или молодые наркоманы). Ведущий функциональный блок социально-адаптационной модели – социальная поддержка, основными субъектами которой выступают службы социальной помощи: центры социальной и психологической помощи, молодежные биржи труда, советы по профилактике наркомании девиантного поведения молодежи и т.п. Эти службы могут образовываться и функционировать в структуре различных органов государственного и муниципального управления: внутренних дел, юстиции, образования, здравоохранения, наркоконтроля и т.д. Основные виды деятельности: информирование, консультирование, проведение благотворительных мероприятий и акций, организация для социальных служб конкурсов программ и проектов, направленных на поддержку отдельных групп молодежи. В случае, если поддержка молодежных групп на региональном уровне поручается собственно органам по работе с молодежью, в их структуре выделяются специалисты, обеспечивающие координацию деятельности различных социальных субъектов в этом направлении. В блок оперативного управления входят также многочисленные министерства и ведомства, которые занимаются решением социальных проблем молодежных групп, выделенных для поддержки: здравоохранения – для профилактики среди молодежи наркомании; образования – для помощи детям-сиротам; службы трудоустройства – для помощи молодым безработным и т.п. Каждое министерство и ведомство, входящее в блок оперативного управления, в рамках своей компетенции самостоятельно формирует нормативно-правовые основания работы с молодежью.

Субъекты научно-методического блока в рамках данной модели проводят мониторинг социального состояния молодежных групп, получающих государственную поддержку, и формируют программы повышения эффективности социально-адаптационной работы в регионе. Обычными результатами исследований являются выводы о недостаточности средств, выделяемых для поддержки молодежи, и о низкой эффективности их использования, что отражает восприятие молодежи в рамках данной модели только как объекта социального воздействия. В рамках культурно-образовательного блока в социально-адаптационной модели проводится подготовка специалистов по социальной (социально-психологической) работе с молодежью. При этом внимание обучающихся обращается на возможности применения в России опыта социальной поддержки молодежи, накопленного в других государствах. Основными параметрами эффективности работы с молодежью региона в данной модели: количество молодых людей, которым за счет средств бюджета были оказаны бесплатные услуги (консультации, трудоустройство, направление на лечение и т.п.). В качестве индикаторов рассматривается изменение показателей молодежной преступности, наркомании, бродяжни-

чества, безработицы, то есть проявления в молодежной среде асоциальных явлений. Представление в рамках социально-адаптационной модели о молодежи в целом как асоциальной группе, противопоставление молодежных интересов интересам общества, восприятие молодежи исключительно как объект социального управления не позволяют использовать в качестве параметров и индикаторов характеристики, отражающие взаимодействие молодежи с детьми, взрослыми и пожилыми. В социально-адаптационной модели государственной молодежной политики ведущую роль играет регион, на уровне которого сосредотачиваются функции нормативно-правового, социально-экономического, научно-методического, организационно-информационного и кадрового обеспечения работы с молодежью. Федеральный уровень в данной модели воспринимается как источник финансовых средств для реализации федеральных программ социальной поддержки некоторых молодежных групп (молодых инвалидов, например) или вообще средств на работу с молодежью (для дотационных регионов). Муниципальный уровень также воспринимает региональные структуры государственного управления только как источник средств для социально-адаптационной работы с молодежью.

Социально-политическая региональная модель государственной молодежной политики нацелена, прежде всего, на включение молодежи в социально-политические процессы. Основное внимание обращается в рамках данной модели на поддержку социально позитивных молодежных общественных объединений не только как инструмента управления молодежью, но и как средства проявления социального творчества самой молодежи. Поэтому основными молодежными группами, которым в рамках молодежной политики оказывается помощь, являются наиболее значимые (в том числе и по причине своей многочисленности) учащиеся и молодые работники, особенно наиболее социально активное студенчество и молодые специалисты с высшим образованием. Ведущим функциональным блоком социально-политической модели является блок поддержки общественных объединений. Входящие в него субъекты социального управления обеспечивают экспертизу и финансирование социальных инициатив, выдвигаемых молодежными общественными объединениями, и определение их значимости для социального развития региона. На основе этого разрабатываются программы государственной поддержки молодежных общественных объединений, в частности в форме предоставления им субсидий и субвенций. Основными видами деятельности субъектов блока поддержки общественных объединений являются проведение региональных конкурсов молодежных общественных объединений на предоставление им субсидий (грантов), а также организационная и информационная поддержка деятельности этих объединений со стороны различных органов управления. Немалую работу в осуществлении поддержки молодежных общественных объединений выполняют органы социальной поддержки, которые переориентируются в рамках социально-политической модели с индивидуальных форм работы на коллективные (например, на работу с объединениями молодых инвалидов).

В рамках данной модели в структуре региональных и муниципальных органов по работе с молодежью имеются специалисты, обеспечивающие взаимодействие этих органов с молодежными общественными объединениями. Важным элементом работы данных специалистов является сбор информации о состоянии и реальной деятельности курируемых ими молодежных общественных объединений. В блок *оперативного управления* социально-политической модели входят министерства и ведомства, в рамках которых молодежь создает свои объединения (органы образования для обеспечения деятельности объединений учащейся молодежи, осуществляющие контроль за деятельностью молодежных объединений) (органы внутренних дел и службы национальной безопасности). Особую часть работы субъектов блока оперативного управления в социально-политической модели составляет их взаимодействие с молодежными объединениями, формирующимися и функционирующими внутри политических партий и религиозных движений. Влияние на состояние социально-политической активности молодежи региона политических, общественных и религиозных организаций федерального уровня следует признать гораздо более важным, чем деятельность региональных молодежных общественных объединений. В любом случае нормативно-правовое основание работы с

молодежь всех субъектов управления в данной модели образует федеральное законодательство.

Субъекты *научно-методического блока* в рамках *социально-политической модели* проводят изучение процесса развития молодежных общественных объединений в регионе и определяют средства повышения социально-политической активности наиболее значимых молодежных групп. Обычно результатами исследований являются программы, реализация которых должна направить социальную активность молодежи на позитивное решение проблем развития региона. Все это отражает определение молодежи в рамках данной модели как субъекта социального воздействия. В рамках *культурно-образовательного блока* в социально-политической модели проводится повышение квалификации руководителей и лидеров молодежных общественных объединений, а также подготовка специалистов муниципальных образований, курирующих работу с молодежными объединениями. В рамках развития данной модели активно развиваются молодежные клубы, на базе которых организуют свою работу молодежные и детские общественные объединения.

Основными параметрами и индикаторами эффективности работы с молодежью региона в социально-политической модели выступают количество и численность молодежных общественных объединений, которые участвуют в реализации значимых социальных проектов. В этом контексте параметры и индикаторы, разработанные авторским коллективом, являются наиболее значимыми именно для данной модели.

В социально-политической модели государственной молодежной политики ведущую роль играет федеральный уровень, который обеспечивает работу с молодежью региона в нормативно-правовом и социально-экономическом аспектах. Региональный уровень оставляет за собой научно-методическое, кадровое и организационно-информационное обеспечение работы с молодежью. Муниципальный уровень в данной модели доводит государственную молодежную политику до конкретного молодого человека. Так в контексте молодежной политики осуществляется вертикаль власти. –

Формирование у молодежи конкретных социально значимых качеств, определенных на федеральном уровне: духовно-нравственных, гражданско-патриотических и др., – выступает как главная цель в *образовательно-воспитательной модели* молодежной политики. Ведущим функциональным блоком образовательно-воспитательной модели является *культурно-воспитательный блок*, основными субъектами которого выступают органы образования и культуры. Значимую роль в данной модели играют организации, обеспечивающие спортивно-оздоровительную работу с молодежью и проведение молодежью досуга. В рамках *культурно-образовательного блока* в данной модели проводится подготовка специалистов по работе с молодежью как особой социальной и демографической группой. Внимание обучающихся акцентируется на социально-демографических и психовозрастных особенностях молодежи и технологиях их использования в целях развития молодых граждан. Основными видами деятельности субъектов блока являются образование и воспитание, информирование и консультирование, проведение оздоровительных и досуговых мероприятий и акций, организация конкурсов программ и проектов, направленных на организацию развивающего досуга молодежи. В рамках образовательно-воспитательной модели в структуре органов по работе с молодежью выделяются специалисты, обеспечивающие координацию деятельности различных социальных субъектов в обеспечении воспитания молодежи и организации развивающего молодежного досуга. В блок оперативного управления, таким образом, входят многочисленные министерства и ведомства, которые занимаются решением проблем образования и воспитания молодежи, в первую очередь министерства образования и культуры. В контексте военно-патриотического воспитания молодых граждан активно работают в рамках данной модели Министерство обороны и другие силовые ведомства. В рамках данной модели субъекты научно-методического блока исследуют процессы развития молодежи и отдельных молодежных групп как субъектов социального действия, разрабатывают наиболее эффективные программы использования социального творчества молодежи региона. К разработке этих программ активно привлекается научная молодежь. Экспертно-прогностический блок в рам-

как данной модели обеспечивает органы государственной власти научно-обоснованными прогнозами развития молодежи как активного субъекта социального действия, играющего не только исполнительскую, но и социально творческую роль. Основными параметрами эффективности работы различных социальных субъектов с молодежью в данной модели выступают результаты участия молодежи в социальном развитии региона и государства. При этом оцениваются не только количественные показатели участия молодежи в реализации национальных и региональных проектов, но и формирование молодежью региона социальных проектов регионального и федерального уровней. Система индикаторов эффективности управленческой деятельности в образовательно-воспитательной региональной модели государственной молодежной политики в связи с ее новизной для российских условий в социальной практике, то есть в научно-аналитическом аспекте, еще не определена. Особый интерес представляет разработка поставленной проблемы в контексте представлений о молодежи как части общества и, следовательно, об активной роли молодежи в развитии ее отношений с детьми, взрослыми и пожилыми людьми через определение социально-творческой роли молодежи в периоды социальных трансформаций.

В образовательно-воспитательной модели молодежной политики ведущую роль играет *муниципальный уровень*, который сосредотачивает у себя выполнение прежде всего воспитательной функции. Деятельность органов регионального уровня по нормативно-правовому, социально-экономическому, научно-методическому, кадровому и организационно-информационному обеспечению работы с молодежью представляется как вспомогательная. Федеральный уровень в данной модели воспринимается как гарант социальной стабильности, без которой невозможно достижение стратегических социальных целей, на которые ориентирована вся образовательно-воспитательная работа с молодежью.

Критериями совокупной социальной позиции действующих субъектов, оказывающих влияние на форму региональной модели молодежной политики, могут быть показатели деструктивно-конструктивного восприятия органами государственного управления социальных действий молодежи региона и степени ее социальной активности. В качестве ответа общества на них формируется региональная молодежная политика, соответствующая *подавляющей, нейтральной или поощряющей моделям*.

Региональная модель по времени, на которое рассчитаны действия органов управления, может быть *тактической*, если ГМП по существу является реагированием на возникающие проблемы молодежи, или *стратегической*, если региональная молодежная политика основывается на прогнозировании развития социальной ситуации в государстве, регионе, муниципальных образованиях.

Форму региональной модели молодежной политики может определять *приоритетная в ее рамках социальная группа молодежи*: учащаяся, работающая, творческая, семейная и т.д. Названные группы могут быть в той или иной степени конкретизированы: учащаяся сужена до студентов или школьников, а работающая – до рабочих или инженерно-технических работников.

Анализируя региональные модели государственной молодежной политики, можно также оценивать *приоритетные виды социальной деятельности молодежи*, регулируемые в их рамках. Соответственно можно выделить *экономико-трудоуловую, образовательную, социально-политическую, семейно-брачную (демографическую), досуговую и т.п. модели*.

Информацию о региональной модели дает также анализ статуса региональных органов государственной молодежной политики. Данный критерий определяет наличие *региональных моделей, выражающих различную степень организационной оформленности государственной молодежной политики*:

Формы региональных моделей ГМП по степени организационной оформленности

Степень организационной оформленности	Характеристика регионального органа управления
Организационно оформленная	В структуре правительства региона есть самостоятельное ведомство по управлению работой с молодежью
Организационно частично оформленная	Структура управления работой с молодежью выделена в структуре одного из ведомств в составе правительства региона
Организационно неоформленная	В структуре правительства региона нет самостоятельной структуры управления работой с молодежью, работа с молодежью совмещается с управлением другими социальными процессами каким-либо ведомством в составе правительства региона

Оценка деятельности региональных органов ГМП позволяет выделить основные средства управления как ее существенную характеристику. В соответствии с этим критерием следует определить *бессистемно-ситуационные, нормативно-директивные и системно-программные модели*. Разнообразие региональных форм молодежной политики не исчерпывается указанными видами, поскольку могут быть сформулированы и иные критерии для их выделения. Но в любом случае, и объектная, и субъектная стороны ГМП, описанные ранее, присутствуют в каждой форме.

Дегтярева Т.П. (УрФУ, Екатеринбург)

**Проблемы профессиональной ориентации молодежи
в современных экономических условиях**

Выбор будущей профессии для молодого поколения всегда был непростой задачей. В стабильных социально-экономических условиях и низкой динамике изменений в общественной структуре степень определенности в выборе была выше; за последние 20 лет перехода в новые условия функционирования общества в России проблема профессиональной ориентации усложнилась. Особенности профессиональной ориентации в России и Свердловской области сопряжены с попытками разрешить исторически сложившееся объективное противоречие, которое пронизывает отношения общества и образования, общества и личности, личности и образования. Разрушенная в 1990-е гг. система профессиональной ориентации школьников требует создания новой как по содержанию, так и по структуре. Содержание определяется в первую очередь объективными процессами, идущими в экономике, в народном хозяйстве страны, области, когда существующая и будущая структура экономики должна определять ориентиры для всех ступеней системы образования с учетом специфики регионов (хотя это может быть и спорным).

Профориентация – процесс, который на современном этапе происходит на протяжении всей жизни человека, поэтому её надо рассматривать на разных этапах развития личности, на разных ступенях образования, начиная с дошкольного. Традиционно принято считать юность одним из важнейших этапов в процессе профориентации и профессионального становления личности. В связи с этим утверждением необходимо обратить внимание на ряд моментов в данном процессе. Можно назвать ряд факторов, которые затрудняют в настоящее время выстраивание стройной системы профориентации для молодежи:

- еще не возвращена на достойное место в структуре общественных ценностей ценность самого труда – высокопроизводительного, качественного, созидającego;
- неопределенность перспектив развития и структуры экономики, сохраняющийся акцент в основном на сырьевых и добывающих отраслях экономики, низкие темпы внедрения достижений научно-технического прогресса в традиционные производства;

- неоправданная диспропорция в доходах и социальных гарантиях даже для исполнительского персонала различных секторов экономики и бюджетной сферы (например, если сравнить финансово – кредитные учреждения и систему дошкольного образования);
- престижность профессий стала определяться только размером материального вознаграждения, а не её социальной ценностью;
- доступность высшего профессионального образования для выпускников школ и колледжей независимо от их уровня итоговой успеваемости (платность обучения) и в связи с этим девальвация высшего образования в целом;
- нововведение в средней школе – оценка успеваемости в форме единого государственного экзамена (ЕГЭ), который резко сузил возможности (а где-то свел на нет) профориентации. Особенно заметен этот процесс в сфере дополнительного образования¹.

Все вышеперечисленное существенно ограничивает поиск альтернатив собственной самореализации молодежи как будущих субъектов профессиональной деятельности и создает серьезные трудности в создании современной системы профориентации, особенно когда речь идет о заинтересованных субъектах данной системы, которые должны действовать согласовано. В идеале этими заинтересованными субъектами должны быть: федеральные органы государственной власти (система образования, центры занятости населения, государственные предприятия и учреждения), муниципальные органы власти, работодатели небюджетной сферы, родители, сами учащиеся. В настоящее время такая стройная структура, которая могла бы согласовывать интересы всех сторон, не создана. Поэтому в известной отечественной триаде при выборе профессии «хочу» – «могу» – «надо» на первый план выходит компонент «хочу» родителей и отчасти выпускников школ.

А, как известно, спрос порождает предложение. Результатом является структурное несоответствие квалификации, количества и качества специальностей рынку труда. Предпринимаемые попытки исправить сложившуюся ситуацию (целевая подготовка специалистов) в некоторой степени является полумерой, так как далеко не все так называемые «целевики» возвращаются на предприятие или, отработав срок по контракту, меняют сферу профессиональной деятельности.

В условиях отсутствия системного подхода к процессу профориентации можно компенсировать негативные последствия неосознанного выбора молодежью специальности уже непосредственно в вузе. Принимая во внимание, что процесс профориентации продолжается в вузе, можно создавать такие гибкие образовательные структуры в самом вузе, которые позволят согласовать интересы (хотя бы в какой-то их части) всех субъектов рынка труда. Проведенное исследование касалось инженерного образования. На современном этапе оно также характеризуется рассогласованием интересов личности обучающегося, системы инженерного образования и рынка труда.

За последние 20 лет в России процесс формирования и становления технических университетов на базе политехнических институтов практически завершился. Кризис инженерного образования, который обозначился еще в 1970-е гг., выразался в многолетней монопрофильной подготовке специалистов и «перепроизводстве» инженеров в целом. Давно назрев-

¹Могу сослаться на свой опыт работы в Екатеринбургском центре одаренности и технологий, где учащиеся всех ступеней средней школы (особенно учащиеся 10-х и 11-х классов) города могут (на бесплатной основе) осуществлять свои первые профессиональные пробы, расширяя свой кругозор, развивать себя как личность и получать знания, выходящие за пределы ЕГЭ. С введением в школах ЕГЭ интересы старшеклассников резко сдвинулись в сторону репетиторства по конкретным предметам экзаменов, результаты которых являются одновременно вступительными в вуз. Посещаемость семинаров сферы дополнительного образования за последние 3 года постепенно сокращалась, особенно нацеленных на развитие творческого мышления, знакомство с разными сферами профессиональной деятельности, общее культурное развитие. При этом школьники сожалеют, что не могут посещать эти семинары из-за загруженности и необходимости дополнительно (зачастую платно) брать уроки по выбранным дисциплинам ЕГЭ. У школьников высока тревожность по поводу выбора предметов для сдачи экзаменов и возможности поступления в вуз. При этом выбор сферы профессиональной деятельности уходит на второй план, главное – поступить в вуз на бюджетное место.

шая потребность в подготовке профессионально и социально мобильного специалиста, готового к выполнению разнообразных видов труда, не получала своей конкретной реализации в техническом вузе.

Определение понятия «*профессиональная мобильность*» традиционно включает в себя готовность специалиста к быстрой смене рабочих мест и специальностей в рамках профессии и отрасли, способность осваивать новые специальности или изменения в них под влиянием передовой технологии, потребность постоянно повышать свою квалификацию. В то же время динамика общественной практики вносит коррективы в данное определение, не ограничивая профессиональную мобильность рамками одной отрасли и рассматривая возможность профессиональной и личностной самореализации в любой сфере социально-экономической деятельности. Подобную готовность специалист может приобрести в образовательной системе, которая сама обладает характеристиками мобильности.

Необходимость создания гибких образовательных структур обосновывалась в *концепции непрерывного образования* (А.А.Вербицкий). Под гибкими образовательными структурами подразумеваются организационные системы образования, компоненты которых имеют связи и отношения, допускающие возможность оперативного перестраивания в соответствии с динамично меняющимися потребностями общественной и индивидуальной практики (С.Ф.Катунская).

Ныне получение второго высшего образования в вузе или профессиональная переподготовка происходит по той же схеме, что и первое высшее образование в жестких рамках образовательного стандарта. В силу жесткости организационной структуры такая крупная педагогическая система, как технический вуз, не способна к быстрой перестройке. Однако сформированная нормативная база российского образования уже не позволяет создавать в его системе гибкую образовательную структуру в форме дополнительного образования (дополнительных образовательных услуг). В то же время среди многообразия форм дополнительного образования наиболее адекватной целям высшего инженерного образования является дополнительная подготовка к конкретным видам актуальной и перспективной профессиональной деятельности, которая способна расширять профессиональную мобильность инженера. Именно в гибких образовательных структурах можно более полно реализовать основные принципы образовательной политики, которые выражаются в гуманизации, гуманитаризации, дифференциации, индивидуализации и демократизации образовательного процесса.

Создание подобного рода подсистем, существующих одновременно с базовыми инженерными, не получило теоретического и практического обоснования в педагогической литературе. Поэтому в плане проведенного автором исследования в первую очередь были использованы источники по теории и практике проектирования педагогических систем (В.П. Беспалько, Б.С. Гершунский, Э.Ф. Зеер, В.С. Леднев, А.Я. Найн, А.В. Непомнящий, В.Д. Семенов, Г.Н. Сериков). В основном эти работы посвящены методологии и практике проектирования традиционных педагогических систем – как малых, так и больших: учебный процесс, школа, профессионально-техническое училище, вуз. Особо следует выделить разработки Г.Н. Серикова программных средств в подготовке инженеров для занятий самообразованием. Названные источники послужили научно-методологической основой для проектирования подсистемы дополнительного образования инженеров. Весьма полезными оказались работы ученых, занимающихся интеграцией педагогических и технических знаний (В.С. Безрукова, А.П. Беляева, Ю.М. Кузнецова, Ю.А. Кустов, Ю.С. Тюнников, Н.К. Чапаев). Интерес представляла и практико-ориентированная методологическая подготовка студентов, находящая свою реализацию в конкретных актуальных и перспективных видах профессиональной деятельности инженера. Широко распространившаяся в последнее время практика использования дополнительных форм образования инженеров в технических вузах не получила научно-методического обоснования. Это обстоятельство обнаружило противоречия между социальными ожиданиями общества в отношении профессионально-личностных характеристик выпускника технического университета, его личностными потребностями и интересами с одной

стороны, и организацией подготовки такого специалиста, с выходом на конкретные виды профессиональной деятельности – с другой.

Проблема исследования вытекает из противоречия и состоит в необходимости разработки научно-обоснованных подходов к проектированию дополнительных образовательных подсистем в инженерном образовании, что определило выбор темы исследования: «Проектирование педагогической подсистемы дополнительной подготовки инженера как фактор расширения его профессиональной мобильности».

Результаты исследования, проведенного нами на факультете гуманитарного образования УрФУ, показали, что разработанные опытные педагогические формы проекта (подсистемы, ориентированные на актуальный и перспективный виды деятельности инженера – профессиограмма, профессионально-квалификационная характеристика, учебный план, учебные программы), проверка экспериментальным путем условий реализации педагогического проекта и выявление особенностей распространения основных принципов педагогического проектирования на гибкую дополнительную подсистему позволили в итоге участникам эксперимента (студентам IV-V курсов технических факультетов) расширить свою профессиональную мобильность. Практико-ориентированная дополнительная подготовка инженеров на гуманитарном факультете может способствовать согласованию образовательных потребностей личности, целей вуза и требований рынка труда.

Междисциплинарный подход, объединяющий философские, педагогические, социально-психологические и социологические представления о профессиональной подготовке современного специалиста инженера, позволил сформулировать *гипотезу исследования*. Практико-ориентированная дополнительная подготовка инженеров на гуманитарном факультете может способствовать согласованию образовательных потребностей личности, целей вуза и требований рынка труда, если:

- выявлены и научно обоснованы подходы к созданию модели дополнительной подготовки как гибкой образовательной подсистемы с учетом регионального аспекта;
- разработан проект подсистемы в соответствии с выбранным образовательным направлением и содержанием актуального и перспективного видов профессиональной деятельности;
- учтены особенности распространения основных принципов педагогического проектирования: принципа человеческих приоритетов и принципа саморазвития при разработке и реализации проекта подсистемы дополнительной подготовки.

Для реализации целей и задач исследования использовался комплекс методов: системный анализ изучаемой проблемы, методы педагогического проектирования, профессиографирование, прямое и косвенное наблюдение, педагогический эксперимент, исследование функционирования подсистемы доподготовки через опросные методы, деловые игры, социологический опрос, тестирование, собеседование, статистические методы обработки экспериментальных данных.

Избранная методологическая основа и поставленные задачи определили ход теоретико-экспериментального исследования проблемы, которое проводилось в несколько этапов. На каждом этапе применялись методы, отвечающие целям и задачам исследования.

Проблему преодоления кризиса в инженерном образовании необходимо рассматривать в широком историко-социологическом и педагогическом контекстах. Ретроспективный анализ помогает подробно рассмотреть становление и развитие инженеров как профессиональной группы, выделить и проследить виды профессиональной деятельности, функции инженера, характер мобильности и кризисные тенденции в их подготовке. Это необходимо для раскрытия сущности и теоретического осмысления концептуальных подходов к подготовке инженеров с учетом сложившейся системы технического образования (см. работы И.А. Аитова, Г.Н. Александрова, О.В. Крыштановской, А.В. Ленченко, Р.Р. Мавлютова, А.Г. Никитенко, А.В. Непомнящего, Г.А. Саксельцева, Г.Н. Серикова, Е.М. Тарасовой, В.Е. Шукшунова, Ф.Р. Филиппова и др.).

Историко-социологический анализ показал, что профессиональные функции инженера с развитием индустриального общества постоянно дифференцировались, возникали внутри-

профессиональные образования, основанные на различиях в содержании труда. В то же время эти изменения не подкреплялись столь же дифференцированной подготовкой инженеров даже к традиционно выделяемым профессиональным видам деятельности (проектно-конструкторская, научно-исследовательская, производственно-технологическая, эксплуатационная, управленческая). Авторы в своем большинстве искали выход в совершенствовании компонентов педагогического процесса, в поиске новых технологий обучения. Но жесткая организация и управление системы технического вуза не способствовали реализации нововведений в комплексе, сохраняя противоречия. Отечественных авторов объединяют взгляды на тенденции в развитии технического образования в направлении, отвечающем требованиям будущего информационного типа общества с одновременной гуманизацией и гуманитаризацией инженерного образования. Подобные позиции отражаются и в зарубежных публикациях, исследующих проблемы подготовки инженерных кадров (Khyn Dirk J. Van, Kihlman Tor, Paoner William B.).

Изменение ситуации со второй половины 1980-х гг. связано с формированием иной образовательной политики, нормативным закреплением новой парадигмы образования, в центре которой находится идея развития личности, и основных ее принципов: гуманизации, гуманитаризации, демократизации, дифференциации и индивидуализации. Это способствовало разработке идеи гибких образовательных структур (ГОС) в системе непрерывного образования (А.А. Вербицкий, Б.С. Гершунский, С.Ф. Катунская, Н.Н. Нечаев, В.А. Юрисов). Наиболее полную характеристику ГОС с использованием зарубежного опыта дала С.Ф. Катунская. Ею научно обоснована необходимость создания и развития ГОС, сформулирован принцип гибкости, выявлены критерии их отличия от традиционно жестких образовательных систем, дана типология ГОС и систем непрерывного образования.

Принцип *гибкости* означает способность образовательных структур к быстрому переориентированию в соответствии с изменяющимися потребностями личности и общества. Зависимость организационных образовательных структур от времени определяет их принадлежность к жестким или гибким. *Жесткие* – это такие структуры, связи и отношения которых не меняются со временем, для них характерны ограничения в отношении координации, направленности и назначения деятельности, распределения по времени, по исполнителям и последовательности действий. Они хороши тогда, когда потребности, возможности и условия осуществления образовательного процесса не меняются во времени. Когда потребность и условия их удовлетворения изменяются, то требуется использовать изменяющиеся во времени гибкие образовательные структуры. Следует учесть и то, что в ГОС изменяются направленность, уровень, содержание, формы и сроки осуществления образовательных процессов (подготовка, переподготовка, повышение квалификации, образование по интересам, образование «ради образования» и др.).

В типологии ГОС выделяются *гибридные, изменчивые (или вариативные) и смешанные*. Раскрыты структуры гибридных ГОС, которые могут включать несколько типов традиционных образовательных учреждений (например, профтехучилище, техникум и вуз), образующих образовательный комплекс. Что касается изменчивых и смешанных (объединение гибридных с изменчивыми), то их содержание и структура не раскрыты, поскольку отсутствовала практика их создания. Были поставлены проблемы сложности и новизны ГОС. Требовалось выявить их сущность, особенности, возможности и условия их функционирования. Фактор времени в ГОС выражается в сокращении периода от начала разработки учебных планов до первого выпуска (6-7 лет в традиционных системах) в два раза.

Отражение динамики изменения потребностей общества и личности в образовании с учетом фактора времени заложено в *классификации систем непрерывного образования*. Образовательные системы (или структуры) подразделяются на основные, параллельные и дополнительные в зависимости от характера, роли и значения потребностей человека и общества (принцип динамичности). *Основные* – в которых человек удовлетворяет потребности в общем и профессиональном образовании. *Параллельные* – способные удовлетворять такие же потребности, но требующие специфических условий. *Дополнительные* – удовлетворяют по-

требности, которые превосходят общественно необходимый уровень в конкретных исторических условиях. Таким образом, теоретические разработки ГОС позволили определить комплексный подход к решению сложившихся противоречий в инженерном образовании на практике.

Первое – целью дополнительного образования инженеров является подготовка к конкретным актуальным и перспективным видам профессиональной деятельности (практико-ориентированный и опережающий подходы).

Второе – дополнительная подготовка осуществляется в форме ГОС в системе технического вуза, то есть является педагогической подсистемой (системный подход).

Третье – как любое системное образование, дополнительная подготовка инженеров требует выявления всех ее компонентов и связей с точки зрения их полноты и характера взаимоотношений (целостный подход).

Четвертое – дополнительная подготовка требует создания педагогического проекта (проектно-программный подход – Ю.В. Громыко, В.В. Давыдов).

Перечисленные подходы взаимопересекаются и осуществляются в комплексе.

На основе теоретического анализа сформулирован вывод о том, что разрешению противоречий в инженерном образовании может способствовать новая образовательная структура в системе технического вуза – гибкая саморазвивающаяся подсистема дополнительной подготовки инженеров (ПДПИ) по конкретной специализации на последних курсах обучения (IV-V-м), имеющая характеристики параллельной и дополнительной систем непрерывного образования. При этом следует особо подчеркнуть роль технического университета. Эта роль заключается в преодолении сиюминутности и стихийности интересов рынка труда, сохранении и развитии духовно-нравственных основ подготовки специалиста-инженера.

При разработке модели ПДПИ в процессе реализации комплексного подхода были использованы теоретические и практические работы по созданию модели специалиста (или модели подготовки) (Г.Н. Александров, Т.А. Арташкина, В.П. Беспалько, В.А. Белогурова, И.А. Володарская, Н.С. Глуханюк, М.Г. Гарунов, Э.Ф. Зеер, И.В. Кочергин, Н.М. Лизунова, Т.Г. Михалева, Н.Н. Нечаев, Н.Г. Печенюк, Н.Ю. Рыжов, Г.Н. Сериков, Е.Э. Смирнова, Н.Р. Талызина, Л.Б. Хохловский, Ф.В. Шарипов и др.) Исследование исходило из основной посылки, объединяющей взгляды авторов: модель подготовки строится на тщательном анализе реальной профессиональной деятельности специалиста.

Системно-целостный подход выявил необходимость замены отсутствующих компонентов (например, государственного планового заказа на определенных специалистов) дополнительными и установления взаимосвязей между ними. К этим элементам относятся:

1. Исследование содержания востребованного инженерного труда с учетом новых тенденций развития информационного общества (региональный рынок труда).
2. Исследование образовательных возможностей технических вузов города и области (образовательные услуги).
3. Интересы личности обучающихся в техническом вузе (образовательные потребности личности).

Подобная замена и введение дополнительных компонентов необходимы для создания гибкой подсистемы, устойчивой на всех уровнях функционирования: содержательном, процессуальном и управляющем. Введение дополнительных компонентов проектирования педагогической подсистемы дополнительной подготовки определяет проблемную область их исследования, установление взаимосвязи и иерархии между элементами, создание предпосылок для выполнения функций дополнительной подготовки и обеспечения развития подсистемы. С этой целью был проведен опрос кадровых служб 50 предприятий и организаций города Екатеринбурга и области, а также первых руководителей и их заместителей о содержании профессиональной деятельности инженеров и требований к профессионально-личностным качествам выпускников технических вузов. Изучение заявок работодателей в службах занятости показало изменения, происходящие на рынке труда.

Основными характеристиками нового социального типа специалиста является обладание такими важными профессионально-личностными качествами, как готовность и способность к саморазвитию, саморегуляции, самореализации в профессиональной и иных сферах жизнедеятельности, мобильность, ответственность, коммуникативность. Анализ результатов позволил выделить группу специалистов, входящих в структуру управления, которым необходимо владеть гуманитарными, экономическими и техническими знаниями, готовых выполнять разнообразные виды деятельности в этой структуре. Такие должности ранее не предусматривались Единым тарифно-квалификационным справочником должностей специалистов и служащих и имели различные наименования: помощник руководителя, референт, менеджер (по различным направлениям). Эти должности являлись результатом стихийной карьеры специалиста с высшим техническим или гуманитарным образованием. Изучение дополнительных образовательных услуг технических вузов области показало, что дифференцированной подготовки подобных специалистов (кроме введения специализации «менеджер») не осуществлялось.

Выбор содержания дополнительной подготовки *инженеров-референтов* обусловлен также содержанием его профессиональной деятельности. Референт – это специалист, который организует или проводит сам информационные исследования, обобщает и анализирует информацию для руководства предприятия в различных целях, прежде всего для принятия управленческих решений. Образовательные потребности студентов рассматриваются в данном случае как потребность в дополнительных образовательных услугах. Поэтому они выступают в форме интереса к соответствующему виду образовательной деятельности (Г.Е. Зборовский). Образовательные потребности личности начали признаваться приоритетными в выборе профессионально-образовательного направления, а также средств, методов и форм обучения (К.А. Абульханова-Славская, А.С. Белкин, М.А. Галагузова, Г.Е. Зборовский, Э.Ф. Зеер, И.С. Кон, А.В. Петровский, Л.Я. Рубина и др.). Необходимость и обязательность изучения образовательных потребностей личности обусловлены рядом факторов: неравномерностью интеллектуального и социального развития обучающихся, их ближайшими, актуальными и перспективными целями, различием в мотивации профессионального выбора, отношением к освоению инженерной профессии, а также рассмотрением студенческого периода жизни личности как кризисного, когда совершаются основные жизненные выборы – профессиональные и личностные.

Анкетный опрос студентов УГТУ методом гнездовой выборки показал: что 81% опрошенных хотели бы получить дополнительную подготовку на гуманитарном факультете технического университета по специализациям, интегрирующим технические и гуманитарные знания.

Важным элементом ПДПИ является коллектив педагогов, имеющих полипрофильную подготовку, объединенный одной целью – подготовка нового социального типа специалиста, способного решать профессиональные задачи в структуре управления предприятием (организацией), в частности – информационно-аналитического обеспечения, принятия управленческих решений. Следовательно, в ПДПИ как в одной из форм гибкой образовательной структуры, основные принципы образовательной политики находят свою конкретизацию в принципах гибкости, динамичности, свободы выбора личностью образовательного направления в техническом вузе.

Принципы обуславливают взаимосвязь компонентов ПДПИ: целевой, содержательный, процессуальный, управляющий, внутренней и внешней среды. По своему характеру выделяются следующие классы связей компонентов (В.С. Безрукова):

- *связи происхождения* – устанавливаются при проектировании интегративного вида образования, которое заключается в углубленной гуманитарной подготовке инженеров как выражении образовательных потребностей личности и требований рынка труда;
- *связи построения* – когда состав и содержание компонентов внешней и внутренней среды могут существенно изменить содержательный компонент педагогического процесса;

- *связи управления* – способствуют регулированию, перестройке компонентов ПДПИ к режиму функционирования системы технического вуза.

Модели ПДПИ присущи следующие функции:

- *согласования* потребностей регионального рынка труда в специалисте нового социального типа, интересов вуза в реализации основных принципов высшего образования, потребностей личности в дополнительном образовании;
- *адаптивности* к системе технического вуза в своей специфической организационной образовательной форме ГОС, обладающей качествами гибкости и динамичности;
- *прогностичности* направлений изменения в инженерном образовании под влиянием тенденций общественного развития и, как следствие, – коррекция модели.

Через функции ПДПИ находят свое преломление две основные взаимосвязанные функции высшего образования: общекультурная и профессиональная (в педагогической литературе они раскладываются еще на ряд функций).

Выделение системных компонентов, определение характера связей между ними как взаимообуславливающих явились основой для построения модели дополнительной подготовки инженеров на гуманитарном факультете технического университета и дальнейшей разработки педагогического проекта. Модель представляет собой открытую систему, позволяющую осуществлять обучение студентов любого инженерного факультета в соответствии с образовательными потребностями личности:

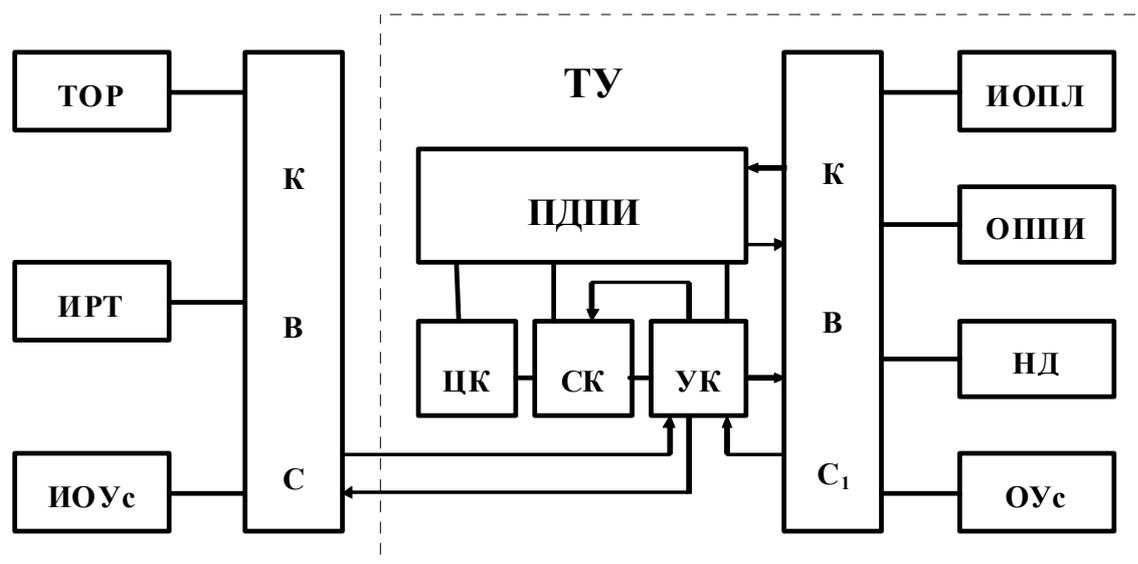

Рис. 13. Модель педагогической подсистемы дополнительной подготовки инженеров в техническом университете

ТУ – технический университет; КВС – компоненты внешней среды; ТОР – тенденции общественного развития; ИРТ – информация о региональном рынке труда; ИОУс – информация об образовательных услугах вузов региона; ПДПИ – подсистема дополнительной подготовки инженеров; ЦК – целевой компонент; СК – содержательный компонент; УК – управляющий компонент; КВС₁ – компоненты внутренней среды; ИОПЛ – информация об образовательных потребностях личности; ОППИ – образовательные профессиональные программы подготовки инженеров; НД – нормативные документы; ОУс – образовательные услуги вуза.

Для подтверждения принципиальных выводов теоретического исследования был проведен эксперимент. *Проблема* экспериментального исследования – выявление связей содержания подготовки с содержанием информационной и коммуникативной деятельности инженера-референта и методами решения профессиональных задач. *Цель* эксперимента – практически проверить проект педагогической ПДПИ на гуманитарном факультете. *Гипотеза* экспериментального исследования – дополнительная подготовка по специализации «инженер-референт» в техническом университете будет способствовать расширению профессиональ-

ной мобильности, если она спроектирована как гибкая педагогическая подсистема, способная реагировать на изменения в системе вуза и внешней среды и осуществлять подготовку к перспективным видам профессиональной деятельности на принятой в исследовании методологической основе. Цель эксперимента определила его задачи:

1. Разработка проекта педагогической подсистемы дополнительной подготовки (программа инженера-референта, квалификационная характеристика, учебный план, учебные программы);
2. Проверка соответствия компонентов педагогического процесса профессиональным видам деятельности инженера-референта;
3. Определение оптимальности управления подсистемой как мобильным элементом в системе технического вуза;
4. Проверка критериев отбора слушателей и формирования педагогического коллектива.

Эксперимент включал в себя два этапа: подготовительный и формирующий. Согласно цели ПДПИ системообразующим фактором педагогического проекта является профессиональная деятельность инженера-референта. Структурный анализ деятельности показал, что эта деятельность является интегративной, включающей два основных вида: информационно-аналитическую и коммуникативную. Информационно-аналитическая деятельность – это деятельность, связанная с поиском и получением информации, ее аналитико-синтетической переработкой с целью принятия управляющих решений. Коммуникативная деятельность тесно связана с информационно-аналитическим видом деятельности, но в исследовании акцентируется внимание на социально-психологическом ее аспекте. Если коммуникативная деятельность является актуальной для инженера, особенно в сфере управления, то информационно-аналитическая находится на стадии своего становления и развития и относится к перспективному виду деятельности в информационном обществе. По классификации профессий Е.А. Климова, деятельность инженера-референта относится к сферам *человек-знак, человек-человек*. И тут приемлема классификация разновидностей профессиограммы соответственно предмету труда – интерактивно-рефлексивный вид (Е.И. Гарбер, В.В. Козача).

Следуя логике анализа содержания профессиональной деятельности и его специфике, была создана психологически ориентированная эмпирическая профессиограмма инженера-референта, которая имеет свои отличия от исторически и логически сложившейся исходной схемы профессиограммы «человек-вещь». Эти отличия обусловлены введением в профессиографирование теории общения в описание объекта и субъекта трудовой деятельности и признанием особой важности личностных (ценностно-смысловых) регуляторов в процессе профессиональной деятельности. Эмпирическая психологически ориентированная профессиограмма инженера-референта является основой для дальнейшего изучения и описания. За основу в определении детерминант структуры содержания проекта взята структура, предлагаемая В.С. Ледневым. Детерминантой высшего уровня являются противоречия, обозначенные выше. Она, в свою очередь, определяет все остальные детерминанты в структуризации содержания. Основными критериями отбора содержания дисциплин учебного плана и учебных программ являлись профессиональная направленность и ее нравственная основа. В соответствии со структурой и содержанием деятельности в учебном плане ПДПИ выделены два основных блока дисциплин: информационно-аналитический и психолого-управленческий.

Предмет изучения первого блока дисциплин – содержание и методы работы с информацией, второго блока – содержание и социально-психологические методы профессионального общения и управления организацией. Формирование информационной и коммуникативной культуры специалиста является основой для осуществления информационно-аналитической и коммуникативной видов деятельности.

На втором этапе основными задачами формирующего эксперимента были:

1. Практическая реализация проекта в педагогическом процессе.
2. Проверка возможностей ПДПИ осуществить свои системные функции и тем самым способствовать профессиональной мобильности будущего специалиста инженера.

3. Отработка способов управления и технологий мониторинга подсистемы дополнительной подготовки инженеров.

Для организации обучения на кафедре прикладной психологии и педагогики гуманитарного факультета УГТУ был создан временный трудовой коллектив. В его состав вошли преподаватели базовой кафедры, преподаватели других факультетов и вузов города, а также сотрудники информационных центров и организаций, участвующие в создании проекта и учебном процессе (14 человек). Программа отбора отражала сущность нового подхода к формированию группы слушателей и включала несколько этапов: предварительная реклама на технических факультетах, тестирование, анкетирование, собеседование. Основными критерии набора в группу: добровольность и осознанность выбора и положительная мотивация к освоению новой специализации, а также ряд других критериев, описанных в исследовании. Эксперимент проводился на двух группах первого и второго набора (всего 50 человек), в которые входили студенты всех 10 инженерных факультетов университета.

Формирующий эксперимент проходил в три этапа в течение трех лет. Анализ результатов после каждого этапа показал, что главным системным эффектом явилось изменение личностных качеств слушателей. Углубленная гуманитарная подготовка (особенно психологическая), применение *модульного, контекстного и личностно-ориентированного подходов* в обучении способствовали повышению самооценки, развитию коммуникативных качеств, выработке навыков саморегулирования и самокоррекции поведения, повышению самостоятельности и ответственности в учебной и иных сферах жизнедеятельности.

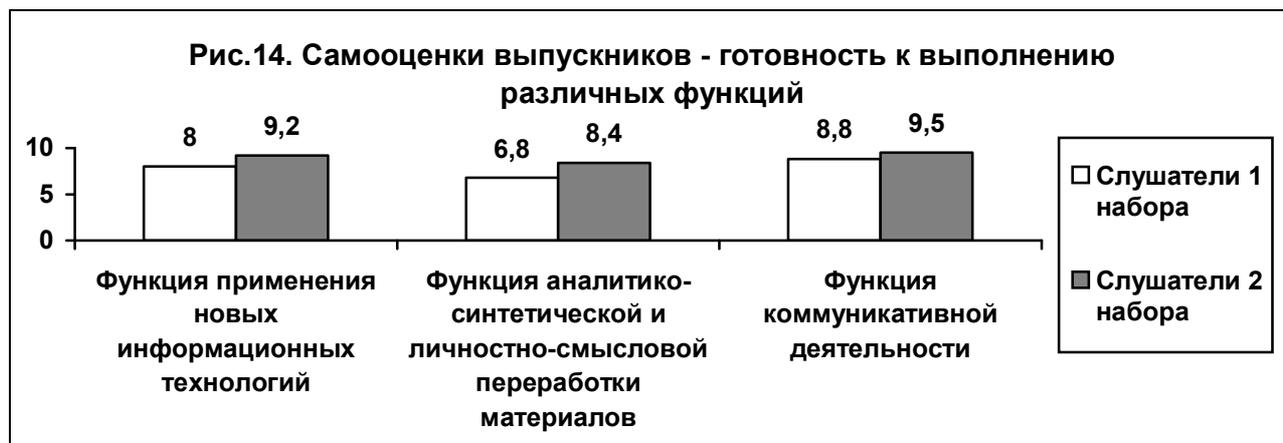
Специфика управления гибкой педагогической подсистемой заключается в маркетинговом подходе к сбору информации об изменениях в компонентах внешней среды: анкетировании работодателей, анализе информационных запросов в информационных центрах и заявок в региональных службах занятости населения. Сбор информации осуществляют сами слушатели специализации в ходе практики, а также на протяжении всего периода обучения. Другой информационный поток об изменениях в компонентах внутренней среды и соответствии содержания обучения поставленным целям формируется путем систематического анализа содержания поступающих официальных документов и результатов преднамеренно организованных исследований. К ним относятся результаты анкетирования, индивидуальных и групповых бесед, наблюдений, контрольных мероприятий, динамики самооценки профессиональной готовности, динамики рейтинга преподавателей среди студентов.

Особенностью управления реализацией проекта ПДПИ явились перманентные циклы проектирования как результат влияния изменений, происходящих в компонентах внешней и внутренней среды, что обеспечивало гибкость и динамичность подсистемы. В этих циклах нашли свою реализацию основные принципы педагогического проектирования: человеческих приоритетов и саморазвития. Перепроектирование осуществлялось слушателями специализации совместно с преподавателями в форме организационно-деятельностных игр и в составлении индивидуальных планов обучения. Таким образом осуществлялась системная функция согласования интересов и отчасти прогностическая функция. Последняя требует дополнительного включения информации о содержании изменений в новейших технологиях. Органическим, регулирующим коррекцию хода педагогического процесса, являлись организационно-методические совещания педагогического коллектива специализации.

По результатам мониторинга состояния компонентов внешней и внутренней среды и систематической рефлексии слушателями уровня готовности выполнять профессиональные функции было выявлено:

- самые мобильные компоненты, влияющие на коррекцию содержания форм, методов и средств обучения, – требования работодателей (региональный рынок труда) и образовательные потребности личности обучающегося;
- принципы гибкости и динамичности ПДПИ находили свое выражение в темпах коррекционных изменений: после первого года обучения и через каждый учебный семестр на втором и третьем годах проведения эксперимента;

- динамика уровня рефлексии готовности студентами выполнять профессиональные функции инженера-референта менялась по годам обучения и группам набора (самооценки по 10-балльной шкале).

В целом студенты оценивали себя выше при выполнении функций, связанных с коммуникативной деятельностью и работой с новейшими информационными технологиями, и ниже – при выполнении функций, связанных с аналитико-синтетической переработкой информации.

Критериями для определения возможности ПДПИ способствовать профессиональной мобильности инженера были следующие показатели подготовки:

- содержание и структура информационно-аналитического и коммуникативного видов деятельности выступают одновременно в качестве самостоятельной интегративной деятельности и как ведущая составляющая научно-исследовательской и управленческой деятельности инженера;
- в процессе обучения сделан акцент на освоение методов деятельности, что способствует их переносу в другие виды деятельности;
- возможность слушателям проходить практику, а выпускникам – работать на предприятиях, в банках, информационных центрах, в структурах, обеспечивающих занятость населения, в соответствии с содержанием специализации.

Подготовка по новым специализациям к перспективным видам профессиональной деятельности инженера находится только в начале пути. Требуется дальнейшее изучение функционирования подобных подсистем, исследование отсроченных результатов подготовки выпускников, работающих по данной специализации, в целях дальнейшего развития новых образовательных форм.

Проведенное исследование показало корректность выдвинутой гипотезы и позволило сделать следующие выводы:

1. При проектировании гибких образовательных структур с целью согласования образовательных потребностей личности, целей вуза и требований региональных рынков труда целесообразно использовать системно-целостный, практико-ориентированный, проектно-программный и опережающий подходы.
2. Основные принципы педагогического проектирования нашли свое выражение в перманентных циклах проектирования дополнительной подготовки при участии слушателей специализации.
3. Дополнительная подготовка явилась самой мобильной частью специальной подготовки, способной учитывать изменения, происходящие в системе вуза, социально-экономической среде и ценностно-ориентированных установках личности обучающихся, что требует создания специальной группы или службы в вузе (службы маркетинга).
4. Педагогический процесс гибкой образовательной системы более восприимчив к комплексному применению инновационных методов в обучении.

5. Предметно-методологическое обучение информационно-аналитической и коммуникативной деятельности способствует переносу методов на другие виды инженерной деятельности, жизнедеятельности личности в целом и профессиональной мобильности специалиста.
6. Стратегия педагогического проектирования специализации «инженер-референт» нашла свое применение на инженерных факультетах университета и в других образовательных учреждениях.
7. Основные трудности функционирования межфакультетской дополнительной подготовки: поддержание связей с выпускающими техническими кафедрами вуза, подготовка полипрофильных преподавателей, согласование пространственно-временной среды обучения по основной и дополнительной специализациям в системе крупного технического вуза.
8. Требуется дальнейшая разработка критериев для диагностирования уровня готовности выпускников к выполнению профессиональных видов деятельности, совершенствования и поиска новых способов управления педагогическим процессом.

Дидковская Я.В., Певная М.В., УрФУ (Екатеринбург)

Исследование динамики профессиональной карьеры молодежи в социокультурном аспекте¹

Последнее двадцатилетие российского общества характеризуется не только формированием рынка труда и образовательных услуг, становлением новой системы социально-профессиональной стратификации, появлением ранее не характерных для российского общества профессий и занятий, но и важными социокультурными изменениями, зафиксированными рядом социологических исследований: сменой систем жизненных и профессиональных ценностей, прежде всего у молодого поколения, определенной содержательной коррекцией таких понятий как труд и вознаграждение за него, образование и профессиональная карьера, изменениями в иерархии престижа профессий и т.д.² Это в свою очередь влечет за собой изменения в жизненных и профессиональных стратегиях молодежи. Актуализируется необходимость изучения вопросов профессиональной карьеры молодежи, а именно динамических изменений проблем трудоустройства, установок молодежи на профессиональную карьеру, стратегий построения карьеры, удовлетворенности своим профессиональным продвижением и т.д. В связи с чем, поставлена цель статьи - социокультурный анализ проблем профессиональной карьеры выпускников вузов в динамике.

В современной социологической литературе анализ проблем профессиональной карьеры наиболее разработан в рамках стратификационного подхода. Данный подход рассматривает карьеру как перемещения индивида в системе стратификации по ступеням должностной и иной иерархии. Более широкое понятие стратификационного подхода – профессиональная мобильность, любые перемещения индивидов в системе профессиональной стратификации, ее отслеживание на индивидуальном уровне позволяет говорить о понятии карьера. Профессиональная карьера как разновидность и составляющая профессиональной мобильности предстает в форме восходящей ингенерационной мобильности. Таким образом, отличительными чертами профессиональной карьеры как формы мобильности являются следующие: во-первых, она представляет собой индивидуальное измерение мобильности, во-вторых, связана с изменением социального и социально-профессионального статуса индивида, в третьих, всегда связана с повышением этого статуса.

Серьезный вклад в развитие социологического анализа карьеры внесли С. Липсет и М. Грановеттер. Липсет полагал, что профессиональная мобильность индивидов может быть связана с такими условиями, как изменения рынка труда и структурными изменениями в

¹ Статья выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Профессиональные стратегии молодежи в условиях экономического кризиса (ГК П-865).

² Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и различия в сравнении с другими европейскими странами. // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С.34.

экономике.¹ Грановеттер также рассматривал факторы профессиональной мобильности, в том числе карьерного роста.² В качестве одного из таких факторов он выделяет расширение социально-профессиональных связей индивида по мере перехода с одной работы на другую (результат его индивидуальной мобильности внутри профессиональной группы и за ее пределами). Следовательно, профессиональная мобильность определяется личными контактами, приобретаемыми на разных этапах карьеры и до ее начала (contact network). Анализируя исследовательские возможности стратификационного подхода, можно отметить, что он позволяет вести количественные (объективированные) измерения профессиональной карьеры как одной из форм мобильности: фиксировать скорость перемещений по должностной и иной иерархии, количество перемещений за единицу времени, что можно отнести как к индивиду, так и к социальной группе и обществу в целом. Подход позволяет исследовать факторы и общественные условия, способствующие карьерному продвижению, прежде всего связанные со структурными особенностями, изменениями стратификации в обществе. Однако, стратификационный подход к изучению карьеры, уделяя основное внимание структурам, отстраняется от выявления субъективной составляющей процесса карьерного роста – от мотивов, устремлений самих индивидов. Фиксируя объективную картину перемещений в масштабах любых социальных субъектов в конкретных социальных условиях, оставляет в стороне ценностную (культурологическую) составляющую процесса карьеры. Таким образом, позволяет исследовать скорее результат перемещений, но не их причины в обществе.

Организационный подход, сложившийся на стыке социологии и теории управления, рассматривает карьеру индивидов в рамках организаций. Это обосновано тем, что именно в организациях осуществляется трудовая (профессиональная) деятельность индивидов. Теорию карьеры в русле организационного подхода развивают М. Вудкок, Д. Френсис, Дж. Сонненфельд, Т. Санталайнен, Д. Сьюпер, Дж. Эветс, а среди отечественных исследователей – Ю.Г. Одегов, С.В. Шекшня.³ Таким образом, структура карьеры рассматривается как последовательность взаимосвязанных должностей. Такое понимание карьеры делает возможным ее анализ только в рамках достаточно крупных иерархизированных бюрократических организаций, например, приемлем для госслужащих, менеджеров крупных фирм, но не для рабочих, занятых на производстве или работников малых предприятий. Т.е. вне исследовательского поля заведомо остается значительное число социально-профессиональных групп и слоев. Оба рассмотренных подхода, стратификационный и организационный развиваются в рамках структурализма, которому во многом противостоит интеракционистский подход.

Интеракционизм, опирающийся на концепцию Дж. Мида, на первый план выдвигает субъективные переживания индивида, его реакции на собственные профессиональные перемещения и позиции (чувство достигаемого успеха). К интеракционистским теориям карьеры можно отнести концепцию «моральной карьеры» Э. Гоффмана, которая предполагает исследование восприятия и интерпретации карьерных событий самими субъектами.⁴ Акцент переносится на внутреннее измерение, называемое «духовной карьерой» («моральной карьерой»). В данной интерпретации феномена можно говорить и о «карьере домохозяйки», о «карьере заключенного» и т.д.

Стараясь примирить структурализм и интеракционистский подход, Р. Арре и Э. Гидденс полагают, что структуры налагают определенные ограничения, но и открывают возможности для профессиональной карьеры индивидов. Деятельность индивидов «структурирована» до

¹ Липсет С.М., Бендикс Р. Социальная мобильность в индустриальном обществе // Проблемы социальной мобильности за рубежом. М., 1974

² Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М., 2004. С.369.

³ Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя–практика. М., 1994; Гибсон Дж. Л., Иванцевич Д.М., Донелли Д. Х. Организации: поведение, структура, процессы. М., 2000.; Evets J. Dimensions of career: Avoiding reification in the analysis of change// Sociology. 1992. Vol. 26, №1. P. 1-21; Super D.E. A Life Span Life Space Approach to career development // Journal of Vocational Behavior. 1981. №16. P.282-298.

⁴ Goffman E. Asylums. Hrmh., 1961.

тех пор, пока они принимают эти ограничения и используют предоставляемые возможности. Происходит воспроизводство существующей в обществе модели карьеры. Когда большое число людей устремляется новым путем, происходят изменения структуры карьеры.¹ Например, исследователи европейских стран отмечают, что за последние три десятилетия в развитых странах очень сильно изменились рынки труда, что не могло не оказать влияние на карьерные стратегии людей до 35 лет. Благодаря росту занятости в сфере услуг и сфере коммуникационных технологий, активизации глобализационных процессов, феминизации труда, росту форм самозанятости, частичной занятости и распространению форм работы по контрактам получает широкое распространение фрагментарная карьера, раздробленность профессиональной карьеры рассматривается как норма на фоне снижения стабильности работы.² В конце XX в. существовало две исследовательские позиции относительно оценки текущих изменений в процессе формирования новых карьерных стратегий в Европейских странах. С одной стороны, постоянная смена мест работы провоцируется ухудшением условий, которые предлагает рынок труда, повышением рисков.³ С другой стороны, люди в современных условиях получают больше возможности контролировать свое профессиональное развитие⁴, формируя свое «Портфолио», предлагая на рынке труда свой потенциал для заключения более выгодных для себя контрактов с работодателями, продвигая паттерн гибкой профессиональной стратегии. Преимущество данного подхода состоит в том, что он позволяет отслеживать изменения и на макроуровне (структурные) – изучать стратификационные изменения, условия на рынке труда, особенности экономического и социального развития; и на микроуровне – анализировать субъективные изменения в представлении индивидов о карьере, их влияние на поведение и решения относительно карьеры, анализировать их воздействие на структуры.

Резюмируя обзор сложившихся в социологии методологических подходов к анализу проблем профессиональной карьеры, отметим продуктивность указанных подходов в анализе проблем профессиональной карьеры, но и их недостаточность для раскрытия всех аспектов этого сложного явления. *Существует необходимость в применении к анализу феномена профессиональной карьеры методологии, позволяющей выявить не только структурную обусловленность, но и субъективный ценностный аспект карьеры на макро и микро уровнях, а также ее процессуальный характер, что позволит фиксировать динамические изменения явления профессиональной карьеры.* В связи с чем, мы предлагаем рассмотреть исследовательские возможности социокультурного подхода для изучения профессиональной карьеры молодежи и его применение в практике эмпирических исследований профессиональной карьеры выпускников вузов.

На рубеже XX и XXI вв. социокультурный подход становится одним из наиболее востребованных методологических подходов к анализу общества в целом. Многие социологи фиксируют определенные сдвиги в общетеоретических ориентациях российской и постсоветской социологии, а именно ее переориентацию со структурной парадигмы на социокультурную.⁵ Об этом свидетельствует увеличивающееся число социологических исследований социокультурной проблематики, частота использования самого термина «социокультура» и его производных. Однако, как отмечают социологи, к сожалению, не всегда в социологических работах есть четкое понимание смысла самого понятия «социокультурный» и пока строгих научных рамок применимости социокультурного подхода к изучению различных феноменов общества не выработано.⁶

¹ См.: Гиддингс Э. Социология. Пер с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М., 2005.

² Fenton S, Dermott E. Fragmented careers? Winners and losers in young adult labour markets// Work, employment and society. Volume 20(2): 205–221. [DOI: 10.1177/0950017006064111]. SAGE Publications. L., 2006.

³ См.: Beck, U. The Brave New World of Work. Cambridge. 2000.

⁴ См.: Purcell, K., Hogarth, T., Simm C. Whose Flexibility? The Costs and Benefits of ‘Non-Standard’ Working Arrangements and Contractual Relations. York, 1999.

⁵ Черныш Н., Ровенчак О. Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. №4. С.92-103.

⁶ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии. // Социс, 2002. № 9.

В социологическую плоскость вопрос о применении социокультурного подхода перевел Н.И. Лапин. С его точки зрения, суть социокультурного подхода заключается в понимании общества как единства культуры и социальности, образованных и преобразованных деятельностью человека.¹ При этом под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека, в том числе идеи, ценности, нормы, образцы, и под социальностью – совокупность взаимоотношений социальных субъектов.

Современный социокультурный подход опирается на идеи П.Сорокина, высказанные им в книге «Общество, культура и личность: их структура и динамика», и идеи М. Вебера, высказанные в работе «Протестантская этика и дух капитализма» и теории о *социальном действии*. Основное положение П. Сорокина, развиваемое теоретиками социокультурного подхода, заключается в следующем - «структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения».² Основные идеи М.Вебера, на которых также базируются постулаты современного социокультурного подхода это идея о социальном действии (действии, ориентированном на других) как первичном элементе анализа общества и мысль о роли ценностей в динамике общества.³

С нашей точки зрения, социокультурный подход может быть применен не только на социетальном уровне исследования (анализа общества в целом), но и для исследования отдельных социальных феноменов, тенденций и процессов. Так, например, эффективное применение социокультурной методологии, находим в исследовании проблем идентичности в российской социологии, проблем общественной трансформации.⁴ В том числе социокультурная методология может быть использована в анализе проблем профессионального самоопределения и карьеры социальных групп и индивидов в динамическом аспекте.

Обосновывая применимость анализа профессиональной карьеры именно с социокультурных позиций, приведем высказывание М. Вебера, что профессия соотносится не столько с экономической и социальной структурой общества, сколько с поведением индивида, его жизненным миром и системой ценностей. М. Вебер рассматривал профессию как форму реализации жизненного призвания, т.к. предполагается свободный выбор профессии для индивидов.⁵ Т.е. на первый план анализа выдвигается субъективизация – исследование удовлетворенности, профессионального самочувствия, профессиональных ценностей.

Применимым к изучению проблем профессиональной карьеры социокультурный подход делает введение в социологический анализ категории профессиональное самоопределение. Как в стратификационном аспекте карьера выступает одной из форм профессиональной мобильности со своими специфическими характеристиками, в социокультурном аспекте профессиональная карьера должна рассматриваться как одновременно определенный этап и результат профессионального самоопределения социального субъекта.

Профессиональное самоопределение как социологическое понятие достаточно давно эксплуатируется в социологических работах, связанных с исследованием проблем выбора профессии, мотивации этого выбора, профессиональных ориентаций, планов и других вопросов профессионального становления личностей и социальных групп. Однако, следует отметить, что до сих пор не выработано четкой социологической интерпретации самого понятия, а также не определено его место в ряду других смежных социологических категорий. Поэтому зачастую оно используется в социологии как синоним термину «выбор профессии» (в узком

¹ Лапин Н.И. Социокультурный поход и социетально-функциональные структуры //Социс, 2000. №7. С.3-12.

² Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. с.218

³ Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем.; под общ. ред. Ю. Н. Давыдова М. 1990.

⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1999-2002гг. М., 2004; Степаненко В. Общественная трансформация в социокультурной модели интерпретации. // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003. №4. С.89-109.

⁵ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.

смысле), либо как собирательный термин или даже метафора, куда можно отнести все феномены так или иначе связанные с вопросами профессионального становления индивидов и социальных групп, прежде всего молодежи. На наш взгляд, имеет смысл более четко определить содержание данного понятия, используя социокультурную методологию, поскольку оно имеет явно социокультурную природу, подчеркивая и самостоятельность действующего (выбирающего) субъекта, и значение субъективных ценностей и смыслов в данном процессе.

С точки зрения интерпретации понятия в рамках социокультурного подхода, наиболее эффективными нам представляются позиции авторов, которые за основу понимания сущности процесса профессионального самоопределения берут категорию выбора и акцентируют внимание на процессе поиска вариантов своего профессионального развития. Эта позиция в литературе представлена незначительно, тем не менее в последние годы эта тенденция усиливается. В частности, З.А. Аббасов рассматривает профессиональное самоопределение «как избирательное отношение человека к миру профессий, частью которого является сознательный выбор профессии»¹.

Основываясь на социокультурном характере понятия профессионального самоопределения, предлагаем рассматривать его как процесс ценностного выбора личностью вариантов своего профессионального развития, актуализирующегося на различных этапах профессиональной жизни и обусловленного влиянием социальных факторов (воздействием структур). Субъектом данного процесса на уровне общества преимущественно является молодежь, а результатом – интеграция ее в социально-профессиональные структуры.

Рассматривая профессиональное самоопределение как социокультурный процесс, подчеркнем взаимодействие в нем трех составляющих – личности, культуры и социальности. Личность в данном процессе проявляется как активно действующий субъект, осуществляющий серию самостоятельных выборов профессии, образования, сферы деятельности, места работы и т.д., основанных на профессионально значимых ценностях и смыслах. Культура создает ценностно-смысловую основу для профессионального самоопределения личности: существенное значение имеют интернализированные личностью в процессе социализации как жизненные ценности-приоритеты, так и профессионально-значимые ценности. Совокупность социальных отношений, в которые включена личность, создает те социальные факторы (условия), которые предоставляют определенные возможности, но и ограничивают ее профессиональный выбор: особенности социально-профессиональной структуры общества, тенденции профессиональной мобильности, функционирование социальных институтов рынка труда и образовательных услуг и т.д. Важно, что детерминирование процесса профессионального самоопределения социальными факторами происходит не напрямую, а через ценностные основания, в свою очередь, доминирующие ценности могут изменять условия профессионального самоопределения. Универсальным социальным механизмом, обеспечивающим профессиональное самоопределение как социокультурный процесс, является престиж профессий. Престиж профессий может быть рассмотрен как результат воздействия культуры и социальности в личностном преломлении на профессиональное самоопределение, он обеспечивает привлекательность профессий и соответственно влияет на профессиональный выбор на любом этапе самоопределения.

Учитывая процессуальный характер профессионального самоопределения, необходимо выделить в нем основные этапы и ключевые моменты.

1. Предварительный этап, на котором происходит формирование профессиональных интересов, потребностей, склонностей субъекта самоопределения. Этап охватывает период с детства до окончания средней школы (социализация). Происходит формирование ценностной системы личности, на основе которой она делает свой первичный профессиональный выбор. Ключевым моментом данного этапа является выбор специальности и вуза, в котором будет осуществляться профессиональная подготовка. Впоследствии сделанный выбор может пере-

¹ Аббасов. З.А. Проектирование студентами педвуза профессиональной стратегии //Социс, 2006. С.105-110.

смагиваться, переоцениваться, но на данном этапе именно он определяет траекторию последующего профессионального развития.

2. Получение профессиональной подготовки. Если речь идет о молодежи, ориентированной на высшее образование, то можно этот этап назвать – студенчество. На данном этапе происходит накопление социального, профессионального и личностного опыта личности или «социально-профессионального капитала», который выступает стартовым основанием последующего этапа – карьеры. На этапе профессиональной подготовки параллельно накоплению профессионального капитала по мере углубления в выбранную сферу профессиональной деятельности происходит переосмысление уже сделанного выбора с учетом новой информации, новых социальных отношений, в которые включается личность. Здесь уже можно говорить об определенной удовлетворенности/неудовлетворенности профессиональным самоопределением (выбором будущей профессии, выбором вуза и др.).

3. Построение профессиональной карьеры – самый длительный и имеющий наиболее размытые границы этап; карьерный путь личности начинает складываться уже на предыдущих этапах и во многом предопределяется выборами, совершенными на этих этапах. На этапе профессиональной карьеры реализуются выборы предшествующих этапов, воплощаются планы и намерения, сформированные ранее. Одновременно продолжают процессы переосмысления профессионального выбора и накопления профессионального капитала, что, в свою очередь обосновывает последующие выборы. Характерной особенностью этапа является перемещение или продвижение, связанное с накоплением опыта работы, повышением квалификационного или образовательного уровня, ростом профессионализма и компетентности, выражающиеся в различных формах: повышении в должности, расширении круга обязанностей и полномочий, переходе на другую работу, сопровождающемся сменой организации или сферы занятости и т.д. Характер перемещений может быть разным. Также сюда можно отнести и профессиональную стагнацию (отсутствие перемещений и профессионального роста) или даже профессиональную деградацию (потеря профессионализма, дисквалификация, понижение в должности, переход на менее оплачиваемую, менее перспективную или менее квалифицированную работу, потеря работы и др.). Ключевым моментом данного этапа является вторичный выбор (смена) места работы или сферы деятельности, обычно связанный с профессиональным продвижением, либо вынужденный. Также выбор данного этапа можно рассмотреть и более широко: выбор между сменой места работы и продолжением работы на том же месте. Таким образом, мы понимаем под профессиональной карьерой наиболее длительный, развернутый этап в профессиональном самоопределении личности, на котором происходит реализация профессиональных и жизненных целей и способов их достижения, выбранных на основе значимых для индивида ценностей, с учетом актуальных социальных условий.

4. Завершение трудовой биографии. Обычно этот этап связан с возрастом выхода на пенсию. Основной его характеристикой является подведение итогов своей профессиональной биографии, ее оценка, оценка результатов и достижений, что выражается в субъективном ощущении удовлетворенности/неудовлетворенности достигнутым.

В своем исследовании мы сосредоточили внимание на важнейшем этапе самоопределения – начале профессиональной карьеры личности и соответственно следующих ключевых моментах самоопределения: выборе первого места работы и трудоустройстве, смене места работы или профессии и сферы деятельности при построении профессиональной карьеры, субъективных оценках своих карьерных перспектив. Таким образом, основным субъектом самоопределения в нашем исследовании выступает молодежь, а именно: выпускники вузов и молодые специалисты.

Эмпирическое исследование профессионального самоопределения и карьеры выпускников вузов базируется на материалах когортных исследований, проводимых при участии авторов в период с 2002 г. по настоящее время при поддержке грантов Президента РФ (грант № МК-3482.2004.6) и в рамках реализации федеральной целевой программы «научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК-865). На первом этапе исследования в

2002 г. были опрошены молодые специалисты – выпускники вузов свердловской области, окончившие вуз в 1997-2001 гг., т.е. которые имеют опыт трудоустройства конца 1990-х гг., опыт профессиональной деятельности после вуза от 1 до 5 лет и образуют первую когорту, условно названную нами «когорта конца 1990-х – начала 2000-х гг.» (когорта I). На втором этапе в 2009 г. опрошены выпускники 2005-2009 гг., которые также имеют сходный опыт профессиональной деятельности, но их трудоустройство и начало карьеры приходится на вторую половину 2000-х гг. Они образуют «когорту 2005-2009 гг. выпуска» (когорта II). В статье мы остановимся на некоторых результатах данных исследовательских проектов.

На каждом этапе использована квотная выборка (n=600), квотными признаками послужили профиль полученного профессионального образования в вузе и год окончания вуза. Сходный инструментарий (анкета) и структура выборки, использованные на обоих этапах исследования, позволяют проводить динамические сравнения когорт.

Необходимо отметить, что сравнение предложенных поколений выпускников вузов достаточно интересно в контексте анализа периодов, в которые им довелось выйти на рынок труда. Именно конец 1990-х гг. и конец второй половины первого десятилетия XXI в. можно считать кризисными периодами в современной истории России. Однако, социокультурные характеристики, политическая ситуация и экономические показатели этих годов определяют ряд существенных отличий в условиях трудоустройства молодых специалистов, выпускников вузов, и соответственно влияют на динамику карьерных стратегий целых поколений.

Респонденты первой когорты начинали свой профессиональный путь в ситуации, которая складывалась с начала 1990-х гг. и характеризовалась спадом производства, на фоне закрытия и банкротства большинства промышленных предприятий, что как следствие имело падение спроса на высококвалифицированных специалистов во многих сферах. По данным Госкомстата России в 1994 г. в статусе безработных числилось 12% экономически активного населения. На одну вакансию, предложенную на рынке труда, приходилось к началу 1995 г. 6 человек, вставших на учет служб занятости¹. Молодежная безработица в 1992-1997 гг. была особой проблемой. Из возрастной группы граждан до 30 лет, она составляла 40%, безработная молодежь в возрасте до 25 лет составляла четверть от числа всех безработных². На фоне экономической дестабилизации было снижено государственное финансирование социальной сферы, сферы образования и науки. Практически отсутствовала господдержка наукоемких отраслей и соответственно резко снизилась привлекательность для молодежи занятости в этих областях. Фиксировался отток специалистов в сферу обращения. До 2000 г. отмечалось устойчивое сокращение занятых в промышленности³. В статистике зафиксировано снижение уровня жизни населения, социальная дифференциация, ее появление и прогрессирующее усиление. В структуре ценностей молодежи прослеживалось увеличение значимости материального фактора (оплаты труда), смена иерархии престижа профессий и занятий⁴. На рубеже веков нельзя не отметить изменения в системе высшего профессионального образования: в рыночных условиях при минимизации поддержки государства происходит переориентация института образования на потребности молодежи, увеличивается разрыв рынка образовательных услуг с реальным рынком труда. Это находит свое отражение, в частности, на выпуске большого числа юристов и экономистов. Именно в этот период развивается тенденция депрофессионализации образования. В целом, экономическая и социальная ситуация в конце XX в. крайне осложнена дефолтом 1998 г..

Вторая половина первого десятилетия XXI в., когда вторая когорта вступает в профессиональную жизнь, сохраняет ряд следствий выше названных тенденций, но, в целом, до середины 2008 г. в России наблюдалась так называемая стабилизация; в основе экономиче-

¹ Социально-экономическое положение России. 1994. М., 1995. С.136.

² Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000. С.35.

³ Голенкова З.Т., Игнитханян Е.Д. Трудовая занятость и социально-структурные процессы // Россия трансформирующаяся. М., 2000. С.108.

⁴ См. : Студент-1999: информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования / Под ред. Вишневого Ю.Р. Екатеринбург, 1999.

ского спокойствия лежали высокие цены на нефть, социально-политического – централизация государственного управления. В этот период отмечается прекращение промышленного спада, повышение востребованности специалистов в ряде отраслей, в частности в строительстве, металлургии, транспорте, автодорожном строительстве и др. В 2007 г. прирост ВВП составил 8,1%, при росте инвестиций в основной капитал – 21,1%¹, что приводит к увеличению возможностей трудоустройства, успешного старта профессиональной карьеры после окончания высших учебных заведений. Начинают действовать программы государственной поддержки науки, образования, что отчасти снимает катастрофичность положения в данных сферах. К концу 2008 г., молодежь в возрасте 20-25 лет составляла 20% от числа всех безработных Российской Федерации. В 2009 г. ситуация начинает резко ухудшаться. Рынок труда стал одним из главных индикаторов глубины экономического кризиса для России.

По данным Росстата, регистрируемая безработица в сентябре 2008 г. составлявшая порядка 1,2 млн. человек, по итогам апреля 2009 г. подскочила до 2,3 млн. человек. Таким образом, респонденты, принявшие участие в исследованиях 2002 и 2009 гг. вынуждены начинать свою профессиональную карьеру в кризисной экономической ситуации для России.

Согласно полученным результатам, более половины выпускников обеих когорт (и в конце 1990-х, и во второй половине 2000-х гг.) трудоустроились по специальности, полученной в вузе (57% и 58% соответственно). Однако, число трудоустроившихся в смежной области в период 2005-2009 гг. по сравнению с периодом 1997-2001 гг. снизилось в 1,5 раза, а число трудоустроившихся на работу совсем не связанную со своей специальностью, наоборот, возросло в 1,3 раза.

Таблица 42

Связь трудоустройства после вуза со специальностью, полученной в вузе, в %

Трудоустроились ли Вы по специальности, полученной в вузе?	Когорты выпускников вузов		Всего:
	1997-2001	2005-2009	
да	57	58	58
нет	22	28	26
в смежной отрасли	21	14	16
Всего:	100	100	100

Итак, наблюдается некоторый отход от вузовских профессий, прогрессирующее снижение ориентации на трудоустройство по специальности, полученной в вузе; причем, у когорты 2005-2009 гг. эта ориентация, видимо, складывается на более раннем этапе. Данная тенденция подтверждается и ответами на другие вопросы. Хотя между когортами различия не столь велики, но они статистически значимы.

Таблица 43

Влияние «Если Вы не устроились по специальности, то почему?» на "Когорты выпускников вузов", в %

Если Вы не устроились по специальности, то почему?	Когорты выпускников вузов	
	1997-2001	2005-2009
сразу не планировал работать по специальности	20	25
не смог найти работу по своей специальности	27	24
нашел более оплачиваемую (перспективную) работу не по специальности	48	35
другое	5	16
Всего:	100	100

Если посмотреть на причины трудоустройства не по специальности в обеих когортах, снова можем заметить некоторые различия в стратегиях трудоустройства после вуза: когорта II изначально была более ориентирована на поиск работы не по специальности (сразу не пла-

¹ Концепция действий на рынке труда на 2008-2010 годы. Одобрена Распоряжением Правительства РФ 15.08.2008 г.

нировали найти работу по специальности) в сравнении с когортой I; выпускники когорты I были более склонны сначала искать работу по специальности, но, поскольку предлагались вакансии, не удовлетворяющие в оплате труда, предпочли работу не по специальности.

Стратегия поиска места работы не просто становится гибкой (существенная часть не ориентируется на трудоустройство по специальности), что фиксируют многие исследования профессиональных планов молодежи, но в период с 1995 по 2009 гг. она меняется с «вынужденно гибкой» на «осознанно гибкую». То же проявляется при выборе выпускниками мест трудоустройства: конце 1990-х гг. первое место работы после окончания вуза – это в подавляющем числе случаев – государственное предприятие, в котором выпускнику предоставлялась должность специалиста. Но, проработав там какое-то время, многие меняли его на частное предприятие.

Таблица 44

Различие форм собственности на первом месте работы по когортам выпускников вузов, в % по столбцам

Форма собственности	Когорты выпускников вузов			
	1997-2001		2005-2009	
	1-е место работы	2-е место работы	1-е место работы	2-е место работы
государственная (муниципальная)	99	17	32	8
частная	1	83	68	92
Всего:	100	100	100	100

Во второй половине 2000-х гг. выпускники сразу устраиваются в различные акционерные общества, на госпредприятия идет лишь треть выпускников. Практически госпредприятий, как таковых к этому времени почти не осталось, они были преобразованы в различные акционерные общества. Если же говорить о госбюджетной сфере занятости (образование государственная медицина и т.д.), то, возможно, одной из причин этой тенденции является существенная разница уровня заработной платы, который предлагается в бюджетных организациях по сравнению с коммерческими предприятиями на фоне ярко выраженных прагматических ценностных ориентаций молодежи, которая в тройку ведущих ценностей для себя обязательно ставит доход и материальное благополучие. Наши данные находят подтверждение в результатах опроса российских студентов, проведенного ФОМом в сентябре 2008 г., согласно которым 48% из числа респондентов ориентированы на работу в частных компаниях.

Представляют интерес и различия по когортам в должностях по первому месту работы:

Таблица 45

Должности на первом месте работы по когортам выпускников вузов, в %

Должность на первом месте работы	Когорты выпускников вузов			
	1997-2001		2005-2009	
	1-е место работы	2-е место работы	1-е место работы	2-е место работы
руководитель предприятия	2	3	1	7
руководитель подразделения	10	15	3	10
ведущий специалист	8	10	5	7
специалист	77	69	37	33
служащий	3	3	44	42
рабочий	0	0	9	0
Всего:	100	100	100	100

Заметна и еще одна тенденция: для выпускников 2005-2009 гг., видимо, статус специалиста уже не так привлекателен – большинство трудоустраиваются служащими в частных компаниях (44%, в сравнении с 1997-2001 гг. – только 3%).

Серьезно различаются и способы трудоустройства:

Таблица 46

Способы трудоустройства после вуза (в % по столбцам)

Каким образом Вы устроились на работу после окончания вуза?	Когорты выпускников вузов	
	1997-2001	2005-2009
пошел на работу по распределению, направлению	7	4
нашел работу самостоятельно	59	58
помогли трудоустроиться родители, родственники	20	14
помогли друзья, знакомые	12	14
через рекрутинговое агентство	0	3
другое	2	7
Всего:	100	100

Как видим, несколько снижается ориентированность на помощь родителей и родственников, к помощи рекрутинговых агентств в 1990-е гг. вообще никто из выпускников не прибегал, а в период 2005-2009 гг. эта форма хоть и несущественно, но начинает использоваться (3%). Для обеих когорт характерна незначительная восходящая мобильность: при переходе на второе место работы не более 6% повышают свой статус до руководителя подразделения. Однако, молодежь, вышедшая на рынок труда в конце XX в., начинала реализовывать свою профессиональную карьеру в должности, которая в большей степени соответствовала полученному высшему профессиональному образованию. Безусловно, это является следствием периода «риска», когда многие предприятия претерпевали изменения, государственный сектор проходил реструктуризацию, коммерческие организации приспосабливались к новым экономическим условиям. Представители второй когорты – выпускники вузов второй половины первого десятилетия XXI в. сразу после окончания вуза находились в более выгодных условиях, что связано с устоявшимся экономическим полем деятельности многих компаний и организаций, появлением и утверждением на рынке предприятий с широким спектром менеджерских должностей (служащих). Соответственно, они сразу были сориентированы на занятия более оплачиваемых мест служащих частных компаний, чем специалистов, получающих меньшую оплату, но требующих большую квалификацию и несущих более серьезную ответственность. Полагаем, за этой тенденцией стоят и изменившиеся ценностные приоритеты в профессиональном самоопределении молодежи: образование, квалификация, сложность труда обладают меньшей значимостью, чем материальное вознаграждение за труд. Следствием этого является то, что должность специалиста, безусловно имевшая престиж в советское время и отчасти сохранявшая его в конце 1990-х гг., не подкрепленная высокой оплатой труда, обладает ныне меньшей привлекательностью, чем должность рядового менеджера, но с достойной оплатой.

Обращает внимание и такой факт: в должности рабочего начинали свою карьеру 9% представителей второй когорты выпускников вузов, причем все 9% – выпускники технических специальностей. Это тенденция, характерная для современного положения дел в промышленном секторе экономики. По результатам опроса работодателей (2009 г.), руководителей предприятий Уральской горнометаллургической компании, одного из лидеров своей отрасли не только в России, но и на зарубежном рынке, современные выпускники вузов не могут сразу после окончания обучения выходить на работу в должности инженеров и специалистов из-за отсутствия ключевых компетенций профессиональной подготовки. Таким образом, рынок труда определяет условия построения профессиональной карьеры следующим образом: хочешь начать работать в успешных компаниях, начни с самой низшей должности функционера или рабочего.

Сравнивая должности на первом и втором местах работы у обеих когорт, нельзя не отметить весьма низкую восходящую мобильность: при смене места работы практически не происходит карьерного роста. Это отражается на оценках удовлетворенности возможностями карьеры, они весьма невысоки у обеих когорт: соответственно 2,8 и 3,3 баллов из 5-ти. Из всех параметров профессиональной деятельности обе когорты наименее удовлетворены именно возможностями продвижения, карьеры (за исключением социального пакета, которо-

го в конце 1990-х гг. просто практически не существовало). Между тем, в обеих когортах измерение установок на профессиональную карьеру по шкале Лайкерта показало, что выпускники довольно сильно настроены на построение карьеры, а сама карьера как ценность для них достаточно значима. Сопоставляя этот результат с реальным продвижением выпускников, отметим противоречие между намерениями выпускников и возможностями сделать карьеру. Отсюда понятна низкая удовлетворенность продвижением и карьерой.

Таблица 47

Удовлетворенность своей профессиональной деятельностью, в баллах

насколько вы довольны в своей профессиональной деятельности...	когорты выпускников	
	1997-2001	2005-2009
творчеством, самореализацией	3,3	3,7
самостоятельностью, полномочиями, ответственностью	3,5	3,9
продвижением по служебной лестнице, перспективами	2,8	3,3
повышением квалификации, профессиональным ростом	3,2	3,5
социальным пакетом, льготами	2,3	3,2
доходом, зарплатой	3,1	3,3
коллективом, коллегами	4,1	4,4
начальством, стилем руководства, организацией труда	3,5	3,8

Обращает на себя внимание сходная структура удовлетворенности различными параметрами профессиональной деятельности у обеих когорт: наиболее удовлетворены – отношениями в коллективе и руководством, наименее – социальным пакетом, карьерой и доходом. Однако, в целом удовлетворенность по каждому из параметров выше у когорты 2005-2009 гг. Это говорит, на наш взгляд о некотором улучшении экономической и социальной ситуаций в начале XXI в., но и об отсутствии каких-либо значимых изменений за эти годы в отношении к труду, в профессионально-значимых ценностях. Продолжает проследиваться прагматизация мотивов труда, высокая значимость материальных факторов.

Косвенное подтверждение выделенной тенденции можно найти в сравнении ответов респондентов на вопрос: «Каким образом сегодня можно добиться больших профессиональных успехов, достижений?». Ответы на этот вопрос отражает ценностное отношение молодежи к профессионализму и способам достижения успеха в профессии. В целом, можно отметить структурное сходство ценностей-средств достижения успеха

Таблица 48

**Способы достижения профессионального успеха в оценке когорт
(в % по столбцам от числа ответивших)**

Каким образом сегодня можно добиться больших профессиональных успехов, достижений?	Когорты выпускников вузов		
	1997-2001	2005-2009	Σ
через труд, много работать	52	52	52
через знакомства, связи, рекомендации	51	55	54
через повышение уровня образования, квалификации	60	46	52
быть в нужное время в нужном месте	43	36	39
это в большей степени везение, удача	21	13	16
через хорошие отношения с руководством	19	26	23
другое	0	1	1

Ответы респондентов обеих когорт демонстрируют некоторый «профессиональный инфантилизм» молодежи: все основные способы достижения успеха мало связаны с собственно профессиональной деятельностью, а имеют внешние по отношению к собственно работе характеристики – хорошие отношения с руководством, знакомства, связи, рекомендации. Причем, когорта 2005-2009 гг. проявляет это даже в большей степени. Выпускники вузов 2005-2009 гг. менее склонны рассматривать повышение уровня образования и профессиональной квалификации как канал восходящей профессиональной мобильности, доля респондентов,

выделивших данную альтернативу сократилась в 1,3 раза. При этом во второй когорте увеличилось в 1,4 раза число тех молодых людей, кто рассматривает как возможность, обеспечивающую профессиональное продвижение, хорошие отношения с руководством. Нельзя не выделить, что значимость случайных факторов (везение, удача, своевременное появление в нужном месте) для когорты 2005-2009 гг. также чуть снизилось.

Если в данном контексте сравнивать профессиональные планы выпускников вузов, то можно также отметить наиболее существенные различия в следующем: когорта 2005-2009 гг. демонстрирует более стабильную ориентацию на работу на прежнем месте без изменений, а выпускники 1997-2001гг. в большей степени были намерены добиваться должностного повышения.

Таблица 49

Профессиональные планы когорт, в % от ответивших

каковы ваши ближайшие (1-2 года) профессиональные планы?	когорты выпускников вузов	
	1997-2001	2005-2009
работать на прежнем месте, без изменений	21	35
добиваться должностного повышения	34	23
сменить место работы	16	17
повысить квалификацию (дополнительное образование)	26	27
не работать (декретный отпуск, домашние дела)	5	3
устроиться на дополнительную работу	8	7
открыть свое дело	9	8
другое	1	3

С одной стороны, это можно объяснить более низкой удовлетворенностью продвижением и другими аспектами профессиональной деятельности первой когорты, с другой, объективными изменениями на рынке труда, ростом безработицы из-за дестабилизации экономической ситуации. Сменить совсем место работы собирается примерно одинаковое, но небольшое количество молодых специалистов в обеих когортах (около 16%), что показывает невысокую профессиональную мобильность и в 1990-е гг., и в 2000-е гг., точнее отсутствие субъективных устремлений молодежи к профессиональной мобильности.

Подводя итоги исследования вопросов профессиональной карьеры молодежи, обозначим некоторые возможности их анализа в социокультурном аспекте. Сосредоточение исследовательского фокуса на субъективной ценностно-смысловой составляющей карьеры предполагает эффективное изучение мотивации карьеры, карьерных планов индивидов, установок на карьеру, выбора способов реализации карьерных устремлений личности и т.д. Сама профессиональная карьера может быть рассмотрена как жизненная ценность и исследовано ее влияние на карьерную траекторию личности.

Совместимость социокультурного подхода со структурно-функциональным и интеракционистским подходами дает возможность, с одной стороны, преодолеть ограничения данных подходов в методологическом плане анализа карьеры (в частности, фиксирование внимания на внешних проявлениях продвижения индивидов и групп по иерархическим статусным позициям, абсолютизацию влияния структур и количественных измерений в структурализме). Но с другой, использовать некоторые положения этих подходов: переключиться на субъективную составляющую, не игнорируя при этом влияние рынка труда на ситуацию карьеры, других объективных факторов, их преломление в субъективном ценностном мире индивидов.

При использовании понятия профессионального самоопределения применение социокультурного подхода позволяет показать, как тенденции в профессиональной деятельности индивидов меняются не только в связи с тенденциями социально-профессиональной структуры и мобильности и другими структурными изменениями, но и в зависимости от ценностно-смысловой трансформации общества.

Интерпретируя эмпирические результаты изучения особенностей профессионального самоопределения двух когорт молодых специалистов – выпускников вузов, мы можем предположить, что для когорты 1997-2001 гг. Более характерен тип профессиональной стратегии, так или иначе несущий в себе элементы «старой советской стратегии»: трудоустройство должно быть в какой-то степени связано со специальностью; выпускники изначально ориентируются на должность специалиста на государственном предприятии и на родственные связи при трудоустройстве. Во многом это связано и с тенденциями на рынке труда, которые мы обозначили в нашей статье. Впоследствии жизнь вносит свои коррективы и стратегия пересматривается в пользу более оплачиваемой работы в частной компании, но уже не обязательно связанной с полученной специальностью. Гибкость стратегии проявляется в возможности пересмотра своих профессиональных ориентаций, но не сразу, а под воздействием обстоятельств.

Для когорты 2005-2009 гг. характерен несколько иной тип стратегии: профессиональное образование уже меньше детерминирует первичный поиск работы, гибкость стратегии проявляется в готовности сразу искать работу вообще не связанную со специальностью и практически отсутствие ориентированности на государственный сектор. Таким образом, тенденция депрофессионализации высшего образования, наметившаяся в 1990-е гг. к концу первого десятилетия XXI в. усиливается. Всего за два десятилетия профессиональная стратегия российской молодежи трансформировалась с «вынужденно гибкой», формирующейся под давлением объективных обстоятельств, социальных, политических и экономических проблем на «осознанно гибкую», когда получение высшего образования является заданной извне ступенью вхождения на рынок труда, но не этапом вхождения в профессиональное сообщество. Последняя стратегия закладывается уже при выборе образования либо исходя из возможностей (материальных, интеллектуальных) человека, либо исходя из субъективных представлений о престижности тех или иных видов деятельности без учета объективных требований рынка.

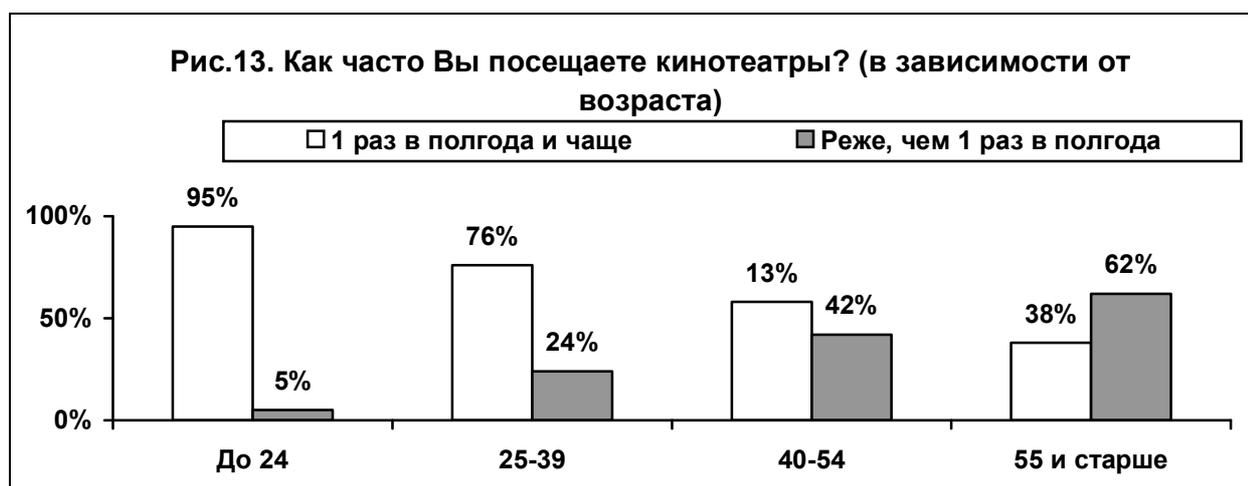
С начала XXI в. мы можем отметить и трансформацию субъективного восприятия смысла, который вкладывает в категорию карьера современная молодежь. Повышение по должности на фоне хороших отношений с выше стоящим руководством начинает рассматриваться как наиболее приоритетный механизм карьерного роста, нежели повышение профессионализма и уровня квалификации.

Дьяченко И.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Реклама кино как механизм социализации молодежи

Современное развитие общества отличается высоким динамизмом и масштабом перемен. Вместе с тем, в потоке изменений происходит разрушение прежних нравственных, эстетических норм, правил, определяющих отношения между людьми. Ранее незыблемые ценности приобретают амбивалентную окраску. В этих условиях значимость искусства для жизни социума и, прежде всего, наиболее молодой его части, только повышается, так как в потоке скоротечных социальных изменений возрастает потребность в поиске духовных ориентиров, гармонизирующих общественные отношения. Торжество духа над материей, воплощённое в конкретно-чувственном отражении действительности всегда составляло сущность искусства и способствовало накоплению такого человеческого опыта, который делал её развитие всесторонним и гармоничным.

В последние годы мы становимся свидетелями всё возрастающей социальной значимости кинематографа в молодёжной среде. Предрасположенность молодых людей к посещению кинотеатра была подтверждена и результатами социологического опроса (N = 652), проводившегося в сентябре 2009 г.

Всё это даёт основания предполагать, что современный кинематограф, на правах наиболее массового из всех искусств¹, мог бы взять на себя миссию проводника духовных ценностей в среде молодёжи, выступить в роли культурной основы развития молодых поколений. Однако, очевидно, сам факт роста интереса к кинематографу в обществе не является достаточным, чтобы можно было говорить о полноте реализации им своей социальной функции как искусства. Многое в данном случае зависит от характера воздействия фильмов, способности кинематографа адаптироваться к специфическим требованиям молодых зрителей и их готовности воспринимать заложенные в кинопроизведениях смыслы. Таким социальным адаптером кинематографа становится реклама, которая давно стала движущей силой социокультурных преобразований, вторгаясь в самые различные сферы жизни². Очевидно, что и социальная значимость кинематографа для молодёжи не может быть безотносительна к такому феномену современного общества, как реклама кино. В рамках социально-кинематографического процесса она становится инструментом формирования ценностных ориентаций, установок человека. Смена культурных ориентиров, продиктованная в том числе рекламой кино, влечёт за собой неизбежное изменение культурно-эстетического капитала личности, определяющего его духовное развитие³.

Таким образом, возникает потребность в исследовании рекламы кино как социокультурного феномена, механизма, воздействующего на характер интереса молодых людей к кинематографу. Данные проведенных летом и осенью 2009 г. кафедрой социологии и СТУ Уральского федерального университета социологического опроса жителей города Екатеринбурга⁴, контент-анализа аудиовизуальных текстов рекламы кино⁵, а также вторичные статистические данные позволили проанализировать функционирование рекламы кино как механизма социализации молодёжи. В рамках настоящей работы рассматриваются такие аспекты социализации молодёжи средствами рекламы кино, как её способность регулировать противоречие между объективными фактами культуры и субъективной культурной личности и направленность её воздействия на формирование потребностей в отношении киноискусства.

Отталкиваясь от определения Е.В. Ромата, рекламу кино можно обозначить как область социальных массовых коммуникаций между адресантом и различными аудиториями рекламных сообщений с целью побуждения данной аудитории к кинотеатральной рецепции рекламируемых кинокартин⁶. Отправной точкой её анализа как механизма социализации молодёжи становится верификация статусообразующего положения рекламы кино. Как показывают

¹ Эйзенштейн С. Избранные произведения в 6 т. М., 1967. Т. 5. С. 236.

² Гаврилова В., Власова М. Разработка эффективной стратегии продвижения фильма // Менеджер кино. 2008. Октябрь. №48. С. 60.

³ Социология потребления: основные подходы // Социс. 2005. № 1. С. 5-18.

⁴ N = 652, половозрастная структура выборки репрезентативна относительно генеральной совокупности.

⁵ Всего было проанализировано 65 кинотрейлеров и 18 телевизионных рекламных роликов фильмов, вошедших в первую десятку чарта российского кинопроката в период с 14 мая 2009 г. по 13 сентября 2009 г.

⁶ Ромат Е. В. Реклама. 5 изд. СПб., 2002. С. 544.

статистические данные последних лет¹, все кинопроекты, добившиеся сколь-либо значимого внимания аудитории (а значит, и социального эффекта), были неизменно сопряжены с крупномасштабными рекламными кампаниями, по объёму затраченных ресурсов сравнимыми с производством самих фильмов.

Таким образом, реклама кино начинает выступать в качестве механизма, регулирующего степень общественной значимости того или иного кинопроизведения. С одной стороны, выделяя картины из общей массы представленных в прокате, реклама реализует свою функцию по уменьшению неопределенности при выборе потенциальным зрителем фильма для просмотра. С другой стороны, таким образом подтверждается опасение о возможности монополизации её средствами культурного пространства кинематографа, составляющего предмет общественного внимания. Возможностью коммуникации с потенциальной аудиторией, в том числе аудиторией молодёжной, обладают только кинопроекты, предполагающие массивные рекламные кампании, преодолевающие её высокий стоимостной ценз.

В то же время, реклама кино была проанализирована на предмет её способности содействовать у аудитории рекламы возникновению ощущения «свободы» выбора. Реклама кино была исследована на предмет репрезентации в ней разнообразия, которое бы создавало у зрителей рекламы ощущение селективности, избирательности при выборе фильма из представленного рекламой репертуара. В качестве критерия дифференциации была избрана жанровая принадлежность фильма. Показательным становится сопоставление формально-динамических свойств рекламных трейлеров и ТВ-роликов, продвигающих различные по жанровой принадлежности кинопроекты. Анализ трейлеров и ТВ-роликов по данному параметру проводился на основании классификации фильмов по четырём основным категориям, выделяемым американскими исследователями рекламы кино².

Результат сопоставления изобразительно-выразительных средств аудиовизуальных рекламных роликов продемонстрировал репрезентативность рекламы кино относительно специфических для фильмов различных жанров особенностей.

Таблица 50

**Сопоставление профилей трейлеров и ТВ-роликов различных категорий фильмов
(% от общего числа)**

	Трейлеры				ТВ-ролики	
	Action	Комедия	Драма	Триллер	Action	Не Action
Изобразительно-выразительные средства						
Увеличение монтажно-го темпа	88	67	71	100	67	33
Резкое возрастание звукового воздействия	96	86	71	100	100	100
Низкий ключ (скупое освещение)	68	19	43	100	92	17
Высокий ключ (яркое освещение)	32	81	57	0	8	83
Монтаж						
Клиповый монтаж	92	81	57	88	92	50

¹ Электронная база данных кинофильмов [Электронный ресурс]: Кинопоиск.RU. Режим доступа: www.kinopoisk.ru; Итоги кинотеатрального проката российских фильмов 2008 [Электронный ресурс]: Кассовые сборы. Режим доступа: <http://www.proficinema.ru/distribution/analyses/detail.php?ID=47163>; Взят кассу – посчитай убытки [Электронный ресурс]: Slon.ru. Режим доступа: <http://slon.ru/articles/256257/>

² Rasheed Z and Shah M. Movie Genre Classification By Exploiting Audio-Visual Features Of Previews // International Conference on Pattern Recognition, Québec City, Canada, August 11-15, 2002.

Сцены и эпизоды						
Ключевые диалоги	80	100	100	100	17	100
погоны	76	95	43	13	92	67
боевые столкновения, перестрелки	88	38	29	50	92	33
сцены насилия	52	0	0	63	42	17
юмор	20	100	71	0	0	83
Тематика						
терроризм	8	0	0	0	17	0
взаимоотношения мужчины и женщины	8	48	57	13	8	17

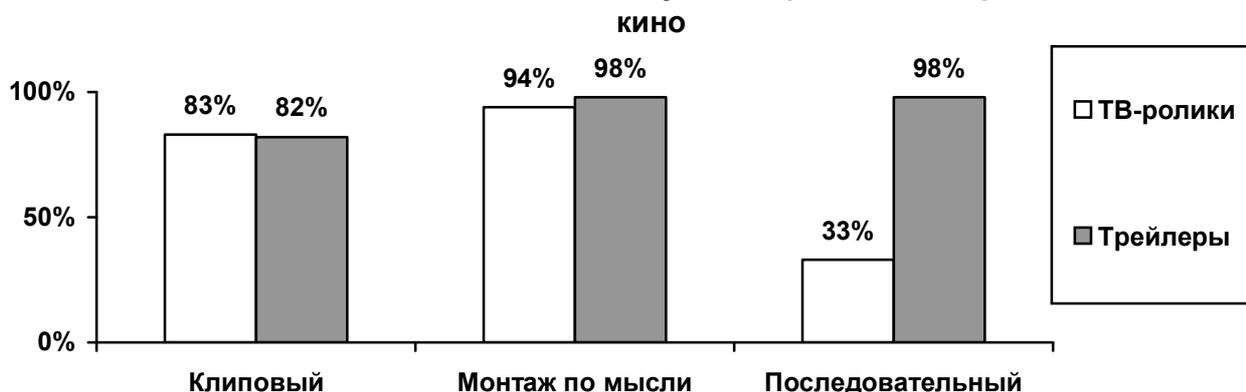
Действие рекламы кино оказывается диалектично: с одной стороны, реклама кино выполняет статусообразующую функцию, выделяя из общей массы представленных в прокате фильмов определённые кинопроекты, уменьшая, таким образом, неопределённость при выборе потенциальным зрителем кинофильма для просмотра. С другой стороны, как продемонстрировали результаты исследования формально-динамических свойств роликов, она представляет некоторое разнообразие, характерное для кинематографической культуры. Так, снимая у человека ощущение нерешённости проблемы субъективной и объективной культуры, реклама кино, с точки зрения развития духовной культуры общества, социальных групп, личности, данную проблему заостряет, выступая инструментом распространения в рамках социально-кинематографического процесса идеологии экономически господствующих групп, которая отнюдь не обязательно подразумевает освоение лучших образцов киноискусства. Таким образом, процесс социализации личности под воздействием рекламы кино оказывается осложнён её так называемой «наркотизирующей» дисфункцией. Повышение уровня информативности средствами рекламы кино, в итоге, преобразовывает энергию людей от активного участия к пассивному знанию.

Другая особенность, выделенная при контент-анализе используемых в рекламе сцен и эпизодов, сводится к тому факту, что использование кадров, отснятых специально для рекламы, сведено к минимуму: доля трейлеров с материалами, отснятыми специально для рекламы, составляет менее 2%. Таким образом, можно сказать, что заимствование кадров кинопроизведений становится художественным приёмом, характерным для рекламы кино. В рекламе кино находит своё подтверждение один из главных типологических признаков эпохи постмодернизма – использование готовых форм. В руках производителей трейлеров и рекламных роликов оказывается материал, изначально для рекламных целей не приспособленный, более того – составляющий предмет творческой деятельности, авторского самовыражения. При этом художественный материал фильма, извлечённый из своего естественного контекста и помещённый в новую, несвойственную для себя отрасль рекламы кино, приобретает совершенно иной характер социального воздействия. И методы интерпретации этого художественного материала оказываются в зависимости от воплощения дихотомической природы рекламы кино как маркетингового инструмента и как явления, вовлечённого в реализацию общественного потенциала произведения искусства.

Что касается методов интерпретации заимствованного из фильма художественного материала, то, в первую очередь, на себя обращает внимание такая характеристика вторичного дискурса рекламы кино, как повсеместное распространение метода клипового монтажа вкупе с такими изобразительно-выразительными средствами, как резкое возрастание звукового воздействия и вспышки (доля использования резкого возрастания звукового воздействия в трейлерах – 88%, в ТВ-роликах – 100%; доля использования вспышек в трейлерах – 29%, в ТВ-роликах – 33%). Это – элементы аудиовизуальной структуры, противоречащие комфортному, сознательному восприятию передаваемой информации, их использование является

свидетельством обращения рекламы кино к воздействию на аудиторию с использованием подсознательного давления – суггестии.

Рис.14. Виды монтажа, используемые при создании рекламы

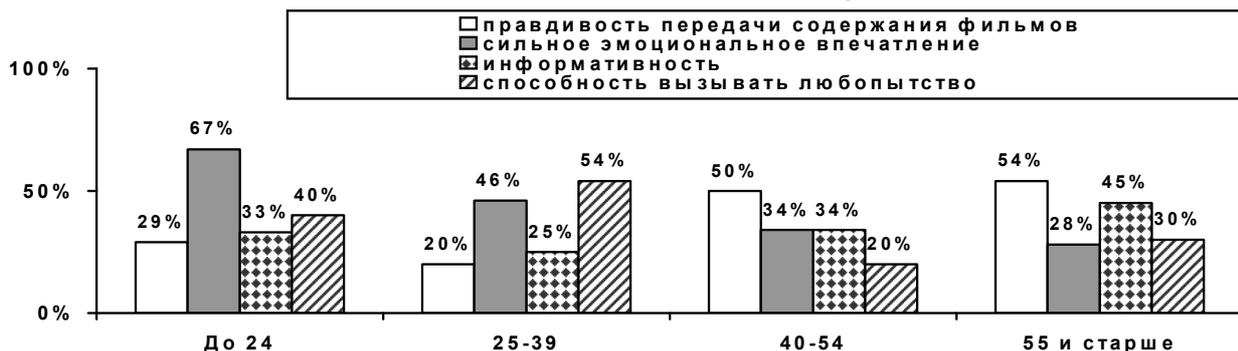

Ещё одним формально-динамическим свойством рекламы кино, способствующим раскрытию характера её социального воздействия, становится использование «монтажа по мысли», что позволяет определить рекламу кино как, прежде всего, самостоятельное аудиовизуальное произведение, а не результат произвольной компиляции материала на основе законов восприятия экранной информации. В основе создания рекламы лежит логика авторского (режиссёра рекламы) видения: насколько данная терминология оказывается правомочна по отношению к постмодернистским произведениям апроприационной формы.

Таким образом, контент-анализ формально-динамических свойств рекламы кино позволяет выделить такие её составляющие, как всеобщее использование готовой формы, цитирование художественного материала кинофильмов; апелляция к приёму суггестии, подсознательного воздействия на аудиторию; воплощение в рекламе кино замысла автора (создателя рекламного произведения). Данные характеристики рекламы позволяют сделать вывод об утверждении рекламы кино как симулякра – символа, оторвавшегося от объекта, к которому он изначально относился, и выступающего при помощи средств массовой коммуникации образом, направленным прежде всего на формирование потребности в «партиципации», эмоциональном сопереживании экранному действию при восприятии кинофильма.

В то же время, как показали результаты социологического опроса, возрастная стратификация, распространённая в отношении частоты посещения кинотеатра, оказывается справедливой и касательно основных установок восприятия рекламы кино. В качестве наиболее значительных характеристик рекламы большинством респондентов были обозначены «сильное эмоциональное впечатление», «правдивость передачи содержания фильма», «способность вызывать любопытство» и «информативность». Но популярность данных ответов среди различных возрастных групп распределена неравномерно. Если для «сильного эмоционального впечатления» характерна большая популярность среди более молодой части опрошенных, то «информативность» и «правдивость передачи содержания фильма», напротив, находят всё большее распространение с переходом к старшим возрастным группам

Рис.15. Что для Вас наиболее значимо в рекламе кино?

Сопоставление данных контента-анализа о структуре аудиовизуальных текстов рекламы кино и результатов опроса населения на предмет установок восприятия рекламы кино показывает, что именно молодые поколения граждан оказываются наиболее подвержены эффекту воздействия рекламы кино. Их понимание значительных характеристик рекламы совпадает с направленностью её воздействия. Социальный эффект рекламы кино при этом во многом определяется тем, что подобное совпадение профилей приводит к формированию у молодёжи потребности в киноискусстве как рекреационно-развлекательном зрелище и препятствует накоплению среди молодых людей культурного капитала, способствующего восприятию более сложных произведений искусства кино, как правило, не ориентированных на вовлечённость зрителя в экранное действие на уровне «партиципации».

Перефразируя данное вначале определение рекламы кино с учётом выводов, полученных в результате социологического анализа её воздействия, можно сказать, что она выступает в качестве монополизирующего процесс коммуникации между кинопроизводителями и потенциальной аудиторией фильма симулякра, направленного на формирование по отношению к киноискусству у целевой аудитории – представителей молодого поколения – потребностей рекреационно-развлекательного типа.

Дятлов А.В. (ЮФУ, Ростов н/Д)

«Динамическое поле» социальных ресурсов

Р. Будон оценивает ситуацию социально-деклассированных слоев, т.е. групп, выпадающих из социальной структуры. Критика теории Р. Хагена о роли переменных в экономическом развитии в эндогенных факторах имеет целью трактовать развитие как реакцию на различающиеся по структуре ситуации. Перфекция может быть только частью развития, но не отменяет развитие как последовательность изменений, векторные изменения. Структуралистские предрассудки типа структурных причин изменения опровергаются ссылкой на принятие акторами различных позиций в различных ситуациях. Для Р. Будона очевидно большее влияние институциональных или случайных элементов, чем структурных: ситуации являются следствием микросоциальных факторов, определяющих причины и мотивации поведения, а не само поведение. Убедительность выдвигаемого положения обосновывается исключением экзогенного влияния. Р. Будон говорит о непредсказуемых последствиях, когда модернизационные эффекты компенсируются консервативными (возрастает независимость детей от отцов, независимость женщин от мужчин). Компенсирующий эффект, о котором пишет П. Штомпка, приводит к усилению неоднородности, декомпозитивности общества: одни элементы претерпевают изменения, другие сохраняются и усиливаются. Структура не имеет потенциала самотрансформации, так как ресурсы групп зависимы от стабильности, социального. Однако совсем иная ситуация возникает при размывании социальных статусов и социальных ролей. Социальная трансформация российского общества, как отмечает З.Т. Голенкова, резко усилила тенденции к дезинтеграции. «Что касается России, то в последние годы наблюдаются изменения, тенденции к дезинтеграции общества, которую можно определить как существование социальных групп, корпораций, сообществ и индивидов, по-разному представляющих себе образцы единого социального пространства»¹. Следствием дезинтеграции является сокращение рациональных социальных отношений, основанных на социальном взаимоотношении, и базисных социальных ценностей. Нам кажется, что так называемый недостаток социальной рациональности определяется ресурсной компонентой: группы, приобретшие материальные и властные ресурсы, стремятся к мобилизации или замыкаются, используя социальные мифы, предрассудки, предубеждения для обоснования неопозиции господства.

Российский экономист С. Глазьев отмечает использование социальной мифологии правящим классом: экономический рост, преференции федерального бюджета, мобилизация ресурсов предназначены для переноса ожиданий в сферу сырьевой ориентированности. Когда потери общества от расточительства элитами природных богатств составляют 50 млрд. долларов ежегодно, причина в потребительском отношении к социальным ресурсам: сырьевая

¹ Россия: трансформирующееся общество. М., 2001. С.94.

экономика прибыльна, потому что связана с минимальными затратами на профессиональную подготовку, образование и здоровье, возможностью использовать «заимствованные технологии», быть независимой от общества. Поэтому взаимодействие, как принцип структурности, неэффективно для исследования российской трансформации. Ресурсообеспеченные группы ориентированы на распределение, а не на воспроизводство социальных ресурсов, что усиливает социальную зависимость адаптирующихся слоев населения.

Теория «динамического поля» П. Штомпка призвана отразить многовекторность постсоциалистических трансформаций. Штомпка выделяет четыре аспекта динамического поля: идеальные измерения; интерактивные измерения; социальная организация; жизненные планы, возможности, доступ к ресурсам¹. Социальные ресурсы включаются в процесс изменений, наряду с реформированием идей, переоценкой норм, ценностей, переформулированием целей взаимодействия. Перераспределение возможностей означает переопределение ресурсов, так как мобилизация или конформизм, стремление к доминированию или зависимость, интенсивные действия или социальная апатия утверждают социальные позиции, социальный авторитет групп или класса. Российские исследователи считают проблемой социальную индифферентность, раздробленность российского населения, отсутствие противодействия элитарным сценариям, возвращение к сословному обществу и ограничение восходящей социальной мобильности (в России нисходящая социальная мобильность в четыре раза превышает восходящую). Возможностное измерение требует социальной организации, т.е. присутствия группы, обладающей наилучшим организационным потенциалом.

По мысли П. Штомпка, измерения неустойчивы, нестабильны, перетекают друг в друга, чтобы горизонтальные отношения были эффективными, доминантными, вертикальные связи выступают в качестве комплементарных, задействованных с целью управления, недопущения хаоса. Социальные группы в постсоциалистическом обществе не преодолели посттравматический синдром (неуверенность в закреплении высоких статусных позиций, социальные исключения). Люди осознают необратимость преобразований, не могут по тем или иным причинам принимать эти преобразования, поэтому возрастает значение социальной самоизоляции, хаоса на уровне социальной микросреды. Приоритет институционально-правовых новаций (М.А. Шабанова) подчеркивает стремление к управляемому развитию, нормированию социальных ресурсов, ресурсной дифференциации общества. Безусловно, возникают аффеляты «ресурсообедления» и «ресурсозависимости». Утверждения российских исследователей (Т.И. Заславская) о необходимости содействовать становлению демократии, правопорядка и конкурентного риска² более основываются на идеале, чем социальной аналитике. Например, схема «среднего класса» является результатом «исследовательского отчаяния». Верхние слои (7-8%) населения в современном составе и качестве не способны ни к политической, ни к культурной интеграции общества, социальная энергия базисного слоя (60% населения) расходуется на решение сугубо личных проблем, связанных с выживанием. Так что средний класс стал обязан своим возникновением ожиданиям социологов, по мнению которых нашему обществу необходима группа, которая бы формулировала, осознавала и предлагала варианты решения социальных проблем. Однако институциональные изменения, связанные с социальной политикой (преобразования социальных отношений в сфере труда, создание институциональных условий для развития конструктивной и оптимальной предпринимательской деятельности, изменения характера реформаторской и управленческой деятельности правящего класса), скорее направлены на воспроизводство социального расслоения. Приоритеты социальной политики определяются интересами верхних слоев, которые стремятся к сохранению и упрочению достигнутого статуса. Известно, что правящие слои самореформируются при двух обстоятельствах: если новая ситуация дает возможность значимых социальных предпочтений или если легче пожертвовать малым, чтобы не потерять все.

Нам кажется, что в России элиты сформировались путем назначения и знакомств, что ориентирует на потребление и распределение социальных ресурсов, а не на диверсификацию и

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.29.

² Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002. С. 428.

передачу ресурсов другим социальным слоям. Снижение доли социально активной части населения – модель социального господства и мобилизационных настроений общества. П. Штомпка испытывает доверие к личностному полю, готовность к целерационализации общественных отношений, существованию и конструированию социальных фильтров и социальных пропусков. Перегруппирование в таких условиях основывается на воспроизводстве жестких моделей взаимодействия. Перераспределение собственности происходит не по инициативе инновационных слоев населения, а в узком кругу, что демонстрирует влияние личностных ресурсов и снижает роль социальной интеракции. По мысли П. Штомпка, инновационные слои должны быть готовы к соревнованию, не исключая сценария нулевого результата, т.е. победившие, если не хотят оказаться в положении проигравших, стремятся к уменьшению неопределенности, т.е. установлению отношений господства. А. Пшеворский пишет, что переход к другой системе был бы недостижим без поддержки, если бы каждый не верил, что при новой системе он будет обеспеченным, или если бы у каждого были сильные социальные преимущества. Избежать риска неопределенности можно двумя способами: сосредоточением ресурсов или институционализацией соревновательности. В России избрана модель разобщенности индивидуального выживания. Правда, при этом растет отчужденность от государства, социальной организации, разрыв идеального и возможностного измерения. А. Пшеворский указывает на эффективность уменьшения депривации, хотя бы предоставлением надежды на позитивные изменения в будущем, что ликвидирует нежелательный разрыв.

Нам кажется, что стремление к пролонгированию ситуации, закреплению отношений господства-зависимости принимает форму отстранения из-за некомпетентности. П. Бурдые особенно подчеркивает значение социальной номинации вхождения в класс посвященных. При российской модели социальных преобразований социальная компетентность понимается именно в дискурсе власти. Аналогично предпочитается ресурс адаптивности, подчиненности базисных слоев населения. Возможностное измерение лишается самостоятельности, вытесняется организационными нормами. Р. Будон указывал на недопустимость недооценки организационной среды. Эти возможности могут быть использованы или отброшены. Так что Т.И. Заславская ссылается на социальную политику не случайно: базисные слои не привержены самотрансформации, потому что локализованы в социальном субполе, социальном гетто (им представлено и политическое субполе КПРФ – 20 – 25%). Речь идет о политике избежания социальной неопределенности, когда даже социальный протест может управляться и социально прогнозироваться.

П. Бурдые отмечал возможность артикулирования интереса примыканием к правящему классу, т.е. осознание социальных изменений и стремление к их перераспределению или воспроизводству диктуется совокупностью предоставляемых ресурсов. В ситуации «определенности» важны привязка, внушение, манипулирование, принуждение, дезорганизация с целью блокирования самостоятельной социальной позиции. Правящие классы удивительно неустойчивы в идеологических предпочтениях: либерализм, государственный патриотизм, консерватизм служат «жизненным идентичностям», способом социального воспроизводства и гегемонии над социально зависимыми слоями. Экспроприрующая идеология у потенциальных групп социальной оптимизации связана с переводом протеста в возможностное измерение.

У П. Штомпка возможностное измерение социетально, т.е. представляет единое социальное пространство, межличностное поле. Ранжирование социального пространства является результатом ее имплицитных внутренних свойств, инновационные способности основных социальных групп, которые реализуют свое влияние с целью вызвать институциональные изменения. Социальная микросреда обладает такой же ресурсообеспеченностью, как и макросреда, что проявляется в характере и интенсивности изменений. Спонтанные изменения, непредсказуемые действия отдельных индивидов рационализируются в социальных интересах, социальных отношениях. Микросреда вносит изменения с целью легализации социальной активности, согласования различных моделей изменения. Введением динамического поля П. Штомпка старается смягчить противоречие функционализма: иерархия экономики, по-

литики, культуры трансформируется в подвижное, неустойчивое состояние взаимодействия, кристаллизации и отмежевания¹. Провозглашение протяженности социальных изменений легитимирует любые, даже незначительные микросоциальные события, так что социальное пространство фактически не имеет стабильных состояний. Поэтому социальные ресурсы трактуются в контексте сближения идеального и возможного измерения и реализуются в интеракционном измерении.

Российский исследователь В.В. Локосов предлагает классификацию социальной энергии по трем направлениям: конструктивные, цель которых создание новых, более эффективных систем для компенсации и улучшения устаревших; реактивные, стабилизирующие, отвечающие за сохранение целостности и дееспособности системы; деструктивные, направленные на разрушение вышедших из строя элементов, с целью создания условий для их замены². Почему в интерактивном измерении возможна разновекторная социальная энергия? Какие изменения, «события» обеспечивают социальную поддержку изменениям, вектор приложения социальной энергии? Теория динамического поля формулирует изменения как действия, связанные с целью повышения эффективности социальной организации, т.е. направленные на воспроизводство стабильности. При этом рассматриваются внутренние импульсы изменений, т.е. социальные шансы и возможности.

Так что изменения инициируются группами с достаточно высокой социальной компетентностью. В отличие от схемы Т. Парсонса, связанной с поиском новых социально-ролевых структур, польский социолог подчеркивает значение социальных возможностей, которые устраняют неопределенность или, по крайней мере, дают основание для уверенности в себе. Если же следовать добровольному принятию ролей, то импульс к изменениям задается отношениями господство – принуждение, в чем видится двойственность структурной теории (Р. Дарендорф). Выдвинем предположение, что носителем структурных изменений являются группы с ресурсной иерархией, обладателей и распределителей социальных ресурсов. Российская элита выполнила разрушительную роль, создала свободное пространство для формирования новых институциональных практик, но не преуспела в определении идеального и нормативного измерений: от участия в социальной трансформации отстранена интеллигенция, которая в случае обмена символического ресурса на властный и экономический могла бы стать социально референтной группой. Бывшие основные группы по схеме ресурсной иерархии интегрируются в качестве групп социальной зависимости, что объективно делает их пассивными участниками социальных преобразований. Однако особенностью динамического поля является различие в социальной компетенции. Вероятно, П. Штомпка отрицает обоснованность социальной диагностики в определении нормы и патологии трансформации. Выступая за формирование личности как субъекта модернизации, он ни словом не обмолвился о проблеме реактивного неререфлектированного поведения. Между тем, в результате российских реформ выиграли группы негативной мобилизации, так как в хаосе преобразований явно просматривалась логика ресурсоприсвоения. Процесс трансформации инверсионен, возвращает от личностного и организационного измерений к возможностному. Классическая парадигма модернизации основана на институциональности ресурсного перераспределения. Если преобразования связаны с ресурсообретением, то в начале допускается хаос, а потом легитимируются итоги стихийного развития. Диссипативность межличностных связей может привести к распаду общества, так что П. Штомпка предупреждает о риске разочарования преобразованиями: выигрывают не те, кто ожидает улучшения, а те, кто использует способы ресурсоосвоения. Навряд ли в ожидании неопределенности можно надеяться на возрастание социальной компетенции субъектов трансформационного процесса. Инициативой обладают группы, которые нарушают социальные обязательства в целях достижения ресурсного монополизма. А. Пшеворский пишет о склонности реформаторов внушать оптимистические прогнозы и неготовности нести ответственность за их реализацию в ближайшее время. Нам кажется, что российские реформаторы направили усилия на внесение социальной апатии и вы-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.30.

² Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологические аспекты). М., 2002. С. 143.

бор наименьшего из зол, что заранее снимало, по их мнению, обвинения в стремительном обнищании населения. Логика ресурсобретения российской элиты до сих пор определяет траекторию роста без улучшения, навязывание модели ресурсозависимости большинству населения.

В контексте динамического поля Штомпки ресурсы реализуются в сетях социального взаимодействия, которые, по определению М. Кастельса, представляют комплекс взаимосвязанных узлов¹, отличающихся от традиционных структур: открытостью, путем внесения новых узлов; полифункциональностью; кодами функционирования; «рубильниками», регуляторами контактов. Личностные измерения, таким образом, наряду с конфигурацией отношений, дифференцируются по включению или исключению сетевых структур. Штомпка устанавливает взаимозависимость нормативного морфогенеза и принадлежности к сетевым структурам. Нормативные отклонения являются результатом деятельности сетевых агентов, которые предлагают внутри структуры инновационные правила и нормы.

Сети более эффективны, так как строятся на оптимизации времени и нейтральности к упорядочению пространства. Социальное пространство намеренно дезинтегрируется, рассеивается, чтобы сделать возможным прохождение потоков информации. В таком разряженном пространстве трудно ожидать воспроизводства социальных позиций, привязанности к институциональным практикам и контроль межличностного воздействия. В социально разряженном пространстве аттракторами выступают текучие идентичности, ситуативные нормы и воображаемые структуры. М. Кастельс подробно анализирует влияние информационных технологий на становление сетевых структур: владение информацией квалифицируется «рубильником» изменений, возможностью совмещения времени и пространства, ресурсом переключения. Не варьируется ли здесь выдвинутая Туреном теория «культурных услуг», замещения классовой борьбы, субъектом культурного изменения? Ясно, что Турен выдвигает ресурсоемкость культуры в качестве альтернативы логики ресурсопотребления.

Динамическое поле П. Штомпки переносит культуру из системы генерирования ценностей в социальную интеракцию, выражения индивидуальной и коллективной самостоятельности. В эпоху трансформации материальной культуры, переноса инновационности в межличностную сферу, не остается ничего другого как распрощаться с индустриальными подходами, технократизмом и экономоцентризмом в оценке социальных ресурсов. Все-таки М. Кастельс склоняется к информационно-технологической парадигме, превращая знание в производительную силу, а не просто решающий элемент производственной системы. Ресурсообеспеченность относится к слою менеджеров и программистов, остальным слоям населения уготован статус ресурсопотребителей. Теория динамического поля относит технологические инновации к экзогенным факторам, наряду с войнами и экологическими кризисами. Если происходит социальная трансформация, как изменяется сама система социальных ресурсов? Если мы имеем дело с информационно-технологической революцией, означает ли это переход власти от промышленников и банкиров к носителям информации?

Динамическое поле П. Штомпки абстрагируется от глобальной сети М. Кастельса, У. Бека, Э. Гидденса. Он солидаризируется в отказе от традиционного понимания социальных ресурсов как власти и экономической мощи с представителями социального активизма. Выходит, что если в структурном подходе ресурсы воспроизводят логику структурного наследия и социального подчинения, динамическое поле признает ресурсное первенство за возможностями вариативности горизонтальных отношений, социальной координации. Лидирующие позиции занимает группа с большими возможностями влияния, чем у остальных. Интенсивность социальных контактов, использование различных алгоритмов социальной деятельности, переключение с режима стабильности на режим ускорения составляет ресурсную базу инновационных групп населения. Снятие личной преданности, идентичности провоцирует фундаменталистскую реакцию, поворот к антимодерну, сопротивление переменам. Таким образом, выход на культурные ресурсы не может разрешить противоречия функционально-

¹ . Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 494.

сти культуры: функциональность возвращается в виде структур социальной резистентности и фрустрационного эффекта. Быстрые изменения в сфере экономики компенсируются культурным фундаментализмом и укреплением позиций сторонников общества социального роста. А. Турен критикует центры интеграции (аппарат принуждения), ни на йоту не сомневаясь в социальной бенефициарности государства. Для М. Кастельса информационное производство эффективно согласуется с традиционными идентичностями, культурным своеобразием. Так называемые новые социальные движения исходят из культурной автономности и социальной ресурсозависимости, что дает повод подозревать в верности пресловутой формуле перераспределения.

В теории динамического поля акцент делается на социальные возможности и обязанность социальных институтов наделить людей условиями для реализации этих возможностей, а не определенными социальными дарами. Короче говоря, теория динамического поля отрицательно настроена к описанию чисто функциональных изменений: в процессе личностного переопределения, открытости нормативного морфогенеза, более важны ресурсные характеристики. Если структурный объективизм основывается на стабильности структуры и изменчивости групп, теория динамического поля относит стабильность к инвариантности личностного взаимодействия по схеме: интересы; стратегии; идентичности; диспозиции. Культура, как деятельность, по отношению к структуре, становится имманентным свойством личностного поля, сжатия, расширения, пульсирования межличностного пространства, задается культурными благами, культурными интенциями, культурными идентичностями. Динамика общества, таким образом, сдвигается в сторону субъектных аспектов. Итоги реформирования в постсоциалистическом обществе продуцируются социальной иррациональностью на интрасоциальном уровне и допущением хаоса, неопределенности в макросоциальных отношениях (П. Штомпка). М. Кивинен в работе «Прогресс и хаос» обозначает общественные науки как программы управления социальными микроэффектами¹. По его мнению, разумное управление обязательно дополняется диагнозом действительности, поиском «врача», ответственного за ошибки, промахи и болезни пациента. Развитие, исключая иррациональность, случайность, может осуществляться только методами насилия, изоляции непокорных групп населения. Гораздо более эффективно проектирование личности, формирование качеств, которые представляются личностными ресурсами. Вероятно, поэтому в теории динамического поля рациональность одобряется в качестве стратегии личности и существует мораторий на совершенствование, прогресс социальных макроструктур. Штомпка открыто симпатизирует самостоятельному отбору ценностей и норм и изменениям как кумулятивному эффекту личностных инноваций.

В интеракционной сфере единственным аргументом против² проекта планируемых изменений может быть его неосуществимость. Сравниваются не проекты с проектами, а реальность с реальностью: как правило, к изменениям готовы группы с эндогенными предпочтениями, надеждами на осуществимую альтернативу. Ресурсные группы оцениваются по наличию значимых альтернатив: борьба за новую идентичность, новые формы социальной кооперации меняют конфигурацию личностных связей. Как пишет А. Пшеворский, растет число сторонников решительных перемен, которые оценивают жизненные условия и социальные ресурсы асимметричными, даже если ресурсные ожидания заведомо завышаются. Интеллигенция мнит, что рынок предоставит возможности творчества, рабочий класс увлечен перспективой приличных заработков, хотя не трудно предугадать социальные издержки безработицы, безразличия к элементарным социальным потребностям больших неплатежеспособных групп. Самооценка личностных ресурсов выступает причиной принятия или отклонения изменений: ожидания отодвигаются на перспективу или сохранение существующего социального порядка.

¹ Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2001. С. 195.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. М., 1999. С.166.

Российские исследователи выявили синдром устойчивого неравновесия¹. Разброс позиций, разрыв адаптированных и неадаптированных слоев вызваны неопределенностью институциональных сдвигов и статусных идентификаций. Социальные настроения могут ухудшаться у богатых и быть стабильными у носителей социальной бедности. Среди той части российских респондентов, у кого улучшилось социальное самочувствие (они составляют 15%), 70% не изменили свои социальные позиции, не повысили доход, не прибавили общественного авторитета. Объяснение лежит в плоскости ожиданий наведения порядка, борьбы с бедностью, гонений на олигархов. Более половины опрошенных признаются в отсутствии у них надежд на улучшение экономической ситуации и могут полагаться только на терпение или признание необратимости перемен. Согласимся, что позитивное социальное самочувствие зависит от уверенности в улучшении своей жизни, т.е. воображаемых возможностей, которые имеют не менее значимые последствия, чем реальные. Если вспомнить атмосферу нагнетания безысходности и безальтернативности перемен в позднеперестроечные годы (1989 – 1991 гг.), именно воображение, социальные мифы и ожидания становятся более реальной силой, чем процессы собственного социально-экономического развития и определения объективно социальных позиций. 20% населения выбрали стратегию активных действий, что, на наш взгляд, соответствует в результате структурных изменений сдвигу в социальных позициях путем отречения от прежнего коллективистского опыта, радикального изменения образа жизни, негативной мобилизации. Это и объясняет, почему при неэффективности модели выживания пропорция активных и неадаптированных остается прежней (20/80).

В период изменений ресурсы направляются на воспроизводство стабилизационных норм, сохранения социального статуса и социальной идентичности. Ситуация «стали жить хуже» открывает возможность воздействия неблагоприятных эндогенных факторов, прежде всего увеличения давления на личность или группы, в условиях снижения ресурсообеспеченности. Социальные ресурсы воспроизводятся в сфере социальных микроэффектов, используются экономно по отношению к общесоциальным целям, чтобы исключить риск затратности, когда нельзя надеяться на какие-либо внешние компенсирующие источники. Индивидуализация социальных ресурсов (З. Бауман) сопряжена с тремя важными последствиями: возрастание негативных стабилизирующих ориентаций; распределение ресурсов через «обходные пути»; усиление ресурсной зависимости. Изменения могут оцениваться в контексте ущемления групповых и личностных интересов и не в силу социальной некомпетентности, а по правилу ожидания худших перемен. П. Штомпка отмечает, что население в постсоциалистическом обществе склонно рассматривать даже социально эффективную политику с позиции потенциальных угроз. Это позволяет быстрее адаптироваться к перераспределению ресурсов, пережить издержки переходного периода².

Можно сказать, что ресурсная эффективность общества падает, эффективность отдельных групп предрасположена к росту. И возвращение к централизованному распределению маловероятно потому, что мало кто испытывает доверие к реконструкции модели распределения, в которой издержки возвращения не могут компенсироваться гарантией социальных благ. П. Штомпка убеждается в намеренности иррациональности поведения на уровне социальной интеракции: институциональные изменения воспринимаются избирательно, отбрасывается «плохое» и доводится до крайности «хорошее». Так, новые предприниматели предпочитают работать с серыми схемами, отсутствие рыночных навыков компенсируется большой ресурсоемкостью серых схем. Любое регулирование может трактоваться как угроза самостоятельности, любое разрешение как ловушка власти. Происходит прямой перенос социальных ресурсов из возможностного в интеракционное измерение. Больше ценятся информация, социальные связи, социальный капитал, чем официальные статусы и льготы. Доминирует объединение по признаку негативной идентичности: позитивная идентичность принадлежит к ин-групповому выбору и распространяется на социально самостоятельных индивидов.

¹ Россия: трансформирующееся общество. М., 2001. С.247.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. М., 1999. С.236.

Р. Дарендорф призывает не переоценивать солидарность недовольных и бедных: эффект концентрации бедности выражается в иммобилизации личности¹. Для бедных, пишет Дарендорф, социальный ресурс представляется результатом личных усилий выбраться из цикла социального аутсайдерства, чувство социального одиночества им присуще больше, чем представителям адаптированных слоев. Теория «динамического поля» указывает на приоритетность интеграции: различия определяются включением, исключением, пролонгированием или социальным дистанцированием. Р. Дарендорф убедительно иллюстрирует социальное дистанцирование преуспевающих слоев, способных сокрушаться по поводу бедности, но голосующих за партии социального неравенства. Ресурсообеспеченные слои ориентируются на представления, что бедным легче переносить традиционные тяготы, чем богатым познать новые трудности. Р. Дарендорф саркастически подмечает, что образованные элиты (продукт политической модернизации), стоящие вне всякой традиции, апеллируют к старым ценностям и заняты в первую очередь тем, чтобы направить поток новообретенного богатства в немногие избранные ареалы².

Традиция используется как средство легитимации ресурсного неравенства, что мы наблюдаем в России по поводу официального православия. В теории П. Штомпки ресурсообеспеченность и ресурсозависимость взаимодействуют и образуют переменное состояние. Уход от структурных и институциональных целей освобождает от предписанных социальных ролей. Когда в России звучат призывы к крупной элите поделиться, усиливается ощущение идиотизма подобных петиций, так как индивидуальное присвоение социальных ресурсов связано с возможностями социальной гегемонии и использованием ресурсов как инструментов принуждения. М. Кивинен подчеркивает, что социальное ингрупповое взаимодействие в российском обществе не достигло состояния нулевой суммы, общности интересов. Нам кажется, что большинство участников перемен озабочены социальным успехом и исключают возможность поражения. Всякие подвижки, которые можно трактовать как проигрышные, способствуют позиции отказа от изменений, т.е. изменения допускаются в пределах достижения собственного успеха и блокируются при возможности социальной конкуренции. Теория динамического поля фиксирует такую особенность интеракционного измерения, как предпочтение ролевым предписаниям и ожиданиям, ситуативной логике. П. Штомпка осознает, что изменения не имеют не только простой, линейной направленности, но и исключительной цели³.

Ссылка на культурный и исторический контексты все-таки не обладает объяснительной силой теории. Если мы будем к каждой причине изменений привязывать ситуативную оценку, дурная бесконечность сделает проблематичным анализ социального развития. Чтобы избежать ловушки рациональности, теория «динамического поля» вносит неопределенности такого же рода, как критикуемые метафоры роста. Можно согласиться, что изменения не всегда носят кумулятивный характер, проходят одинаковые стадии, но отсюда не следует, что миллион случайностей оказывает большее влияние, чем идеальное и нормативное измерения. Социологический пробабиллизм⁴ предполагает, что изменение – результат наших попыток решить проблемы, что связано с готовностью взять ответственность за выбор способов решения проблемы. Правда, группе могут быть навязаны воображаемые или чужие проблемы, т.е. социальные ресурсы уходят в «никуда» или способствуют усилению отношений доминирования. Подобным образом рассуждает Р. Будон, для которого теории, описывающие процесс изменения в целом, скорее, обосновывают декларируемые различия, чем исследуют причинно-следственные закономерности. Большими ресурсами обладает группа со способностями проектирования и сплоченностью других слоев вокруг реализации социального проекта.

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М., 2002. С.202.

² Там же. С.122.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.236

⁴ Прим. редактора – пробабиллизм – от лат. *probabilis* – вероятный – концепция, сторонники которой считают, что человек не может добывать полностью точных знаний и должен довольствоваться вероятными, правдоподобными.

Действительно, для Штомпки вопрос заключается в том, чтобы разобраться, как можно объяснить индивидуальные действия, не ущемляя коллективный рациональный выбор. Субъектность актóров может подвергаться наблюдению, если объяснить ресурсные характеристики, а не поведение, социальные факты или объективные закономерности – тенденции. Согласно позиции П. Штомпки ресурсы возникают в процессе социальной интеракции, диффузии или поддержания образцов развития. Событийность, различные состояния динамического поля делает значимыми взаимное согласие по поводу изменений, определения пределов спонтанности и регулируемости. Как бы ни ставилась проблема равенства возможностей, Штомпка отмечает ресурсное неравенство как условие свободы (пересмотра соглашений). А. Пшеворский утверждает, что от акторов трансформационного процесса зависит, насколько могут быть растянуты во времени изменения и насколько результаты преобразований могут отклоняться от провозглашенных целей. П. Штомпка отмечает, что существует соглашение по поводу того, какие изменения считать решающими и какие проблемы считаются решающими. Важно, что динамическое поле подвержено инверсиям, возврату в исходное состояние, содержит несогласие с положением необратимости изменений. Если пользоваться классификацией Р. Будона (причинно-следственные законы, структурные законы, формы изменения, причины изменения), П. Штомпку волнуют формы изменения, так как изменения неопределенны, не допускают структурированности и вносят дифференциацию в закрытую систему. Ясно, что так называемые формы изменений открывают простор вариативности, многообразие стратегий развития, чего не скажешь об монокаузальности других теорий.

Разумеется, правомерность такого подхода подтверждается демонстрацией фактов из деятельности сетевых структур. Только полезно помнить, что сетевые структуры зависят от технологии, определяются компьютерными коммуникациями (М. Кастельс). В сетевых структурах есть возможность интеракции, но есть и риск латентной зависимости, эффектов габитуса по П. Бурдьё. Нормативные измерения, социальные инструкции (П. Штомпка) определяют социальные действия, а сети исходят из предписанных возможностей. Штомпка умалчивает о проблеме доступа к ресурсам, так как не всякая возможность связана с социальной самореализацией, самоопределением, поэтому ресурсы рассчитываются не по шкале социальных ожиданий, а по шкале социальных позиций. Социальные ресурсы являются пучками возможностей, что соответствует пучку социальных отношений¹.

Объективация социальных отношений неизбежно продуцирует ресурсозависимость, так как связана с воспроизводством устойчивых социальных практик, конструированием собственной сферы социальной компетентности (П. Бурдьё). Если индивид уваливает от актуально существующей системы социальных позиций и не занят перегруппировкой возможностей, он впадает в состояние аннигиляции. Возможно, идеи П. Бурдьё об «инвестиционности» социальных агентов ближе теории динамического поля, чем нам представляется. Наверное, для Штомпки предпочтительнее исходить из допущения возможностей до определения социальной иерархии, ресурсной зависимости. Сети власти, какими бы они ни казались для взаимодействия незначительными, обязывают к признанию господства. Лица свободных профессий более мобильны, так как обладают большей самостоятельностью и не привязаны к конкретному социальному пространству. Однако, отмечает П. Штомпка, велик соблазн изменения ради изменения, что связано с неустойчивостью социальных ресурсов, неуверенностью в личном будущем.

Индивидуализация ресурсов усиливает ориентацию на престиж и образование в качестве условий ресурсообеспеченности, но только деньги (Т. Парсонс) как наиболее обезличенная форма ресурсообмена создает модель успеха. Теория динамического поля ориентирована на возможностный характер социальных ресурсов, это избавляет от необходимости анализа структурных неравенств, прежде всего социально имущественных. Вопрос для Штомпки состоит не в том, чтобы предложить очередной перфекционистский проект, выявление возможностей социального развития представляется важным в логике допущения трансформа-

¹ Россия: трансформирующееся общество. М., 2001. С.108.

ции. Модель поля есть попытка преодолеть апорию Зенона: поле можно описать как многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значение которых коррелирует с различными переменными¹. Изменения связаны с диапазоном возможностей, которые побуждают к осуществлению перемен. Текучесть, изменчивость наступают после соотнесения социальных позиций, когда обнаруживается потребность в новых социальных интеракциях, социальных интерпретациях.

Теория П. Штомпки синтетична по цели; действительно, нельзя свести изменения к одной – единой модели, можно выявить форму изменений, основанную на хабитусе изменений ресурсности. Субъекты (агенты) действия реализуют ресурсность в переопределении возможностей, а сами возможности становятся объективированным ресурсом. Линейные процессы, строго заданные изменения определяются траекторией закрепленности ресурсов. Трансформационные процессы, что стремится описать П. Штомпка в теории динамического поля, спонтанны, зависят от мобилизации или иммобилизации масс. Ресурсный предел проявляется в констелляции событий, провоцирующем фоне и тех усилиях, которые прилагают агенты действия для переопределения возможностей. П. Штомпка согласен с «текучестью» общества, чтобы легитимировать взаимодействие структурных и деятельностных аспектов. Понимая ограниченность структурирования, обоснованность упреков в пластичности институтов и растворении структур в иррациональных практиках, исследователь обозначает социальные ресурсы процессуально, придерживается непрерывности изменений.

Модернизация показала неэффективность хищнического потребления социальных ресурсов в реализации индустриального образца. Трансформация, ненаправленное развитие допускают хаос, содержат элемент неожиданности (В.А. Ядов) и делают ресурсную базу устаревшей. Однако экспансия социальных рисков означает повышение значения социальной компетенции как способности формулировать и решать проблемы. Не случайно В.А. Ядов вводит дополнительное требование «предупреждать и сдерживать» нежелательные последствия политических, экономических, экологических сдвигов, что вызывает сомнение в обоснованности спонтанности и чисто технического решении социальных проблем. Согласимся, что изменения могут вызываться микроэффектами, а социальное планирование становится самопарализующимся предсказанием. Вместе с тем, высокая ресурсозатратность в условиях спонтанных изменений делает привлекательной позицию пассивной адаптации, что обесмысливает разговор о саморазвитии. Ясно, что социальные ресурсы связаны с возможностным измерением, и вопрос о том, влияют ли на изменение эндогенные или экзогенные факторы, содержит лукавство, недоговоренность по поводу того, как осуществляются изменения. Структурный подход определяет социальные ресурсы через воспроизводство социальных диспозиций, отношение господства и зависимости, что более адекватно теории социального конфликта Р. Дарендорфа, на фоне которой положения социальной дифференциации Т. Парсонса выглядят не очень убедительно.

Деятельностный подход (морфогенезис М. Арчер, конфигурация Э. Гидденса) признает активизм субъекта ценой смягчения, пластичности структур. Ресурсы, таким образом, дополняются спонтанностью, инициативностью актора действия (Д. Мак-Клелланд). Вывод о субъектности социальных ресурсов адекватен признанию направленности, открытости, имманентности социальных изменений. Как показывает Р. Будон, формулирование причинно-следственных связей вносит элемент неизбежности, которая предписывает эмпирическим наблюдениям обязательный характер. Теория динамического поля апеллирует к теории общества, как пучку отношений, недетерминированности изменений, как результата различных намеренных и ненамеренных действий. Так называемая открытая ситуация позволяет рассматривать ресурсы как возможности, которые усиливаются или ослабевают с изменением пространства социального выбора (М. Крозье). Структурный подход привязывает социальные ресурсы к структурности, функциональности, неравенству и власти, определенным обра-

¹ Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 58.

зом устанавливает границу между изменениями социальной системы и внутри системы. Ресурсное неравенство является причиной внутренних изменений, трансформации наступают в результате избытка или дефицита социальных ресурсов. Объективация социальных ресурсов влечет комплиментарность деятельностного аспекта как условия управляемости, контролируемости, рационализации социальных изменений. В теории динамического поля ресурсы не обременены бинарностью или комплиментарностью, так как ресурсный обмен является обменом претензий на изменение, идеалы и нормы становятся ресурсами. Социально-трансформационные процессы в российском обществе имеют в результате дисперсию социальных ресурсов, характеризуются безальтернативностью и дифференциацией возможностей, что уже составляет самостоятельную исследовательскую задачу.

Ерохина Е.А. (ИФУП СО РАН, Новосибирск)

Этническое самосознание горноалтайской молодежи: коллективная память¹

Процесс становления этнической идентичности включает в себя совокупность культурных отношений, связанных с представлениями о малой родине, о «местном патриотизме»². Конкретные механизмы ее формирования на примере Ханты-Мансийского автономного округа раскрыты в работах новосибирских этносоциологов³. Учет факта полиэтничности региональных сообществ (к ним применим термин «межэтнические сообщества») важен для анализа положения дел в национально-территориальных образованиях (республиках и автономных округах). В таких полиэтничных регионах есть особенности в формировании *коллективной* и *исторической памяти*, ее отражении в этническом самосознании разных этнических групп. Анализу данной проблемы (на примере молодежи Республики Алтай) посвящена настоящая статья.

Что касается исторической памяти народа, то в ней, как правило, сохраняются события, которые выступают спланивающим фактором, но, вместе с тем, нередко они же «разделяют» его с другими народами. Например, осетины и в федеральном Центре, и на Кавказе всегда считались «опорой» России в регионе. Чеченцы же были среди тех, кого «покоряли» или «завоевывали», кого считали «непокорными» власти. Интерпретированные таким образом события российской и этнической истории этих народов стали символическими, вокруг них мобилизовались идеологемы либо ущерба, либо героического прошлого. И очень часто разные народы оценивают одни и те же события по-разному⁴.

Коллективная память этнической общности включена в структуру этнического самосознания, содержащего представления о «древности» народа, отношении к собственной и другим этническим группам (авто- и гетеростереотипы, представления о национальном характере, этнические образы). Ее носителем является индивид, этническая идентичность которого опирается на представления об общности исторической судьбы и общности культуры «своего» народа, возникшие в результате духовного единения членов этнической группы. В процессе социализации ценности этнической группы становятся ценностными ориентациями личности, а стандарты поведения и общения, принятые в культуре, – социальными установками. Но групповая идентичность может привести к неадекватному отражению реальности. В неблагоприятной этноконтактной ситуации в действие включаются атрибутивные ме-

¹ Статья выполнена по проекту Международного конкурса РГНФ - МинОКН Монголии «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры» (№ 07-03-92203а/Г).

² Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социс. 2005. № 3.

³ Тюгашев Е.А., Выдрин Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск, 2004; Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 1996.

⁴ Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.Л. Этносоциология: Уч. пособ. для вузов. М., 1998.

ханизмы: при объяснении поведения представителей «другой» этнической группы переоценивается степень негативности черт характера и установок оппонента¹.

В коллективной памяти события и фигуры прошлого становятся символами. С течением времени они приобретают значение и вес несколько иные, нежели те, что имели для современников. Коллективная память, по мнению английского историка Дж. Тоша, отличается от исторического знания: если для него искажение является трудностью, которая нуждается в устранении, то для коллективной памяти искажение – явление нередкое. Актуальные в настоящем приоритеты социальной группы побуждают высвечивать в прошлом одни факты и игнорировать другие. Такова прагматика коллективного действия: чтобы группа обрела коллективную идентичность, ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших ее. При этом необходима такая картина исторического прошлого, которая служила бы объяснению и оправданию настоящего даже в ущерб исторической достоверности².

Задача выявления структуры коллективной памяти представляется непростой. Вслед за Л. Репиной мы полагаем, что коллективная память представляет собой комплекс разделяемых данным обществом мифов, традиций, верований и представлений о прошлом, групповую память об «общем опыте», пережитом людьми совместно³. Значение памяти связано с осмыслением прошлых событий и прошлого опыта (реального или воображаемого), что имеет особое значение для конституирования социальной группы в настоящем⁴.

Как представляется, структуру коллективной памяти этнической общности можно конкретизировать следующим образом.

Первый уровень соответствует мифологическому мышлению. Он коррелирует с исторически первичным типом *традиционного общества*.

Второй уровень соответствует нарративу или хронике. Для него характерно линейное представление о времени, фиксация причинно-следственных связей, представление о длительности и хронологии. Он становится массовым с распространением грамотности и развитием книгопечатания.

Третьему уровню соответствует специализированное знание, сформированное в эпоху модерна на основе классической рациональности.

Высказанные соображения, на наш взгляд, можно учесть при изучении «коллективной» памяти межэтнических сообществ в субъектах РФ, в том числе в интересующей нас Республике Алтай, в 2006 г. отметившей 250-летний юбилей присоединения к России. Сегодня в республике живут около 100 наций и народностей, из которых русские составляют 60% населения, алтайцы – 30%, казахи – 6%, представители остальных народов – 4%⁵.

Память о выборе коренного населения Алтая в пользу сосуществования с Россией сохранилась в исторических документах, фольклоре, художественной литературе алтайцев. В какой мере память русского большинства жителей региона, для которого Алтай стал «малой» родиной относительно недавно по историческим масштабам, воспринимает его историю как «собственное» прошлое? Чем характеризуется историческая память коренных народов Алтая, веками живущих на этой земле, идентичность которых подвергается деформации в связи с процессами этнического обособления, набирающими силу в их среде? Эти вопросы определили содержание исследования, проведенного нами в 2006-2007 гг. в Республике Алтай⁶.

¹ Солдатова Г.У. Установочные образования в этноконтактной ситуации // Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. Вып. 1.

² Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁴ Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.

⁵ Источник информации: официальный интернет-портал Республики Алтай. Режим доступа: <http://www.altai-rpublic.com>

⁶ В исследовании приняли участие более 500 старшеклассников общеобразовательных школ, студентов вузов и средних специальных учебных заведений (Горно-Алтайск. Усть-Капский и Усть-Коксинский районы Респуб-

В фокусе *научного интереса* оказался феномен культурной памяти, ибо коммуникативная память участников исследования не сформировалась в силу их молодого возраста и скудости «биографического» материала для широких исторических сопоставлений.

Исследование подтвердило значимость представления об общем историческом прошлом для этнической идентификации респондентов. Среди признаков, приоритетных при определении участниками опроса собственной этнической принадлежности, *общность исторической судьбы* занимает второе по значимости место после родного языка – для русских (72 и 71%) и родной земли – для коренных народов Алтая (75 и 67%). Остальные критерии (религия, внешность, национальный характер) имели существенно более низкое место в указанном рейтинге.

Нас интересовали доминирующие способы трансляции этнически важной информации. Выявилось следующее. В субъективных оценках *русских* наиболее востребованными каналами передачи знаний о современной жизни, истории и культуре своего народа оказались книги (89%), средства массовой информации (74%) и школа (67%). В оценках *алтайской* учащейся молодежи значимостью обладают не только публичные и ориентированные на экспертное знание каналы информации – СМИ, книги, школа, но и приватные, предполагающие неформальное межличностное общение институты *семьи* и *родства*. Степень значимости каждого из них выглядит следующим образом (в порядке убывания): семья (71%), СМИ (60%), школа (57%), книги (57%), старшие родственники (54%). Это позволяет зафиксировать важность для *алтайцев* традиционных, ориентированных на семейно-родственные связи, каналов передачи этнической информации. В то же время такой «традиционализм» находится в тесной смычке с современными социальными институтами, в функции которых входит передача социально значимой информации.

Таким образом, важность публичных каналов информации (школы, СМИ, книг), опосредованных принадлежностью к культуре модерна, письменной по способу передачи и хранения, позволяет зафиксировать *ориентацию на профессиональные (экспертные) институты коммуникации* у русской и алтайской учащейся молодежи представителей регионального сообщества Республики Алтай в процессе трансляции знаний о собственной этнической группе. У русских эта ориентация выражена в большей степени, у алтайцев – чуть в меньшей степени.

Персональные «фигуры воспоминаний» фиксировались ответами на следующий вопрос: «Кто из исторических деятелей оказал наиболее существенное влияние на историю твоего народа (этноса)?» В итоге было составлено два списка персоналий: один – в соответствии с ответами русских, другой – с ответами алтайцев. В каждом из списков насчитывается одинаковое количество персоналий – по 27. Среди них оказалось два деятеля культуры, которые попали одновременно в оба списка: русский и алтайский. Это *Н.К. Перих* и *В.М. Шукшин*.

Кто является исторической личностью в оценке респондентов? Можно сказать, что с точки зрения русских «историю творят» государственные деятели и полководцы. Наиболее часто упоминаемыми персонажами истории оказались *Петр I* (его вспомнил каждый второй русский респондент), *И.В. Сталин* (каждый третий), *В.И. Ленин* (каждый пятый). Столь высо-

ки Алтай). Инструментарий исследования – опросник формализованного интервью, который включал открытые вопросы и вопросы, содержащие «меню» ответов, из которых можно было выбрать более одного варианта. Опрос проводился в устной и письменной форме с обязательным заполнением бланка интервью. В ходе исследования были детально проанализированы 132 интервью с учащимися школ г. Горно-Алтайска и студентами Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ). Средний возраст участников опроса находился в диапазоне от 17 до 21 года (74% из 132 человек, согласившихся дать интервью). Этническую принадлежность участники опроса указывали самостоятельно. Большинство указали русскую (65 чел) и алтайскую (40 чел) национальности. 12 человек – представителей национальностей «*теленгит*», «*тубалар*», «*алтай-кижи*» объединены в исследовательских целях в одну группу с «*алтайцами*» (всего – 52 чел.). Остальные участники исследования из других этнических групп из-за малого количества не могли составить отдельную группу численностью, достаточной для сопоставительного анализа. Поэтому в статье рассматриваются проблемы исторической памяти *русских и алтайцев* – двух ныне численно доминирующих этнических групп регионального сообщества республики – в восприятии респондентов из среды учащейся молодежи.

кая оценка исторической роли указанных деятелей объясняется участниками опроса *потенциалом их реформаторских устремлений*. Причем деятельность всех троих оценивается как противоречивая. Самыми «древними» по глубине исторической памяти оказались святитель Руси, киевский князь *Владимир* и новгородский князь *Александр Невский*. Из числа современников в качестве исторических деятелей были упомянуты (в порядке убывания частоты встречаемости в ответах) *В.В. Путин, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин*.

При оценке исторических деятелей *русских* участников исследования, видимо, привлекает их способность к социальной динамике, общественным изменениям. Это, однако, не исключает определенной доли «традиционализма» в понимании исторических свершений, о чем говорит незначительное присутствие «современников» в списке исторических деятелей. В то же время потенциал русской культуры и вклад ее деятелей (писателей, поэтов, художников, ученых) в историю страны явно недооценивается. Возможно, объяснение указанного противоречия кроется в том, как подается материал в школьных учебниках по истории, а также в информации, поступающей по каналам СМИ.

Кто является историческим деятелем с точки зрения *алтайских* участников исследования? Наиболее многочисленную их категорию составили ученые, писатели, поэты, композиторы и художники: алтайцы (*Г.И. Чорос-Гуркин, А.Г. Калкин, Л.В. Кокышев, П.В. Кучияк, С.С. Суразаков, Н.У. Улагашев*), русские (*Г.Н. Потанин, С.И. Руденко*) и российский немец *В.В. Радлов*. В числе персональных «фигур воспоминаний», повлиявших, по мнению опрошенных алтайцев, на историю народов Алтая, оказались просветители (*М.В. Чевалков, Мурад Аджи*), государственные деятели (русская императрица *Елизавета, В.И. Чаптынов, М.В. Карамеев*), представители фамилий и родов, проявивших себя в борьбе с цинским владычеством на Алтае (*12 зайсанов, Туукей* и др.), государственные деятели древней, средневековой и нововременной истории (*тюркские каганы, Чингисхан, Батый, Амыр-Сана*).

Наибольший рейтинг – у алтайского художника, литератора, этнографа и политического деятеля *Г.И. Чорос-Гуркина*, репрессированного в 1937 г. Далее следует фигура алтайского просветителя XIX в. *М.В. Чевалкова*. Кроме того, значимыми представляются опрошенным молодым алтайцам личности первого президента Республики Алтай *В.И. Чаптынова*, тюрколога *В.В. Радлова, Амыр-Саны*, императрицы *Елизаветы*, в правление которой произошло вхождение Алтая в состав России, сказителя *А.Г. Калкина, 12 зайсанов* – глав родов, принявших решение об обращении к царскому правительству с просьбой признать их подданными России, *Чингисхана*. Самыми «древними» по глубине исторической памяти алтайцев оказались основатели древнетюркского государства (546-581 гг.). В то же время среди персоналий «алтайской» истории довольно много наших современников, живых или совсем недавно ушедших из жизни. Например, ученые (*С.И. Руденко, Л.П. Потапов, С.С. Суразаков*), деятели культуры (*А.Г. Калкин, Л.В. Кокышев*).

При сравнении персональных «фигур воспоминаний» русской и алтайской коллективной памяти о прошлом следует отметить присутствие в алтайском историческом пантеоне представителей фамильно-родовых структур; более высокую у алтайцев оценку роли деятелей национальной культуры в истории народа. Примечателен высокий процент лиц, которые по прошествии времени оцениваются представителями обеих этнических групп как соотечественники, а не как чужеземцы. В то же время настораживает малое число общих для алтайцев и для русских персональных «фигур воспоминаний» (*Н.К. Рерих* и *В.М. Шукшин*) и незначительная частота их упоминаний.

К участникам исследования обращались с просьбой назвать исторические события, наиболее полно раскрывающие национальный характер их народов, и прокомментировать, чем они примечательны. Событием, наиболее примечательным для русских респондентов, оказалась победа над фашизмом в Великой Отечественной войне (40% опрошенных). Заметим, что в 2005 г. праздновался 60-летний юбилей Великой Победы. Событиями, наиболее примечательными для респондентов-алтайцев, явились война с цинским Китаем и вхождение в состав России, 250-летие которого праздновалось в тот год, когда проводилось исследование (25% алтайских участников опроса). Исследование позволило выявить некоторые грани оценки

факта вхождения народов Алтая в состав российского государства. Так, на вопрос о том, чем же примечательно 250-летие вхождения Алтая в состав России как историческое событие, представители алтайской учащейся молодежи дали такие ответы: «*правильный выбор на тот момент*», «*спаслись от геноцида*» со стороны циньских войск, «*толчок к развитию и сохранению государственности*», «*укрепление территориальных границ*». Присутствие эмоциональных оценок в восприятии данного исторического факта обнаруживается в связи с проявлениями таких национальных черт алтайцев, как «*героизм народа*», «*твердый характер и устойчивость*».

Оценивая событийные «*фигуры воспоминаний*», можно зафиксировать лишь некоторый консенсус в понимании значимости для исторической памяти русских и алтайцев победы в Великой Отечественной войне. Русские респонденты, несмотря на довольно высокий образовательный уровень, к сожалению, не обнаружили должного интереса к истории Республики Алтай. Мало представленными в коллективной памяти молодых жителей региона оказались последние события российской истории: лишь один учащийся самостоятельно вспомнил о распаде СССР как об историческом событии, двое – об обретении регионом статуса республики. Можно предположить, что историческая память современной учащейся молодежи Республики Алтай в значительной мере сформирована ситуативными усилиями символической и властной элит, что, в принципе, соответствует типу общества, основанному на экспертном знании и письменном способе передачи и хранения информации.

Вместе с тем, при объяснении причин значимости тех или иных исторических событий молодым людям явно недостает рациональности в аргументах. Представляется, что интерес к СМИ, художественным и научно-популярным источникам передачи информации объясняется не столько стремлением получить достоверную информацию (чем мотивируется деятельность историков), сколько желанием поддерживать эмоционально-ассоциативные связи. Эти связи базируются на позитивных для групповой идентичности любого народа архетипах «*мы*», включающих представление о собственном героизме, доброте, внутригрупповой сплоченности, патриотизме.

В отборе и оценке значимых исторических фактов – персональных и событийных «*фигур воспоминаний*» – представители русской и алтайской учащейся молодежи демонстрируют различные мировоззренческие ориентации этнического самосознания: *русские* – на мобилизационный потенциал своего народа, *алтайцы* – на ресурс традиций. При этом у русских явно выражена политическая доминанта сознания при отборе персонажей исторического пантеона, у алтайцев – культурная.

Характеризуя историческую память русской молодежи, следует отметить значительное превышение в ней политической составляющей над общекультурной, слабую представленность Алтая как межэтнического сообщества. Русские и россияне нередко встречаются в исторической памяти алтайцев. Однако алтайцев в исторической памяти русских школьников и студентов – жителей Алтая обнаружить не удалось. Связь русской (шире – российской) истории с регионом в представлениях русских школьников и студентов выражена слабо.

Исследование показало: для укрепления общегражданской солидарности жителей указанного полиэтнического региона необходимо решение проблемы *дефицита общезначимых для русских и алтайцев «фигур воспоминаний»* об историческом прошлом, которое на протяжении последних 250 лет является общим для них не фигурально, а реально. По нашему мнению, важную роль здесь могли бы сыграть учреждения образования и средства массовой коммуникации через обсуждение национально-регионального компонента стандартов по социогуманитарным дисциплинам, а также широкое освещение истории народов Алтая.

Ефимова Г.З. (ТюмГУ, Тюмень)

Роль вузов в подготовке кадров для инновационной экономики

Приоритет перехода страны на инновационный путь развития и рост ценности знаний как основного ресурса постиндустриальной эпохи свидетельствует о высокой значимости человеческого потенциала населения. Его основным и главным элементом является научно-